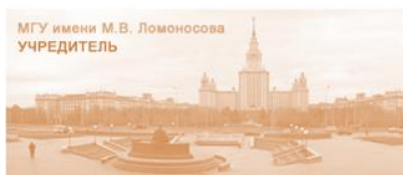

Сетевой научный журнал

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

2019 г. №77

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Факультет государственного управления
Московского государственного университета
имени М.В.Ломоносова

Редакция:

Никонов В.А. — *главный редактор*, доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова

Петрунин Ю.Ю. — *зам. главного редактора*, доктор философских наук

Сухарева М. А. — *ответственный секретарь*

Федько М.В. — *редактор*, кандидат филологических наук

Антонян А.П. — *технический редактор*

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления (МГУ, Россия); **Петрунин Ю.Ю.** — доктор философских наук (МГУ, Россия); **Барабашев А.Г.** — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Россия); **Г. Букен-Кнапп** — PhD (Гётеборгский университет, Швеция); **Д. Ван Слайк** — PhD (Сиракузский университет, США); **Л.С. ван Яарсвелд** — PhD (Университет Южной Африки, ЮАР); **Галкин И.В.** — кандидат исторических наук (МГУ, Россия); **Глазьев С.Ю.** — доктор экономических наук (МГУ, Россия); **Григорьева Н.С.** — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Зайцева Т.В.** — доктор экономических наук (МГУ, Россия); **Клементьев Д.С.** — доктор философских наук (МГУ, Россия); **Кудина М.В.** — доктор экономических наук (МГУ, Россия); **Купряшин Г.Л.** — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Лексин И.В.** — доктор юридических наук, кандидат экономических наук (МГУ, Россия); **Лившин А.Я.** — доктор исторических наук (МГУ, Россия); **Логинов А.В.** — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Михайлова О.В.** — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Мягков М.Г.** — PhD (Университет Орегона, США); **Попова С.С.** — кандидат юридических наук (МГУ, Россия); **Пурлик В.М.** — кандидат экономических наук (МГУ, Россия); **Рыбакова М.В.** — доктор социологических наук (МГУ, Россия); **Сидоров А.В.** — доктор исторических наук (МГУ, Россия); **Соловьев А.И.** — доктор политических наук (МГУ, Россия); **Сухарева М.А.** — ответственный секретарь (МГУ, Россия); **Федько М.В.** — кандидат филологических наук (МГУ, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77–6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77–56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала ISSN 2070–1381.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19–10/09 от 12 ноября 2009 года).

Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по праву, экономике, социологии, истории и политологии (с 22 октября 2010 года).

Выходит 6 раз в год. Все номера журнала находятся в свободном доступе на сайте: **e-journal.spa.msu.ru**

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701.
Тел.: (495) 930–85–71. E-mail: e-journal@spa.msu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ.....	6
Гамбеева Ю.Н., Кожухова Н.Н.	
Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент цифровой экономики: национальные модели	6
Gambееva Y.N., Kozhukhova N.N.	
Crowdfunding as an Innovative Financial Instrument of the Digital Economy: National Models	30
Лагодич Л.В.	
Оценка устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья	33
Lagodich L.V.	
Sustainability Assessment of Food and Agriculture Systems	55
Митина Н.Н., Ду Хуэй	
Российско-китайское энергетическое сотрудничество с точки зрения национальной безопасности Китая	58
Mitina N.N., Du Huei	
Russian-Chinese Energy Cooperation from the Point of View of China's National Security....	81
Силуянова Ю.А.	
Факторы, способствующие развитию индустрии торговли людьми в России и в мире	84
Siluyanova Yu.A.	
Factors Contributing to the Development of Human Trafficking Industry in Russia and in the World.....	108
ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ	111
Зуева А.А.	
Деятельность Московской городской Думы (1863–1869 гг.) в отечественной историографии	111
Zuieva A.A.	
Study of Moscow City Duma (1863–1869) Work in Russian Historiography	121
Коньков А.Е., Чуков Р.С.	
Парламентская дипломатия и культура парламентского диалога в современной политике.....	124
Konkov A.E., Chukov R.S.	
Parliamentary Diplomacy and Culture of Parliamentary Dialogue in Modern Politics on the Global Level.....	142
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	144
Бруснигина С.Г.	
Целеполагание государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации: ретроспектива и проблематика.....	144
Brusnigina S.G.	
Goal Setting of Business Activity State Regulation in the Russian Federation: Retrospective and Problems.....	163

Захарова И.А., Мельничук А.Д.	
Кейс «Стратегия национальных компаний по повышению конкурентоспособности и увеличению привлекательности государства»	166
Zakharova I.A., Melnichuk A.D.	
Case on Strategy of National Companies to Increase Competitiveness and Attractiveness of the State	186
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	188
Василенко И.А., Егорова А.Н.	
Особенности формирования социально-политической концепции «умного города» в регионах России (на примере Сарова, Елабуги, Сочи)	188
Vasilenko I.A., Egorova A. N.	
Development of Socio-Political Concept of “Smart City” in Russian Regions (Cases of Sarov, Elabuga, Sochi)	209
Лapidус Л.В., Леонтьева Л.С., Гостилович А.О.	212
Минимальная цифровая корзина российских регионов для трансформации промышленности	212
Lapidus L.V., Leontieva L.S., Gostilovich A.O.	
Minimum Digital Basket of Russian Regions for Industrial Transformation	227
Хлестова К.С., Воронов А.С.	
Ретроспективный анализ представлений о моногородах и их роли в развитии национальной экономики	229
Khlestova K.S., Voronov A.S.	
Retrospective Analysis of Approaches to One-Industry Towns and Their Role in National Economy Development	243
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	246
Панова Е.А., Андрияшина Е.В., Григорьева Н.С.	
Семейные стратегии современной российской студенческой молодёжи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.)	246
Panova E.A., Andryushina E.V., Grigorieva N.S.	
Family Strategy of Modern Russian Student Youth (the Results of 2008 and 2019 Surveys Comparative Analysis)	271
Русанова Н.Е., Журавлева Е.К.	
Специфика многодетной семьи в столице: особенности государственного регулирования	274
Rusanova N.E., Zhuravleva E.K.	
Large Family Features in the Capital: State Regulation Specifics	290
ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ	292
Блохина М.С.	
Основные направления развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций	292
Blokhina M.S.	
Main Directions of Senior Managers Innovative Competences Development in Business Organizations	306

Шпакова Р.Н.

Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации..... 311

Shpakova R.N.

General Targets for Strategic Development Russian Federation Regions 334

Экономические вопросы управления

Гамбеева Ю.Н., Кожухова Н.Н.

Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент цифровой экономики: национальные модели

Гамбеева Юлия Николаевна — старший преподаватель, кафедра управления, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь, РФ.

E-mail: jgambeeva@bk.ru

SPIN-код РИНЦ: [5742-3148](#)

Кожухова Надежда Николаевна — старший преподаватель, кафедра управления, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь, РФ.

E-mail: nadegda.red@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [4603-2098](#)

Аннотация

В статье рассматривается влияние информационно-компьютерных технологий на развитие и трансформацию финансовых отношений в цифровой экономике. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов в области изучения особенностей финансового поведения, финансирования инноваций. Методологическая база исследования основана на применении общенаучных методов в рамках сравнительного, логического и статистического анализа

Цель исследования — выявление тенденций и особенностей развития краудфандинга как инновационного финансового инструмента инвестирования населением сбережений в реальный сектор в эпоху цифровизации экономики. Представлены основные этапы становления механизма народного финансирования, динамика развития мирового рынка краудфандинга, охарактеризованы особенности государственного регулирования. Показывается, что с момента появления в 2007 году мировой рынок коллективного финансирования стремительно растет, изменяя роль финансовых институтов во всем мире, влияя на государственную политику и рыночные тенденции. Сделаны выводы, что по мере развития краудфандинга в цифровом пространстве сформировались его национальные особенности и модели: англосаксонская, европейская, азиатская и восточно-европейская, а также, что степень развития национального краудфандинга зависит от сформированности цифровой инфраструктуры и нормативного регулирования. Авторы считают, что краудфандинг способен поменять мотивацию и правила игры в области финансирования инноваций в цифровой экономике.

Ключевые слова

Цифровая экономика, краудфандинг, краудфандинговые проекты, краудфандинговые платформы, рынок краудфандинга, финансовый инструмент.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10016

Введение

Понятие «цифровая экономика» было введено американским ученым Н. Негропonte сравнительно недавно, в середине 1990-х гг., для описания преимуществ нового типа экономики, которая формируется в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, однако его содержание до сих пор нуждается в конкретизации.

Благодаря развитию цифровых технологий потребитель финансовых услуг может экономить на выплате комиссионных (агентских) вознаграждений, обходиться без длинных цепочек посредников, ускоряя проведение различных сделок и операций

(купля-продажа, оформление кредита, уплата налогов, взносов и других платежей) в интернет-пространстве по более низким ценам. Цифровая экономика — экономика инноваций, непосредственно связанная с эффективным внедрением новых компьютерных технологий, основными элементами которой являются сервисы по предоставлению онлайн-услуг, интернет-банкинг, интернет-коммерция и прочее. Число пользователей Интернета в такой экономике растет в геометрической прогрессии и в настоящее время (конец 2019 г.) составляет 4,39 млрд человек (на 9% больше, чем в 2018 году)¹. Информационно-компьютерные технологии растворяются в нашей жизни, происходит цифровая революция. При помощи Интернет-технологий совершенствуются финансовые отношения. Развивается добровольное сетевое финансовое сотрудничество людей для решения социально-экономических проблем. Такое направление в сфере движения денег получило название краудфандинг (crowdfunding (англ.), от crowd — «толпа» и funding — «финансирование»), или, по-другому, народное финансирование.

Изучение явления краудфандинга находится на стадии формирования, единого общепринятого определения для него не сформировано. Вот почему в рамках данного исследования под краудфандингом будут пониматься взаимоотношения субъектов экономического пространства по поводу привлечения денежных средств посредством цифровых технологий для реализации различных проектов.

Благодаря развитию цифровой экономики краудфандинг стал реальной возможностью беспрепятственного привлечения денежных средств, минуя традиционные кредитные организации. Можно предположить, что в ближайшем будущем он станет одним из основных финансовых механизмов инвестирования населением сбережений в реальный сектор. Краудфандинг позволяет широкому кругу непрофессиональных инвесторов участвовать в инновационном и венчурном финансировании, являясь реальной альтернативой микрофинансированию, поскольку в отличие от последнего имеет принципиально иную философию. В основе краудфандинга лежит не привлечение ресурсов для немедленного потребления, а их аккумуляция для развития инвестиционного проекта, который будет иметь отдачу в будущем. Для малого и среднего бизнеса это удобный и дешевый способ привлечения средств.

¹ Вся статистика интернета на 2019 год — в мире и России // Web Canape [Электронный ресурс] URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 17.09.2019).

Степень разработанности проблемы

Как одно из интересных массовых явлений краудфандинг не мог не стать предметом исследования и публикаций как в России, так и за рубежом. Одно из первых определений и ранних описаний краудфандинга предложили А. Швейнбаркер и В. Ларралде [Schwienbacher, Larralde 2010]. В этой работе ее авторы предприняли попытку построить теоретическую модель принятия решений о спонсорстве. В. Каппусвами изучал изменение уровня поддержки спонсоров проектов на платформе Kickstarter в зависимости от его успешности и периода финансирования [Kappuswamy, Bayus 2015]. А. Агравал исследовал музыкальный рынок краудфандинга и влияние географического фактора на сбор средств [Agrawal et al 2010]. В последнее время предпринимаются попытки анализа краудтехнологий применительно к финансированию инвестиций [Bradford 2012; Lehner 2013; Хай 2012 и др.]. Среди отечественных исследователей можно отметить работы Е. Глухой, И. Калининой, Л. Плюсониной, Е. Хайрутдиновой [Калинина, Бармашов 2017; Плюснина 2017; Глухова, Хайрутдинова 2013] и др. В настоящее время исследования технологий краудфандинга в России находится на этапе сбора информации, накопления данных, их анализа и систематизации. Как правило, результаты изучения технологий краудфандинга представлены статьями в региональных научных изданиях и не являются комплексными. Подобные работы не содержат сущностного определение краудфандинга, в основном, используя перевод англоязычного термина при характеристике деятельности основных краудфандинговых платформ. В научной литературе не получили должного развития вопросы изучения национальных моделей краудфандинговых практик, а также опыт государственного регулирования данного направления, что предопределяет необходимость дальнейших исследований этого явления.

Постановка задачи

Целью настоящего исследования является выявление национальных особенностей развития краудфандинга.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- выявление тенденций и особенностей развития краудфандинга как инновационного финансового механизма инвестирования сбережений населения в реальный сектор;
- анализ динамики развития мирового рынка краудфандинга;
- характеристика особенностей государственного регулирования практики краудфандинга.

Результаты исследования

История появления краудфандинга

Сам термин «краудфандинг» появился в 2006 году, и мы привыкли связывать крауд-практики с развитием информационно-коммуникационных технологий. Впрочем, идея народного финансирования каких-либо проектов — далеко не нова. Краудфандинг применялся в том или ином виде за сотни лет до того, как получил определение в современном словаре и стал модным способом сбора средств. Так, еще в XVIII веке литературный и гуманитарный краудфандинг возникает в Европе. В 1713 году в Великобритании поэт А. Поуп занимался переводом «Илиады». Для публикации труда потребовалась немалая сумма, и поэт обратился к обществу для сбора необходимых средств для выпуска первого тома. Спонсоры получали одними из первых готовый экземпляр. Таким способом он выпустил пять томов этой поэмы и взялся за перевод «Одиссеи». Аналогичную модель впоследствии использовали другие авторы и издательства. Такой известный писатель, как Д. Свифт, основал в Ирландии организацию IrishLoanFund, с помощью которой каждый желающий мог перечислить денежные средства для поддержки бедных семей.

В 1802 году в России был подготовлен проект памятника, посвященный подвигу героев-ополченцев Кузьмы Минину и Дмитрия Пожарского, однако финансовых возможностей на его возведение у государства не было. В 1809 по указу Александра I объявили сбор средств, который проводился по всей стране. За два года сумма собранных средств составила 136 тыс. руб., а имена спонсоров были опубликованы в прессе. В 1884–1885 годах Франция потрясла амбиционным проектом по сбору средств для создания пьедестала для Статуи Свободы, которую готовила в подарок к столетию США. Издатель The New York World, Дж. Пулитцер, призвал к сбору средств. Участие спонсоров вознаграждалось миниатюрой Статуи Свободы. В сборе средств приняли участие 120 тыс. человек со всего мира, а вырученная сумма составила \$102 тыс.²

Развитие рынка краудфандинга

В привычном для нас виде интернет-краудфандинг появился в 1997 году. Фанаты группы Marillion для организации гастролей по городам США провели интернет-компанию и собрали \$60 тыс. [Санин 2015]. Впоследствии группа

² Виноградов Р. История краудфандинга в примерах: от Троянской войны до высадки на Марс // Planeta.Ru [Электронный ресурс] URL: <https://planeta.ru/planeta/news!post87646> (дата обращения: 20.08.2019).

использовала эту финансовую модель сбора средств для записи альбомов. Можно привести пример Б. Обамы, отказавшегося от государственного финансирования предвыборной кампании и собравшего для своего переизбрания на второй срок более \$200 млн, при этом только за один месяц пожертвования поступили более чем от 1,8 млн человек. Средняя сумма одного пожертвования составила \$53³.

По мере развития механизма народного финансирования им стали пользоваться изобретатели, политики, музыканты, художники, бизнесмены, благотворительные организации, поскольку сфера применения краудфандинга представлялась практически безграничной.

Понять и с точностью ответить на вопрос о том, что именно превратило способ финансирования гуманитарных идей в эффективный инструмент финансирования стартапов, сложно. Несмотря на кажущуюся простоту, краудфандинг — это не просто еще один способ получить инвестиции в бизнес-проекты, а новое прорывное решение проблемы эффективности экономики как отдельных компаний, так и целых стран. Известно, что как эффективность бизнеса, так и эффективность экономики страны, в первую очередь зависит от инноваций [Антипенко, Шевцова 2012]. Существует несколько основных способов финансирования инноваций: мобилизация собственных или привлечение заемных средств, а также использование венчурного капитала [Гаунова 2012]. Эффективность указанных способов финансирования инноваций различна. Как считает Джош Лернер, профессор Гарвардской школы бизнеса, каждый доллар венчурного капитала в 3 раза эффективней доллара, инвестируемого самими компаниями [Лернер и др. 2016].

Впрочем, и у венчурного капитала есть недостатки: особенности позиции венчурных капиталодержателей, которые вкладывают средства только в самые модные и популярные направления; циклы роста и спада готовности венчурных инвесторов рисковать. Этан Моллик, профессор Пенсильванского университета, считает, что финансовым механизмом, который лишен недостатков венчурного финансирования и отлично подходит для небольших проектов, не требующих многомиллионных вложений, но нуждающихся в разовых инвестициях, является краудфандинг⁴.

³ Президент Обама собрал в 2011 году 222 млн долларов в предвыборный фонд // Суть Событий [Электронный ресурс]. URL: <https://argumentiru.com/society/2012/01/149475> (дата обращения: 10.08.2019).

⁴ Mollick Ethan R. Swept Away by the Crowd? Crowdfunding, Venture Capital, and the Selection of Entrepreneurs // SSRN [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2239204> (дата обращения: 22.06.2019).

В ходе исследования 48500 проектов, размещенных на платформе Kickstarte с 2009 по 2014 год Э. Моллик выявил следующее [Mollick 2014]:

- проекты, размещенные на платформе, предоставили рабочие места для 283 000 сотрудников на неполный рабочий день;
- создано 8 800 новых компаний и некоммерческих организаций с 29 600 новых рабочих мест на полный рабочий день;
- каждый доллар, вложенный в проект, принес его авторам \$2,46, составив, в общей сложности, более \$5,3 млрд дополнительного дохода;
- 37% респондентов опроса заявили, что их проекты помогли им в карьерном росте;
- 21% респондентов считают, что стали зарабатывать больше после проведения успешной кампании.

Таким образом, краудфандинг способен менять мотивацию и правила игры в области финансирования инноваций в цифровой экономике.

С момента появления в 2007 году мировой рынок коллективного фондирования стремительно растет, изменяя роль финансовых институтов во всем мире и влияя, как это уже было отмечено, на государственную политику и рыночные тенденции. В 2010 г. рынок краудфандинга только формировался и составлял около \$900 млн. Начиная с 2012 года, наблюдался бурный рост рынка. С помощью краудфандинговых платформ в 2013 году было собрано \$6,1 млрд (рост 225% по сравнению с 2012 годом). В 2014 году рост составил 265% по сравнению с предыдущим годом. В 2015 году общий объем средств, привлеченных через платформы, составил \$34 млрд. К 2018 году объем мирового рынка краудфандинга увеличился уже до \$59,2 млрд (Рисунок 1). Прогнозируется, что к 2025 году объем крауд-индустрии может составить уже \$96 млрд, а по данным экспертов краудфандинговой платформы Fundly мировой рынок может достичь \$300 млрд. За период с 2011 по 2017 гг. средний темп роста составил примерно 80% в США, 85% — в Европе и 557% — в Азии, хотя, значительное его торможение отмечалось для 2016 и 2017 гг. [Chervyakov, Rocholl 2019, 2].

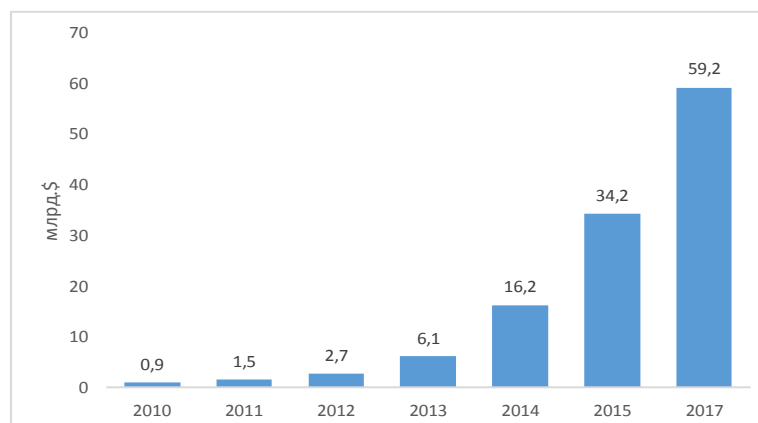

Рисунок 1. Развитие мирового рынка краудфандинга в 2010–2017 гг., \$ млрд⁵

Количество мировых краудфандинговых платформ растет экспоненциально. В 2012 году в мире их насчитывалось около 700, 191 из которых были созданы на территории США. На январь 2018 года общее количество платформ достигло 2 948. Большая их часть расположена на территории Европейского Союза (1 231 платформа), в США — 900 платформ, в Азии — 431 платформа. В Европе чуть более четверти всех платформ работают в Великобритании, во Франции имеется 160 платформ, в Нидерландах — 149, в Германии — 148, в Италии — 107 и в Испании — 100⁶.

Платформы США с суммарным объемом в \$29 млрд доминируют на глобальном рынке, доли Европейского Союза и Азии составляют на нем \$19,1 млрд и \$6,2 млрд соответственно. Эти три региона обеспечивают около 92% глобальной деятельности краудфандинга. Платформы, базирующиеся в Великобритании, собрали в Евросоюзе 88% всех средств за период с 2010 года и являются доминирующими игроками на европейском рынке краудфандинга [Ibid., 3]. Данные об общем количестве платформ представлены на Рисунке 2.

⁵ Составлено автором по данным: Crowdfunding Statistics // FUNDLY [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.fundly.com/crowdfunding-statistics/> (дата обращения: 13.07.2019).

⁶ Crowdfunding Statistics // FUNDLY [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.fundly.com/crowdfunding-statistics/> (дата обращения: 13.07.2019).

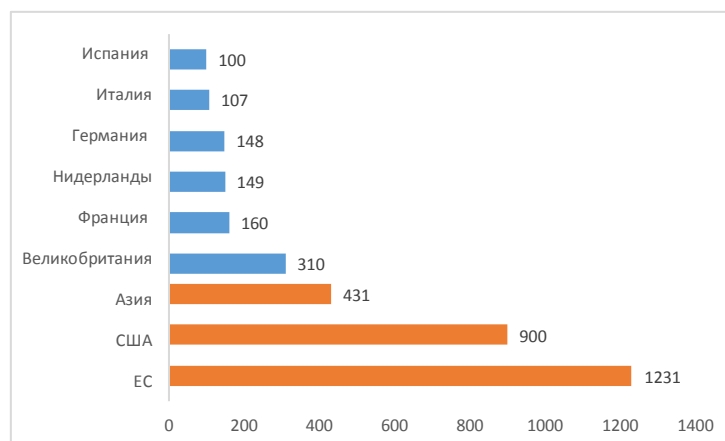

Рисунок 2. Количество краудфандинговых платформ⁷

Еще более примечательным фактом является объем средств, мобилизованных во всем мире посредством краудфандинга по регионам. На Рисунке 3 представлены данные на конец 2017 года. Лидирует Северная Америка с суммарным объемом доходов \$17,2 млрд⁸. Таким образом, статистические данные позволяют говорить о краудфандинге как о явлении, которое, без сомнения, стремительно завоевывает экономику.

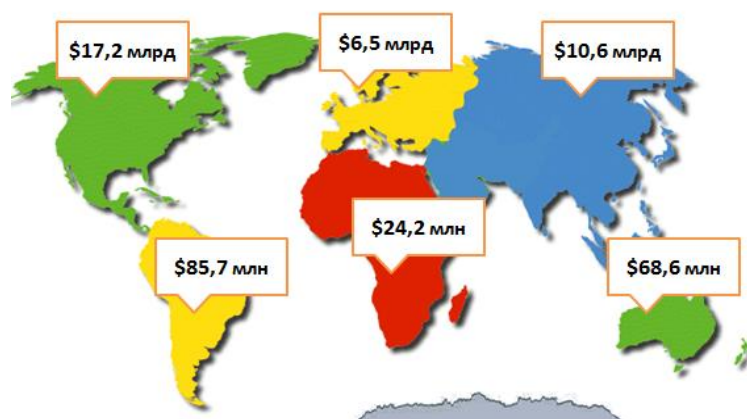

Рисунок 3. Объем средств, привлеченных при помощи краудфандинга по континентам⁹

Мировая практика выработала различные виды и формы краудфандинга, которые можно классифицировать по различным критериям: по целям создания проектов, по условиям вывода средств, виду вознаграждения спонсора, что подробно рассмотрено в различных исследованиях [Санин 2015; Спиридонова и др. 2016;

⁷ Источник: составлено автором по данным [Chervyakov, Rocholl 2019, 3].

⁸ Crowdfunding Statistics // FUNDLY [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.fundly.com/crowdfunding-statistics/> (дата обращения: 13.07.2019).

⁹ Составлено по данным: Crowdfunding Statistics // FUNDLY [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.fundly.com/crowdfunding-statistics/> (дата обращения: 11.07.2019).

Мотовилов 2018]. Особого интереса заслуживает такой критерий как национальная специфика краудфандинга.

Национальные особенности краудфандинга

По мере развития идеи «народного финансирования» в цифровом пространстве сформировались его особенности, характерные для англосаксонского мира, Евросоюза, азиатских стран и для Восточной Европы, где наиболее активно краудфандинг начал развиваться в России и Украине. В ходе настоящего исследования было установлено, что степень развития национального краудфандинга зависит от зрелости цифровой инфраструктуры, нормативного регулирования, а также особенностей менталитета.

Основные характеристики национальных моделей представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Классификация краудфандинга в зависимости от национальных особенностей развития¹⁰

Национальная модель	Характеристика
Англосаксонская модель (США, Великобритания)	Механизм краудфандинга нормативно вписан в региональную бизнес-среду. Специализация площадок: кредитный, акционерный, криптовалютный краудфандинг, платформы для развития музыкальных или научных проектов. Существование бирж, на которых можно торговать паями участия в различных проектах.
Европейская модель (страны ЕС)	Площадки ориентированы только на национальных клиентов (ограничения по резидентству и языку). Наличие собственного законодательства, определяющего направление развития краудфандинга (Австрия, Италия, Германия, Франция). Ориентация на финансирование социально-гуманитарных областей (археологические исследования и исследования в области окружающей среды, социальное кредитование незащищенных семей)
Азиатская модель (Китай, Япония)	Монополизация рынка краудфандинга крупными корпорациями и социально-культурная направленность Кредитная форма финансирования Отсутствие национального законодательства (Китай)
Восточно-европейская модель (Украина, Россия)	Объем инвестиций растет очень медленно, преобладает гуманитарное направление. Монополизация рынка крупными площадками, которые предлагают только два формата: безвозмездный краудфандинг или предпродажи. Возможности для кредитного или акционерного краудинвестинга не предусмотрены, либо только начинают формироваться Отсутствие инфраструктуры не дает участвовать в проектах заинтересованному капиталу. Начата работа над пакетом законодательных актов

Наиболее интересными представляются особенности *англо-саксонской модели* краудфандинга. Пионерами в развитии специфических бизнес-направлений в краудфандинге являются США и Великобритания. В США в соответствии с действующим до 2012 года законодательством непубличные частные компании могли

¹⁰ Составлено автором.

получать инвестиции только от квалифицированных инвесторов, обладающих активами не меньше \$1 млн или годовыми доходами в размере \$200 тыс.

В течение нескольких лет сторонники стартапов призывали государственные органы США расширить сферу применения механизмов краудфандинга, чтобы удовлетворить возрастающие потребности в финансировании малого бизнеса. Начиная с 2012 г., Конгрессом США была принята серия нормативных документов, вписавших механизм народного инвестирования в национальную бизнес-среду.

Одним из таких законов стал Jumpstart Our Business Startups Act (JOBS), который упростил процедуру привлечения инвестиций компаниям на начальном этапе их развития. Узаконенный краудфандинг стал прорывом в мире инвестиций, сделав высокорисковые инвестиций доступными. С его принятием предприниматели могли размещать описания своих проектов на краудфандинговых онлайн-платформах и привлекать реальное финансирование — иногда до нескольких миллионов США — по всему миру.

JOBS установил, что принять участие в краудфандинге может любой гражданин США при лимите максимальной суммы инвестиций в 5% размера его годового дохода. Изменения коснулись и компаний: сумма привлеченных инвестиций не должна превышать \$1 млн; перед началом краудфандинговой кампании фирма должна была опубликовать подробный бизнес-план проекта, сведения о своих учредителях и их финансовом состоянии. По завершению проекта компания обязывалась отчитаться перед инвесторами и Комиссией по ценным бумагам и биржам о расходовании средств¹¹. Несоблюдение требований вело к уголовной и административной ответственности владельцев и менеджеров компании.

Трудно оценить влияние краудфандинга на американские законы о ценных бумагах и практику привлечения капитала в целом. Сторонники краудфандинга считают, что он оживит рынок первичных публичных размещений (IPO) и удовлетворит потребность в капитале на ранней стадии, что в настоящее время недоступно для малого бизнеса.

¹¹ *Ефимчик И.* Что несет стартапам и инвесторам Jumpstart Our Business Startups Act? // FIRMA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.firma.ru/data/articles/1802/> (дата обращения: 08.09.2019).

Среди форм бизнес-краудфандинга в США можно выделить три самостоятельных направления:

- кредитный краудфандинг;
- акционерный краудфандинг;
- криптовалютный краудфандинг.

Первые два регулируются законодательством страны, третий — пока находится практически вне контроля, при том в сфере последнего обращаются значительные средства.

Интенсивному развитию технологии «народного финансирования» в США способствовало появление площадок, специализирующихся на кредитном и акционерном краудфандинге. Среди площадок, предлагающих акционерный краудфандинг, можно назвать CircleUp и RockThePost. Примером платформы, которая занимается кредитным финансированием, является американская платформа LendingClub.

Криптовалютный краудфандинг в США реализуется в двух направлениях:

- привлечение криптовалютных ресурсов для развития производственных или информационных проектов;
- привлечение ресурсов для создания новых криптовалют или инфраструктуры для них.

В качестве платежного средства в данном виде краудфандинге используется такая криптовалюта, как эфириум. В настоящее время американский криптокраудфандинг выбрал в качестве направления своей экспансии Восточную Европу, стремясь вывести на американские рынки новые интересные продукты.

В США существуют специализированные платформы для развития культурных (музыкальных) или научных проектов, например, ArtistShare, PledgeMusic, Benefunder и др.

Основные черты краудфандинговых платформ США:

- невысокие сборы;
- использование разных стратегий инвестирования;
- относительно высокий порог инвестиций;
- ориентация на американских инвесторов

В начале 2016 года в США появились биржи, на которых стало возможным торговать паями участия в различных проектах, то есть американский рынок краудфандинга начал обрастать инфраструктурой, упрощающей доступ частных инвесторов к операциям с его инструментами.

Так, чикагский финтех-стартап CFX Markets в январе 2016 года запустил площадку, на которой можно было продавать и покупать доли в инвестиционных проектах. Компания заключила договоры с несколькими крупными краудфандинговыми ресурсами. Инвесторы, купившие доли в том или ином проекте, могли выставлять их на продажу на CFX Markets. Принцип работы краудфандинговой биржи основан на том, что собственники паев предлагают их к торгу по определенной цене, а потенциальные приобретатели либо соглашаются с предложенными условиями продажи, либо предлагают свои собственные. В случае повышенного спроса на тот или иной объект торги на площадке проходят в форме своеобразного аукциона. В случае достижения положительной договоренности между продавцом актива и его покупателем сделка заключается непосредственно на сайте, а на оформление всех бумаг уходит порядка 3 дней. Размер комиссионного платежа CFX Markets составляет 2,5% от стоимости актива, которые уплачивает каждая из сторон сделки. В настоящее время уже появляются и специализированные инвестиционные фонды, которые занимаются вложением средств неквалифицированных инвесторов через краудфандинговый рынок¹².

Таким образом, ключевыми факторами развития американской рынка краудфандинга являются:

- нормативно-правовая база, способствующая прозрачности, масштабу и прогрессу в области краудфандинговых технологий
- развитая инфраструктура, упрощающая доступ к операциям со стороны частных инвесторов.

Стремительное развитие британского сектора краудфандинга также во многом было обязано поддержке, которую оказало ему правительство страны. Альтернативное финансирование получило широкое распространение в Великобритании благодаря

¹² Ziegler T., Shneor R., Wenzlaff K., Odorovic F., Johanson D., Hao R., Ryll L. Shifting Paradigms. The 4th European alternative finance benchmarking report: Hitting Stride, Cambridge Centre for Alternative Finance, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/alternative-finance/downloads/2019-05-4th-european-alternative-finance-benchmarking-industry-report-shifting-paradigms.pdf (дата обращения: 08.08.2019).

концепции, внедренной платформой Zora¹³ еще десятилетие назад. Народное кредитование сегодня становится привычным, а краудинвестинг обретает все большую популярность благодаря новым правовым нормам, гарантирующим безопасность инвесторов [Gilinskyetal 2016].

К основным чертам британских краудфандинговых платформ относятся:

- относительно высокие сборы;
- фокус на арендном бизнесе;
- низкий порог инвестиций.

Европейская модель

Первые европейские краудфандинговые платформы появились в Германии в 2006 году и во Франции в 2007–2008 годах [Недзвецкий 2017]. С 2012 в Европе наблюдался значительный рост краудфандинговой индустрии (Рисунок 4). На Рисунке 4 показана динамика роста рынка краудфандинга по странам Европы. Франция, Нидерланды, Германия и Италия — крупнейшие краудфандинговые рынки — на их долю приходится 10% средств, привлеченных в ЕС. Совокупный объем мобилизованных средств в этих странах рос в среднем на 120% в год в период с 2011 по 2017 год. Замедление роста в 2017 году произошло преимущественно за счет итальянских платформ, где привлеченная сумма упала с €268 млн до €10 млн [Вылегжанина и др. 2018].

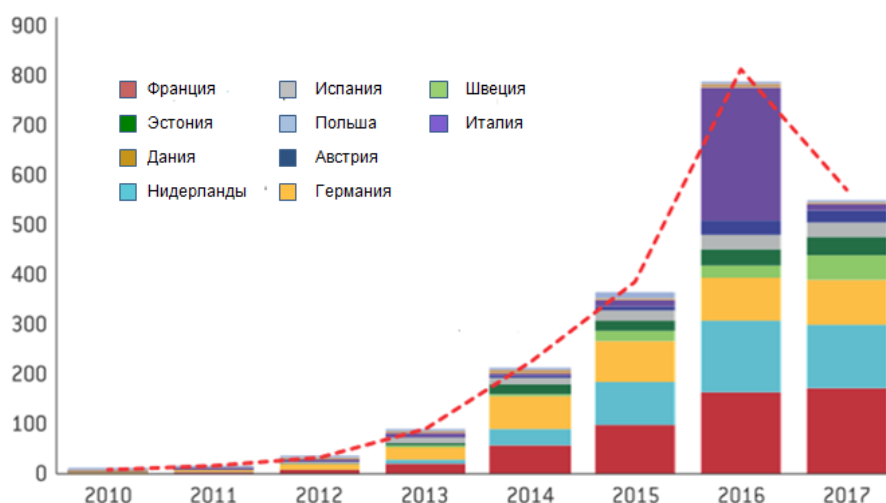

Рисунок 4. Общий объем рынка краудфандинга в Европе, топ-10 стран участников, за исключением Великобритании, € млн¹⁴

¹³ Краудинвестинговая платформа ZOPA // Портал крауд-сервисов [Электронный ресурс]. URL: <http://crowdsourcing.ru/sites/105> (дата обращения: 08.08.2019).

¹⁴ Составлено автором на основе [Chervyakov, Rocholl 2019, 3].

Низкие показатели роста краудфандинга в 2017 году можно также отметить во Франции, в Германии и Нидерландах. Французские платформы увеличили объемы финансирования всего на €8,7 млн (рост на 5%), немецкие платформы привлекли дополнительные €7,3 млн (плюс 9%), краудфандинговая активность в Нидерландах сократилась на €19,5 млн (минус 13,3%). Между тем, значительные позитивные изменения происходили на эстонском и шведском рынках: краудфандинг в Швеции вырос на €22,8 млн (88 %), эстонский рынок также продолжил свой рост, увеличившись на €6,4 млн (22%) в 2017 году¹⁵.

Популярность и рост рынка краудфандинга в Европе можно объяснить тем, что несмотря на тот факт, что объем внутреннего валового продукта Еврозоны на €2 трлн. (на 12%) превышает объем ВВП США, доля европейского рынка частных инвестиций на 80% меньше, нежели в Соединенных Штатах (\$5 млрд против \$20 млрд). Данное обстоятельство, а также нежелание венчурных фондов осуществлять инвестиции менее €1 млн, создают трудности для финансирования малого и среднего бизнеса в Старом Свете. Следует отметить, что средние и мелкие компании составляют более 90% европейского бизнеса и являются основой создания новых рабочих мест, внедрения инноваций и развития экономики региона. С макроэкономической точки зрения это указывает на актуальность стартового малообъемного финансирования и объясняет, почему краудфандинг заполнил данную нишу.

Развитию краудфандинга способствовало и появление его нормативно-правового обеспечения. Принятая 4 ноября 2003 года Директива 2003/71/ЕС Европейского парламента и Совета Европы «О публикации проспекта при размещении ценных бумаг среди публичных инвесторов или при допуске ценных бумаг к торгам и об изменении Директивы 2001/34/ЕС» способствовала упрощению процедуры выпуска ценных бумаг. Создание условий для внедрения модели незарегистрированных предложений, в том числе краудфандинга, были направлены на увеличение объемов международного фондирования и притоку капитала, что упрощало процесс привлечения финансирования и активизировало развитие малого и среднего бизнеса¹⁶.

¹⁵ Ziegler T., Shneor R., Wenzlaff K., Odorovic F., Johanson D., Hao R., Ryll L. Shifting Paradigms. The 4th European alternative finance benchmarking report: Hitting Stride, Cambridge Centre for Alternative Finance, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/alternative-finance/downloads/2019-05-4th-european-alternative-finance-benchmarking-industry-report-shifting-paradigms.pdf (дата обращения: 08.08.2019).

¹⁶ European Commission. Crowdfunding in the EU Capital Markets Union. Staff Working Document SWD, 2016 // EU [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10102/2016/EN/10102-2016-154-EN-F1-1.PDF> (дата обращения: 12.07.2019).

Эволюция краудфандинговых проектов в Европе происходила с учетом национальной специфики. Краудфандинговые площадки начали ориентироваться исключительно на национальных клиентов, вводя ограничения по резидентству и языку. С одной стороны, это ограничивало их экспансию, с другой — лежало в русле национальной идеи, поскольку поощряло желание финансировать только собственные проекты. Наиболее успешные бизнес-площадки развиваются в Германии, Франции, Италии. Собственное законодательство, определявшее направление развития идей краудфандинга в духе американского JOBS, было принято в Австрии, в областях Северной Италии, Великобритании, Германии Франции. Справедливости ради необходимо отметить, что в настоящее время начинает ощущаться нехватка единого законодательства, которое снизит национальные различия в контексте оперативности обслуживания участников краудфандинга в рамках Евросоюза.

Тем не менее краудфандинг в Европе демонстрировал значительный рост. Даже если замедление в 2016 и 2017 годах могло сигнализировать об окончании экстраординарных темпов его экспансии, сохранялся значительный потенциал развития.

Факторы, способствовавшие развитию краудфандинга в Европе:

- нормативно-правовая поддержка со стороны государства;
- прогрессивное регулирование и льготный налоговый режим;
- международная активность ведущих краудфандинговых площадок.

Азиатская модель

Краудфандинг уверенно набирает обороты в азиатском регионе. Лидером этого рынка является Китай, где общий объем соответствующих транзакций в 2017 г. составил \$5,5 млрд¹⁷. Краудфандинговая деятельность в Китае активно масштабируется за счет большого количества проектов и свободных ресурсов, а в Японии она менее активна. Объем рынка краудфандинга в Японии составляет чуть более \$300 млн, где тем не менее существует большой потенциал роста за счет стимулирования отрасли правительством страны и средств граждан¹⁸. Краудфандинговые платформы имеются также в Южной Корее, Таиланде, Сингапуре и Малайзии.

¹⁷ Zhao L. Crowdfunding in China: Potentials, Challenges, Risks and Solutions (October 6, 2015). URL: <https://www.crowdfundinsider.com/2015/10/75384-crowdfunding-in-china-potentials-challenges-risks-and-solutions/> (дата обращения: 08.09.2019).

¹⁸ Краудфандинг в Японии // WikiHub. [Электронный ресурс]. URL: <https://wikihub.ru/kraudfanding-v-yaponii/> (дата обращения: 11.09.2019).

Согласно данным Китайского центра исследований электронной коммерции, в стране действует свыше 230 платформ для краудфандинга. В соответствии с данными, представленными в обзоре Всемирного банка, к 2025 году объем краудфандинговых проектов Китая может составить до \$46–\$50 млрд, то есть приблизительно половину от прогнозируемого мирового объема этой индустрии. В целом, краудфандинговые инвестиции могут достичь уровня в \$96 млрд уже в течение ближайших 12 лет¹⁹. Данные прогнозы базируются на факторах, способствующих развитию краудфандинговой “экосистемы” — активность социальных медиа, растущее число интернет-пользователей, высокий уровень активности стартапов и увеличение спроса на интернет-финансы со стороны среднего и малого бизнеса.

Различие в показателях развития краудфандинга в Китае можно объяснить институциональными особенностями сформировавшейся инвестиционной культуры. Так, если в США и Европе существуют законы, упрощающие правила сделок с ценными бумагами для стартового накопления капитала, а также защищающие основанный на акционерном капитале краудфандинг и выпуск ценных бумаг, то в Китае, по существу, нет регулирующих или надзорных органов, контролирующих краудфандинговые кампании, а законодательство об интеллектуальной собственности пока еще является достаточно неразвитым.

Наибольшую популярность имеют призовой краудфандинг (reward crowdfunding), основанный на получении вознаграждения, предлагающий материальный продукт или другие формы обеспечения инвестиций (бонусы, подарки, ранний доступ к новым продуктам) (Рисунок 5) и кредитный краудфандинг (debt crowdfunding), при котором деньги для проектов предоставляются займы. Основные направления использования механизмов краудфандинга в Китае включают вложения в технологии, медиа-проекты, креативное искусство и в коммуникации.

Краудфандинг в Японии развивается, следуя тенденциям американского рынка, однако имеет и свои особенности. Начало развития японского краудфандинга приходится на 2007 год, но реальный рост был вызван разрушительным землетрясением в марте 2011 года, которое нанесло серьезный ущерб прибрежной зоне северо-восточной части Японии.

¹⁹ Рынок краудфандинга в Китае может вырасти до \$50 млрд к 2025 году // Портал крауд-сервисов [Электронный ресурс]. URL: http://crowdsourcing.ru/article/rynok_kraudfandinga_v_kitae_mozhet_vyrasti_do_50_mlrd_k_2025_godu (дата обращения: 11.09.2019).

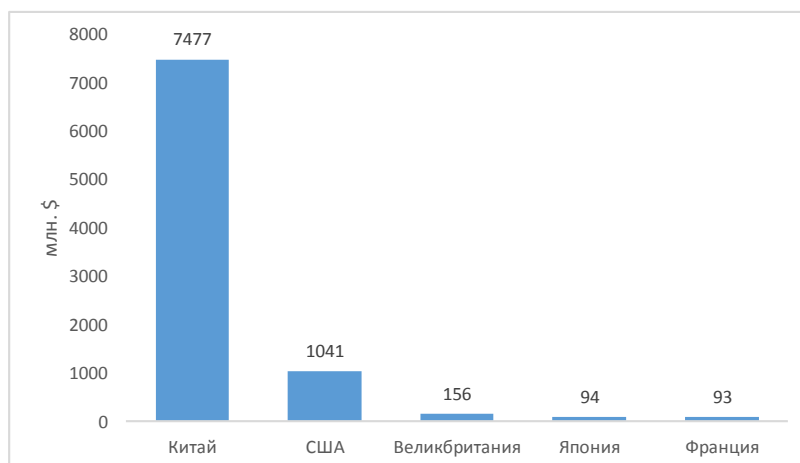

Рисунок 5. Лидеры рынка reward crowdfunding в 2018 г, \$ млн²⁰

Обычным коммерческим банкам было трудно финансировать восстановительные работы разрушенного цунами района в префектуре Фукусима из-за высоких финансовых рисков и неопределенности. Между тем, частные инвесторы были готовы предоставить средства при помощи социального кредитования, которое и дало толчок развитию краудфандинга как эффективного инструмента финансирования высокорискованного бизнеса. Начиная с 2011 года, стали открываться первые краудфандинговые площадки, и правительство страны приступило к разработке законодательства, регулирующего эту сферу деятельности, в целях защиты потребителей и инвесторов от мошенничества.

В Японии, также, как и в других странах, представлено 3 основных типа краудфандинга, в зависимости от того, что именно участники получают в обмен на предоставление средств: призовой, благотворительный и финансовый (акционерный и долговой) краудфандинг. Все эти типы имеют одну общую черту: средства предоставляются теми, кто симпатизирует идеям или целям инициаторов проекта. Наиболее популярной формой краудфандинга в Японии является призовой. Есть несколько кредитных краудфандинговых платформ, таких как maneo, AQUSH и SBI Social Lending. Акционерный краудфандинг встречается достаточно редко, существует только одна платформа CrowdBank (CrowdSecuritiesJapan, Inc.). Это связано с тем, что законодательство в сфере регулирования акционерного и кредитного крауинвестинга в стране пока только развивается.

²⁰ Составлено автором на основе: Crowdfunding — Statistics & Facts // Statista [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/topics/1283/crowdfunding/> (дата обращения: 01.08.2019).

Японское агентство финансовых услуг намерено активно создавать новые краудфандинговые площадки и обеспечивать эффективное взаимодействие с ними больших групп частных лиц и компаний. В настоящее время совокупный объем сбережений частных лиц превысил \$15 трлн²¹, что является наиболее высоким показателем в мире. Эти средства лежат на счетах в банках и работают на экономику страны лишь опосредованно. Вот почему правительство Японии заинтересовано в скорейшем создании механизмов для перераспределения данных средств в инвестиции и законодательство активно развивается в сфере регулирования акционерного и кредитного краунивестинга.

Основным стимулом для роста интереса к призовому краудфандингу стал Закон об определенной коммерческой сделке (Act on Specified Commercial Transaction, ASCT), который установил ряд правил для защиты прав потребителей:

- раскрытие информации о платформе, сборе средств и проекте;
- безусловное право потребителей отказаться от договора купли-продажи в течение указанного периода;
- отзыв контракта, если его содержание не является законным;
- запрос судебный запрета деятельности бизнес-оператора от имени квалифицированной организации потребителей (модифицированная версия группового действия).

Таким образом, данный тип краудфандинга должен следовать обычному потребительскому регулированию в соответствии с японским законодательством.

Благотворительный краудфандинг не подлежит ни регулированию ASCT, ни регулированию Законом о ценных бумагах (Financial Instruments and Exchange Act, сокр. FIEA), поскольку вкладчики лишь направляют средства их получателям, ничего не получая взамен. Применительно к данной операции единственный правовой вопрос заключается в том, применяется ли снижение налога на благотворительное пожертвование или нет.

Кредитный и акционерный краудфандинг регулируются Законом о контроле за использованием денег (Moneylending Control Act, сокр MCA), а также Законом о ценных бумагах (FIEA) с целью защиты заемщиков и инвесторов и создания справедливого инвестиционного рынка. FIEA установил различные правила для брокера облигаций

²¹ Краудфандинг в Японии // WikiHub [Электронный ресурс]. URL: <https://wikihub.ru/kraudfanding-v-yaponii/> (дата обращения: 11.09.2019).

или акций (тип 1 бизнес-оператор) и брокера доверительного права или коллективного права (бизнес-оператор финансовых инструментов типа 2), для которых требуется регистрация в Агентстве финансовых услуг (далее — АФН). Для того, чтобы зарегистрироваться в качестве бизнес-оператора финансовых инструментов типа 2, платформе требуется показать размер собственных средств на уровне как минимум ¥10 000 000 (около \$100 тыс.)²². Как и Соединенные Штаты, Япония пошла по пути установления различных статусов инвесторов, квалифицированных или нет. Для того, чтобы обеспечить доступ к интересным инновационным венчурным и благотворительным проектам инвесторам, не имеющим квалифицированного статуса был введен лимит вноса в размере \$5 тыс. Законодательство также установило требования для лиц, имеющих право создавать краудинвестиционные площадки. Они аналогичны требованиям, которым должны соответствовать брокерские компании, хотя для площадок гуманитарного направления они могут быть снижены. FIEA определяет, что брокер, обязан предоставить информацию (FIEA 43-5) для клиентов на своем сайте, установить эффективную структуру контроля бизнеса, настроить компьютерную систему администрирования, мониторинга эмитентов, раскрытия суммы вклада и целевой суммы, обеспечить право потребителей отказаться от сделки в течение восьми дней с момента ее заключения без указания причины и др.

В настоящее время японские платформы работают, в основном, по кредитной модели и приносят инвесторам от 2% до 10% прибыли в год, т.е. в среднем около 5% годовых²³. Возврат средств инвесторам происходит через несколько месяцев или только через несколько лет. Риск невозврата достаточно высок, т.к. многие компании терпят неудачу. Это является серьезным препятствием к привлечению новых инвесторов.

В создании площадок краудфандинга принимают участие крупные японские компании, например, SONY. Среди наиболее успешных платформ можно отметить:

- Crowdbank.jp. Основана в 2012 году, работает с малыми предприятиями, средний доход инвесторов составляет 5,2%, использует модель акционерного краудфандинга. Всего лишь за полгода платформа собрала ¥650 млн благодаря удобной инфраструктуре и интересным проектам.

²² Hatsu M. Crowdfunding in Japan: Current Regulation and the Future of Business // SSRN [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2752312> (дата обращения: 01.07.2019).

²³ Краудфандинг в Японии набирает обороты // Портал крауд-сервисов [Электронный ресурс]. URL: http://crowdsourcing.ru/article/kraudfanding_v_yaponii_nabiraet_oboroty (дата обращения: 11.09.2019)

Платформа планирует получить до ¥10 млрд в течение ближайших лет²⁴. На платформе уже есть инвесторы, частные лица, вложившие в различные проекты более миллиона иен, что доказывает успешность стратегии японского правительства.

- First Flight. Данный проект основан компанией SONY и запущен в 2013 году. Допуск на площадку возможен только для жителей страны, специализируется на инновационных производственных проектах, финансируемых по модели предзаказа.

Существует и японский аналог проекта Кикстартера, который создан в рамках японского законодательства. Он использует стандартную для себя модель и не пользуется большим успехом у японских пользователей.

По мнению бывшего министра экономики Мотохисы Фурукавы (Motohisa Furukawa), приток средств к фирмам провинциальной Японии может сократить их зависимость от государственных субсидий.

Таким образом, краудфандинг в Японии узкоспециализирован, законодательно регламентирован, а потенциал для роста ограничен языком и возможностью допуска на площадки только национальных инвесторов и стартаперов.

Несмотря на языковые и правовые барьеры, южно-азиатский краудфандинговый рынок набирает обороты. Юго-Восточная Азия переживает стремительный рост предпринимательской экосистемы, а мировые инвесторы отмечают огромный потенциал для развития стартапов и краудфандинга в этом регионе. Небольшое количество платформ по сравнению с североамериканским и европейским рынком стимулирует еще более активное развитие краудфандинга. Основными сдерживающими факторами являются отсутствие в юго-восточном регионе централизованной информации о стартапах, языковой барьер и недостаток нормативно-правовой поддержки со стороны правительств.

Восточно-европейская модель

Основным игроком в данном регионе является Россия, в меньшей степени — Украина. Краудфандинг в данных странах не так популярен, как в США и Европе. Если там краудфандинг давно является механизмом развития малого бизнеса и благотворительной поддержки, то для России и Украины история развития этой

²⁴ Краудфандинг в Японии // WikiHub [Электронный ресурс]. URL: <https://wikihub.ru/kraudfanding-v-yaponii/> (дата обращения: 11.09.2019).

инновационной модели финансирования только начинается. Безусловно, многие проекты успешно реализуются, однако нехватка свободных средств у населения, плохая информированность, низкий уровень развития малого бизнеса, приводят к тому, что преобладают благотворительные, социальные и культурные проекты при ничтожной доле вложений в реальную экономику. Это свидетельствует об отставании стран данного региона от мировых лидеров краудфандинга [Панова 2018].

Эксперты прогнозируют рост рынка краудфандинга в десятки раз, что приведет к развитию предпринимательства, творческой деятельности, благотворительности. Если это произойдет, то краудфандинг в России и странах СНГ выйдет на новый уровень, позволяя привлекать дополнительные средства для реализации бизнес-проектов на рынке.

Ситуация в этом секторе динамична и быстро меняется, подтверждением этого является анализ рынка краудфандинга в России, который показывает стремительное развитие (Рисунок 6). По данным Банка России общий объем рынка краудфандинга в 2018 году превысил объем в 15,2 млрд руб., продемонстрировав десятикратный рост по сравнению с 2015 года.

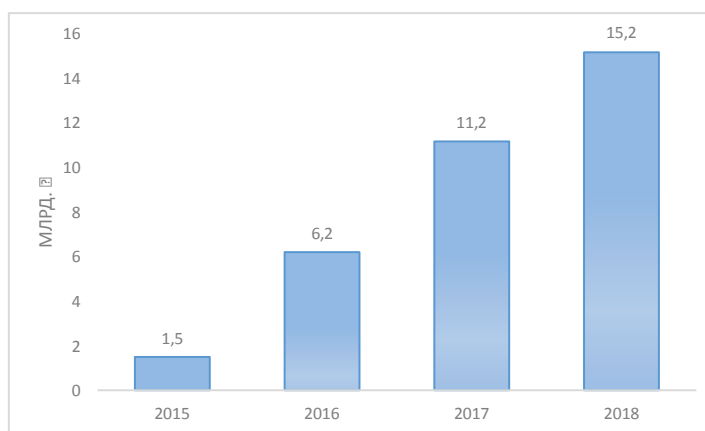

Рисунок 6. Рынок краудфандинга в России, 2015–2018 гг., млрд руб²⁵

Основными игроками российского рынка являются краудфандинговые площадки Boomstarter и Planeta, на долю которых приходится 75–80% оборота рынка. До 2015 в России отсутствовал акционерный краудфандинг (equity crowdfunding), который направлен на финансирование молодых венчурных проектов. Также стоит отметить и отсутствие специального регулирования краудфандинговой деятельности, которое затрудняет развитие рынка, поскольку не позволяет квалифицировать

²⁵ Составлено автором на основе: Рынок краудфандинга в России удвоился в 2017 году // Вести Экономика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/103029> (дата обращения: 14.09.2019).

субъектов краудфандинга как участников гражданско-правовых и экономических отношений с целью определения соответствующих прав и обязанностей [Соколов 2018]. При этом мировая практика свидетельствует о необходимости развития краудфандинга для привлечения инвестиций в реализацию социально-экономических и инновационных проектов субъектов малого и среднего бизнеса. Впрочем, начиная с 2015 года стали появляться краудинвестиционные платформы, среди которых можно отметить:

- Penenza. Основана в 2015 году. Ориентирована на физических, и на юридических лиц, что позволило вырваться по объемам выданных на развитие бизнеса средств в лидеры. Общая сумма займов за все время работы платформы составила около 20 млрд руб., количество клиентов — более 14 тыс. компаний. Особенности: минимальный депозит — 5 тыс.руб; низкий уровень риска (вероятность просрочки — 0,4%, дефолта — 0,2%; скоринговая система оценки заемщика по 400 критериям); доходность — 20% годовых²⁶
- StartTrack. Количество инвесторов — более 6 тыс. человек, привлечено почти 2,3 млрд руб. Особенности: минимальный взнос — от 100 тыс. руб.; возможность онлайн-отслеживания развития бизнеса; доходность — до 25% годовых; возможность ознакомления с юридическими документами и отчетностью заемщика²⁷.

В России в июле 2019 года был принят закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» («О краудфандинге»), устанавливающий правила привлечения инвестиций через краудфандинговые платформы. Закон ограничил сумму вложений от неквалифицированного инвестора 600 тыс. руб. в год в рамках всех платформ в России. Размер собственных средств оператора краудфандинговой платформы должен составлять минимум 5 млн руб. Вести реестр операторов таких площадок будет Центральный банк РФ. Закон также закрепляет понятие «утилитарных цифровых прав» — право требовать передачи вещей, выполнения работ или оказания услуг, а также передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или на их использование.

²⁶ Обзор краудлендинговых платформ // ЯндексДзен [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a3baaae256d5ca91fc90a17/obzor-kraudlendingovyh-platform-5bc06cbd8de61c00a916d011> (дата обращения: 20.09.2019).

²⁷ Там же.

Украинский рынок краудфандинга значительно уступает российскому, для него можно отметить 3 основные площадки: «Спильнокошт» (2012), «На старте» (2014), «Куб» (2016). Специализация первых двух — творческие и социальные инициативы (финансирование кино, образовательные программы для детей и др.). Получение прибыли на данных площадках не предусмотрено. Создатели могут отблагодарить инвестора лично через Facebook, выслать брендованную продукцию, предоставить услугу, мастер-класс или экскурсию, связанную с тематикой проекта. На платформе «КУБ» встречаются бизнес-проекты: масштабирование производства, открытие торговых точек. Прибыль инвесторов четко дифференцирована: вложив €1000 инвестор получит €230 в год, а за €20 тыс. можно рассчитывать на дополнительные €4600 за 12 месяцев [Красножон, Поддубный 2019]. Есть инициативы законодательного закрепления в Украине сбора средств при помощи краудфандинга.

Таким образом, особенностями восточно-европейской модели являются:

- отсутствие нормативного регулирования;
- незначительное количество площадок;
- недостаточная осведомленность потенциальных инвесторов.

Заключение

На основе настоящего исследования можно сделать следующие выводы.

Краудфандинг представляет собой инновационный инструмент для цифровой трансформации мировой финансово-инвестиционной системы. Краудфандинг получил широкое распространение благодаря развитию цифровых технологий и коллективного сетевого сотрудничества людей в целях добровольного объединения своих средств.

Возрастающая популярность краудфандинга объясняется простотой, быстротой и доступностью сбора средств по сравнению с государственным инвестированием и сложными процедурами банковского кредитования.

Проведенное исследование показало, что основными проблемами развития краудфандинга на национальном уровне являются слабость нормативно-правового регулирования, отсутствие крупных инвесторов или конкуренции (как, например, в России), непрозрачность работы краудфандинговых платформ, низкий уровень доверия населения.

Развитию краудфандинга способствует интерес со стороны государства, формирование положительной репутации коммерческих компаний, формирование информационной инфраструктуры цифровой экономики.

Список литературы:

- Антипенко Н.А., Шевцова Н.В. Инновации как фактор повышения эффективности производства // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т. 2. № 8. С. 370–372.
- Вылегжанина Е.В., Ерюшева А.Д., Умрихина В.С. Обзор Европейского рынка альтернативных финансов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 12–2. С. 8–12.
- Гаунова М.А. Особенности системы финансирования инновационной деятельности // Российское предпринимательство. 2012. Том 13. № 24. С. 83–90.
- Глухова Е.В., Хайрутдинова Е.Р. Краудфандинг и краудсорсинг как инструменты привлечения средств для реализации проекта // Агропродовольственная политика России. 2013. № 12. С. 68–70.
- Красножон С.В., Поддубный В.А. Краудфандинг: История развития в Украине и мире // Формирование рыночных отношений в Украине. 2019. № 4(215). С. 46–54.
- Лернер Дж., Лимон Э., Хардимон Ф. Венчурный капитал, прямые инвестиции и финансирование предпринимательства. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- Мотовилов О.В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2018. № 2. С. 298–316.
- Недзвецкий Н.С. Финансовый потенциал «толпы»: российский и европейский краудфандинг // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 6А. С. 126–138.
- Панова Е.А. Краудфандинг как альтернативный инструмент финансирования малого и среднего бизнеса // Финансы и кредит. 2018. № 1(769). С. 238–250.
- Санин М.К. История развития краудфандинга. Классификация видов. Анализ перспектив развития и преимуществ // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2015. № 4. С. 57–63.
- Соколов И.Н. Проблемы правового регулирования альтернативных форм финансирования инновационных проектов // Инновации. 2018. № 1(231). С. 110–120.
- Спиридонова Е.В., Шумовская А.С., Сошников Д.С. Инновационные способы финансирования проектов: теория и практика краудфандинга // Российское предпринимательство. 2016. Том 17. № 17. С. 2179–2192.
- Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития. М.: Альпина Паблишер, 2012.
- Agrawal A., Catalin C., Goldfarb A. Offline Relationships, Distance and the Internet: The geography of crowdfunding. Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2011.

- Bradford C.* The New Federal Crowdfunding Exemption: Promise Unfulfilled // Securities Regulation Low Journal. 2012. No. 40(3). URL: <https://ssrn.com/abstract=2066088> (дата обращения: 12.07.2019).
- Chervyakov D., Rocholl J.* How to Make Crowdfunding Work in Europe // Policy Contribution, 2019. No. 6. URL: https://bruegel.org/wp-content/uploads/2019/03/PC-06_2019_-1.pdf (дата обращения: 12.07.2019).
- Gilinsky D., Levites P., Gabbay Z.* Regulation of Crowdfunding in the UK, US and Israel: A Comparative Review // Butterworths Journal of International Banking and Financial Law. 2016. November. P. 1–4.
- Kuppuswamy B., Bayus B.L.* Crowdfunding Creative Ideas: The Dynamics of Project Backers in Kickstarter // UNC Kenan-Flagler Research Paper. 2015. No. 2013–15. URL: <https://ssrn.com/abstract=2234765> (дата обращения: 20.06.2019).
- Lehner O.M.* Crowdfunding Social Ventures: A Model and Research Agenda // Venture capital journal. 2013. No. 15(3). P. 289–311.
- Mollick Ethan R.* The Dynamics of Crowdfunding: An Exploratory Study // Journal of Business Venturing. 2014. Vol. 29. P. 1–16.
- Schwienbacher A., Larralde B.* Crowdfunding of Small Entrepreneurial Ventures // Handbook of Entrepreneurial Finance. 2010. URL: <http://ssrn.com/abstract=1699183> (дата обращения: 19.06.2019).

Дата поступления: 14.09.2019

Gambееva Y.N., Kozhukhova N.N.

Crowdfunding as an Innovative Financial Instrument of the Digital Economy: National Models

Yulia N. Gambееva — Senior Lecturer, Department of Management, Branch of Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russian Federation.
E-mail: jgambееva@bk.ru

Nadezhda N. Kozhukhova — Senior Lecturer, Department of Management, Branch of Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russian Federation.
E-mail: nadegda.red@gmail.com

Abstract

The article deals with the influence of information and computer technologies on the development and transformation of financial relations in the digital economy. The theoretical basis of the study consists of the works of domestic and foreign authors within the field of studying the features of financial behavior and innovation funding. The methodological base of the study draws on the application of general scientific methods within the comparative, logical and statistical analyses.

The purpose of the study is to identify trends and characteristics of crowdfunding development, which is the innovative financial instrument for the population to invest in the real sector during the economy digitalization era. The article provides with the main stages of the public financing mechanism formation and the global crowdfunding market dynamics; the features of

state regulation are characterized. It was revealed that the global collective finance market has been growing rapidly since its appearance in 2007, and it is changing the role of financial institutions, public policy and market trends around the world. The study also concluded that, as crowdfunding developed in the digital space, the following national characteristics and models were formed: Anglo-Saxon, European, Asian and East European, as well as that the degree of national crowdfunding development depends on the formation of digital infrastructure and regulatory controls. In conclusion, it is proved that crowdfunding can change the motivation and rules of the game in the field of innovation funding in the digital economy.

Keywords

Digital economy, crowdfunding, crowdfunding projects, crowdfunding platforms, crowdfunding market, financial instrument.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10016

References:

- Agrawal A., Catalin C., Goldfarb A. (2011) *Offline Relationships, Distance and the Internet: The geography of crowdfunding*. Cambridge: National Bureau of Economic Research.
- Antipenko N.A., Shevtsova N.V. (2012) Innovatsii kak faktor povysheniya effektivnosti proizvodstva [Innovation as a factor of increasing production efficiency]. *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavтики*. Vol. 2. No. 8. P. 370–372.
- Bradford C. (2012) The new federal crowdfunding exemption: promise unfulfilled. *Securities regulation law journal*. No. 40(3). Available: <https://ssrn.com/abstract=2066088> (accessed: 12.07.2019).
- Chervyakov D., Rocholl J. (2019) How to make crowdfunding work in Europe. *Policy Contribution*. No. 6. Available: https://bruegel.org/wp-content/uploads/2019/03/PC-06_2019_-1.pdf (accessed: 12.07.2019).
- Gaunova M.A. (2012). Features of the System of Financing of Innovation Activities. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*. No. 13(24). P. 83–90
- Gilinsky D., Levites P., Gabbay Z. (2016) Regulation of Crowdfunding in the UK, US and Israel: A Comparative Review. *Butterworths Journal of International Banking and Financial Law*. November. P. 1–4.
- Glukhova E.V., Khayrutdinova E.R. (2013) Kraudfanding I kraudsorsing kak instrumenty privlecheniya sredstv dlya realizatsii proyekta [Crowdfunding and crowdsourcing as tools for raising funds for the implementation of projects]. *Agroproduktov'stvennayapolitika Rossii*. No. 12. P. 68–70.
- Khau Dzh. (2012) *Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business*. Moscow: Al'pina Publisher.
- Krasnozhon S.V., Poddubnyy V.A (2019) Crowdfunding: History of Development in Ukraine and the World. *Formirovaniye rynochnykh otnosheniy v Ukraine*. No. 4(215). P. 46–54.

- Kuppuswamy B., Bayus B.L. (2015) Crowdfunding creative ideas: The dynamics of project backers in Kickstarter. *UNC Kenan-Flagler Research Paper*. No. 2013–15. Available: <https://ssrn.com/abstract=2234765> (accessed: 20.06.2019).
- Lehner O.M. (2013) Crowdfunding Social Ventures: A Model and Research Agenda. *Venture capital journal*. No. 15(3). P. 289–311.
- Lerner Dzh, Limon E., Khardimon F. (2016) *Venture capital, Private Equity, and the Financing of Entrepreneurship*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara.
- Mollick Ethan R. (2014) The Dynamics of Crowdfunding: An Exploratory Study. *Journal of Business Venturing*. Vol. 29. P. 1–16.
- Motovilov O.V. (2018) Crowdfunding Phenomenon: Investigation of Features. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*. Vol. 34. Is. 2. P. 298–316.
- Nedzvetskiy N.S. (2017) The Financial Potential of the "Crowd": Russian and European Crowdfunding. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. Vol. 7. Is. 6A. P. 126–138.
- Panova E.A. (2018) Crowdfunding as an Alternative Tool for Financing Small and Medium-Sized Businesses. *Finansy I kredit*. Vol. 24. Is. 4. P. 238–250.
- Sanin M.K. (2015) The History of the Crowdfunding. The Classification of Species. Analysis of Development Prospects and Benefits. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment»*. No. 14. P. 57–63.
- Schwienbacher A., Larralde B. (2010) Crowdfunding of Small Entrepreneurial Ventures. *Handbook of entrepreneurial*. Oxford University Press. Available: <http://ssrn.com/abstract=1699183> (accessed: 19.06.2019).
- Sokolov I.N. (2018) Problems of Legal Regulation of Alternative Forms of Financing Innovative Projects. *Innovatsii*. No. 1(231). P. 110–120.
- Spiridonova E.V., Shumovskaya A.S., Soshnikov D.S. (2016). Innovational Ways of Project Funding: Theory and Practice of Crowd-Funding. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*. Vol. 17. No. 17. P. 2179–2192.
- Vylegzhanina E.V., Eryusheva A.D., Umrikhina V.S. (2018) Review of the European Market of Alternative Finance. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 12–2. P. 8–12.

Received: 14.09.2019

Лагодич Л.В.

Оценка устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья

Лагодич Лариса Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: apklarisa@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [5961-9082](https://elibrary.ru/5961-9082)

Аннотация

Проблема разработки индикаторов устойчивого развития социально-экономических систем актуальна в настоящее время в связи с широким применением международными организациями, в том числе ООН, и учеными концепции устойчивого развития. Под устойчивым развитием продовольственного рынка мы понимаем достижение продовольственной безопасности на заданном уровне за счет реализации четырех взаимосвязанных целей: удовлетворения потребностей внутреннего рынка на основе самообеспечения основными видами продовольствия, достижения высокого качества жизни посредством обеспечения полноценного питания, устойчивой интеграции в глобальный рынок, обеспечения экологической безопасности.

Предметом исследования является оценка устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья стран мира. Цель исследования — разработать методику оценки устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья стран мира на основе кластерного анализа по заданным показателям и предложить стратегии устойчивого развития для выделенных кластеров (стран).

Уникальность исследования заключается в том, что методология основана на кластерном анализе стран мира по показателям, характеризующим экономический, социальный и природный потенциал для развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья; оценка вклада полученных кластеров (стран) в устойчивое развитие мирового рынка продовольствия и сельскохозяйственного сырья проводится на основе авторской системы индикаторов; возможен выбор стратегий устойчивого развития исследуемых рынков. Проведенные исследования представляют интерес для органов государственного управления и направлены на достижение важнейшей цели устойчивого развития ООН — ликвидацию голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.

Ключевые слова

Устойчивость развития продовольственного рынка, кластерный анализ, индикаторы устойчивого развития, стратегия устойчивого развития, продовольственная безопасность, мировая продовольственная система.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10017

Введение

Представленная работа посвящена проблеме устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Проведенными исследованиями установлено, что основой для организации мониторинга и оценки устойчивости развития продовольственного рынка служат соответствующие индикаторы — показатели, характеризующие достигнутый уровень социальной, экономической и

экологической устойчивости рынка в динамике и степень его адаптивности к влиянию факторов внутренней и внешней среды.

Проблемами разработки индикаторов устойчивого развития различных экономических систем занимались такие исследователи, как D. Neven [Neven 2014], С.Н. Бобылев и др. [Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) 2001], В.Г. Гусаков [Гусаков 2010], З.М. Ильина [Ильина 2012] и др. Вместе с тем ООН приветствует различные подходы ученых к решению проблемы измерения устойчивого развития, отмечая различия во внутренней и внешней среде социально-экономических систем, в связи с чем актуальны научные исследования, направленные на разработку теоретико-методологических основ измерения устойчивого развития продовольственного рынка.

Цель исследования — разработать методику оценки устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья стран мира на основе кластерного анализа и предложить стратегии устойчивого развития для выделенных кластеров (стран).

С учетом поставленной цели нами были решены следующие основные задачи:

- дан обзор существующих методических подходов к оценке устойчивости рынка продовольствия и сельскохозяйственного сырья;
- проведен кластерный анализ;
- оценен вклад полученных кластеров в устойчивое развитие мирового рынка продовольствия и сельскохозяйственного сырья;
- оценена устойчивость развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья стран мира;
- разработана стратегия устойчивого развития исследуемых рынков.

Обзор литературы

Анализ системы индикаторов устойчивого развития Комиссией ООН по устойчивому развитию¹ позволил установить, что к показателям, характеризующим устойчивое развитие продовольственного рынка, можно отнести следующие: изменения в землепользовании, деградация земель, площадь пахотных и постоянно

¹ Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies. Third Edition. United Nations, 2007. P. 15–20 // Sustainable development [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/guidelines.pdf> (дата обращения: 04.02.2019).

возделываемых земель, эффективность использования удобрений, использование сельскохозяйственных пестицидов, площадь под органическим земледелием и др.

Исследование системы индикаторов мирового развития Всемирного банка² показало, что для оценки устойчивости развития продовольственного рынка можно использовать такие показатели, как сельскохозяйственные земли, % от площади суши; урожайность зерновых, кг/га; добавленная стоимость в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и рыболовстве, % от ВВП и др.

Интерес также представляют некоторые агроэкологические индикаторы FAOSTAT (выбросы аммиака в сельском хозяйстве, % от общих выбросов; органические земли, % от общей площади сельхозземель; производство биотоплива, тыс. кт нефтяного эквивалента; чистые выбросы парниковых газов, CO₂ эквивалент, мт и др.)³ и ЕС (потребление минеральных удобрений, расход пестицидов, выбросы аммиака, парниковые газы и др.)⁴, а также индикаторы глобальной продовольственной безопасности FAOSTAT (количество недоедающих, млн чел.; масштабы недоедания, %; глубина дефицита продовольствия, ккал/чел. в день и др.)⁵.

Глобальный индекс продовольственной безопасности стран мира⁶, рассчитываемый британской исследовательской организацией Economist Intelligence Unit на базе трех групп показателей (уровня доступности и потребления продуктов питания, их наличия и достаточности, уровня качества и безопасности), также может быть использован в качестве индикатора устойчивого развития.

Представляют интерес 3 показателя системы индикаторов устойчивого развития Российской Федерации [Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) 2001, 128]: земли сельскохозяйственного назначения, использование минеральных удобрений, использование пестицидов.

² Agriculture & Rural Development // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all> (дата обращения: 04.02. 2019).

³ Agri-Environmental Indicators // FAO [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data> (дата обращения: 20.11.2019).

⁴ Agri-Environmental Indicators // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/agriculture/agri-environmental-indicators> (дата обращения: 13.02.2019).

⁵ Food Security // FAO [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data> (дата обращения: 20.11.2019).

⁶ Global Food Security Index 2018. Building resilience in the face of rising food-security risks // Global Food Security Index [Электронный ресурс]. URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/Home/DownloadResource?fileName=EIU%20Global%20Food%20Security%20Index%20-%202018%20Findings%20%26%20Methodology.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.⁷ показатели развития сельскохозяйственного производства (рентабельность продаж, %; темп роста производительности труда по валовой добавленной стоимости в сельском хозяйстве, %; доля площадей с органическим земледелием в общей площади сельскохозяйственных земель, %) отражают отдельные аспекты устойчивого развития продовольственного рынка.

З.М. Ильина разработала индикаторы безопасности и независимости в сфере продовольствия. К показателям, характеризующим определенные аспекты социальной и экономической устойчивости рынка, можно отнести устойчивость производства зерна, удельный вес импорта в объеме внутреннего потребления, сальдо внешней торговли продовольствием, соотношение белков, жиров и углеводов в рационе и др. [Ильина 2012, 137–139].

В.Г. Гусаков предложил систему показателей продовольственной безопасности и продовольственной независимости. Некоторые индикаторы (обеспеченность внутреннего рынка продовольственными товарами всех видов, собственное их производство, импорт, экспорт и др.) характеризуют экономическую и социальную устойчивость рынка [Гусаков 2010, 15–17].

D. Neven разработал показатели измерения эффективности производственно-бытовых цепочек в сфере продовольствия (прибыль фирмы, заработная плата работников, углеродный след и др.), которые характеризуют основные аспекты устойчивости развития хозяйствующих субъектов [Neven 2014, 26, 29–30, 33].

Территориальный подход применен в следующих разработках: в методике оценки результативности управления устойчивым развитием сельской территории региона Д.А. Баландина [Баландин 2014, 65, 78]; в системе показателей устойчивого развития сельских территорий Г.В. Миренковой [Миренкова 2011, 118–119]; в показателях устойчивого развития агропромышленного комплекса и сельских территорий в Поволжье Е.Ф. Заворотина и др. [Заворотин и др. 2017, 191]; в показателях Концепции устойчивого развития сельских территорий и агропромышленного сектора экономики Ярославской области А.И. Голубевой и др. [Голубева и др. 2016, 19–20].

⁷ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года. С. 60 // Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 13.02.2019).

Методики оценки устойчивости регионального продовольственного рынка З.М. Ильиной и С.А. Кондратенко [Ильина, Кондратенко 2007] и устойчивости развития регионального рынка зерна В.И. Калюк [Калюк 2015], система показателей устойчивого развития рынка овощей И.Ю. Чазовой [Чазова 2016, 126] имеют свою специфику в силу особенностей задач исследования, выбора базы сравнения: для региональных рынков ею являются, как правило, достигнутые показатели по стране в целом.

Таким образом, анализ проведенных исследований показал, что система индикаторов, оценивающая устойчивость развития рынка продовольствия и сельскохозяйственного сырья на уровне государства и группы государств, в настоящее время не разработана.

Описание методики и полученные результаты

Разработанная нами методика оценки устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья стран мира на основе кластерного анализа и выбора стратегий устойчивого развития для выделенных кластеров (стран) включает следующие этапы (Рисунок 1):

Этап 1. Нами была выдвинута гипотеза о том, что существуют группы стран со схожим уровнем развития экономических, социальных и природных факторов, которые будут использовать схожие стратегии устойчивого развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Первоначально были отобраны шесть индикаторов (см. Рисунок 1) и собрана статистическая информация по 164 странам мира за 2014–2017 гг.⁸ Таким образом, объем выборки — 164, генеральная совокупность — 197. На основе имеющихся данных можно сделать вывод о том, что полученная выборка обладает высокой репрезентативностью (в нее включены данные о более чем 83 % стран мира).

Этап 2. После проведения корреляционного анализа были отобраны четыре переменных, теснота корреляционной связи между парами которых слабая или умеренная (см. Рисунок 1). Так как индикаторы разнородны, нами было принято

⁸ Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

решение об их стандартизации. В процессе стандартизации значения показателей были разделены на 3 группы: высокие, средние и низкие. Интервал для каждого ряда данных был определен с учетом размаха вариации. Верхняя граница группы переменных низкого уровня определена с учетом минимального значения признака и заданного интервала. Верхняя граница группы индикаторов среднего уровня была определена с учетом заданного интервала и значения верхней границы группы переменных с низким уровнем. Уровни переменных, выбранных в качестве адекватных для дальнейших исследований, представлены в Таблице 1.

<p>Цели: 1. Кластерный анализ стран мира по заданным показателям. 2. Оценка вклада кластеров (стран) в устойчивое развитие мирового рынка продовольствия и сельхозсырья. 3. Разработка стратегий устойчивого развития для выделенных кластеров (стран)</p>	
<p>Этап 1. Выдвижение гипотез и первоначальный отбор показателей, характеризующих экономический, социальный и природный потенциал для развития рынков продовольствия и сельхозсырья стран мира с целью проведения кластерного анализа</p>	
<p><i>Гипотеза:</i> существуют группы стран со схожим уровнем развития экономических, социальных и природных факторов, которые будут использовать схожие стратегии устойчивого развития рынков продовольствия и сельхозсырья</p>	<p><i>Первоначальный набор показателей:</i> 1) ВВП (по ППС) на душу населения страны, долл. США; 2) доля сельхозпродуктов в структуре экспорта страны, %; 3) доля сельхозпродуктов в структуре импорта страны, %; 4) доля страны в стоимости мирового экспорта сельхозпродуктов, %; 5) доля страны в стоимости мирового импорта сельхозпродуктов, %; 6) площадь сельскохозяйственных земель, тыс. га</p>
<p>Этап 2. Подготовка данных</p>	
<p><i>Выбраны и стандартизированы показатели:</i> 1) ВВП (по ППС) на душу населения, долл. США; 2) доля сельхозпродуктов в структуре экспорта страны, %; 3) доля сельхозпродуктов в структуре импорта страны, %; 4) площадь сельскохозяйственных земель, тыс. га</p>	
<p>Этап 3. Определение меры сходства между наблюдениями. Выбор программного обеспечения для обработки данных и метода кластерного анализа</p>	
<p><i>Выбрана мера сходства между объектами:</i> квадрат евклидова расстояния</p>	
<p><i>Применяемое программное обеспечение:</i> пакет прикладных программ SPSS Statistics 17</p>	<p><i>Применяемый метод кластерного анализа:</i> метод k-средних (быстрый кластерный анализ)</p>
<p>Этап 4. Проведение кластерного анализа. Получение результатов кластеризации стран мира</p>	
<p>Этап 5. Оценка вклада полученных кластеров в устойчивое развитие мирового рынка продовольствия и сельхозсырья. Оценка устойчивости развития рынков продовольствия и сельхозсырья стран мира</p>	
<p><i>Направления оценки (индикаторы):</i> I. Оценка уровня производительности труда в сельском хозяйстве (добавленная стоимость сельского хозяйства на 1 работника, долл. США). II. Оценка уровня и степени интеграции в мировой рынок продовольствия и сельхозсырья (доля в структуре мирового экспорта сельхозпродуктов, %; доля в структуре мирового импорта сельхозпродуктов, %). III. Оценка уровня обеспечения продовольственной безопасности (количество недоедающих, млн чел.; масштабы (распространенность) недоедания, %; глубина дефицита продовольствия, ккал/чел. в день). IV. Вклад в обеспечение экологической безопасности при производстве продовольствия и сельхозсырья (органические земли, % от общей площади сельхозземель; производство биотоплива, тыс. кт нефтяного эквивалента; чистые выбросы парниковых газов, CO₂ эквивалент, мт)</p>	
<p>Этап 6. Интерпретация результатов оценки</p>	
<p>Этап 7. Разработка стратегий устойчивого развития рынков продовольствия и сельхозсырья стран мира в рамках полученных кластеров</p>	
<p>Стратегии для кластеров 1 и 4 Стратегии для кластера 2 (2.1 Стратегии для экономически развитых стран. 2.2 Стратегии для развивающихся стран и стран с переходной экономикой) Стратегии для кластера 3 Стратегии для кластера 5</p>	

Рисунок 1. Методика оценки устойчивости развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья стран мира на основе кластерного анализа и выбора стратегий устойчивого развития для выделенных кластеров (стран)⁹

⁹ Составлено автором.

Таблица 1. Уровни переменных, характеризующих потенциал развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья стран мира¹⁰

Переменная	Уровень		
	низкий	средний	высокий
1. ВВП (по ППС) на душу населения, долл. США	≤10 000,0	10 000,1–29 149,0	≥29 149,1
2. Доля сельхозпродуктов в структуре экспорта страны, %	≤30,0	30,1–60,0	≥60,1
3. Доля сельхозпродуктов в структуре импорта страны, %	≤16,0	16,1–29,0	≥29,1
4. Площадь сельскохозяйственных земель, тыс. га	≤10 000,0	10 000,1–100 000,0	≥100 000,1

Этап 3. Для кластерного анализа методом k-средних в пакете прикладных программ SPSS Statistics 17 в качестве меры сходства предлагается квадрат евклидова расстояния, который и был нами использован. Для точек x и y в n -мерном случае (n переменных) формула будет иметь вид:

$$dist = \sum_{i=1}^n (x_i - y_i)^2$$

Разбиение объектов на кластеры сводится к определению центроидов этих кластеров. Использованный нами метод k-средних является неиерархическим методом кластерного анализа, в качестве достоинства которого можно отметить его большую надежность по сравнению с иерархическими методами; в качестве недостатка — неполную систематизацию серии полученных кластеров, что усложняет ее интерпретацию, но вместе с тем и предоставляет исследователю дополнительные возможности. При этом количество кластеров k задается заранее [Зорина, Слонимская 2012; Моосмюллер, Ребик 2016]. Исследовав имеющиеся переменные, мы выдвинули гипотезу о том, что $k=5$.

Этап 4. В процессе обработки данных было проведено 5 итераций. Данные о начальных центрах кластеров представлены в Таблице 2; график средних связей (между группами) — на Рисунке 2.

¹⁰ Составлено автором. Для дальнейших исследований низкому уровню каждой переменной присвоено значение 1, среднему 2 и высокому 3.

Таблица 2. Начальные центры кластеров¹¹

Переменная	Кластер				
	1	2	3	4	5
VAR00001	1,00	3,00	3,00	1,00	2,00
VAR00002	1,00	1,00	1,00	3,00	3,00
VAR00003	1,00	2,00	1,00	3,00	1,00
VAR00004	2,00	1,00	3,00	1,00	3,00

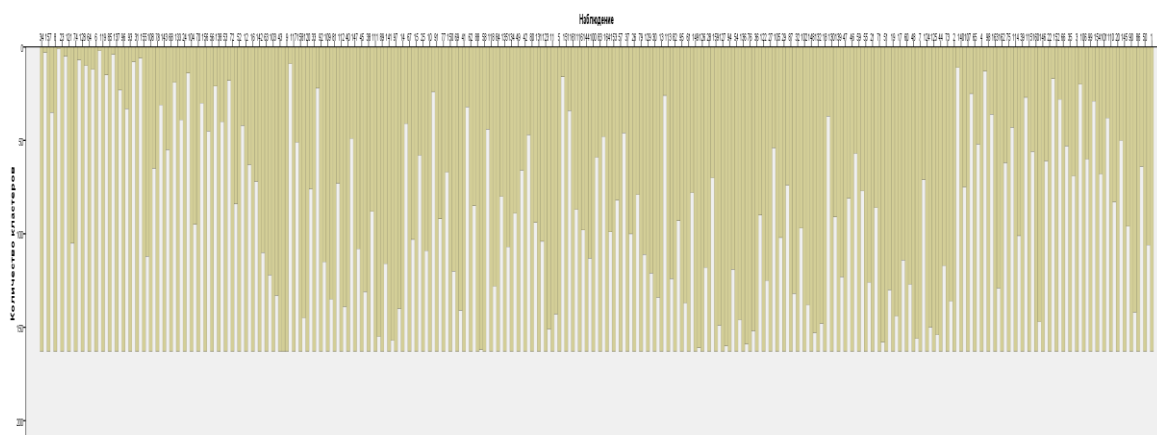

Рисунок 2. Средние связи (между группами)¹²

История итераций представлена в Таблице 3.

Таблица 3. История итераций¹³

Итерация	Изменения центров кластеров				
	1	2	3	4	5
1	,718	,652	,558	,901	,782
2	,176	,227	,000	,205	,118
3	,257	,038	,397	,000	,000
4	,079	,000	,099	,000	,000
5	,000	,000	,000	,000	,000

¹¹ Получено автором в результате кластерного анализа с использованием пакета прикладных программ SPSS Statistics 17.

¹² Получено автором по результатам кластерного анализа с использованием пакета прикладных программ SPSS Statistics 17.

¹³ Получено автором в результате кластерного анализа с использованием пакета прикладных программ SPSS Statistics 17.

Сходимость достигнута по критерию малой величины или отсутствия изменений в положении центров кластеров. Максимальное абсолютное изменение координаты любого кластера составляет ,000. Минимальное расстояние между начальными центрами 2,236.

Данные о конечных центрах кластеров представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Конечные центры кластеров¹⁴

Переменная	Кластер				
	1	2	3	4	5
VAR00001	1,00	2,44	2,28	1,19	1,75
VAR00002	1,27	1,05	1,00	2,33	2,75
VAR00003	1,32	1,32	1,07	2,22	1,00
VAR00004	1,49	1,00	2,31	1,22	2,25

В первом кластере оказалось 41 наблюдение, во втором — 59, в третьем — 29, в четвертом — 27, в пятом — 8; валидных — 164; пропущенных значений — 0.

Результаты кластеризации показаны в Таблице 6.

Этап 5. Направления оценки (индикаторы) представлены на Рисунке 1.

Этап 6. Оценка уровня производительности труда в сельском хозяйстве выделенных кластеров представлена в Таблице 5.

Таблица 5. Рейтинг кластеров по добавленной стоимости сельского хозяйства на 1 работника, долл. США¹⁵

Место кластера в рейтинге	Номер кластера	Число наблюдений	Добавленная стоимость сельского хозяйства на 1 работника	+(-) к пороговому значению
1	2	59	33709	24709
2	3	29	23494	14494
3	5	8	18874	9874
4	4	27	3711	-5289
5	1	41	2474	-6526
Пороговое значение показателя 9000 долл. США				

¹⁴ Получено автором в результате кластерного анализа с использованием пакета прикладных программ SPSS Statistics 17.

¹⁵ Составлено автором по данным источников: Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

Таблица 6. Результаты кластеризации стран мира на основе низкого, среднего и высокого значений выбранных индикаторов¹⁶

Уровень индикатора				Число наблюдений	Страна
ВВП (по ППС) на душу населения, долл. США	доля сельхоз-продуктов в структуре экспорта, %	доля сельхозпродуктов в структуре импорта, %	площадь сельхоз-земель, тыс. га		
1	2	3	4	5	6
Кластер 1					
Низкий	Низкий или средний	Низкий или средний	Низкий или средний	41	Ангола, Армения, Бангладеш, Бутан, Боливия, Камбоджа, Центрально-африканская Республика, Коморские Острова, Конго, Сальвадор, Фиджи, Грузия, Гана, Гватемала, Гондурас, Ямайка, Кения, Кыргызстан, Лесото, Ливия, Мали, Молдова, Марокко, Мозамбик, Мьянма, Непал, Никарагуа, Нигер, Нигерия, Пакистан, Папуа-Новая Гвинея, Филиппины, Руанда, Сьерра-Леоне, Сирия, Танзания, Того, Украина, Вьетнам, Йемен, Замбия.
1	2	3	4	5	6
Кластер 2					
Средний или высокий	Низкий или средний	Низкий или средний	Низкий	59	Албания, Антигуа и Барбуда, Австрия, Азербайджан, Багамы, Бахрейн, Барбадос, Беларусь , Бельгия, Босния и Герцеговина, Бруней, Болгария, Коста-Рика, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Доминика, Доминиканская Республика, Эквадор, Египет, Эстония, Финляндия, Греция, Венгрия, Исландия, Ирак, Ирландия, Израиль, Япония, Иордания, Республика Корея, Кувейт, Ливан, Литва, Люксембург, Малайзия, Мальта, Черногория, Нидерланды, Норвегия, Оман, Палау, Панама, Португалия, Катар, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сербия, Сингапур, Словакия, Словения, Шри Ланка, Суринам, Швеция, Швейцария, Македония, Тринидад и Тобаго, ОАЭ.

¹⁶ Составлено автором на основе кластерного анализа с использованием пакета прикладных программ SPSS Statistics 17.

Кластер 3					
Средний или высокий ¹⁷	Низкий	Низкий ¹⁸	Средний или высокий	29	Алжир, Австралия, Ботсвана, Канада, Китай, Колумбия, Франция, Германия, Индия, Индонезия, Иран, Италия, Казахстан, Мексика, Монголия, Намибия, Перу, Польша, Румыния, Россия , Саудовская Аравия, ЮАР, Испания, Таиланд, Тунис, Турция, Соединенное Королевство, США, Венесуэла.
1	2	3	4	5	6
Кластер 4					
Низкий или средний	Средний или высокий ¹⁹	Средний или высокий ²⁰	Низкий или средний	27	Афганистан, Белиз, Бенин, Буркина Фасо, Бурунди, Кабо Верде, Камерун, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гайана, Кирибати, Латвия, Мадагаскар, Малави, Мальдивы, Маврикий, Микронезия, Сент-Винсент и Гренадины, Самоа, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сейшельские Острова, Соломоновы Острова, Судан, Тонга, Вануату, Зимбабве.
Кластер 5					
Низкий или средний ²¹	Средний или высокий	Низкий	Средний или высокий	8	Аргентина, Бразилия, Чили, Эфиопия, Новая Зеландия, Парагвай, Уганда, Уругвай.

¹⁷ За исключением Индии, где низкий уровень ВВП (по ППС) на душу населения.

¹⁸ За исключением Ирана, у которого высокая доля сельхозпродуктов в структуре импорта.

¹⁹ За исключением Бенина и Гамбии, где низкая доля сельхозпродуктов в структуре экспорта.

²⁰ За исключением Бурунди и Малави, где низкая доля сельхозпродуктов в структуре импорта.

²¹ За исключением Новой Зеландии, где высокий уровень ВВП (по ППС) на душу населения.

Таким образом, первые места в мировом рейтинге по добавленной стоимости сельского хозяйства на 1 работника занимают 2, 3 и 5 кластеры. Составленный нами рейтинг кластеров по доле в экспорте и импорте сельхозпродуктов за 2015 г. представлен в Таблице 7.

Таблица 7. Рейтинг кластеров по доле в экспорте и импорте сельхозпродуктов²²

Место кластера в рейтинге	Номер кластера	Число наблюдений	Доля кластера в структуре мирового экспорта (импорта) сельхозпродуктов	
			%	нарастающим итогом, %
Мировой экспорт сельхозпродуктов				
1	3	29	46,46	46,46
2	2	59	19,36	65,82
3	5	8	9,49	75,31
4	1	41	4,74	80,05
5	4	27	1,11	81,16
Мировой импорт сельхозпродуктов				
1	3	29	46,09	46,09
2	2	59	20,58	66,67
3	1	41	5,70	72,37
4	5	8	1,62	73,99
5	4	27	0,94	74,93

Анализ полученных в процессе исследования результатов показал следующее:

Кластер 1. Его сформировала 41 страна (развивающаяся или с переходной экономикой) с низким уровнем доходов и низким или средним уровнем трех других показателей. Большинство из них — нетто-импортеры продовольствия и сельскохозяйственного сырья, 18 из указанных стран — наименее развитые по классификации ООН, которые также являются нетто-импортерами продовольствия. В странах кластера самая низкая в мире производительность труда в сельском хозяйстве, о чем свидетельствует последнее место в рейтинге по добавленной стоимости сельского хозяйства на 1 работника (среднее значение 2474 долл. США).

Кластер 2. Наиболее многочисленный кластер, в состав которого вошли 59 малых экономически развитых, развивающихся стран и стран с переходной

²² Составлено автором по данным источников: Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

экономикой. Включает 28 европейских государств (в том числе Беларусь и 20 стран-членов ЕС). Кроме того, Египет, Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Бруней, Ирак, Черногория, Сент-Люсия являются нетто-импортерами продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Кластер характеризуется средним или высоким уровнем ВВП (по ППС) на душу населения; низкими или средними показателями доли сельхозпродуктов как в структуре экспорта, так и в структуре импорта; малой площадью сельскохозяйственных земель.

Кластер находится на первом месте в мировом рейтинге производительности труда со средним показателем добавленной стоимости сельского хозяйства на 1 работника 33709 долл. США (лидеры — Словения, Сингапур, Бруней) и на втором месте по вкладу в мировую торговлю продовольствием и сельскохозяйственным сырьем: его доля в структуре мирового экспорта составляет 19,36 %, в структуре мирового импорта — 20,58 %.

Кластер 3. В него входят 29 крупных и средних экономически развитых и развивающихся стран с высоким (средним) уровнем доходов (исключение составляет Индия), с низкой долей экспорта и импорта сельхозпродуктов в структуре внешнеэкономической деятельности (ВЭД), из них 5 стран, в которых имеются проблемы с обеспечением продовольственной безопасности, — нетто-импортеры продовольствия и сельскохозяйственного сырья: Ботсвана, Монголия, Намибия, Тунис, Венесуэла. Кластер занимает второе место в мире по производительности труда в сельском хозяйстве (добавленная стоимость в отрасли на 1 работника составляет 23494 долл. США, лидеры — Франция, Канада, США).

Экономически развитые страны кластера являются крупнейшими мировыми производителями, экспортерами и импортерами продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Это Австралия, Канада, Франция, Германия, Италия, Польша, Испания, Соединенное Королевство, США. Максимален вклад кластера в мировую торговлю продовольствием и сельскохозяйственным сырьем: его доля в экспорте достигает 46,46 %, в импорте — 46,09 %.

Кластер 4. Его образовали 27 мелких или средних развивающихся государств (за исключением Латвии) с низким или средним уровнем доходов, средней или высокой долей экспорта и импорта сельхозпродуктов в структуре ВЭД. В составе кластера 14 наименее развитых стран по классификации ООН, которые одновременно являются нетто-импортерами продовольствия и сельскохозяйственного сырья, а также такие их нетто-импортеры, как Кот-д'Ивуар, Мальдивы, Маврикий, Сент-Винсент и

Гренадины, Сенегал. Кластер находится на 4 месте в рейтинге производительности труда и на последнем месте в рейтингах по доле в мировом экспорте (1,11 %) и импорте (0,94 %) сельхозпродуктов.

Кластер 5. В него вошли 8 крупных или средних развивающихся стран со средним или низким уровнем дохода, а также Новая Зеландия; со средней или высокой долей продовольствия и сельскохозяйственного сырья в структуре экспорта и низкой их долей в структуре импорта. В состав кластера вошли такие крупнейшие мировые экспортеры, как Бразилия, Аргентина, Новая Зеландия, Чили. Кластер находится на третьих местах мировых рейтингов производительности труда (18874 долл. США) и экспорта (9,49 %) и на четвертом месте в рейтинге мирового импорта (1,62 %) сельхозпродуктов.

Можно выделить следующие три группы ключевых экспортеров продовольствия и сельскохозяйственного сырья: первую группу образуют США, Германия, Франция, Китай, Канада, Испания, Италия, Австралия, Индонезия, Мексика, Соединенное Королевство, Индия (кластер 3, суммарная доля рынка 38,56 %); вторую группу сформировали Нидерланды и Бельгия (кластер 2, суммарная доля рынка 8,10 %); третья группа стран состоит из Бразилии и Аргентины (кластер 5, суммарная доля рынка 6,72 %). Таким образом, шестнадцать указанных стран обеспечивают более половины экспортных поставок сельхозпродуктов на мировой рынок.

Ключевыми импортерами, на которые приходится более половины закупок в стоимостном выражении, являются следующие 20 стран, образующих две группы: в первую вошли США, Германия, Франция, Китай, Канада, Испания, Италия, Австралия, Индонезия, Мексика, Соединенное Королевство, Индия, Россия, Саудовская Аравия, Польша (кластер 3, суммарная доля 41,11 %); во вторую — Нидерланды, Бельгия, Республика Корея, ОАЭ, Малайзия (кластер 2, суммарная доля 9,04 %). На долю других стран мира приходится чуть менее половины импорта.

Важными индикаторами продовольственной безопасности, согласно подходу Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), являются следующие три, определяемые как в целом по миру, так и по каждой стране: число людей, страдающих от недоедания, млн чел.; распространенность (масштабы) недоедания, %; глубина дефицита продовольствия, ккал/чел. в день.

Согласно данным ФАО²³, количество недоедающих в мире составляет 789,1 млн чел., из которых 489 млн чел. проживает в странах, где происходят вооруженные конфликты: Сирии, Ираке, Южном Судане, Кении, Уганде, Эфиопии, Йемене, Афганистане, Индии, Пакистане, Нигерии, Камеруне и др.

С целью оценки уровня продовольственной безопасности в рамках выделенных нами кластеров, а также отдельных стран мира были исследованы следующие показатели: количество недоедающих, млн чел.; распространенность недоедания, %; глубина дефицита продовольствия, ккал/чел. в день. В результате обработки полученных данных составлен рейтинг выделенных кластеров по количеству недоедающих (Таблица 8).

Таблица 8 Рейтинг кластеров по количеству недоедающих²⁴

Место кластера в рейтинге	Номер кластера	Число наблюдений	Количество недоедающих		Нарастающим итогом		Доля недоедающих кластера в количестве недоедающих в мире, %
			млн чел.	%	млн чел.	%	
1	3	29	380,1	54,1	380,1	54,1	48,2
2	1	41	197,9	28,2	578,0	82,3	25,1
3	4	27	51,3	7,3	629,3	89,6	6,5
4	5	8	46,6	6,6	675,9	96,2	5,9
5	2	59	26,5	3,8	702,4	100,0	3,3
Всего							89,0

Анализ полученного рейтинга показал, что по количеству недоедающих на первых местах расположились третий и первый кластеры. В то время как в экономически развитых странах третьего кластера достигнута продовольственная безопасность, ряд крупнейших развивающихся стран со средним уровнем дохода, а также Индия все еще на пути к ее достижению. Так, количество недоедающих в Индии составляет 190,7 млн чел., в Китае — 134,7, Индонезии — 20,3 млн чел.

В первый кластер вошли страны с низким уровнем дохода, где не обеспечена экономическая доступность продовольствия, и как результат — 197,9 млн чел.

²³ Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире — 2017. Повышение устойчивости к внешним воздействиям в целях обеспечения мира и продовольственной безопасности // ФАО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/3/a-I7695r.pdf> (дата обращения: 15.01.2019).

²⁴ Составлено автором по данным источников: Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

недоедающих (или 25,1 % от их мирового объема). Второй кластер по исследуемому показателю находится на последнем месте.

Составленный рейтинг выделенных кластеров по глубине дефицита продовольствия представлен в Таблице 8.

Таблица 8. Рейтинг кластеров по глубине дефицита продовольствия, ккал/чел. в день²⁵

Место кластера в рейтинге	Номер кластера	Число наблюдений	Глубина дефицита продовольствия
1	1	41	117,6
2	4	27	100,1
3	5	8	82,5
4	3	29	44,7
5	2	59	35,8

На первых местах рейтинга оказались первый, четвертый и пятый кластеры, что свидетельствует о серьезных проблемах в обеспечении продовольственной безопасности стран указанных кластеров и о необходимости их решения в средне- и долгосрочной перспективе.

Оценка распространенности недоедания показала, что лишь 5 стран кластера 1 (Армения, Фиджи, Мали, Марокко, Украина) имеют показатель $<5,0$ %, то есть ниже порогового значения.

Устойчивость развития рынка кластера 2 не обеспечена по исследуемому показателю в таких малых государствах, в том числе островных развивающихся, как Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Эквадор, Ирак, Ливан, Оман, Панама, Сербия, Шри Ланка, Суринам.

Исследуемый показатель (кластер 3) в пределах допустимых значений в экономически развитых странах, а также в Алжире, Казахстане, Мексике, России, Саудовской Аравии, ЮАР, Тунисе и Турции. Высока распространенность недоедания в Намибии, Ботсване, Монголии, Индии и Венесуэле.

²⁵ Составлено автором по данным источников: Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

В кластере 4 по уровню распространенности недоедания устойчивость развития рынка сельхозпродуктов и продовольствия обеспечивается лишь в Кирибати, Латвии и Самоа. Критический уровень исследуемого показателя в Зимбабве, на Мадагаскаре, в Судане, Малави, Афганистане, Буркина Фасо, Кот-д'Ивуаре.

Что касается кластера 5, то из восьми государств три не обеспечили продовольственную безопасность по исследуемому показателю: Уганда (распространенность недоедания достигает 39 %), Эфиопия (28,8 %) и Парагвай (12 %).

Исследуем вклад стран мира в обеспечение экологической безопасности при производстве сельхозпродуктов согласно выделенным кластерам. Максимальная доля органических земель в общей структуре сельхозземель стран кластера 2 в Австрии (17 %), Швеции (16 %), Эстонии (15 %), Чехии (11 %), Словакии и Финляндии (по 9 %).

Рейтинг кластеров по производству биотоплива представлен в Таблице 9.

Таблица 9. Рейтинг кластеров по производству биотоплива²⁶

Место кластера в рейтинге	Номер кластера	Число наблюдений	Производство биотоплива		Нарастающим итогом		Доля в мировом производстве, %
			тыс. кт нефтяного эквивалента	%	тыс. кт нефтяного эквивалента	%	
1	3	29	246970	66,8	246970	66,8	64,8
2	2	59	66108	17,9	313078	84,7	17,3
3	5	8	51547	13,9	364625	98,6	13,5
4	1	41	3794	1,0	368419	99,7	1,0
5	4	27	1252	0,3	369671	100,0	0,3
Всего							97,0

В мировом рейтинге производства биотоплива лидирует кластер 3; замыкает рейтинг кластер 4. Страны-лидеры — Германия, Франция, США, Испания, Италия (входят в кластер 3), Аргентина (кластер 5) (Рисунок 3).

²⁶ Составлено автором по данным источников: Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

Рисунок 3. Страны-лидеры в производстве биотоплива, % от объема производства всех кластеров²⁷

Рейтинг кластеров по чистым выбросам парниковых газов представлен в Таблице 10.

Таблица 10. Рейтинг кластеров по чистым выбросам парниковых газов²⁸

Место кластера в рейтинге	Номер кластера	Число наблюдений	Чистые выбросы парниковых газов		Нарастающим итогом		Доля в мировом производстве, %
			CO ₂ эквивалент, мт	%	CO ₂ эквивалент, мт	%	
1	3	29	3654	48,1	3654	48,1	44,8
2	5	8	1768	23,3	5422	71,4	21,7
3	1	41	1628	21,4	7050	92,8	19,9
4	4	27	328	4,3	7378	97,1	4,0
5	2	59	215	2,8	7593	100,0	2,6
Всего							93,0

Страны-лидеры по чистым выбросам парниковых газов — Индонезия, Китай, Индия, Австралия, Канада (кластер 3); Бразилия (кластер 5); Малайзия (кластер 2); Нигерия и Пакистан (кластер 1) (Рисунок 4).

²⁷ Составлено автором по данным источников: Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

²⁸ Составлено автором по данным источников: Trade profiles 2017 // World Trade Organization [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_profiles17_e.pdf (дата обращения: 15.01.2019); Справочная информация ФАО по странам // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/countryprofiles/country-profiles/ru/> (дата обращения: 15.01.2019); Мировой атлас данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги // Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 15.01.2019).

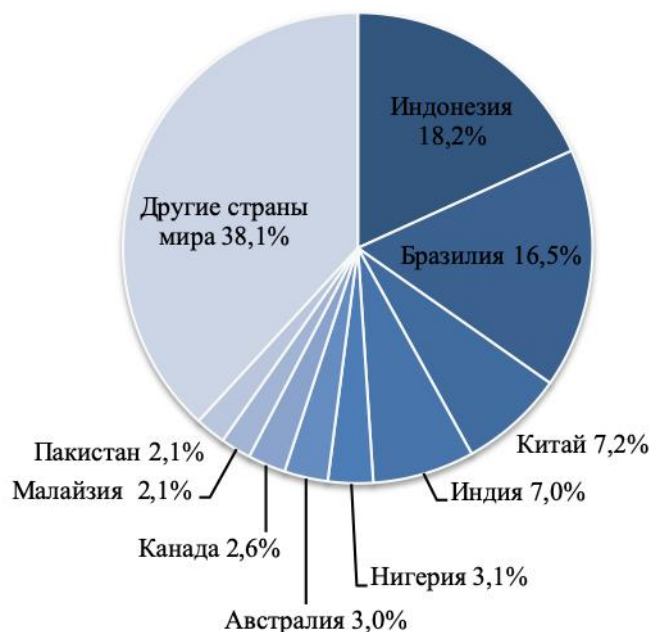

Рисунок 4. Страны-лидеры по чистым выбросам парниковых газов, % от объема производства всех кластеров²⁹

Этап 7. Полученные результаты позволяют сформулировать стратегии устойчивого развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья для выделенных кластеров.

Стратегии устойчивого развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья для кластеров 1 и 4: 1) прекращение вооруженных конфликтов в ряде стран кластера и обеспечение условий для развития рыночных отношений и повышения уровня доходов; 2) развитие рынка на основе существенного роста производительности труда и политики поддержания доходов сельхозпроизводителей; 3) интеграция в мировой рынок, развитие традиционного экспорта на основе использования возможностей ВТО для развивающихся стран и импорт недостающих объемов сельхозпродуктов для обеспечения продовольственной безопасности за счет значительного сокращения недоедания в большинстве стран в средне- и долгосрочной перспективе; 4) использование возможностей международных организаций для развития сельскохозяйственного производства и оказания продовольственной помощи с целью сокращения недоедания; 5) развитие органического сельского хозяйства, производство биотоплива и сокращение выбросов парниковых газов в основном за счет Нигерии и Пакистана.

²⁹ Составлено автором по данным источников: Там же.

Стратегии устойчивого развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья для кластера 2:

2.1 Стратегии для экономически развитых стран: 1) поддержание достигнутого уровня доходов; 2) развитие рынка на основе требований ВТО к экономически развитым странам; 3) дальнейшее развитие экспорта и импорта; 4) поддержание продовольственной безопасности на достигнутом уровне; 5) развитие органического сельского хозяйства, производства биотоплива и сокращение выбросов парниковых газов.

2.2 Стратегии для развивающихся стран и стран с переходной экономикой: 1) рост уровня доходов; 2) развитие рынка на основе роста производительности труда и политики поддержания доходов сельхозпроизводителей; 3) интеграция в мировой рынок на основе развития экспорта и импорта; 4) рост продовольственной безопасности или поддержание на достигнутом уровне; 5) развитие органического сельского хозяйства, производства биотоплива и сокращение выбросов парниковых газов в основном за счет Малайзии.

Стратегии устойчивого развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья для кластера 3: 1) поддержание достигнутого уровня доходов в странах с их высоким уровнем и рост в странах со средним и Индии; 2) развитие исследуемых рынков на основе требований ВТО к экономически развитым странам и на основе роста производительности труда и политики поддержания доходов сельхозпроизводителей в развивающихся; 3) значительное развитие экспорта и импорта; 4) значительные усилия по обеспечению продовольственной безопасности в средне- и долгосрочной перспективе в Индии, Индонезии, Китае, Ботсване, Колумбии, Монголии, Намибии, Перу, Иране, Таиланде, Венесуэле на основе существенного сокращения недоедания, а также поддержание продовольственной безопасности в других странах; 5) существенное сокращение выбросов парниковых газов за счет Индонезии, Китая, Индии, Австралии, Канады, развитие органического сельского хозяйства, дальнейший устойчивый рост производства биотоплива.

Стратегии устойчивого развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья кластера 5: 1) поддержание достигнутого уровня доходов в Новой Зеландии и рост в остальных странах; 2) развитие исследуемых рынков на основе требований ВТО к Новой Зеландии и на основе роста производительности труда и политики поддержания доходов сельхозпроизводителей в остальных странах; 3) дальнейшее развитие импорта и экспорта; 4) обеспечение

продовольственной безопасности в средне- и долгосрочной перспективе в Эфиопии, Парагвае и Уганде и ее поддержание в других странах; 5) существенное сокращение выбросов парниковых газов за счет Бразилии, развитие органического сельского хозяйства, дальнейший рост производства биотоплива.

Заключение

Таким образом, научная новизна разработанной методики заключается в следующем:

- методика основана на кластерном анализе 164 стран мира по показателям, характеризующим экономический, социальный и природный потенциал для развития рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья;
- оценка вклада полученных кластеров (стран) в устойчивое развитие мирового рынка сельхозпродуктов проводится на основе системы индикаторов, включающей 9 показателей; применяется концепция устойчивого развития, что подтверждается четырьмя направлениями оценки;
- для обработки данных используется современное программное обеспечение — пакет прикладных программ SPSS Statistics 17;
- возможен выбор актуальных стратегий устойчивого развития исследуемых рынков;
- полученные научные результаты способствуют достижению важнейшей цели устойчивого развития ООН — ликвидации голода, обеспечению продовольственной безопасности и улучшению питания и содействию устойчивому развитию сельского хозяйства.

Список литературы:

- Баландин Д.А.* Совершенствование управления устойчивым развитием сельских территорий. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Уральского отделения Российской акад. наук», 2014.
- Голубева А.И., Дорохова В.И., Дугин А.Н., Суховская А.М.* Формирование организационно-экономического механизма устойчивого развития сельских территорий региона // Вестник АПК Верхневолжья. 2016. № 1(33). С. 16–21.
- Гусаков В.* Критерии и показатели продовольственной безопасности и продовольственной независимости // Аграрная экономика. 2010. № 8. С. 13–17.
- Зорина Т.Г., Слонимская М.А.* Маркетинговые исследования. 2-е изд. Минск: БГЭУ, 2012.

Ильина З.М. Глобальные проблемы и устойчивость национальной продовольственной безопасности. В 2 кн. Кн. 1. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2012.

Ильина З.М., Кондратенко С.А. Методика оценки устойчивости регионального продовольственного рынка // Проблемы экономики. Минск: Институт экономики НАН Беларуси. 2007. Вып. 4. С. 81–92.

Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеев. М.: ЦПРП, 2001.

Калюк В.И. Оценка устойчивости развития регионального рынка зерна // Аграрная экономика. 2015. № 10. С. 65–70.

Миренкова Г.В. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика / Под науч. ред. З.М. Ильиной. Горки: БГСХА, 2011.

Моосмюллер Г., Ребик Н. Маркетинговые исследования с SPSS. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016.

Организационно-экономический механизм устойчивого развития агропромышленного комплекса и сельских территорий в Поволжье / Е.Ф. Заворотин [и др.]. Саратов: Саратовский источник, 2017.

Чазова И.Ю. Функционирование и устойчивое развитие агропродовольственного рынка // Молочнохозяйственный вестник. 2016. № 3. С. 122–133.

Neven D. Developing sustainable food value chains — Guiding principles. Rome: FAO, 2014.

Дата поступления: 30.09.2019

Lagodich L.V.

Sustainability Assessment of Food and Agriculture Systems

Larisa V. Lagodich — PhD, Associate Professor, Belarus State Economic University, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: apklarisa@mail.ru

Abstract

The problem of developing indicators of socio-economic systems sustainable development is relevant due to the widespread use by international organizations, including the UN, and by scientists in the field of sustainable development. By the sustainable development of the food market we mean achievement of a given level of food security through the achievement of four goals: the satisfaction of the needs of the domestic market based on the food self-sufficiency; achieving a high quality of life through good nutrition; the sustainable integration in the world market; the environmental security.

The subject of study is sustainability of food and agriculture systems of the world countries.

The purpose of the study is to develop a methodology for sustainability assessment of food and agriculture systems of the world countries based on a cluster analysis, and propose strategies of specified clusters (countries) sustainable development.

The uniqueness of the research is characterised by two statements: it is based on a cluster analysis of 164 countries' indicators which characterise economic, social and natural resource

potential for food and agriculture systems development; an assessment of different clusters (countries) contribution into the sustainability assessment of food and agriculture systems is based on the author's system of indicators. The conducted researches aim at the most important United Nations goals: zero hunger, food safety, global nutrition improvement, sustainable development of food and agriculture systems.

Keywords

Sustainable development of the food market, cluster analysis, sustainability indices, sustainable development strategies, food security, global food system.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10017

References:

- Balandin D.A. (2014) *Sovershenstvovaniye upravleniya ustoychivym razvitiyem sel'skikh territoriy* [Improving the management of sustainable rural development]. Ekaterinburg: Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye nauki «Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akad. nauk».
- Bobyleva S.N., Makeyenko P.A. (eds.) (2001) *Indikatory ustoychivogo razvitiya Rossii (ekologo-ekonomicheskiye aspekty)* [Indicators of sustainable development of Russia (environmental and economic aspects)]. Moscow: TSPPR, 2001.
- Chazova I.Y. (2016) Operation and Sustainable Development of Agricultural Market. *Molochnokhozyaystvennyy vestnik*. No. 3. P. 122–133.
- Golubeva A.I., Dorokhova V.I., Dugin A.N., Sukhovskaya A.M. (2016) Formation of the Organizational-Economic Mechanism of a Sustainable Development of Rural Territories of Region. *Vestnik APK Verkhnevolzh'ya*. No. 1(33). P. 16–21.
- Gusakov V. (2010) Kriterii i pokazateli prodovol'stvennoy bezopasnosti i prodovol'stvennoy nezavisimosti [Criteria and indicators of food security and food independence]. *Agrarnaya ekonomika*. No. 8. P. 13–17.
- Ilyina Z.M. (2012) *Global'nyye problemy i ustoychivost' natsional'noy prodovol'stvennoy bezopasnosti* [Global Challenges and Sustainability of National Food Security]. In 2 books. Book 1. Minsk: Institut sistemnykh issledovaniy v APK NAN Belarusi.
- Ilyina Z.M., Kondratenko S.A. (2007) The Method of Estimation of Stability of the Regional Food Market. *Problemy ekonomiki*. Minsk: Institut ekonomiki NAN Belarusi. Is. 4. P. 81–92.
- Kalyuk V.I. (2015) *Otsenka ustoychivosti razvitiya regional'nogo rynka zerna* [Assessment of the sustainability of regional grain market development]. *Agrarnaya ekonomika*. No. 10. P. 65–70.
- Mirenkova G.V. (2011) *Ustoychivoye razvitiye sel'skikh territoriy: teoriya, metodologiya, praktika* [Sustainable development of rural territories: theory, methodology, practice]. Z.M. Ilyina (ed.). Gorki: BGSKHA.

Moosmyuller G., Rebik N. (2016) *Marketingovyye issledovaniya s SPSS* [Marketing research through SPSS]. 2-e izd. Moscow: INFRA-M.

Neven D. (2014) *Developing sustainable food value chains — Guiding principles*. Rome: FAO.

Zavorotin E.F. (ed.) (2017) *Organizatsionno-ekonomicheskiy mekhanizm ustoichivogo razvitiya agropromyshlennogo kompleksa i sel'skikh territoriy v Povolzh'ye* [The organizational and economic mechanism of a sustainable development of agro-industrial complex and rural territories in Volga region]. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2017.

Zorina T.G., Slonimskaya M.A. (2012) *Marketingovyye issledovaniya* [Marketing research]. 2-e izd. Minsk: BGEU.

Received: 30.09.2019

Митина Н.Н., Ду Хуэй

Российско-китайское энергетическое сотрудничество с точки зрения национальной безопасности Китая

Митина Наталья Николаевна — доктор географических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: natalia_mitina@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [3074-5570](https://elibrary.ru/3074-5570)

Ду Хуэй — аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: mianyiyingcha@yahoo.com

SPIN-код РИНЦ: [3759-0117](https://elibrary.ru/3759-0117)

Аннотация

Работа посвящена анализу сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в политической, экономической, социальной и культурной сфере, а также в энергетической отрасли, устойчивое развитие которой необходимо с точки зрения национальной безопасности КНР. В задачи исследования входили обоснование этапов развития российско-китайских отношений, определение приоритетных направлений сотрудничества и факторов безопасности экономического развития Китая. Исследование охватывает период с декабря 1992 года, когда президент России Борис Ельцин совершил официальный визит в Китай, а в сентябре 1994 года председатель КНР Цзян Цзэминь нанес ответный визит в Россию, по 2018 год включительно. После этих событий стали проводиться ежегодные встречи, консультации и переговоры по проблемным вопросам, после чего был подписан ряд соглашений по итогам встреч, которые отражают стратегию сотрудничества между Китаем и Россией. Данные стратегические документы, сгруппированные по направлениям сотрудничества, (в официальной и публичной дипломатии на высшем уровне, экономике, научных исследованиях, отношениях в социальной сфере), отобраны для анализа эволюции сотрудничества двух государств. Основные информационные источники данных, проанализированных для статьи: газеты «Жэньминь жибао» и «Китайский Синьхуа», официальные сайты «China Petroleum Corporation» и «Sinopet Group», а также других престижных организаций, располагающих достоверной информацией на китайском, английском и русском языках. На основе аналитического обзора, графического анализа, статистических методов исследования (парного корреляционного, факторного и кластерного анализа) обоснованы исторические этапы развития российско-китайского стратегического сотрудничества, выявлены четыре фактора безопасности бесперебойных поставок углеводородов в Китай и ключевые направления китайско-российского нефтегазового сотрудничества, которые сосредоточены на разведке и добыче нефти и газа, строительстве нефте- и газопроводов, совместных проектах и взаимовыгодной торговле нефтью и газом.

Ключевые слова

Энергетика, сотрудничество, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, динамика, развитие, анализ, перспективы, официальные документы о сотрудничестве КНР и РФ.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10018

Введение

Экономический рост Китая — второй в мире страны по количеству потребляемой энергии — все больше зависит от надежности внешних поставщиков энергоресурсов, поскольку собственными запасами страна в должной мере не располагает. Несмотря на значительные достижения Китая в развитии альтернативных

источников энергии, углеводороды являются важнейшим энергетическим ресурсом страны, при этом их роль в экономическом развитии Китая постоянно растет. В связи с вышеизложенным тема повышения энергобезопасности Китая с позиций укрепления межгосударственных связей со странами поставщиками нефти и газа является важной и актуальной составляющей национальной политики Китая.

Цель исследования, таким образом, — анализ перспектив укрепления энергетической безопасности Китайской Народной Республики, одним из элементов которой является развитие российско-китайского сотрудничества.

В задачи исследования входили обоснование и рассмотрение этапов развития российско-китайских отношений, определение приоритетных направлений сотрудничества и факторов безопасности экономического развития Китая.

Развитие российско-китайского сотрудничества

В декабре 1992 года президент России Борис Ельцин нанес официальный визит в Китай, а в сентябре 1994 года председатель КНР Цзян Цзэминь совершил ответный визит в Россию. После этих событий, вдохнувших новую жизнь в развитие двусторонних отношений, главы двух государств стали проводить ежегодные совещания, консультации и переговоры по проблемным вопросам, после чего был подписан ряд соглашений по итогам встреч, которые отражают стратегию сотрудничества между Китаем и Россией. В Таблице 1 представлено количество документов с 1992 по 2018 гг., подписанных по итогам двусторонних контактов в сферах государственной безопасности, финансов, экономики и торговли, энергетики, науки и технологий, охраны окружающей среды, культуры, реализации принципов гуманизма и гражданского общества.

Таблица 1. Развитие российско-китайского стратегического сотрудничества в документах¹

Годы	Международные отношения на высшем уровне: официальная и публичная дипломатия				Отношения в сфере экономики			Прикладная и фундаментальная наука	Отношения в социальной сфере				Документы о сотрудничестве в нескольких отраслях	Итого
	Организация департаментов сотрудничества	Политика	Дипломатия	Государственная безопасность	Финансы	Экономика и торговля	Энергетика	Наука и технологии	Охрана окружающей среды	Гражданское общество	Реализация принципов гуманизма	Культура	Документы о сотрудничестве в нескольких отраслях	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1992	0	3	0	1	1	4	2	3	0	3	0	3	2	22
1993	0	1	0	1	0	1	0	4	0	2	0	3	2	14
1994	0	1	0	3	0	7	0	3	2	0	0	3	0	19
1995	2	2	0	1	0	2	1	2	2	1	0	2	7	22
1996	1	4	0	3	2	4	3	2	1	0	0	1	2	23
1997	0	1	0	0	1	3	4	1	0	0	0	3	3	16
1998	0	1	0	0	1	3	0	0	0	1	0	0	3	9
1999	0	5	0	2	0	12	5	2	0	0	0	3	8	37
2000	0	3	0	2	3	5	8	5	1	3	0	2	7	39
2001	1	1	0	2	1	5	3	4	1	0	0	0	9	27
2002	0	0	1	0	2	0	0	0	0	0	0	1	3	7
2003	1	0	1	3	3	1	3	2	0	0	0	1	3	18
2004	1	4	1	0	2	2	2	0	0	0	0	5	6	23
2005	1	2	0	0	4	2	2	0	0	0	1	4	3	19
2006	0	2	0	0	4	3	7	0	0	0	0	3	3	22
2007	0	0	0	0	1	3	4	1	1	0	0	0	3	13
2008	0	1	0	0	2	2	2	1	0	0	0	3	4	15
2009	1	0	0	2	1	4	13	1	0	1	0	3	6	32
2010	3	0	0	0	1	5	10	0	0	0	0	1	4	24
2011	0	0	0	0	3	3	2	3	0	0	0	2	4	17
2012	0	0	0	0	1	0	7	0	1	0	1	2	5	17
2013	1	1	0	0	3	7	15	1	0	1	0	4	5	38
2014	1	0	0	1	1	9	9	1	0	0	0	3	6	31
2015	0	0	0	1	0	8	0	0	0	0	0	0	12	21
2016	0	0	0	1	6	5	9	0	0	0	0	0	8	29
2017	0	0	0	2	5	9	13	0	0	1	0	0	0	30
2018	0	0	0	1	3	6	15	7	0	0	0	0	0	32
Сумма	13	32	3	26	51	115	139	43	9	13	2	52	118	616

Полиномиальный тренд развития российско-китайских отношений, представленный на Рисунке 1 показывает, что количество подписанных соглашений за прошедшие 27 лет росло неравномерно: до 2000 года наблюдалось незначительное снижение подписанных соглашений, затем начинается активизация российско-китайского сотрудничества, выраженная в количестве подписанных документах. После

¹ Составлено авторами по 中国国家图书馆-人民日报全文数据库 // National Library of China [Электронный ресурс]. URL: <http://dportal.nlc.cn:8332/zylb/zylb.htm> (дата обращения: 15.09.2019).

кризиса 2008 года количество соглашений многократно увеличивается, причем растет по экспоненте.

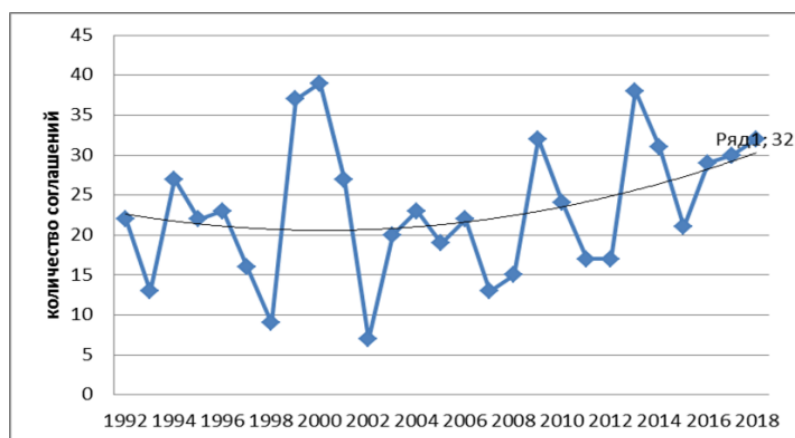

Рисунок 1. Суммарное количество российско-китайских соглашений с 1992 по 2018 гг.²

Международные отношения на высшем уровне на первом этапе, с 1992 по 2000 гг., характеризуются резким спадом, который замедляется на втором этапе, с 2000 по 2008 гг., и после провальных 2010–2012 гг. стабилизируются на третьем, активно развиваясь с 2013 года (Рисунок 2).

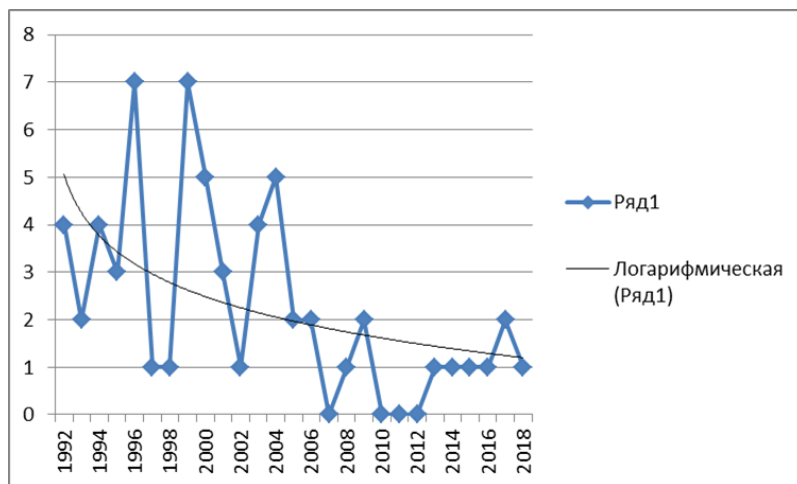

Рисунок 2. Динамика российско-китайских международных отношений на высшем уровне (официальной и публичной дипломатии) с 1992 по 2018 гг.³

Что касается развития отношений в социальной сфере, то после резкого падения активности международной деятельности в данной области (1992–2000 гг.) с 2000 года наметилась активизация сотрудничества, при этом общий тренд снижения интереса к взаимодействию сохраняется до 2018 года включительно (Рисунок 3).

² Составлено авторами.

³ Составлено авторами.

Следует отметить, что до 2000 г. наметилась тенденция роста культурных связей при общем резком падении других составляющих исследуемой социальной сферы международного общения, и только с 2008 года отмечается повышение активности по направлению «гражданское общество».

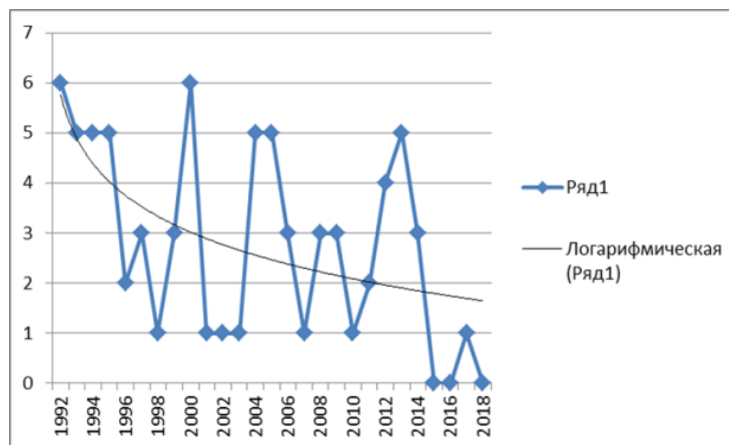

Рисунок 3. Динамика российско-китайских международных отношений в социальной сфере с 1992 по 2018 гг.⁴

Период ослабления российско-китайских связей в сфере науки и технологий с 1992 по 2000 гг. сменился активизацией взаимодействия и отметился стабилизацией и развитием с 2008 года (Рисунок 4).

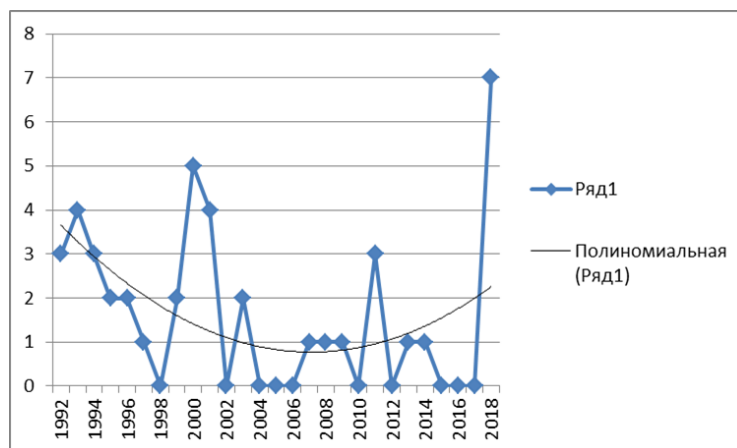

Рисунок 4. Динамика российско-китайских международных отношений в сфере науки и технологий с 1992 по 2018 гг.⁵

В сфере финансово-экономических отношений между двумя странами наблюдается неуклонное развитие (Рисунок 5а) во всех исследуемых отраслях (Рисунок 6), особенно после 2000 года.

⁴ Составлено авторами.

⁵ Составлено авторами.

Таким образом, за описываемый период можно выделить три этапа российско-китайского сотрудничества: первый этап, с 1992 года по 2000 год, отмечен ослаблением российско-китайских связей по всем представленным направлениям, кроме вялотекущего наращивания контактов в финансовой и энергетической сферах. Второй этап, с 2000 по 2008 гг., можно назвать переломным: он характеризуется постепенной активизацией сотрудничества, и третий этап, с 2008 по 2018 гг., — это этап активного развития практически утраченных в 90-е годы российско-китайских отношений, причем активность сотрудничества превысила уровень 1992 г.

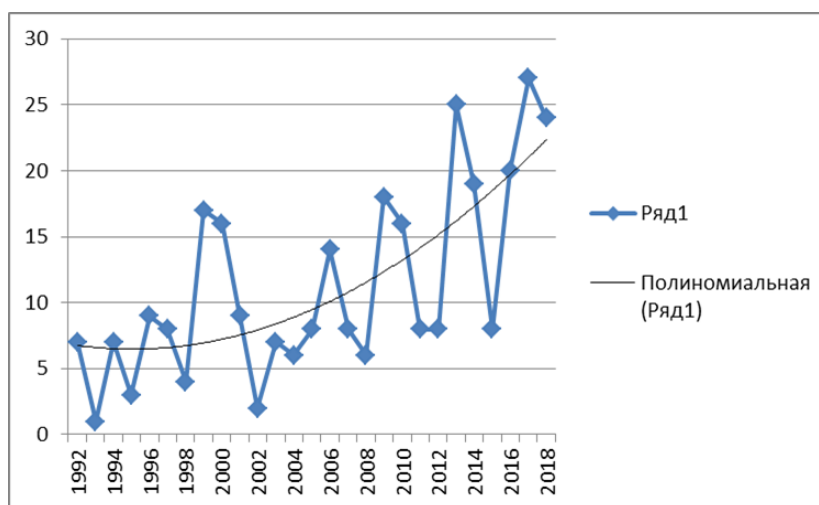

Рисунок 5. Динамика российско-китайских отношений в финансово-экономической сфере с 1992 по 2018 гг. (суммарный тренд)⁶

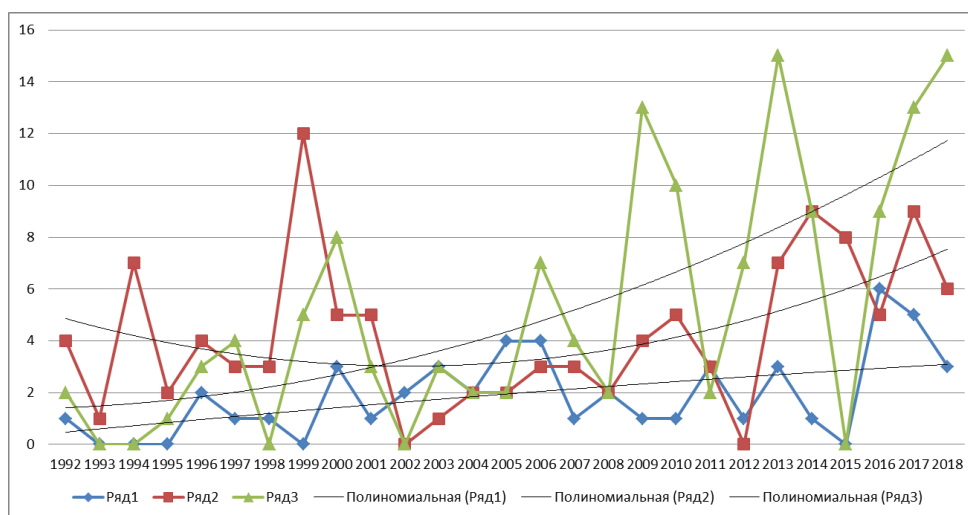

Рисунок 6. Динамика российско-китайских отношений в финансово-экономической сфере с 1992 по 2018 гг. (по отраслям: ряд 1 — финансы, ряд 2 — экономика и торговля, ряд 3 — энергетика)⁷

⁶ Составлено авторами.

⁷ Составлено авторами.

За период 1992–2018 гг. наибольшее количество соглашений о сотрудничестве было подписано в сфере энергетики: более 22,5% подписанных документов (139 из 616) приходится на данную отрасль. Второе, третье и четвертое место в сфере сотрудничества занимают, соответственно, документы, касающиеся экономики и торговли (115 документов, или 18,7%), культуры и финансовой деятельности (52 и 51 документ соответственно, или по 8%) и, наконец, науки и технологий (43 документа, или 7%).

Для определения наиболее важных направлений российско-китайского сотрудничества и связей между ними данные Таблицы 1 были обработаны методами математической статистики. Корреляционный анализ переменных данной таблицы не показал значимых зависимостей — максимальную корреляцию на уровне средних значений показала корреляция энергетических соглашений с соглашениями в торгово-экономической ($r=0,41$) и финансовой ($r=0,44$) сфере. Поэтому нами был проведен факторный анализ переменных Таблицы 1 методом главных компонент. В результате трех вращений факторной матрицы (Таблица 2) было получено, что основную нагрузку в факторной матрице важности налаживания двусторонних контактов несет проблема государственной безопасности в военной сфере (фактор 1: 17% нагрузки), на втором месте сотрудничество в сфере энергетики (фактор 2: 13,6% нагрузки), культурные связи, которые также играют важную роль в отношениях, занимают по значимости третье место (фактор 3: 11,7% нагрузки).

Таблица 2. Факторный анализ показателей Таблицы 1 методом главных компонент (значимые нагрузки > 0,700000)⁸

Переменные	фактор 1	фактор 2	фактор 3
Var 1. Организация департаментов сотрудничества	-0,103302	0,152765	0,076228
Var 2. Политика	0,241240	0,302274	-0,643406
Var 3. Дипломатия	-0,429600	0,271217	0,068157
Var 4. Государственная безопасность	0,715076	0,195294	0,103068
Var 5. Финансы	-0,167870	-0,619247	0,184235
Var 6. Экономика и торговля	0,620053	-0,376795	0,069826
Var 7. Энергетика	0,205812	-0,809612	0,093140
Var 8. Наука и технологии	0,672651	0,047519	-0,189971
Var 9. Охрана окружающей среды	0,381471	0,632284	0,078455
Var 10. Гражданское общество	0,388232	-0,094068	-0,587764
Var 11. Реализация принципов гуманизма	-0,494442	0,029846	-0,143630
Var 12. Культура	-0,260925	0,048353	-0,791426

⁸ Составлено авторами.

Var 13. Сотрудничество в разных отраслях	0,237164	0,270089	0,304503
Expl.Var	2,385463	1,904911	1,631466
Prp.Totl	0,170390	0,136065	0,116533

Кластерный анализ переменных Таблицы 1 показал максимальную значимость переменной, характеризующей энергетическую сферу сотрудничества, и ее прямую связь с торгово-экономической деятельностью (Рисунок 7), поскольку от энергетической отрасли Китая, как и любой другой страны, зависит ее всестороннее развитие. В связи с вышеизложенным российско-китайское сотрудничество в энергетике является темой дальнейшего обсуждения в данной работе.

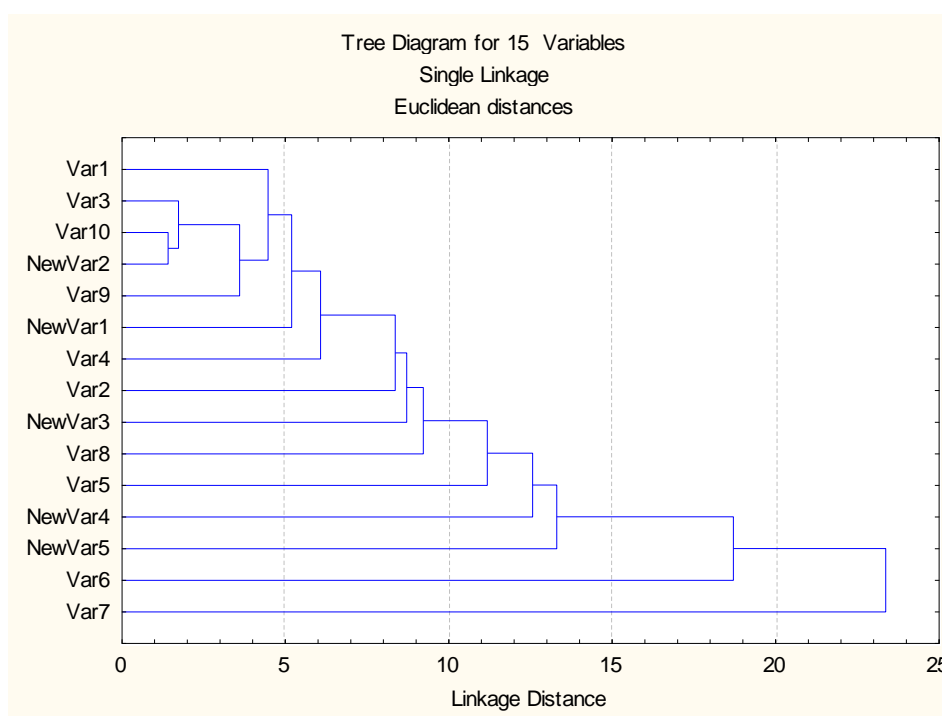

Рисунок 7. Кластерный анализ переменных Таблицы 1⁹

Развитие российско-китайского энергетического сотрудничества

Развитие сотрудничества между Китаем и Россией в различных областях энергетики идет неравномерно и имеет свои особенности. Исследуя количество соглашений в области энергетики в разные годы, можно заметить, что до 2000 года статус данного сотрудничества не являлся приоритетным (всего 10% подписанных документов) и был равнозначен сотрудничеству в дипломатической, культурной и научно-технологической областях (примерно по 10% от общего количества подписанных документов), а преобладали торгово-экономические соглашения в неэнергетической сфере деятельности (около 20% от общего количества подписанных

⁹ Составлено авторами.

документов). Причиной этому являлось то, что до 2000 года энергетические проблемы Китая не были значимыми и спрос на энергоресурсы в стране не являлся первоочередным. Тогда Китай и Россия имели разные интересы: Китай надеялся на импорт нефти, а Россия была озабочена экспортом природного газа.

В начале XXI века, когда энергетические проблемы Китая стали нарастать, Китай начал более активно стремиться к энергетическому сотрудничеству, и после 2006 года данная тема стала причиной постоянных встреч на высшем уровне глав двух государств [陈小沁 2006].

Продвижение сотрудничества в газовой сфере было трудным. С 23 декабря 1994 года Национальная комиссия по планированию позволила Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC) осуществлять импорт природного газа из новых российских месторождений, расположенных в Восточной Сибири. Официально началось осуществляться китайско-российское сотрудничество в нефтегазовой отрасли [白根旭 2013]. Документы соглашений о стратегическом сотрудничестве между Китаем и Россией в области энергетики, опубликованных в открытой печати — газете «Женьминь жибао» с 1992 по 2018 гг., сведены в Таблицу 3, в которой приведены этапы и распределение по годам китайско-российских соглашений о сотрудничестве в различных областях газовой отрасли, показаны годы соглашений о разведке, добыче и переработке природного газа, а также этапы намерений о строительстве газопровода. Данные демонстрируют, что до 2004 года не наблюдалось существенного прогресса почти во всех видах сотрудничества в газовой отрасли и многие проекты, связанные с разведкой, добычей и переработкой природного газа, все еще находятся на стадии согласования¹⁰.

¹⁰ 中国国家图书馆-人民日报全文数据库 // National Library of China [Электронный ресурс]. URL: <http://dportal.nlc.cn:8332/zylb/zylb.htm> (дата обращения: 15.09.2019).

Таблица 3. Соглашения о сотрудничестве в газовой отрасли¹¹

Характер отношений Сфера отношений	Планы	Взаимоотношения	Соглашения	Сотрудничество в техническом обеспечении
Разведка и разработка месторождений природного газа	1999, 2000	1996, 1997, 1997, 1997, 1999, 2000, 2000, 2000, 2001, 2003, 2004, 2006, 2009, 2010, 2010, 2012	2005, 2006, 2013	2013, 2013, 2017
Строительство и эксплуатация газопроводов	1999, 2000	1996, 1997, 1997, 1997, 1999, 2000, 2000, 2000, 2001, 2002, 2003, 2003, 2003, 2009	2005, 2006, 2007, 2010, 2018	2014, 2018
Торговля природным газом	2018	1996, 2000, 2004, 2008, 2009, 2014, 2015	2004, 2005, 2006, 2006, 2009, 2009, 2010, 2012, 2013, 2013, 2014, 2014, 2014, 2015, 2016, 2017	2013, 2014, 2014, 2016, 2018
Создание совместных предприятий		2008, 2009, 2011	2005	2006

Препятствия к сотрудничеству в этих областях обусловлены сочетанием многих причин. Например, в 1990-х годах Китай надеялся использовать «соглашение о разделе продукции» для совместной разработки нефтяных и газовых ресурсов в Восточной Сибири, однако Россия считает, что этот метод противоречит ее национальным интересам. В результате противоречий интересов сторон в китайско-российской торговле природным газом доминирует трубопроводный природный газ [郑羽 2003]. При разработке трубопроводных схем Россия всесторонне рассматривает вопрос диверсификации рынка сбыта природного газа. При этом, несмотря на имеющиеся разногласия, соглашений по добыче и переработке природного газа намного больше, чем в нефтяной сфере: по газу подписано 17 соглашений между корпорациями в области разведки, разработки и переработки, а также создания совместных предприятий, что составляет 65% от общего числа соглашений в энергетической отрасли. В области нефтяного сотрудничества было подписано всего четыре соглашения. Это показывает, что китайским энергетическим компаниям трудно вмешиваться в добывающий сектор российской нефти.

¹¹ Составлено авторами по 国家统计局数据库 // База данных Национального бюро статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения: 08.04.2019); 中国国家图书馆-人民日报全文数据库 // National Library of China [Электронный ресурс]. URL: <http://dportal.nlc.cn:8332/zylb/zylb.htm> (дата обращения: 15.09.2019).

В начале XXI века китайские и российские энергетические компании попробовали различные формы сотрудничества в нефтегазовой отрасли и подписали соглашение о стратегическом партнерстве. Для Китая наилучшим способом сотрудничества является создание совместных энергетических предприятий; кроме того, китайские энергетические компании постоянно стремятся к сотрудничеству в разведке месторождений, добыче и переработке российской нефти, но результатов пока недостаточно, с точки зрения китайской стороны [白根旭 2013]. Китайские инвестиции в нефтяные месторождения России остаются по-прежнему на низком уровне, поэтому на совместных нефтеперерабатывающих предприятиях ощущается нехватка сырья. Проблема до сих пор окончательно не решена.

Вызовы, влияющие на российско-китайское энергетическое сотрудничество

Основные вызовы, стоящие перед Китаем и влияющие на сотрудничество с Россией в сфере энергетики, можно разделить на четыре типа: вызовы внутреннего рынка, вызовы международного рынка, вызовы национальной безопасности и вызовы международных отношений (Рисунок 8).

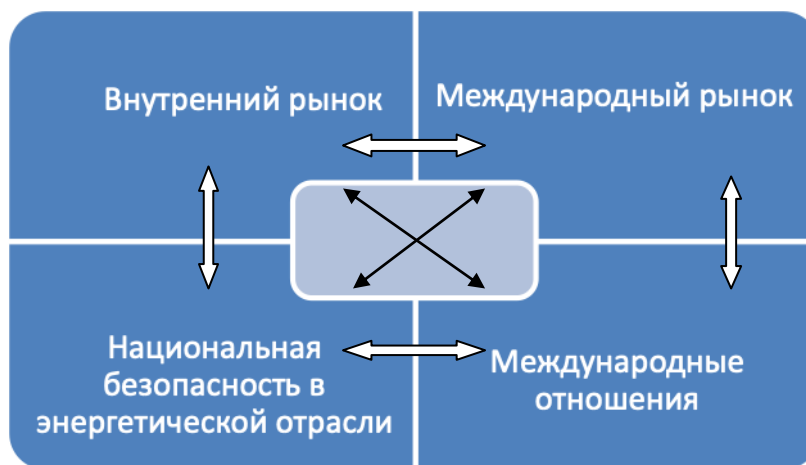

Рисунок 8. Структура напряженности между вызовами, влияющими на российско-китайское энергетическое сотрудничество¹²

Вызовы внутреннего рынка Китая, влияющие на китайско-российское энергетическое сотрудничество, включают:

- ограничения в потреблении энергии, произведенной на угольных электростанциях Китая,

¹² Составлено авторами по [田春荣 2016].

- повышенные требования к модернизации энергетических предприятий,
- низкий уровень развития энергетических технологий в Китае.

Ситуация с потребительским спросом на внутреннем рынке складывается для Китая следующим образом:

- наблюдается рост потребности в энергии и энергопотреблении (Таблица 4),
- внутреннее предложение энергоресурсов ограничено,
- потребление энергии находится все в большей зависимости от импорта.

Чем больше обостряется противоречие между спросом и предложением энергоресурсов в Китае, тем больше энергопотребляющая страна испытывает необходимость поиска стабильного долгосрочного международного сотрудничества со странами-экспортерами для обеспечения стабильных поставок энергии по приемлемой цене.

Стабильно повышающийся спрос на энергию обусловлен ростом китайской экономики в сочетании с резким ухудшением экологической обстановки в стране. С целью улучшения состояния окружающей среды правительство Китая предложило сократить выработку энергии на угольном топливе, что еще больше увеличило спрос Китая на газ и, соответственно, повысило экономическую зависимость Китая от российских газопроводных проектов¹³. Однако стоит отметить, что, несмотря на все усилия, предпринимаемые правительством Китая по сокращению использования природного угля с 2013 по 2016 гг., когда был отмечен прогресс, с 2017 года КНР снова пришлось повысить потребление угля как самого дешевого топлива (Таблица 4).

Таблица 4. Развитие энергетической отрасли в Китае¹⁴

	КИТАЙ											
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	Доля, %
Первичная энергия, потребление млн т н.э.*	2150.3	2231.2	2329.5	2491.3	2690.1	2799.1	2907.0	2973.5	3009.8	3047.2	3132.2	23.2
Нефть, добыча, тыс. бар. в день	3742	3814	3805	4077	4074	4155	4216	4246	4309	3999	3846	4.2

¹³ 《中国经营报》2017年5月9日B06 "China Business News" 9 мая 2017 г., издание B06 // Invest in China [Электронный ресурс]. URL: http://fdi.gov.cn/1800000121_33_11652_0_7.html (дата обращения: 21.11.2019).

¹⁴ British Petroleum Statistical Review of the World Energy. 67th Edition // BP [Электронный ресурс]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/fr_ch/PDF/bp-stats-review-2018-full-report.pdf (дата обращения: 21.11.2019). Примечание: т н.э. — тонн нефтяного эквивалента.

Нефть, потребление, тыс. бар. в день	7808	7941	8278	9436	9796	10230	10734	11209	11986	12302	12799	13.0
Импорт нефти, тыс. бар. в день	4172	4494	5100	5886	6295	6675	6978	7398	8333	9214	10241	15.2
Природный газ: добыча млрд м ³	69.8	80.9	85.9	96.5	106.2	111.5	121.8	131.2	135.7	137.9	149.2	4.1
Природный газ: потребление млрд м ³	71.1	81.9	90.2	108.9	135.2	150.9	171.9	188.4	194.7	209.4	240.4	6.6
Уголь, добыча, млн т н.э.	1439.3	1491.8	1537.9	1665.3	1851.7	1873.5	1894.6	1864.2	1825.6	1691.4	1747.2	46.4
Уголь, потребление, млн т н.э.	1584.2	1609.3	1685.8	1748.9	1903.9	1927.8	1969.1	1954.5	1914.0	1889.1	1892.6	50.7

Китайское правительство справедливо продолжает считать угледобычу стратегическим ресурсом, являющимся «подушкой безопасности» в условиях возможных рисков срывов поставок энергоресурсов из-за рубежа. Китайской стороне следует иметь в виду, что существует еще один путь улучшения экологической обстановки в Китае, без снижения потребления самого дешевого топлива — угля. Этот путь демонстрируют сегодня развитые страны в условиях нарастания экономического кризиса: совершенствование технологии сжигания угля и очищения выбросов посредством модернизации фильтров.

Вызовы международного рынка. Рентабельность внутреннего энергетического рынка Китая влияет на энергетическое сотрудничество. Это связано с тем, что основным элементом реализации стратегии международного энергетического сотрудничества является конкретное энергетическое предприятие. Хотя предприятия могут временно отказаться от краткосрочных интересов для достижения долгосрочных целей развития, выживание предприятий достигается путем повышения прибыли. В китайско-российских переговорах о цене на природный газ «Газпром» выступает за то, чтобы цена на российский природный газ соответствовала европейской, а она достаточно высока, и сектор природного газа Китая несет убытки. Из-за разногласий в ценах на поставку газа переговоры по подписанию контракта на строительство «Силы Сибири» продолжались вплоть до мая 2014 года. Цена в российско-китайских договорах купли-продажи природного газа, подписанных в мае 2014 года, составляла около 350–400 \$/1000 м³, что выше цены поставки природного газа из Центральной Азии. Россия не желает продавать природный газ по цене ниже европейской, за исключением введения льготных цен на газ для настроенных на сотрудничество стран

СНГ. В течение многих лет переговоров между Китаем и Россией российская сторона не шла на уступки в ценах на газ и настаивала на принципе привязки к ценам на нефть [田春荣 2017].

Инверсия внутренних цен на трубопроводный и на сжиженный природный газ (СПГ) (Таблица 5) на внутреннем и внешнем рынке привела к потерям PetroChina, так как с 2011 по 2017 гг. цены ежегодно корректировались в сторону повышения и практически удвоились.

Таблица 5. Динамика внутренних цен на природный газ в Китае с 2011 по 2017 гг.¹⁵

	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Импортный СПГ (юань/ГДж)	24.93	31.45	38.82	39.01	39.98	40.12
Импортный трубопроводный газ (юань/м ³)	0.88	1.11	1.37	1.45	1.89	1.99

В 2014 году крупнейшими импортерами сырой нефти в Китай были Саудовская Аравия (лидер по поставкам), а также Ангола, Ирак, Иран, Россия и Оман (Рисунок 9). Цена российской импортируемой сырой нефти в 2014 году была примерно такой же, как и у Саудовской Аравии (Рисунок 10).

Успех сланцевой революции в США заставил Китай заинтересоваться добычей собственной сланцевых углеводородов. Однако обвал цен на нефть в 2014 году привел к пониманию, что деятельность Китая по развитию сланцевой промышленности в условиях низких цен на нефть понесет финансовые потери. В настоящее время цена на нефть в районе 60–70\$/баррель недостаточна для активных разработок собственной сланцевой нефти в Китае, и импорт углеводородов Китаем продолжает нарастать [王佩 2017].

¹⁵ Составлено автором по 《中国经营报》2017年5月9日 B06"China Business News" 9 мая 2017 г., издание B06 // China Business Journal [Электронный ресурс]. URL: http://dianzibao.cb.com.cn/html/2019-09/09/content_74897.htm?div=-1 (дата обращения: 25.11.2019).

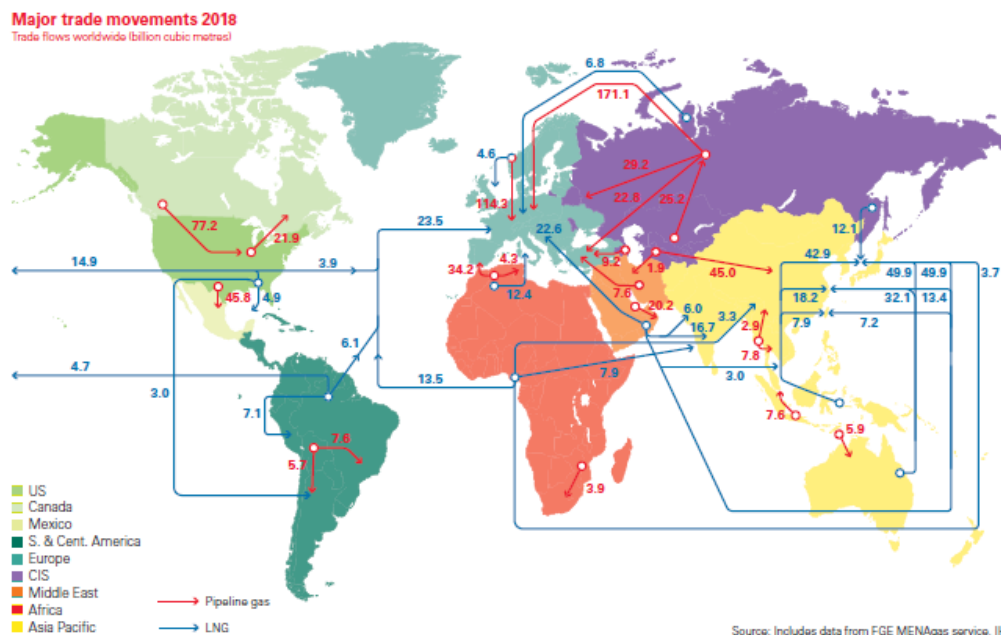

Рисунок 9. Страны-импортеры сырой нефти в Китай и их маршруты¹⁶

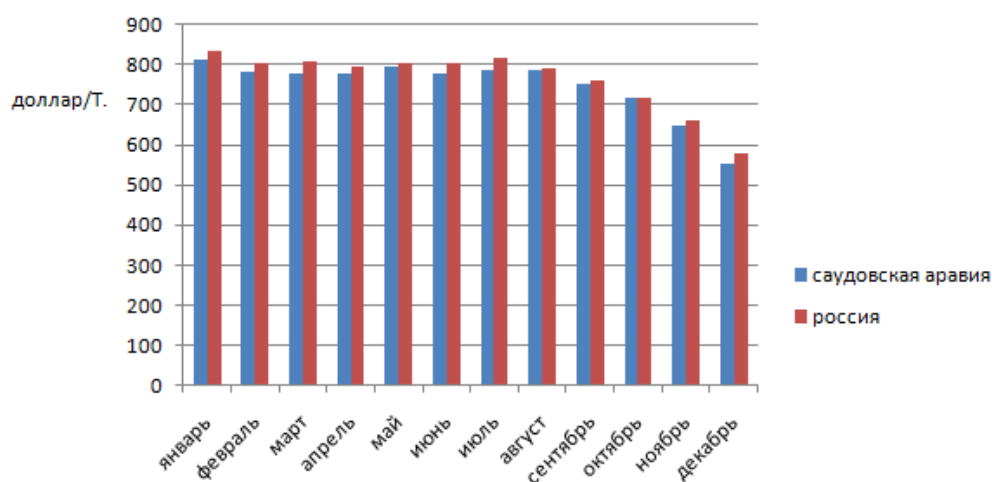

Рисунок 10. Сравнение ежемесячных цен на нефть, поставляемую в Китай Саудовской Аравией и Россией в 2014 году¹⁷

Вызовы национальной безопасности Китая в энергетической отрасли.

Природный газ поступает в Китай по трубопроводам «Китай — Центральная Азия» из Туркменистана, Казахстана и Узбекистана и «Китай — Бирма» из Мьянмы. Совместный китайско-бирманский проект газопровода был завершен в 2013 году; объем поставок — 3,92 млрд м³ газа в год [中缅石油管道正式开通 2017].

¹⁶ British Petroleum Statistical Review of the World Energy. 2019. 68th Edition // BP [Электронный ресурс]. URL: <https://nangs.org/analytics/bp-statistical-review-of-world-energy> (03.12.2019).

¹⁷ British Petroleum Statistical Review of the World Energy — 2014 // BP [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.net/doc/8150473/bp-statistical-review-of-world-energy-2014> (дата обращения: 21.11.2019).

Для диверсификации маршрутов поступления газа 21 мая 2014 года Китай заключил соглашение с Россией о транспортировке в Поднебесную в течение 30 лет 38 млрд м³ газа по «Восточному маршруту». 8 мая 2015 г. в присутствии лидеров двух государств глава «Газпрома» Алексей Миллер и вице-президент CNPC Ван Дунцинъ подписали еще одно соглашение об основных условиях поставок газа из России в КНР по «Западному маршруту» — газопроводу «Алтай»¹⁸.

Китай, в основном, импортирует СПГ из Австралии, Индонезии, Малайзии и Катаром морем. Импорт нефти с Ближнего Востока осуществляется также морскими перевозками через Малаккский пролив. В июне 2017 года был завершен и введен в эксплуатацию нефтепровод «Китай-Мьянма»¹⁹ (длина 771 км, пропускная способность 22 млн т нефти в год), что позволило снизить количество танкеров, проходящих через опасный Малаккский пролив, а также сократить время, необходимое Китаю для получения нефти с Ближнего Востока (Рисунок 11).

Рисунок 11. Основные маршруты поставки газа в Китай²⁰

При этом вследствие политической нестабильности в Мьянме эксплуатация нефтегазового трубопровода «Китай-Мьянма» также имеет риски. С другой стороны, страны Ближнего Востока имеют хорошую репутацию торгового партнера:

¹⁸ Шелковый путь нашего времени: как Россия и Китай создают евразийскую экономику // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/1956892> (дата обращения: 17.06.2019).

¹⁹ 中缅石油管道正式开通，但中国石油进口恐怕仍“难逃”马六甲钳制 2017/5/5 Создан китайский трубопровод «Мьянма» // YouTube [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AkvK644Z_A (дата обращения: 03.12.2019).

²⁰ Китай не спешит с западным газовым маршрутом // Aftershock [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/406537> (дата обращения: 03.12.2019).

практически нет перебоев с поставками нефти в Китай. Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии и Ближнего Востока в нефтегазовой отрасли продолжают развиваться, формируя между ними и Россией конкурентные отношения на китайском рынке. На 1 января 2018 г. в результате коммерческой эксплуатации трубопровода «Сковородино-Мохэ-Дацин», второй ветки китайско-российского нефтепровода, ежегодный импорт сырой нефти в Китай по китайско-российскому нефтепроводу увеличится с 15 до 30 млн т²¹ (Рисунок 12).

Рисунок 12. Схема нефтепроводной системы «Сковородино-Мохэ-Дацин»

В результате усилия Китая позволили сформировать шесть стратегических каналов импорта углеводородов (газопроводы «Центральная Азия-Китай», «Сила Сибири», «Алтай», нефтегазопровод «Мьянма-Китай», нефтепровод «Сковородино-Мохэ-Дацин» и маршруты морем), и таким образом приблизиться к реализации системы национальной энергетической безопасности страны. Одновременная эксплуатация морских и сухопутных транспортных маршрутов эффективно снижает риск бесперебойных поставок углеводородов в КНР.

Вызовы международных отношений. Санкции западных стран в отношении России коснулись и Китая. Например, Китай заинтересован проводить разведку углеводородов на собственной территории и в акватории, и в мае 2014 года российская нефтяная компания подписала соглашение о сотрудничестве с норвежской буровой компанией NADL об эксплуатации морской буровой платформы, которую Россия

²¹ 中俄原油管道二线工程_百度百科 — Китайско-российские трубопроводы — второй проект // Baidu [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E4%BF%84%E5%8E%9F%E6%B2%B9%E7%AE%A1%E9%81%93%E4%BA%8C%E7%BA%BF%E5%B7%A5%E7%A8%8B/20437297> (дата обращения: 21.11.2019).

намеревалась использовать для разведки углеводородов в акватории Китая. Однако сделка России с Норвегией не состоялась, и, соответственно, не состоялся российско-китайский проект.

Из-за ухудшения отношений России с Европой и США Россия развернулась на Восток, и была подчеркнута стратегическая ценность сотрудничества России с Китаем. Из-за экономических санкций крупнейший проект освоения газовых месторождений «Ямал СПГ» оказался в тяжелом финансовом положении, смягчить которое помог Китай, вложив значительные средства и предоставив материалы, оборудование и транспорт для продолжения успешного осуществления проекта.

Таким образом, санкции привели к запрету европейским и американским энергетическим компаниям продавать в Россию новейшие технологии разработки углеводородов, что оказало в целом положительное влияние на развитие китайско-российского сотрудничества в энергетической отрасли.

Стратегические цели и задачи российско-китайского нефтегазового сотрудничества

Проблемы с энергетической безопасностью отражаются на всех отраслях народного хозяйства Китая и ставят под угрозу национальную безопасность страны. Для России энергетическое сотрудничество является важным источником национального дохода и основой его внутреннего и международного политического влияния. Таким образом, энергетическую безопасность Китая и России можно рассматривать как две стороны медали: когда происходит энергетический кризис, он, как правило, сопровождается экономическим кризисом, который, в свою очередь, угрожает политической безопасности как России, так и Китая [铎先钟 2003].

Стратегические цели и задачи китайско-российского нефтегазового сотрудничества заключаются в совместных поисках и добычи углеводородов, совместном строительстве нефте- и газопроводов, строительстве инфраструктуры для перевозок СПГ и нефтегазохранилищ для увеличения стратегических запасов, совместных научно-технических исследованиях, поисках прорывных технологий и развитии рынка нефтяных фьючерсов (Рисунок 13).

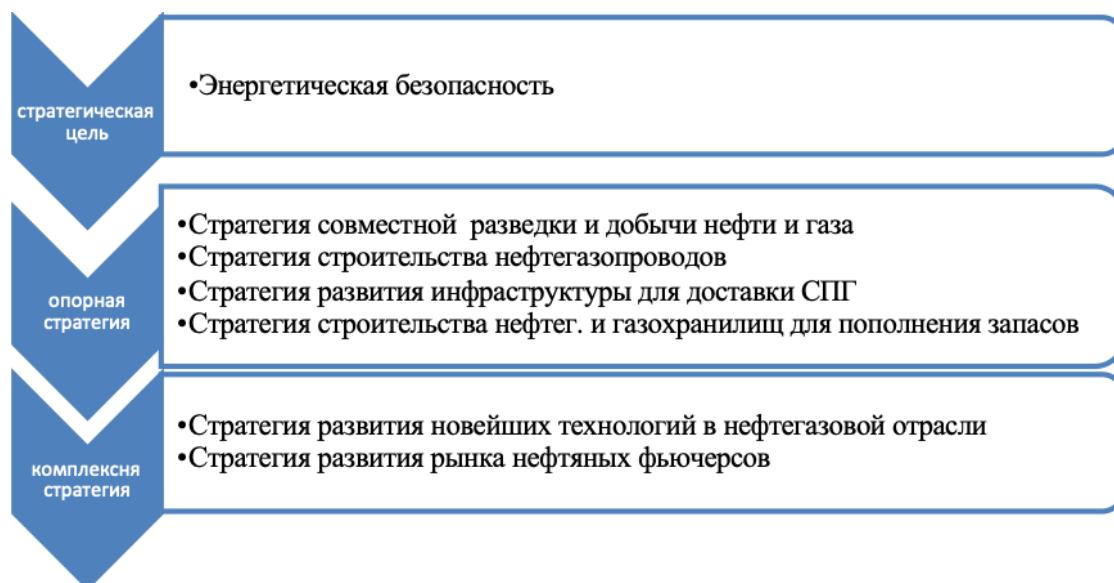

Рисунок 13. Модель российско-китайской стратегии сотрудничества в нефтегазовой сфере²²

Стратегия совместной добычи углеводородов. Россия в настоящее время является партнером крупнейшего проекта китайской нефтегазовой корпорации CNPC по разведке природного газа на территории Китая. Эти проекты способствуют восполнению нехватки китайских нефтегазовых ресурсов и частичному удовлетворению потребностей внутреннего рынка. По данным ВР²³, разведанные в помощью российских специалистов доказанные запасы нефти и природного газа в Китае растут: в 2013 году они составляли 2,5 млрд тонн и 3,3 трлн м³ (1,1% и 1,8% мировых запасов соответственно), а в конце 2017 года запасы выросли до 3,5 млрд тонн и 5,5 трлн м³ (1,5% и 2,8% мировых запасов соответственно). Планируется в 2020 году увеличить целевой показатель по разведке еще на 5,7 трлн м³ природного газа.

С 1993 года, когда Китай стал нетто-импортером нефти, китайские нефтегазовые компании ускорили темпы выхода на российский рынок и до настоящего времени ищут возможности для расширения международного сотрудничества с богатой нефтью и газом страной. Например, Китай — крупный инвестор в проекты по развитию инфраструктуры для производства СПГ на Ямале и доставке его в Китай и другие страны.

²² Составлено авторами.

²³ British Petroleum Statistical Review of the World Energy. 67th Edition // ВР [Электронный ресурс]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/fr_ch/PDF/bp-stats-review-2018-full-report.pdf (дата обращения: 21.11.2019).

Стратегия строительства нефтегазовых трубопроводов. Поскольку Китай традиционно полагался на ближневосточную нефть, транспортировка которой в настоящий момент имеет значительные риски, строительство и эксплуатация российско-китайских нефтегазопроводов (Рисунок 12) играют важную роль в укреплении энергетической безопасности Китая.

Стратегия строительства хранилищ для пополнения запасов углеводородов осуществляется Китаем с помощью российской стороны. Стратегическая доктрина создания нефтяных резервов возникла в 1970-х годах. Международное энергетическое агентство (ОБЭС) призвало государства-члены создать систему нефтегазовых хранилищ для резервирования нефти в объеме потребления страной в течение 90 дней и более. Это правительственные и корпоративные запасы, чтобы смягчить последствия масштабных сокращений или сбоев поставок нефти. В момент, когда цены на нефть и внутренняя экономика находятся в состоянии спада, спрос на энергоносители снижается [丛鹏主编. 大国安全观比较 2004].

Объем покупок стратегических запасов углеводородов в Китае сопровождается не только отсутствием достаточного количества хранилищ, но и дилеммой нехватки активов для массовых закупок сырья по высокой цене и низкой для продажи конечной продукции. В сложившихся условиях Китай планирует реализовать поддерживающие стратегии, чтобы повысить рыночную позицию по закупкам нефти и газа и таким образом более эффективно обеспечить реализацию энергетической безопасности.

Стратегия развития технологий в нефтегазовой отрасли. Китай обладает богатыми запасами сланцевой нефти и газа, а также значительным потенциалом в районах с глубоким залеганием нефтегазовых структур и глубоководных морских месторождений. Чтобы реализовать экономически выгодную разработку этих ресурсов, необходимо достичь прорыва в ключевых технологиях отрасли и повысить уровень самообеспеченности Китая энергией. Снижение зависимости от иностранных углеводородов поможет усилить позицию Китая на рынке при покупке дополнительных энергоресурсов [严波 2007].

Развитие международных проектов способствует обменам в научно-технической сфере. Обучение у партнеров и распространение новейших технологий в результате сотрудничества окажут положительное влияние на развитие нефтегазовой отрасли Китая.

Стратегия развития рынка фьючерсов на нефть и газ. В настоящее время влияние на международные цены на нефть может быть получено следующим образом: крупная нефтедобывающая страна-экспортер может влиять на общий объем поставок сырой нефти и на международные цены на нефть посредством корректировки объема поставок; она обладает финансовой мощностью, которая может влиять на международный рынок нефтяных фьючерсов. Китай как импортер не имеет таких финансовых рычагов, но в рамках сотрудничества с Россией его позиция на международном рынке фьючерных цен на углеводороды может быть усилена [伍福佐 2007].

Еще один способ конкурировать за международное влияние на цены на нефть — это создать конкурентный рынок энергетического финансирования. Нефтяные и газовые компании могут уменьшать свои риски путем хеджирования на рынке нефтяных фьючерсов. Международный рынок нефтяных фьючерсов поможет Китаю усилить влияние на мировые цены на нефть. Создание рынка нефтяных фьючерсов должно заключаться в создании единой и открытой системы рынка энергоносителей, который определяет распределение энергоресурсов [黄素逸 2010].

Реформы энергетического рынка Китая обсуждались в течение длительного времени, и конкретные действия уже начали осуществляться. В 2014 году PetroChina и Sinopec провели реформу смешанного владения. 16 февраля 2015 года Национальный комитет реформ и развития опубликовал уведомление «Вопросы, связанные с управлением импортируемой сырой нефти» и начал постепенно решать проблему внедрения фьючерных контрактов на нефть и газ, а 26 февраля 2015 года последовало уведомление о единой цене на природный газ для населения и промышленности²⁴. Проведенная реформа в Китае является лишь первым шагом в строительстве рынка нефтяных фьючерсов, и потребуется время для создания и развития рынка нефтяных фьючерсов, чтобы иметь возможность влиять на мировые цены на нефть.

Заключение

В работе проанализирована сфера российско-китайского сотрудничества с 1992 по 2018 гг. На основе аналитического обзора, графического анализа обоснованы исторические этапы развития российско-китайского стратегического сотрудничества: с 1992 по 2000 гг., с 2000 по 2008 гг. и с 2008 по настоящее время. Показано, что

²⁴ (最新)2015年天然气价格改革分析报告 (Аналитический отчет: о реформе цен на газ в 2015 году. Пекин: Национальный комитет реформ и развития, 2015) // Baidu [Электронный ресурс]. URL: https://www.baidu.com/sf_edu_wenku/view/37182024988fcc22bcd126fff705cc1754275f59 (дата обращения: 26.11.2019).

характер сотрудничества между Китаем и Россией с 1992 года на разных этапах изменялся: первый этап отмечен ослаблением российско-китайских связей по всем представленным направлениям, кроме незначительного усиления контактов в финансовой и энергетической сферах. Второй этап можно назвать переломным: он характеризуется постепенной активизацией сотрудничества, и третий этап — это этап активного развития практически утраченных в 90-е годы российско-китайских отношений, причем активность сотрудничества в последние годы превысила уровень 1992 г. При этом сотрудничество в энергетике постепенно усиливалось, и в XXI веке постепенно стало доминирующим.

Факторный анализ важности двусторонних контактов выявил приоритетность проблемы государственной безопасности, энергетического сотрудничества и культурных связей. Кластерный анализ показал максимальную значимость переменной, характеризующей энергетическую сферу сотрудничества, и ее прямую связь с торгово-экономической деятельностью.

Проблемы с энергетической безопасностью отражаются на всех отраслях народного хозяйства Китая и ставят под угрозу саму национальную безопасность страны. Для России энергетическое сотрудничество является важным источником национального дохода и основой его внутреннего и международного политического влияния. Таким образом, энергетическую безопасность Китая и экономическую составляющую России можно рассматривать как базис взаимовыгодного сотрудничества в энергетической отрасли.

В начале XXI века китайские и российские энергетические компании попробовали различные формы сотрудничества в нефтегазовой отрасли и подписали соглашение о стратегическом партнерстве. Для Китая наилучшим способом сотрудничества является создание совместных энергетических предприятий и «Соглашения о разделе продукции», но Россия полагает, что данный вид сотрудничества противоречит ее национальным интересам. В результате в торговых отношениях стран доминирует продажа трубопроводного газа. В настоящее время китайская сторона продолжает настаивать на укреплении сотрудничества в области разведки и разработки нефтяных и газовых ресурсов на российском Дальнем Востоке, а также заинтересована в привлечении российских специалистов для освоения месторождений углеводородов на собственной территории и в акватории.

Несмотря на имеющиеся противоречия, российско-китайское энергетическое стратегическое партнерство укрепляется. С 2017 г. Россия сохранила статус Китая как крупнейшего источника импорта сырой нефти и электроэнергии. Обеспечение энергетической безопасности Китая осуществляется через развитие китайско-российского сотрудничества, которое заключается в совместной разработке нефтегазовых ресурсов, строительстве и эксплуатации нефтегазовых трубопроводов и завершении проекта «Ямал СПГ» для поставок сжиженного природного газа, строительстве нефтехранилищ для увеличения запасов энергоресурсов, разведке углеводородов на территории и в акватории КНР, а также в развитии фьючерсного рынка энергоносителей.

Китайская сторона не ограничивается укреплением связей с Россией, развивая пути и способы диверсификационной поставки углеводородов. Усилия Китая позволили сформировать шесть стратегических каналов импорта углеводородов и приблизиться к реализации системы национальной энергетической безопасности страны. Одновременная эксплуатация морских, сухопутных и ближневосточных транспортных маршрутов эффективно снижает риск бесперебойных поставок ближневосточной нефти и газа в эту страну.

Список литературы:

- 白根旭, 丁晖.中俄油气合作现实与启示【M】.北京: 中俄油气合作现实与启示.北京: 石油工业出版社, 2013. (*Бай Генсу, Дин Хуэй. Реальность и просвещение китайско-российского нефтегазового сотрудничества. Пекин: Китайско-российское нефтегазовое сотрудничество, реальность и просвещение. Пекин: Изд-во «Нефтяная промышленность, 2013).*
- 严波, 论西方大战略理论【J】.国外社会科学, 2007 (6) : 21–25. (*Ян Бо. О западной теории великих стратегий // Зарубежная общественная наука. 2007. № 6. С. 21–25).*
- 陈小沁.俄罗斯能源战略演进的历史脉络【J】.教学与研究, 2006 (10) : 30–44. (*Чэнь Сяоюй. Исторический контекст эволюции российской энергетической стратегии // Обучение и исследования. 2006. № 10. С. 30–44).*
- 丛鹏主编.大国安全观比较【M】.北京: 时事出版社, 2004; 5. (*Сравнение концепций безопасности в великих державах / Главный редактор Конг Пенг. Пекин: Издательство "Текущие дела", 2004).*

- 黄素逸, 龙妍编. 能源经济学【M】.北京: 中国电力出版社, 2010. (Хуан Суйи, Лонг Юйбянь. Экономика энергетики. Пекин: Изд-во «Электроэнергия Китая», 2010).
- 田春荣: 2016年中国石油净出口状况分析【J】, 国际石油经济 2017年3期15–18页 (Тян Чунронг. Анализ состояния чистого экспорта нефти в Китай в 2016 году // Международная нефтяная экономика. 2017. № 3. С. 15–18.).
- 王佩: ОПЕК с не-ОПЕК государствами объединяются для стимулирования глобального рынка нефти в равновесии【J】 国际石油经济 2017 (1) 9–13页 (Ван Пей. Страны ОПЕК и страны, не входящие в ОПЕК, совместно сокращают добычу и способствуют сбалансированности мирового рынка нефти // International Petroleum Economy. 2017. № 1. С. 9–13).
- 伍福佐, 能源消费国间的 国际能源合作【D】.复旦大学博士论文, 2007. (Ву Фузуо. Международное энергетическое сотрудничество между странами-потребителями энергии: докторская диссертация. Университет Фудань, 2007).
- 郑羽, 庞昌伟.俄罗斯能源外交与中俄油气合作【M】.北京: 世界知识出版社, 2003. (Чжэн Ю., Панг Чангвей. Российская энергетическая дипломатия и китайско-российское нефтегазовое сотрудничество. Пекин: Изд-во «Мир знаний», 2003).
- 铄先钟.战略研究【M】.桂林: 广西师范大学出版社, 2003. (Ци Сяньчжун. Стратегические исследования. Гуилинь: Университетское издательство Гуанси, 2003).

Дата поступления: 05.07.2019

Mitina N.N., Du Huei

Russian-Chinese Energy Cooperation from the Point of View of China's National Security

Natalia N. Mitina — DSc (Geographical Sciences), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: natalia_mitina@mail.ru

Du Huei — postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: mianyiyingcha@yahoo.com

Abstract

This paper analyzes cooperation between the Russian Federation and People's Republic of China in the political, economic, social and cultural spheres, as well as in the energy sector, sustainable development of which is necessary from the point of view of PRC national security. The study covers the period from December 1992, when Russian President Boris Yeltsin paid an official visit to China, and September 1994, when Chinese President Jiang Zemin paid a return visit to Russia, to 2018 inclusive. After these events, annual meetings, consultations and negotiations on problematic issues were held, after which a number of agreements were signed on the basis of the meetings, which reflect the strategy of cooperation between China and Russia. These strategic documents, grouped by areas of cooperation, namely: in official and public diplomacy at the highest level, economy, research, relations in the social sphere, are selected for the analysis of the cooperation evolution between the two

states. The main information sources of the data analyzed for the article are the People's Daily and Chinese Xinhua Newspapers, the official websites of China Petroleum Corporation and Sinopec Group, as well as other prestigious organizations that have reliable information in Chinese, English and Russian. On the basis of an analytical review, graphical analysis, statistical research methods (pair correlation, factor and cluster analysis), the historical stages of Russian-Chinese strategic cooperation development are substantiated, four factors of security of uninterrupted hydrocarbon supplies to China and key areas of Chinese-Russian oil and gas cooperation are identified, which focus on exploration and production of oil and gas, construction of oil and gas pipelines, joint projects and mutually beneficial trade in oil and gas.

Keywords

Energy, cooperation, People's Republic of China, Russian Federation, dynamics, development, analysis, prospects, official documents on cooperation between China and Russia.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10018

References:

- 白根旭, 丁晖.中俄油气合作现实与启示【M】.北京: 中俄油气合作现实与启示.北京: 石油工业出版社, 2013. (Bay Gensu, Din Khuey (2013) *Realnost i prosveshcheniye kitaysko-rossiyskogo neftegazovogo sotrudnichestva*. Pekin: Kitaysko-rossiyskoye neftegazovoye sotrudnichestvo. realnost i prosveshcheniye [Reality and education of Chinese-Russian oil and gas cooperation]. Beijing: Izd-vo «Neftyanaya promyshlennost»).
- 波, 论西方大战略理论【J】.国外社会科学, 2007 (6) : 21–25. (Yan Bo (2007) *O zapadnoy teorii velikikh strategiy* [On the Western theory of great strategies]. *Zarubezhnaya obshchestvennaya nauka*. No. 6. P. 21–25).
- 陈小沁.俄罗斯能源战略演进的历史脉络【J】.教学与研究, 2006 (10) : 30–44. (Chen Syaoyuy (2006) *Istoricheskiy kontekst evolyutsii rossiyskoy energeticheskoy strategii* [Historical context of the evolution of the Russian energy strategy]. *Obuchenije i issledovaniya*. No. 10. P. 30–44).
- 丛鹏主编.大国安全观比较【M】.北京: 时事出版社, 2004 ; 5. (Kong Peng (ed.) (2004) *Sravneniye kontseptsiy bezopasnosti v velikikh derzhavakh* [Comparison of security concepts in great powers]. Beijing: Izdatelstvo "Tekushchiye dela").
- 黄素逸, 龙妍编. 能源经济学【M】.北京: 中国电力出版社, 2010. (Khuan Suyi, Long Yuybyan (2010) *Ekonomika energetiki* [Energy economics]. Beijing: Izd-vo «Elektroenergiya Kitaya»).
- 田春荣: 2016年中国石油净出口状况分析【J】, 国际石油经济 2017年3期15–18页 (Tyan Chunrong (2017). *Analiz sostoyaniya chistogo eksporta nefti v Kitay v 2016 godu* [Analysis of net oil exports to China in 2016]. *Mezhdunarodnaya neftyanaya ekonomika*. No. 3. P. 15–18).

王佩：OPEC与非OPEC国家联合减产力促全球石油市场在平衡【J】 国际石油经济 2017 (1) 9-13页 (Van Pei (2017) OPEC and non-OPEC countries are jointly reducing production and helping to balance the global oil market. *International Petroleum Economy*. No. 1. P. 9–13).

伍福佐，能源消费国间的 国际能源合作【D】.复旦大学博士论文，2007. (Wu Fuzuo (2007) *Mezhdunarodnoye energeticheskoye sotrudnichestvo mezhdu stranami-potrebitelyami energii*: Doktorskaya dissertatsiya [International energy cooperation between energy consuming countries: Doctoral thesis]. Universitet Fudan).

郑羽，庞昌伟.俄罗斯能源外交与中俄油气合作【M】.北京：世界知识出版社，2003. (Chzhen Yu., Pang Changvey (2003) *Rossiyskaya energeticheskaya diplomatiya i kitaysko-rossiyskoye neftegazovoye sotrudnichestvo* [Russian energy diplomacy and Chinese-Russian oil and gas cooperation]. Beijing: Izd-vo «Mir znaniy»).

铢先钟.战略研究【M】.桂林：广西师范大学出版社，2003. (Tsi Syanchzhun (2003) *Strategicheskiye issledovaniya* [Strategic study]. Guylin: Universitetskoye izdatelstvo Guansi).

Received: 05.07.2019

Силуянова Ю.А.

Факторы, способствующие развитию индустрии торговли людьми в России и в мире¹

Силуянова Юлия Александровна — аспирант, факультет государственного управления, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: zernovaju@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [3391-9684](https://elibrary.ru/3391-9684)

Аннотация

Торговля людьми (траффикинг) в современном мире — феномен, имеющий глубокие социальные корни и затрагивающий самые уязвимые социальные группы. Международное сообщество единогласно признает его тяжким преступлением против прав и свобод человека. Привычный дискурс рассмотрения данной проблемы в рамках криминалистики и права не дает достаточного понимания траффикинга как явления. Для глубокого понимания проблемы требуется применять междисциплинарный подход, останавливаясь на культурных, социальных, экономических факторах.

Сегодня траффикинг является одним из наиболее прибыльных видов криминального бизнеса в мировом масштабе. Из-за недоработок в законодательствах многих стран и отсутствия практики у правоохранителей раскрываемость такого рода преступлений сравнительно мала. Таким образом, индустрия торговли людьми имеет предпосылки к росту при оптимальном соотношении высокой доходности и низких рисков. К тому же из-за слабой научной проработки феномена мы не имеем достаточного количества данных исследований, чтобы более или менее точно оценить объем рынка криминальной индустрии траффикинга.

В данной работе, опираясь на статистические данные, отчеты международных организаций, материалы уголовных дел и интервью с представителями российских правоохранительных органов, мы рассматриваем основные понятия, классификацию преступлений такого рода, а также экономическую модель торговли людьми и комплекс причин, которые сегодня способствуют развитию этой криминальной индустрии на примере России и других государств. Выявив «тонкие места», мы предлагаем ряд точечных мер, которые позволят лучше изучить феномен траффикинга и более эффективно противостоять ему на национальном и международном уровне.

Ключевые слова

Торговля людьми, современное рабство, миграция, скрытая миграция, международная преступность, теневая экономика, криминальная экономика, права человека, неравенство, глобализация.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10019

Введение

На сегодняшний день проблема торговли людьми и смежная с ней проблема современного рабства не теряют актуальности. По оценкам международных организаций, в мире сохраняется негативная тенденция к увеличению числа пострадавших и преступлений подобного рода. Причин тому можно выделить несколько.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90020.

Во-первых, эта проблематика для международных и национальных институтов относительно новая: системный подход к ее изучению и преодолению до сих пор находится в процессе становления. Это приводит к тому, что нормативно-правовая база отдельных государств слабо развита и содержит массу пробелов. Во-вторых, торговля людьми, как и прочие виды преступности, имеет скрытый характер. При этом она неразрывно связана с процессами глобализации и миграции и в условиях отсутствия эффективных механизмов диагностики и пресечения неотличима от других естественных социальных процессов. В-третьих, торговлю людьми и рабство можно трактовать как крайнюю степень выражения неравенства как в индивидуальном масштабе, так и в масштабе обществ и государств. Следовательно, общемировая тенденция к увеличению неравенства закономерно проявляет себя в росте такого рода преступности. И, наконец, в-четвертых, для эффективной борьбы с торговлей людьми требуется высочайший уровень международного сотрудничества и координации, который на сегодняшний день трудно достижим.

В данной статье мы ставим перед собой задачу раскрыть факторы, упомянутые выше, а также обобщить и упорядочить знания и данные, описывающие феномен торговли людьми, чтобы подготовить основу для дальнейшего более детального исследования. Для реализации этой задачи мы проанализируем международные и российские правовые нормы, статистические отчеты, материалы уголовных дел и статистические данные из отчетов международных организаций. Для лучшего понимания российской специфики, мы будем опираться также на глубинные интервью с представителями правоохранительных органов. В результате будет сформулирован перечень мер по повышению эффективности борьбы с торговлей людьми.

Основные понятия и правовая база

В последние десятилетия проблема торговли людьми широко и активно обсуждается на международном уровне. Одной из важнейших вех в ее институционализации на уровне мирового сообщества стало принятие в 2000 году Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протокола о предупреждении и пресечении торговли

людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее². К 2012 году 134 страны ратифицировали протокол и ввели нормы, криминализирующие торговлю людьми³.

С формальной точки зрения этот факт подтверждает значимость проблемы для международного сообщества, однако на практике обновленные правовые нормы национальных законов часто оказываются «сырыми» и недоработанными, вследствие чего они с трудом применимы в реальных ситуациях: термины и понятия нечетко или не полностью определены, признаки не полностью обозначены, формулировки носят слишком абстрактный или слишком обобщенный характер.

Истоки этой недоработанности можно увидеть на самом высоком уровне международных норм. ООН в Протоколе определяет торговлю людьми как «осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо». Для определения торговли людьми используется понятие «эксплуатация», которое также частично раскрывается в тексте Протокола: «эксплуатация проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов». Здесь мы видим раскрытие явления фактически через самое себя, а также введение понятия «рабство» и «подневольное состояние». Все эти понятия довольно широкие и используются не только в рамках объяснения преступной противоправной деятельности. Они, кроме того, часто являются объектом политических, пропагандистских, идеологических спекуляций и допускают разные трактовки и интерпретации. Возникает ряд вопросов, на которые важно ответить для понимания проблематики. Например, о соотношении понятий торговли людьми и рабства: они эквивалентны? Одно из них является подвидом другого? Между ними существуют причинно-следственные связи?

В общем виде дать однозначный ответ, опираясь на нормы права, довольно трудно, поэтому уместно отталкиваться от практики и конкретных примеров. Так,

² Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 11.10.2019).

³ UNODC 2012. Global Report on Trafficking in Persons. P. 88 // UNODC [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/Trafficking_in_Persons_2012_web.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

можно понимать рабство как состояние незаконного лишения свободы, наступающее после акта продажи человека. В этом случае мы констатируем, что понятия не эквивалентны и между ними действительно прослеживается логичная причинно-следственная связь. Однако в ряде случаев мы можем наблюдать одно явление без другого, то есть они, несмотря на близость, являются самостоятельными феноменами. Так, в случае торговли органами мы имеем факт изъятия и продажи, но не имеем состояния рабства как такового. В случае с традиционными принудительными браками мы, напротив, часто не имеем факта продажи, но имеем состояние рабства без целей извлечения прибыли.

Семантические и понятийные нестыковки в понимании самых общих терминов осложняют теоретическое понимание явления и негативно отражаются на качестве уголовного законодательства на национальном уровне. Акт сделки зафиксировать проще, чем состояние незаконного лишения свободы, поэтому национальные законодательства часто лучше проработаны именно в области определения и описания сделок по купле-продаже человека, чем в области фиксации подневольного состояния.

Хорошим примером является Уголовный кодекс (УК) РФ, где статья 127.1 «Торговля людьми»⁴ фактически относится к сделкам, а статья 127.2 «Использование рабского труда»⁵ — к состоянию несвободы. Даже из названия видно, что во втором случае акцент делается на выполнение работ и эксплуатацию человека как работника, что автоматически делает статью неэффективной в случаях, когда речь идет об упомянутых выше принудительных браках, религиозных сектах, усыновлениях посредством покупки детей и т.д. Другой нюанс статьи 127.2 заключается в том, что она вплотную граничит с трудовыми отношениями, то есть потенциально содержит ключ к декриминализации конкретных случаев эксплуатации и сведению их к нарушению трудового законодательства. Напрашивается вывод, что статья 127.1 лучше применима и доказуема, а следовательно, является более эффективной нормой, чем 127.2. Это предположение подтверждается судебной практикой РФ. Согласно открытым данным ГАС «Правосудие»⁶, количество дел по статье 127.1 с 2016 по 2019 год в 3–4 раза превышает количество случаев использования статьи 127.2; приговоров

⁴ УК РФ Статья 127.1. Торговля людьми // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4a5e2bbfdd061dde65a55bb65d36d4b4a7fe8e7/ (дата обращения: 10.10.2019).

⁵ УК РФ Статья 127.2. Использование рабского труда // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d9997ad420efb5277afabae009c87f15895214cf/ (дата обращения: 10.10.2019).

⁶ Поиск по делам и судебным актам // ГАС РФ Правосудие [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 11.10.2019).

по статье 127.1 вдвое больше, чем по статье 127.2. При этом проблема использования рабского труда в России стоит достаточно остро, и нельзя объяснить малое количество уголовных дел малым количеством подобного рода преступлений. Прежде всего в зону риска попадают трудовые мигранты. Согласно опросу граждан, приехавших на заработки в Россию [Тюрюканова 2006, 201], в среднем 24% из них принуждали работать бесплатно, 20% лишали свободы, помещая в изоляцию, 7% подвергались физическому насилию.

Статьи УК РФ, касающиеся проблемы торговли людьми, подвергаются критике со стороны юристов и правоведов [Алихаджиева 2006; Волков 2014]. Авторы отмечают, что ст. 127.1 и 127.2 УК РФ в нынешнем виде не вполне оправдывают ожидания общества и не могут эффективно снизить количество случаев преступной эксплуатации и продажи людей. Очевидно, что нормы нуждаются в доработке и уточнении, в первую очередь требуется более предметно описать признаки состава преступления и способы их фиксации. Так, российское законодательство с трудом позволяет определить состав преступления в случаях принудительных браков. Кроме того, «как теоретики, так и практики не делают различий между добровольной и принудительной проституцией», поэтому факты торговли людьми для сексуальной эксплуатации рассматриваются априори скептически, а само «явление слабо освещено в научной литературе и еще меньше находит признания в российской правоохранительной и криминалистической практике» [Ерохина, Буряк 2002, 5]. И, наконец, в самом общем виде дискуссионными порой становятся сами понятия свободы и принуждения. С одной стороны, если человеку не сломали ноги и не нанесли других тяжких увечий, то он может встать и уйти, следовательно он свободен. С другой стороны, существует масса способов принуждения, такие как угрозы, шантаж, обман, манипуляции, изоляция и многое другое. Можно ли считать свободным человека, который подвергается такого рода давлению? Пока законодательство не дает четкого ответа на этот вопрос.

Недоработанность нормативной базы и редкость применения статей имеют еще одно негативное следствие, которое можно наблюдать в работе российских правоохранительных и судебных органов. Огромное значение для них имеют прецеденты и наработанная практика. Когда такой практики мало либо у конкретного ответственного лица она отсутствует, возникает опасение «связываться» с новой зыбкой проблематикой. С учетом общей склонности российских правоохранительных органов к консерватизму этот психологический эффект в масштабах страны

приобретает существенные масштабы. Эта закономерность хорошо заметна на примере МВД г. Москвы. Нижняя ступень структуры — отделы по районам — де факто не занимаются расследованием преступлений, связанных с торговлей людьми. Для того чтобы собрать достаточно материалов для уголовного дела, их знаний и компетенций недостаточно. Именно поэтому раскрытие подобного рода преступлений находится в компетенции более высоких подразделений — окружных управлений и ГУ МВД по г. Москве. За пределами столицы дело обстоит хуже: сложная проблематика вызывает скепсис и недоверие у большинства правоохранителей даже на высоких уровнях. Это приводит к тому, что, не получив одобрения у собственного руководства, прокуратуры или СК, ответственное лицо не предпринимает оперативных действий, тем самым просто позволяя совершаться сделкам по продаже людей. Именно так произошло в Нижнем Новгороде в 2018 году при продаже новорожденного, где полиция не вышла на оперативный эксперимент (закупку). Из-за отсутствия фиксации сделки преступление было поначалу проигнорировано, затем неверно квалифицировано как мошенничество и только спустя долгое время переквалифицировано по п. «б» ч. 2 ст. 127.1⁷, продаваемый ребенок к тому моменту исчез.

Есть, однако, и признаки положительной динамики деятельности правоохранительных органов: московскими подразделениями МВД в 2015 и 2016 году не было зафиксировано ни одного преступления по статье 127.1. В 2017 году по этой статье правоохранители возбудили 2 уголовных дела, в 2018 — 3, в 2019 — 6⁸. Это свидетельствует о том, что компетентность полиции в раскрытии таких преступлений возрастает, вследствие чего возрастает и их раскрываемость.

Для сохранения и укрепления положительной динамики необходимо обеспечить обмен информацией между подразделениями правоохранителей.

Формы и виды торговли людьми

Другой момент неопределенности вносится отсутствием единой четкой классификации преступлений, связанных с торговлей людьми. Это еще сильнее осложняет понимание феномена траффинга и рабства. В 2018 году в отчете Европарламента под названием «Современные формы рабства»⁹ фигурирует следующая типология: рабство и состояния подобные рабству, принудительный или

⁷ Уголовное дело № 11802220064000091 от 30.11.2018.

⁸ Интервью с представителями ГУ МВД г. Москвы, 12.10.2019. Полевые материалы автора.

⁹ Contemporary forms of slavery, 2018. P. 3 // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603470/EXPO_STU\(2018\)603470_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603470/EXPO_STU(2018)603470_EN.pdf) (дата обращения: 11.10.2019).

обязательный труд, торговля людьми, детский труд и худшие разновидности детского труда. Разумеется, считать эту модель удачной никак нельзя. Немного лучше обстоят дела с классификацией, предложенной в одноименном документе, составленном управлением комиссара ООН по правам человека в 1991 году¹⁰. Согласно этой типологии, рабство включает в себя детский труд, вовлечение детей в военные действия, торговлю людьми, сексуальную эксплуатацию, продажу детей, долговое рабство, апартеид и колониализм. Оба эти примера классификации нельзя считать полными и логичными, они, скорее, вводят в заблуждение и создают путаницу.

В качестве удачного примера можно привести типологию торговли людьми, используемую Интерполом. Эта структура выделяет следующие виды траффинга в зависимости от целей эксплуатации: для принудительного труда, для принуждения к преступной деятельности, для сексуальной эксплуатации, для извлечения органов, «контрабанда людей»¹¹. Подобной логики придерживаются многие некоммерческие организации (НКО), убирая и добавляя различные пункты. Обобщив различные классификации, мы будем в дальнейшем придерживаться типологии торговли людьми, основанной на целях преступников:

- торговля людьми для трудовой эксплуатации, в том числе принудительного попрошайничества;
- торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации и вовлечения в проституцию;
- торговля людьми для вовлечения в криминальную деятельность;
- торговля людьми для заключения принудительного брака;
- торговля людьми для трансплантации органов;
- торговля людьми для вовлечения в военные конфликты;
- торговля людьми с целью незаконного усыновления.

Как мы уже отмечали ранее, акт сделки порождает состояние рабства в соответствующих формах. В отдельных случаях, когда факт купли-продажи отсутствует и «приобретение» осуществляется другим способом, состояние рабства, соответственно, возникает иным путем: захватом, угрозами, манипуляциями и т.д. Следуя логике Интерпола, можно также выделить контрабанду людей как отдельный вид преступлений, связанных с торговлей людьми, несмотря на то, что сам по себе этот

¹⁰ Contemporary Forms of Slavery, Geneva 1991 // Объединенные Нации. Права Человека. Управление Верховного Комиссара [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/FactSheet14en.pdf> (дата обращения: 11.10.2019).

¹¹ Types of human trafficking // Interpol [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interpol.int/en/Crimes/Human-trafficking/Types-of-human-trafficking> (дата обращения: 11.10.2019).

тип не подразумевает ни продажи, ни состояния рабства. По мотивам преступников, активности по перемещению и последствиям для жертв контрабанда людей сходна с другими преступлениями подобного рода.

В российском законодательстве все указанные виды преступлений должны охватываться статьями 127.1, 127.2. Исключение может составлять контрабанда людей, которая вписывается в рамки статьи 322.1 (Организация незаконной миграции)¹². На сегодняшний день практика показывает, что основные статьи не охватывают все типы преступлений. Кроме того, существуют «дублирующие» статьи, как например статья 120 (Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации)¹³, статья 240 (Вовлечение в занятие проституцией)¹⁴ и другие. Это вносит путаницу и приводит к сложностям в квалификации преступления. Кроме того, такие коллизии увеличивают количество процедурных и бюрократических затруднений и в конечном итоге могут помочь преступникам избежать наказания.

В заключении рассмотрения блока о нормативной проработке проблемы нельзя не отметить, что в России достаточно низкое количество случаев торговли людьми с целью продажи их органов. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что еще в 1992 году был принят отдельный закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека», который четко регулирует вопрос донорства и пересадки органов, устанавливая, что «органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи»¹⁵. Наличие нормативной базы такого рода существенно осложняет работу «черных трансплантологов», повышает расходы и риски потенциальных преступников и в итоге приводит к снижению количества данного вида преступлений.

Это хороший пример, который демонстрирует, что принятие отдельного узкоспециализированного закона или иного нормативного акта по отдельной разновидности преступлений является эффективным механизмом снижения такого рода преступности. Диверсификация правовых норм в соответствии с типологией

¹² УК РФ Статья 322.1. Организация незаконной миграции // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/42d9c8d66e7f43d449b0fb8ec66a566a488dbbс9/ (дата обращения: 10.10.2019).

¹³ УК РФ Статья 120. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/25fcc858b52e4b2e685727b29a70d5193e4301e0/ (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁴ УК РФ Статья 240. Вовлечение в занятие проституцией // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/26d5592e831f43e92f5f042b8082b6542264fb89/ (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁵ Закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека», ст. 1 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-22121992-n-4180-1-o/> (дата обращения: 11.10.2019).

преступлений сделает российское законодательство более конкретным, четким и в конечном итоге более применимым в реальных ситуациях.

Криминальный бизнес

Вторым важнейшим фактором, определяющим положение дел в национальной и мировой практике борьбы с торговлей людьми, является латентность этого преступного сегмента экономики. Самое очевидное следствие — отсутствие каких-либо упорядоченных, систематизированных и при этом достоверных данных, позволяющих более или менее четко описать масштаб и динамику явления. В силу новизны проблематики сегодня мы имеем либо одно, либо другое: обобщенные базы данных с низкой достоверностью либо достоверные эмпирические исследования и статистики, слишком узкие и локальные, чтобы по ним можно было делать выводы о чем-либо, кроме ситуации в конкретном городе или регионе.

Рассмотрим подробнее источники, из которых поступает информация о торговле людьми. В первую очередь это отчеты международных организаций — ООН, Международной организации труда (МОТ) и Международной организации по миграции (МОМ). Кроме того, источником данных служат НКО, специализирующиеся на защите прав человека: Walk Free Foundation, Amnesty International и другие. На национальном уровне источниками являются прежде всего статистики правоохранительных органов, которые чаще всего являются закрытыми и не доступны для детального изучения. Кроме них также часто упоминаются правительственные отчеты, которые издаются в некоторых странах.

Наиболее структурированными, понятными и достоверными источниками по праву считаются международные организации. Тем не менее проблема торговли людьми в них описана порой фрагментарно, часть данных отсутствует. С течением времени ситуация медленно улучшается.

Сложнее дело обстоит с отчетами НКО. Исследователи подвергают их активной критике, и эта критика правомерна хотя бы потому, что правозащитники часто используют усредненные коэффициенты, которые по факту оказываются статистиками соседних или даже более отдаленных стран. Так, оценка индекса рабства для России (и других стран Восточной Европы) вычисляется посредством экстраполяции данных опросов, проведенных на Украине, в Белоруссии, Болгарии,

Молдавии и Румынии¹⁶. Критикуя показатель Global Slavery Index, Р. Вейтцер отмечает, что индекс составляется на основе нестандартизированных источников: сообщений СМИ, опросов населения в нескольких странах, а также оценок анонимных НКО, непонятных экспертов и ангажированных правительственных организаций. Как эти источники были выбраны — не раскрывается, и непонятно, обладают ли они полнотой информации о проблеме [Weitzer 2015].

Непростая ситуация с данными негативно сказывается на научных исследованиях в области общественных наук. Ш. Джан, проанализировав 100 академических статей на тему траффинга, пришел к выводу, что лишь малая часть из них содержит оригинальные данные. Большинство авторов просто повторяли утверждения правительственных учреждений, международных организаций и НКО, даже если те не раскрывали источники и методы получения данных [Zhang 2009].

Сложно не согласиться с тем, что данные, которые мы имеем сегодня, дают далеко не полную картину. Тем не менее они остаются пока единственным источником для анализа проблемы торговли людьми в глобальном масштабе. С учетом транснационального характера проблемы без такого анализа нельзя обойтись. Важно и необходимо продолжать исследования, принимая во внимание специфику и особенности имеющейся статистики. При этом исследования на среднем и микроуровне, опирающиеся на надежные эмпирические данные, будут хорошим подспорьем для проверки выводов и смогут помочь избежать заблуждений. Такая стратегия, на наш взгляд, является оптимальной при работе с объектами с высокой степенью латентности, такими как торговля людьми.

Мера, которая существенно расширит наше понимание индустрии торговли людьми, — это системный сбор и обобщение информации о преступлениях такого рода. На сегодняшний день российское научное сообщество мало занимается рассмотрением вопросов траффинга, в том числе по причине недостатка качественных эмпирических данных. В случае, если исследователи получают более или менее информативные данные, понимание проблемы может быть значительно расширено и углублено за счет исследований психологов, социологов, экономистов и представителей других социальных наук.

¹⁶ The Global Slavery Index 2013. P. 112 // Walk Free Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://cdn.walkfreefoundation.org/content/uploads/2016/03/14153121/Global-Slavery-Index-2013.pdf> (дата обращения: 11.10.2019).

Итак, рассмотрев источники, обратимся к экономическим аспектам торговли людьми. Для этого нам потребуется дать приблизительную оценку криминальной экономике в целом, а затем сравнить с оценками индустрии траффинга.

Скрытый характер криминальной экономики затрудняет измерение ее объемов, однако, основываясь на теоретических моделях, исследователи строят прогнозы. Шнайдер и Энсте утверждают, что чем более развита экономика в целом, тем меньше будет ее теневой и криминальный сегмент. Они предположили, что к криминальной экономике относятся торговля наркотиками, проституция, азартные игры, контрабанда, пиратство и мошенничество, и этот сегмент составляет 20–27% от ВВП для России и достигает 70–80% для развивающихся стран [Schneider, Enste 2002, 10], что в 2018 году составляло 326–441 млрд долларов.

Серьезных отечественных исследований об объеме криминальной экономики в России не публиковалось, в открытом доступе есть лишь данные Росфинмониторинга, согласно которым теневой сектор (отмывание денег, махинации, «черные» и «серые» зарплаты и т.д.) имеет объем порядка 20% от ВВП, то есть те же 326 млрд долларов¹⁷. По другой оценке, объем теневой экономики России почти вдвое больше и составляет 39% от ВВП¹⁸. Не совсем понятно, однако, что именно понимают авторы исследования под теневой экономикой в данном случае. Они определяют ее как деятельность, которая «намеренно скрывается от государственных органов», то есть сюда могут быть включены и криминальные типы бизнеса, такие как организация проституции, торговля наркотиками и т.д., либо речь может идти только об экономических преступлениях.

Попытку посчитать обороты в сегменте торговли людьми предприняли в МОТ. Эксперты вычислили, что общая годовая прибыль торговцев людьми по всему миру составляет 150 млрд долларов, 99 млрд — прибыль от сексуальной эксплуатации и 51 млрд — от трудовой. В отчете также оценивается годовая прибыль от каждой жертвы траффинга: 21 800 долларов в принудительной проституции и 4800 долларов в таких отраслях, как строительство, производство, добыча полезных ископаемых и хозяйственные работы¹⁹.

¹⁷ Финансовая разведка оценила в 20 трлн объем теневой экономики в России // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee?from=from_main (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁸ Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff> (дата обращения: 11.10.2019).

¹⁹ Profits and poverty: The economics of forced labour // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/publications/ilo-bookstore/order-online/books/WCMS_243391/lang-en/index.htm (дата обращения: 11.10.2019).

Одну из этих цифр мы можем проверить на соответствие российской практике, опираясь на материалы уголовного дела в отношении гражданки Нигерии, которая принуждала свою соотечественницу заниматься проституцией, чтобы выкупить свою свободу и паспорт, а затем попыталась продать потерпевшую²⁰. Прейскурант на услуги девушки составлял 6000 руб. за 2 часа, 10000 за ночь (примерно 90 и 155 долларов, соответственно). Девушка еженедельно обслуживала 5 и более клиентов, отдавая все деньги сутенерше. Таким образом, за неделю она приносила доход от 450 долларов, а за год — от 23400. Эта цифра близка к оценке МОТ, но по факту прибыль в данном случае была больше, мы рассчитали ее минимальный показатель.

Попробуем дать грубую оценку объемам индустрии траффкинга в России. Для этого необходимо понимать количество случаев торговли людьми в нашей стране. Очевидно, статистика уголовных дел и судов не является сколько-нибудь правдоподобным показателем. Согласно исследованиям, проведенным экспертами Академии Генеральной Прокуратуры РФ, в России минимальный коэффициент латентности для такого рода преступлений составляет 10,92 (ст. 127.1 УК) и 11,05 (ст. 127.2 УК) [Шестаков 2010, 16]. То есть соотношение незарегистрированного объема преступности к зарегистрированной ее части составляет как минимум 10:1, или регистрируется не более 1 преступления из 10. Исходя из этого, строить прогнозы общей численности жертв очень сложно, и мы используем данные международных НКО.

По расчетам правозащитников Global Slavery Index, количество жертв рабства и торговли людьми в России в 2016–2017 гг. составляло около 800000. Если предположить, что 30% из них — жертвы принудительной проституции и 70% — трудовой эксплуатации, то получим годовую прибыль около 8 млрд долларов. Разумеется, это слишком грубая оценка, чтобы быть достоверной, однако она дает представление о порядках объема прибыли в криминальном бизнесе торговли людьми. Индекс кажется преувеличенным, однако этот факт компенсируется тем, что в расчет не включаются многие виды преступлений, в том числе сделки по продаже детей и человеческих органов. Первые достаточно многочисленны, и каждая из них подразумевает сумму минимум в несколько сотен тысяч рублей²¹. Таким образом, обобщенный итог может оказаться правдоподобным. Если сравнить этот показатель (0,5% ВВП) со статистикой «белых» отраслей экономики, то он будет примерно равен

²⁰ Уголовное дело № 11901450087000345 от 20.06.2019.

²¹ Уголовное дело № 11802220064000091 от 30.11.2018; Уголовное дело № 01-0528/2019 от 06.03.2019.

суммарному вкладу в ВВП России в 2018 году рыболовства и переработки рыбы²² и составит 20–26% объема криминальной экономики.

Криминальный бизнес, как и легальный, основан на прибыли и без нее не имеет смысла. Именно поэтому важнейшая задача состоит в том, чтобы лучше понять экономику индустрии торговли людьми. Это позволит законодательно воздействовать на «узкие места», делая бизнес более рискованным и менее прибыльным. Для реализации этой цели важно поддерживать взаимодействие между правоохранителями, которые имеют понимание практических вопросов, и научным сообществом, которое способно на основе имеющихся эмпирических данных строить экономические модели.

Траффикинг и миграция

Глобализация является важным фактором, способствующим росту торговли людьми. В современном мире границы государств и регионов проницаемы, социальная мобильность очень высока и возможности для перемещений огромны. С учетом специфики различных форм эксплуатации, которой подвергаются жертвы траффикинга, географическое перемещение имеет принципиально важное значение. Для генерирования прибыли жертва чаще всего должна взаимодействовать с другими людьми. Однако также для безопасности траффикеров и сохранения преступной схемы жертва должна быть максимально изолирована от общества. Это противоречие с легкостью разрешается путем помещения жертвы в среду, с которой она практически не может взаимодействовать: незнание языка, непонимание правовой, социальной и культурной основы жизни общества служат отличным механизмом изоляции. Здесь также важно отметить, что преступники выбирают в качестве жертв людей со специфическими психотипами: наиболее управляемых, податливых, неспособных оказать сопротивление. Д. Шестаков говорит о том, что общий склад характера (виктимность) определяет предрасположенность к тому, чтобы стать жертвой торговли людьми. Ключевую роль играют низкая правовая грамотность, низкий уровень образования, неосторожность, наивность, доверчивость по отношению к работодателям, вербовщикам, медицинским структурам, посредникам и, самое главное, неосведомленность о приемах торговцев людьми [Шестаков 2010]. Помещение виктимного человека в чуждую культурную среду обеспечивает надежную гарантию безопасности для преступников.

²² Минсельхоз оценил дополнительный вклад рыболовства в ВВП // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6649651> (дата обращения: 11.10.2019).

Именно по этой причине траффинг и миграция неразрывно связаны. По сути, торговля людьми составляет часть миграции и формирует отдельный криминальный миграционный поток. Некоторые исследователи даже определяют торговлю людьми как незаконное, тайное перемещение лиц через национальные границы, будь то принудительное или добровольное, независимо от пола, возраста или причины, для трансграничного перемещения [Bassiouni et al. 2010].

Криминальная экономика, как и законный бизнес, подчиняется законам спроса и предложения. В качестве примера можно рассмотреть потребность развитых стран и их жителей в развитии производств, для которого требуется дешевая рабочая сила и дешевое сырье, в качественных и разнообразных половых услугах. Предложение же на этом рынке формируется странами третьего мира, жители которых в попытке избежать нищеты, готовы практически на все и с легкостью становятся мишенью преступных группировок. Таким образом, весь мир превращается в единую систему сообщающихся сосудов, страны в этой системе могут иметь функции доноров, реципиентов и транзитных хабов.

Эта гипотеза подтверждается статистикой МОТ. Анализируя распределение доходов от торговли людьми, представители организации пришли к выводу, что в 2005 году 57% прибыли от трудовой эксплуатации обеспечивали индустриальные страны. Та же тенденция наблюдается в доходах от принудительной проституции, где доля развитых экономик достигает 50%, за ними следуют страны Азии (34%), переходные экономики (12%), Африка и Ближний Восток (4%) [Belser 2005, 15].

Данные Рисунка 1 позволяют сделать вывод, что лидерами среди стран-реципиентов являются западные страны с развитой экономикой, а главными донорами выступают развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки (см. Рисунок 1).

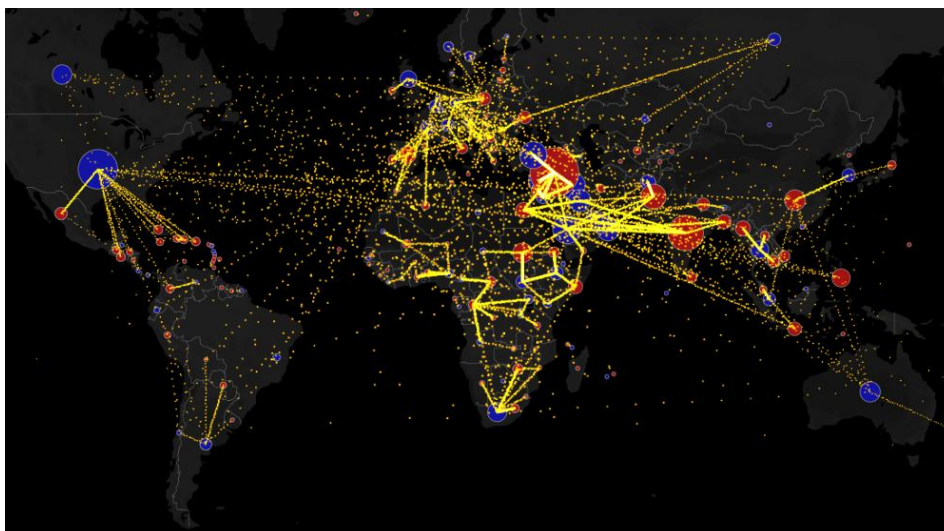

Рисунок 1. Потоки торговли людьми по оценке ООН в 2012–2014 гг.²³

Однако ошибочно было бы полностью объяснять объем траффинга экономическими причинами. Важными факторами также служат вооруженные конфликты, природные катастрофы, демографические показатели, «притяжение» диаспор и многие другие.

В контексте рассмотрения миграционных процессов важно отметить, что они сами по себе тоже являются системообразующим фактором для торговли людьми. На Рисунке 2 видно, что направления и структура миграционных потоков схожи с потоками торговли людьми.

²³ UNODC 2016, Global Report on Trafficking in Persons, Main destinations of trans-regional flows and origins of countries, 2012-2014 // UNODC [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=0E48DwAAQBAJ&pg=PT100&lpg=PT100&dq=main+destinations+of+trans-regional+flows+and+origins+of+countries+map&source=bl&ots=PF-EfcbMMX&sig=ACfU3U1BXaapYsRVv22njA_6B5k5s1Cv4w&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwiM0dLn6YzmAhVpmYsKHZ30AIEQ6AEwFHoECAkQAQ#v=onepage&q=main%20destinations%20of%20trans-regional%20flows%20and%20origins%20of%20countries%20map&f=false (дата обращения: 11.10.2019).

**Рисунок 2. Миграционные потоки — визуализация данных, публикуемых
Отделом народонаселения ООН, за 2010–2015 гг.²⁴**

Отдельно следует также выделить национальный и этнический фактор. Важную роль в формировании как миграционных, так и траффикингových потоков могут играть диаспоры. Обладая высокой степенью «герметичности», национальные сообщества являются одновременно инкубаторами для ассимиляции мигрантов в новых культурных условиях и «закрытым клубом», который позволяет вовлекать людей в преступную деятельность и эксплуатацию своими же соотечественниками без придания огласки, с молчаливого согласия сообщества.

В современных условиях миграционные потоки многочисленны и разнообразны. Внешне завербованная жертва ничем не отличается от обычного человека, въезжающего или выезжающего из страны. Ситуация усугубляется еще и тем, что об истинном своем «назначении» многие пострадавшие узнают уже после прибытия, наивно полагая вначале, что едут работать или учиться.

Для лучшего понимания динамики процесса уместно уделять больше внимания фиксации миграционных потоков. Исходящие потоки государственным структурам фиксировать сложнее, но и с входящими потоками ситуация складывается неоднозначная. Рассмотрим более подробно российский пример.

Сегодня учет въезжающих мигрантов подразделениями МВД ведется посредством подсчета выданных виз и фактов регистрации в органах ФМС²⁵. Первый

²⁴ All the World's Immigration Visualized in 1 Map // Metrocosm [Электронный ресурс]. URL: <http://metrocosm.com/global-immigration-map/> (дата обращения: 11.10.2019).

²⁵ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–сентябрь 2018 года с распределением по странам и регионам // МВД РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/14852910/> (дата обращения: 11.10.2019).

показатель априори не применим к мигрантам из стран СНГ, с которыми установлен безвизовый режим. Второй же не отражает реальное положение дел, так как жертвы траффинга не проходят регистрацию в ФМС. Таким образом, для безвизовых стран ни один из способов измерения нельзя считать эффективным.

Что касается мигрантов из других стран, их можно было бы теоретически отследить по количеству виз. Теоретически — потому что этот способ учета не даст близких к реальности результатов. Причина кроется в том, что Россия регулярно отменяет визовый въезд. Так было во время Олимпиады (2014), во время проведения Кубка Конфедераций (2017) и чемпионата мира по футболу (2018). Иными словами, обычно жесткий визовый режим раз в 3–4 года перестает действовать на достаточно долгий период. Ввозить в страну людей по паспорту болельщика ФИФА или аккредитации на Олимпиаду намного проще и дешевле, и этими «окнами» активно пользуются траффикеры.

Ни в визовые списки, ни в списки зарегистрированных жертвы не попадают. Так, во время чемпионата мира 2018 года в Россию по паспорту болельщика смогли въехать многочисленные граждане Нигерии. Многие мужчины, как выяснилось позднее, приобрели на родине «бизнес-тур» для трудоустройства, а затем остались бродяжничать, не имея ни жилья, ни средств, ни обратных билетов. Сотни подобных случаев были зафиксированы в Москве и вызвали общественный резонанс, после чего пострадавших отправили на родину²⁶. Другая категория «мигрантов» из Нигерии, приехавших во время чемпионата, — женщины, исчезнувшие сразу после прибытия. Впоследствии таких женщин находили в публичных домах, в том числе там оказалась потерпевшая по вышеупомянутому уголовному делу и 7 ее «подруг по несчастью». Некоторые из таких «мигрантов» до сих пор остаются в России. По данным МВД, после завершения безвизового периода в стране оставалось более 5000 человек с паспортами болельщиков²⁷; «из указанной категории лиц наибольшее количество составляют граждане Нигерии (1863), Вьетнама (911), Бангладеш (456), Сенегала (253)»²⁸. В общей статистике МВД эти лица не учитываются.

²⁶ Нигерийских болельщиков эвакуируют из России // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3690349> (дата обращения: 11.10.2019).

²⁷ Более 5 тыс. приехавших на ЧМ-2018 иностранцев все еще нелегально находятся в России // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6040387> (дата обращения: 11.10.2019).

²⁸ Почти две тысячи нигерийцев остались в России после ЧМ-2018 по футболу // Спорт. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://rsport.ria.ru/20190131/1550165282.html> (дата обращения: 11.10.2019).

Для того чтобы скорректировать механизмы учета, Российским миграционным службам полезно было бы добавить статистику фактического пересечения границ. В этом случае неучтенных мигрантов станет существенно меньше.

Неравенство как катализатор торговли людьми

В отчетах ООН Россия часто классифицируется как страна-донор. Де факто этот вывод — результат чрезмерного обобщения, он не вполне соответствует действительности. В зависимости от типа преступной активности Россия является и страной-донором, и страной-реципиентом. Так, если рассматривать торговлю людьми с целью трудовой эксплуатации, то Россия имеет все признаки страны назначения, странами-донорами для которой выступают государства постсоветского пространства, в особенности Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан. Особо криминогенной и виктимогенной группой являются нелегальные мигранты, многие из которых вообще не проходят миграционный учет. Из-за нелегального статуса они не могут претендовать на законное трудоустройство. Впрочем, и мигранты, находящиеся в России законно, с трудом могут найти официальный заработок. Так, на учете в органах Федеральной миграционной службы в 2008 г. состояли 7,3 млн человек. Из них легально трудились 1 млн 150 тыс. [Шестаков 2010].

Что касается сексуальной эксплуатации, Россия действительно имеет признаки страны-донора: согласно данным представителей МВД РФ со ссылкой на управление Верховного комиссара ООН по правам человека, из постсоветской России за два десятилетия продано более 500 тысяч женщин и девочек²⁹. Основные регионы назначения — Европа и Ближний Восток.

В отчетах НКО и научных статьях также постоянно встречается упоминание о том, что из России ежегодно вывозят от 30 до 60 тысяч женщин и девочек. Все ссылки ведут к публикации доктора экономических наук И. Ивахнюк и доктора экономических наук, профессора В. Ионцева³⁰. Источником данных, которые приводят эти авторы, является публикация студентки Факультета государственных и муниципальных служащих Уральской академии государственной службы Сысолятиной Е.А., которая пишет, что «в основном из России вывозят женщин и детей для занятия проституцией. Их количество эксперты оценивают в 30–60 тыс. человек в год» [Сысолятина 2010]. Ни

²⁹ Более 500 тыс. женщин из постсоветской России проданы в сексуальное рабство // Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/508702.html> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁰ Ivakhnyuk I., Iontsev V. Human Trafficking: Russia 2013. CARIM-East Explanatory Note 13/55 // CADMUS [Электронный ресурс]. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/62818/Explanatory%20Notes_2013-55.pdf?sequence=1 (дата обращения: 11.10.2019).

имен экспертов, ни методов оценки она не указывает, никаких ссылок на источник данных не приводит. Это один из примеров того, как недостоверная и необоснованная статистика перепечатывается серьезными исследователями, тиражируется на английском языке и попадает в отчеты и сводки наравне с корректными данными.

Теперь рассмотрим неравенство, которое представляет собой катализатор торговли людьми. В некотором смысле устройство глобальной системы траффинга напоминает мир-систему Валлерстайна, где формирующее потребности ядро черпает ресурсы для их удовлетворения из периферии [Валлерстайн 2001]. Торговля людьми и рабство — одни из самых серьезных современных последствий неравенства, считают многие исследователи [Barner et al. 2014]. Социально-экономическое неравенство создает систему, где власть имущие легко доминируют над теми, кто не имеет власти и денег, и пользуются ими. То есть неравенство в глобальном и индивидуальном масштабе делает возможным эксплуатацию человека и отношение к нему, как к товару.

Участники преступных схем целенаправленно ищут жертв среди самых уязвимых категорий людей, страдающих от нищеты, безработицы, вынужденных содержать и обеспечивать своих близких. Чем ниже в стране уровень образования и грамотности, чем выше бедность и безработица, чем больше сирот, одиноких стариков, инвалидов, неблагополучных семей, тем шире будет выбор у траффикеров и тем больше возможностей для вербовки. Кроме того, легитимация неравенства и подчиненного положения «худших» по отношению к «лучшим» в культуре способствует подавлению сопротивления жертв, облегчая эксплуатацию и консервируя отношения «собственность — хозяин» [Blazek et al. 2018]. Российские исследователи также видят в росте неравенства одну из причин процветания индустрии торговли людьми. Ходырева Н. и Цветкова М. утверждают, что в основании самой проблемы траффинга «лежит экономическое различие между посылающими и принимающими полулегальных мигрантов странами, позволяющее богатым нациям эксплуатировать представителей бедных наций» [Ходырева, Цветкова 2000, 141].

Динамика неравенства в мире — вопрос дискуссионный и в высшей степени политизированный. Нобелевский лауреат по экономике Д. Стиглиц считает, что неравенство в современном мире — это намеренно поддерживаемый порядок, в консервации которого заинтересованы экономические и политические элиты, и с использованием финансовых, политических, экономических, административных механизмов они обеспечивают воспроизводство этого порядка [Стиглиц 2003, 15]. Отражение идеи рассмотрения замкнутых самоконсервирующихся элит,

способствующих росту неравенства, мы находим в рейтинге кланового капитализма, разработанном изданием The Economist. Согласно концепции авторов, в последние десятилетия наступила золотая эпоха клановых капиталистов, которые зарабатывают свои богатства благодаря близким связям с правительством, а не управленческим и организационным талантам и победой в честной конкурентной борьбе. С 2004 по 2014 гг. количество миллиардеров в клановых отраслях по всему миру выросло на 385%. Индекс кланового капитализма — попытка измерить масштаб этого явления³¹.

К экономическому форуму в Давосе 2017 года было приурочено очередное исследование, согласно которому 82% богатства, аккумулированного в прошлом году, достались 1% населения мира, а 3,7 миллиарда человек, составляющих беднейшую половину человечества, не получили ничего³². Кроме того, авторы исследования выявили, что:

- ежегодное благосостояние миллиардеров росло в среднем на 13% с 2010 года, то есть в 6 раз быстрее, чем заработная плата обычных рабочих, которая в среднем росла всего на 2% в год;
- число миллиардеров увеличивалось каждые два дня в период с марта 2016 года по март 2017 года;
- генеральному директору одного из пяти ведущих мировых модных брендов требуется всего 4 дня, чтобы заработать сумму, которую заработает бангладешский швейный рабочий за свою жизнь;
- в США генеральному директору требуется чуть более одного рабочего дня, чтобы заработать то, что за год делает обычный работник.

Эти данные указывают на то, что неравенство если не прогрессирует, то как минимум остается на прежнем уровне, и улучшения ситуации мы не наблюдаем. В таких условиях соблюдение прав человека обречено носить селективный характер: одни люди рождены, чтобы быть «равноправнее» других.

Преодоление неравенства в мировом или региональном масштабе — идея утопическая. Сокращение неравенства — стратегическая задача государственной

³¹ Comparing crony capitalism around the world // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2016/05/05/comparing-crony-capitalism-around-the-world> (дата обращения: 11.10.2019).³² Richest 1 percent bagged 82 percent of wealth created last year — poorest half of humanity got nothing // Oxfam International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2018-01-22/richest-1-percent-bagged-82-percent-wealth-created-last-year> (дата обращения: 11.10.2019).

³² Richest 1 percent bagged 82 percent of wealth created last year — poorest half of humanity got nothing // Oxfam International [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfam.org/en/pressroom/pressreleases/2018-01-22/richest-1-percent-bagged-82-percent-wealth-created-last-year> (дата обращения: 11.10.2019).

социальной политики, рассчитанная на многолетнюю перспективу, поэтому в данной работе мы не будем останавливаться на этом аспекте. Нас будет интересовать, какие меры можно принять в существующих условиях. Первой такой мерой можно считать информирование общества о проблеме торговли людьми. В качестве механизмов информирования уместно рассмотреть СМИ, социальные сети, а также систему образования. Осведомленность об угрозе одновременно послужит профилактической мерой для уязвимых слоев населения и позволит широкой общественности научиться видеть признаки траффинга и чаще сообщать о преступлениях такого рода в правоохранительные органы. Кроме того, отдельно следует проводить работу с виктимогенными группами, направленную на их социализацию и вовлечение в законную экономическую деятельность. Такая работа может проводиться силами государственных структур и некоммерческих организаций.

Активность правоохранительных органов и международное сотрудничество

Как уже отмечалось ранее, проблематика торговли людьми в ее современном виде — явление относительно новое. По этой причине многие страны не имеют эффективного полного законодательства, которое позволило бы систематически выявлять и предотвращать траффинг. Соответственно, правоохранительные органы имеют низкую степень подготовки и мало опыта в борьбе с такими преступлениями. Лидерами по количеству и качеству законов, а также по уровню компетентности правоохранителей являются США и Великобритания, где существуют отдельные нормативные акты, посвященные борьбе с торговлей людьми и специальные подразделения силовиков, специализирующиеся на этом виде преступности.

Однако эффективно бороться с торговлей людьми в рамках одной территориальной единицы, будь то город или страна, не всегда возможно. Преступные группировки успешно используют географический фактор, чтобы запутать следы. На примере России можно убедиться в том, что даже внутриведомственные контакты между подразделениями МВД по регионам очень сильно затруднены и требуют времени. При этом фактическая ситуация, как правило, не терпит отлагательств и требует оперативного реагирования. Этим успешно пользуются, например, посредники, предлагающие купить ребенка на территории РФ. Схема организована таким образом, что продавец, покупатель и посредник находятся в разных субъектах РФ и встречаются лишь единожды на короткий момент передачи ребенка, а иногда не встречаются вовсе в полном составе. Фиксация такой сделки в принципе является затруднительной, но,

если вся активность происходит в основном через Интернет и распределена по разным регионам, преступление становится практически не доказуемым. В то время, когда нужно заниматься расследованием, правоохранительные органы занимаются определением территориальной принадлежности и поиском ответственного. Таким образом, низкая реактивность и бюрократизация правоохранительных органов служат гарантией безрисковой сделки для траффикеров.

Еще хуже дело обстоит тогда, когда речь идет о международных схемах торговли людьми. К административным и бюрократическим трудностям прибавляются языковые барьеры, большие расстояния, разное правовое поле. Это приводит к тому, что международные операции по разоблачению групп траффикеров сегодня почти невозможны в принципе. Исключением, пожалуй, является полиция объединенной Европы, которая успела наработать некоторый опыт координации совместных действий и систематически устраивает рейды против торговцев людьми. Однако рейды эти локализуются на национальном или более низких уровнях.

Даже при достижении высокой степени координации и взаимодействия в Европе подобные операции — это не полностью эффективная мера, поскольку они проводятся только в странах-реципиентах, в то время как вербовщики и организаторы в странах-донорах продолжают свою активность, и на смену ликвидированным ячейкам траффикеров вскоре придут другие. Решением этой проблемы может быть только усиление международного сотрудничества и наработка опыта комплексного расследования преступлений.

Для России такой опыт был бы крайне полезен. Во-первых, на сегодняшний день информированность силовиков о проблеме в среднем довольно низкая, а значит, в условиях необходимости оперативного принятия решений эффективность последних снижается. Обмен опытом с российскими и иностранными коллегами, а также выработка быстрых схем обмена информацией между регионами и между Россией и другими странами в итоге помогут наладить систему предупреждения преступлений. Так, например, при своевременном реагировании лицам, завербованным иностранными гражданами, могут не дать покинуть страну отправления или въехать в страну назначения.

Полезной мерой будет повышение общей осведомленности сотрудников правоохранительных органов о проблеме торговли людьми и рабства. Речь в данном случае идет не только о правоохранителях, занятых непосредственно расследованиями.

Массовое информирование на уровне патрульных служб и участковых уполномоченных поможет выявлять преступления более эффективно.

Для России также будет полезным перенять опыт организации отдельных подразделений, специализирующихся на борьбе с траффикингом. Фундамент для их создания внутри МВД уже сейчас существует в виде отделов, которые специализируются на таких преступлениях, как похищения, вымогательство и торговля людьми.

Заключение

Мы рассмотрели феномены торговли людьми и современного рабства в общем виде и убедились в том, что изучение их должно осуществляться с применением широкого междисциплинарного подхода и с учетом социальных, экономических, культурных, политических и правовых аспектов. Был также определен комплекс проблем, актуальных для России и многих других стран, способствующих развитию криминального бизнеса траффикинга, что может стать отправной точкой для дальнейшего более глубокого анализа.

Кроме того, подводя итог работе, мы можем сформулировать список некоторых практических мер, которые позволят лучше понять данную проблему и выработать более эффективные механизмы борьбы с ней. К таким мерам можно отнести:

- уточнение понятий «торговля людьми» и «рабство», введение единой классификации и доработка законодательства в соответствии с более четкой терминологией;
- подключение научного сообщества к изучению проблемы. Сбор и обобщение разрозненных данных, имеющихся на данный момент, для лучшего понимания динамики и диагностики основных рисков. Подготовка регулярных отчетов, более детальное изучение экономической модели траффикинга;
- выделение наиболее уязвимых групп населения в зависимости от типа преступлений. Проведение кампании по информированию граждан о рисках и угрозах, обучение распознаванию преступной активности;
- обучение правоохранителей, в том числе на самых низких уровнях, с целью повысить количество выявленных преступлений;

- налаживание взаимодействия с иностранными правоохранительными органами для обмена опытом и расширения компетенций российских специалистов;
- введение новых алгоритмов учета мигрантов, в особенности на периоды крупных мероприятий на территории России.

Разумеется, этот перечень нельзя считать исчерпывающим. Наша задача на данном этапе заключалась в том, чтобы обнаружить «тонкие места» и предложить механизмы их корректировки. Такие механизмы должны быть достаточно простыми и реализуемыми на практике. Воплощение их в жизнь позволит России выйти на новый уровень борьбы с торговлей людьми. При этом сохраняется необходимость, помимо точечной корректировки, глубже изучать проблему траффкинга и вырабатывать комплексные программы по борьбе с ним, рассчитанные на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Список литературы:

- Алихаджиева И.* Недостатки законодательной регламентации уголовно-правовой борьбы с торговлей людьми // Уголовное право. 2006. № 5. С. 4–7.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; Под общей редакцией Б.Ю. Кагарлицкий. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.
- Волков К.А.* Почему проблема торговли людьми и эксплуатации человека остается острой? // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 2. С. 142–148.
- Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю.* Торговля женщинами и детьми в социальной и криминологической перспективе. М.: Профобразование, 2003.
- Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.
- Сысолятина Е.А.* Торговля людьми: «экспорт» и «импорт» живого товара // Экономика, государство, общество. 2010. № 3(3). URL: <http://ego.uapa.ru/ru/issue/2010/03/13/> (дата обращения: 11.10.2019).
- Тюрюканова Е.* Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда, 2006.
- Ходырева Н.В., Цветкова М.Г.* Россиянки и явление трэффика // Социс. 2000. № 11. С. 141–144.
- Шестаков Д.А.* Постлиберальная криминология о «Торговле людьми» // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 3. С. 14–22.

- Barner John R., David Okech, Meghan A. Camp Socio-Economic Inequality, Human Trafficking, and the Global Slave Trade // Societies. 2014. № 4. P. 148–160. DOI: <https://doi.org/10.3390/soc4020148>.
- Bassiouni C., Rothenberg D., Higonnet E., Farenga C., Augustus Sol Invictus Addressing International Human Trafficking in Women and Children for Commercial Sexual Exploitation in the 21st century // Revue Internationale de Droit Pénal. 2010. No. 3-4. Vol. 81. P. 417–491.
- Belser P. Forced Labour and Human Trafficking: Estimating the Profits. Geneva: International Labour Organization, 2005.
- Blazek M, Esson J, Smith D.P. Relational Geographies of Human Trafficking: Inequality, Manoeuvring and Im/Mobility across Space and Time // Transactions of the Institute of British Geographers. 2019. Vol. 44. Is. 1. P. 63–78. DOI: <https://doi.org/10.1111/tran.12271>.
- Schneider F., Enste D.H. Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38(1). P. 77–114. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.38.1.77>.
- Weitzer R. Human Trafficking and Contemporary Slavery // Annual Review of Sociology. 2015. Vol. 41. P. 223–242. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073014-112506>.
- Zhang S.X. Beyond the “Natasha” Story: A Review and Critique of Current Research on Sex Trafficking // Global Crime. 2009. Vol. 10. P. 178–195. DOI: <https://doi.org/10.1080/17440570903079899>.

Дата поступления: 21.08.2019

Siluyanova Yu.A.

Factors Contributing to the Development of Human Trafficking Industry in Russia and in the World

Yulia A. Siluyanova — postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Zernovaju@gmail.com

Abstract

Human trafficking in the modern world is a phenomenon with deep social roots, it affects the most vulnerable social groups. International society considers it as a tough crime against rights and freedoms of people. Trafficking as a phenomenon can't be analyzed only by the means of criminalistics and law. For deeper understanding it is necessary to apply interdisciplinary approach which takes into account cultural, social and economic factors.

Trafficking is one of the most profitable types of criminal business, and due to shortcomings in the legislation and lack of practice in law enforcement, the risks for criminals remain relatively low. Thus, trafficking industry tends to have profits. Moreover, we don't have enough scientific researches in this area to evaluate the market of trafficking.

In this paper, using statistical data, international organizations reports, criminal cases and interviews with a spokesperson of Russian enforcement authorities we consider the basic concepts, classification of crimes of this kind, as well as reveal the economic aspects of trafficking and a set of reasons that contribute to the development of this criminal industry on the example of Russia and other countries. Having revealed vulnerabilities, we offer a set of measures which can allow studying trafficking phenomenon better and countering it at international and national levels more effectively.

Keywords

Human trafficking, modern slavery, migration, hidden migration, international crime, shadow economy, criminal economy, human rights, inequality, globalization.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10019

References:

- Alikhadzhiyeva I. (2006) Nedostatki zakonodatel'noy reglamentatsii ugovno-pravovoy bor'by s trgovley lyud'mi [Shortcomings of the legislative regulation of the criminal legal fight against trafficking in human beings]. *Ugolovnoe pravo*. No. 5. P. 4–7.
- Barner John R., David Okech, Meghan A. Camp (2014) Socio-Economic Inequality, Human Trafficking, and the Global Slave Trade. *Societies*. No. 4. P. 148–160. DOI: <https://doi.org/10.3390/soc4020148>.
- Bassiouni C., Rothenberg D., Higonnet E., Farenga C., Augustus Sol Invictus (2010) Addressing International Human Trafficking in Women and Children for Commercial Sexual Exploitation in the 21st century. *Revue Internationale de Droit Pénal*. Vol. 81. P. 417–491.
- Belser P. (2005) *Forced Labour and Human Trafficking: Estimating the Profits*. Geneva: International Labour Organization.
- Blazek M., Esson J., Smith D.P. (2019) Relational Geographies of Human Trafficking: Inequality, Manoeuvring and Im/Mobility across Space and Time. *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 44. Is. 1. P. 63–78. DOI: <https://doi.org/10.1111/tran.12271>.
- Erokhina L.D., Buryak M.Yu. (2003) *Torgovlya zhenshchinami i det'mi v sotsial'noy i kriminologicheskoy perspektive* [Trafficking in women and children from a social and criminological perspective]. Moscow: Profobrazovaniye.
- Kpodyreva N.V., Tsvetkova M.G. (2000) Rossiyaniki i yavleniye treffika [Russian women and human trafficking]. *Sotsis*. No. 11. P. 141–144.
- Schneider F., Enste D.H. (2000) Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences. *Journal of Economic Literature*. Vol. 38(1). P. 77–114. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.38.1.77>.
- Shestakov D.A. (2010) Postliberal Criminology on Human Trafficking. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*. No. 3. P. 14–22.
- Stiglicz Dzh. (2003) *Globalization and Its Discontents*. Moscow: Mysl'.
- Sysolyatina E.A. (2010) Torgovlya lyud'mi: «eksport» i «import» zhivogo tovara [Human trafficking: export and import of human beings]. *Ekonomika, gosudarstvo, obshchestvo*, No. 3(3). Available: <http://ego.uapa.ru/ru/issue/2010/03/13/> (accessed: 11.10.2019).

- Tyuryukanova E. (2006) *Prinuditel'nyy trud v sovremennoy Rossii: nereguliruyemaya migratsiya i trgovlya lyud'mi* [Forced labour in modern Russia: unregulated migration and human trafficking]. Zheneva: Mezhdunarodnoe byuro truda.
- Vallerstajn I. (2001) *World-Systems Analysis and Situation in the Modern World*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Universitetskaya kniga».
- Volkov K.A. (2014) Why Human Trafficking and Exploitation Is Still a Severe Problem? *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*. No. 2. P. 142–148.
- Weitzer R. (2015) Human Trafficking and Contemporary Slavery. *Annual Review of Sociology*. Vol. 41. P. 223–242. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073014-112506>.
- Zhang S.X. (2009) Beyond the “Natasha” Story: A Review and Critique of Current Research on Sex Trafficking. *Global Crime*. Vol. 10. P. 178–195. DOI: <https://doi.org/10.1080/17440570903079899>.

Received: 21.08.2019

Правовые и политические аспекты управления

Зуева А.А.

Деятельность Московской городской Думы (1863–1869 гг.) в отечественной историографии

Зуева Анастасия Александровна — аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: AnastaciaZueva@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [1449-8101](https://elibrary.ru/1449-8101)

Аннотация

Определение места местного самоуправления в системе государственных органов власти РФ остается актуальной проблемой и сегодня. Продолжается реформирование с целью дальнейшего расширения полномочий местной власти. Попытки развития местного самоуправления в России предпринимались достаточно давно, начиная с ранних периодов истории нашего государства. Первые серьезные шаги в этом плане делались в период правления Петра I и Екатерины II, однако они не увенчались успехом и были забыты после смерти правителей. Наиболее эффективные реформы местного самоуправления были осуществлены в середине XIX в., в эпоху Великих реформ Александра II. В поле нашего исследования находится изучение деятельности московского городского самоуправления, в период работы князя Александра Алексеевича Щербатова во главе Московской городской Думы (1863–1869 гг.). В это время, после введения в действие Городового положения 1862 г. «Об общественном управлении города Москвы», местной власти была передана часть реальных полномочий по управлению городом (например, возможность пересмотреть и оставить часть налогов для благоустройства города). Данная проблематика неоднократно рассматривалась в отечественной историографии, при этом наиболее значимыми были вопросы возможности преодоления сословного принципа в избирательном процессе и в самой работе Московской городской Думы в 1863–1869 гг. и изучения отдельных аспектов деятельности Думы в указанный период. Кроме того, делались попытки определить роль главы Московской городской Думы А.А. Щербатова в успешном внедрении реформы местного самоуправления. Мнения исследователей по этим вопросам разделились, что отчасти обуславливалось различиями в идеологических и методологических подходах.

Ключевые слова

Историография, Московская городская Дума, князь А.А. Щербатов, реформа городского управления 1862 г., местное самоуправление, избирательная кампания.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10020

Введение

Местное самоуправление играет важную роль в развитии городов, помогая центральным и региональным органам власти решать насущные вопросы. Этот процесс усложняется из-за необходимости поиска баланса между разными уровнями власти с целью более четкого разграничения их полномочий. В этом отношении интерес вызывает столица России — Москва, где достаточно эффективно взаимодействует центральная и местная власти. В то же время, дискуссии вызывает вопрос статуса местной власти, который впервые был поднят еще в дореволюционной России. Многие историки середины XIX – начала XX вв., изучая историю земств, в качестве одной из

главных проблем называли проблему разграничения полномочий между центральной и городской властью и передачи последней части государственных полномочий на местах, что позволяло бы более эффективно решать вопросы развития городской инфраструктуру. Изучение истории московского городского самоуправления дает возможность проанализировать оценки и возможные пути решения проблем, которые стояли перед Московской городской Думой в середине XIX века. Это, в свою очередь, может представлять интерес для современной Мосгордумы, поскольку многие из решавшихся тогда вопросов сохраняют свою актуальность и сегодня.

Целью нашего исследования является анализ отечественной историографии деятельности Московской городской Думы в 1863–1869 гг.

К задачам настоящей статьи следует отнести, во-первых, установление основных этапов эволюции историографии вопроса, во-вторых, определение круга проблем, решаемых на каждом из этапов развития историографии деятельности Московской городской думы в 1863–1869 гг., в-третьих, изложение взглядов историков на деятельность Московской городской Думы в исследуемый период, и, наконец, в-четвертых, выявление оценок роли князя А.А. Щербатова в становлении московского городского самоуправления.

Методологию исследования составляют: сравнительный, ретроспективный и формально-логический методы, которые дали возможность установить и интерпретировать мнение историков относительно деятельности Московской городской Думы в 1863–1869 гг.

Проблема местного самоуправления в Москве в отечественной историографии

В развитии историографии деятельности Московской городской Думы в 1863–1869 гг. можно выделить три периода: досоветский, советский и постсоветский. Впервые проблемой местного самоуправления в России начали заниматься ученые и политические деятели в середине XIX века. Так, П.А. Муллов дал оценку принятия Городового положения 1862 г. «Положения об общественном управлении города Москвы», указав, что «общественное городское управление в Москве до введения в 1862 году нового Положения, совершенно почти уклонялось от точного смысла городской грамоты 21 апреля 1785 года, что сопровождалось крайне

неблагоприятными последствиями для благоустройства столицы»¹. Развивая эту оценку, И.А. Лебедев пришел к выводу, что само Городовое положение «являлось не преобразованием, не реформой, а устранением беспорядков...изданного Екатерининского Городового Положения..., применением к местным нуждам Москвы устаревших петербургских правил 1846 года..., но все же для Москвы и для всей России это был большой шаг вперед в развитии городской жизни»². Таким образом, ученые и политические деятели середины XIX века после введения Городового положения 1862 г. выражали надежду на трансформацию городского управления Москвы, что должно было привести к наведению порядка в делах города.

В 1913 году газета «Русские ведомости» опубликовала три статьи, которые были посвящены истории московского городского самоуправления. В них сравнивались Положения 1846 и 1862 гг., и ставился вопрос, были ли выборы в первые Московские городские Думы всесословными. Так, А. Кизеветтер утверждал, что «Положению 1862 г. нельзя приписывать значение какого-нибудь радикального положения в судьбах московского городского самоуправления... В начало бессословности, в начало самостоятельности муниципальных учреждений далеко не получило еще в этом Положении полного и отчетливого признания... Выборы городские все еще строились на сословных началах»³. Ему вторил В. Сторожев: «Положение стоит на почве сословной и имущественной; оно устанавливает не общегородские выборы, а по сословным куриям»⁴. В досоветской историографии начала XX века уделялось значительное внимание сравнению Положений 1846 и 1862 годов, в ходе которого делался вывод, что предусмотренные ими преобразования не привели к преодолению сословности в формировании Дум и не позволили местному самоуправлению обрести самостоятельность, то есть не привели к тому, что было заявлено в качестве целей реформ в указанных Положениях.

В советский период изучению вопросов развития местного самоуправления в пореформенную эпоху уделялось сравнительно мало внимания, что обуславливалось идеологическими соображениями. В то же время, предпринимались попытки изучения проблемы становления избирательного права в Российской империи во второй

¹ Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления / Сост. П.А. Муллов. СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1864. С. 180.

² Лебедев И.А. К 50-летию Московского городского общественного управления // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). Вып. 4. С. 2.

³ Кизеветтер А.А. Сороковые и шестидесятые годы XIX ст. в истории городского самоуправления // Русские ведомости. М., 1913 (10 апреля). № 83. С. 4.

⁴ Сторожев В. Введение в действие Городового Положения 1863 г. // Русские ведомости. М., 1913 (10 апреля). № 83. С. 5.

половине XIX века, хотя значение этого процесса во многом принижалось и недооценивалось. Здесь четко прослеживается та позиция, что реформа городского управления 1862 г. не привела к ликвидации сословного принципа. Как писал Б.В. Златоустовский, «либерально-монархическое дворянство в 60-е гг. XIX в. отстаивало сословный принцип в самоуправлении с целью нейтрализации влияния городской буржуазии и укрепления влияния дворянства в городской общественной жизни» [Златоустовский 1954б, 10]. Аналогичных взглядов придерживалась В.А. Нардова, которая в своей работе показывала схожее влияние реформ на систему городского управления в Санкт-Петербурге, Одессе и Ростове-на-Дону [Нардова 1984].

Других взглядов советские историки и не могли придерживаться, поскольку противопоставление классовых позиций было одним из главных элементов исторического знания в системе пропаганды советского строя. Данный аспект подчеркивал превосходство социалистического общества, в котором все граждане были равны. Впрочем, в советской историографии встречалась и другая точка зрения. Так, Н.С. Каржанский оценивал реформы 60-х гг. XIX века, как прогрессивные, подчеркивая, что они «приспосабливали социально-политический строй России к потребностям буржуазного развития страны и означали шаг вперед по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию» [Каржанский 1950, 7].

Еще один дискуссионный вопрос в досоветской и советской историографии — имела ли деятельность первых Московских городских Дум сословный характер. Вновь приведем мнение Златоустовского: «До полного сближения сословий в Московской Думе было еще далеко. Наличие сословных старшин, возглавлявших в думе каждый свое сословие, и сословных «выборных собраний» — все это обособляло сословия друг от друга. За спиной каждой думской сословной группы стояли городские сословные объединения в виде сословных управ купечества, мещанства и ремесленников, а также дворянского собрания. Все они направляли деятельность своих представителей в Общей думе в духе защиты узко-сословных интересов» [Златоустовский 1954а, 469]. В свою очередь, досоветская историография настаивала на обратном, подчеркивая при этом роль главы Думы А.А. Щербатова. «Строй был строго сословный, но, благодаря деятельности первого городского головы кн. А.А. Щербатова и лиц, его выдвинувших и окружавших, благодаря общему настроению, сословность не была заметна и шло быстрое слияние сословий»⁵. Действительно глава Мосгордумы в

⁵ Лебедев И.А. К 50-летию Московского городского общественного управления // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). Вып. 4. С. 10.

1863–1869 годах пытался преодолеть сословность во взаимоотношениях гласных, однако уровень образования и подготовленности самих гласных не давал им возможности в полной мере действовать совместно.

Дискуссии историков также велись вокруг причин принятия Городового положения 1862 г. Так, ученые и политические деятели досоветского периода делали акцент на отмене крепостного права в 1861 г. В свою очередь, советские ученые обосновывали решение нарастанием революционной обстановки: «Являясь побочным продуктом революционного движения в стране, Положение 20 марта 1862 г. послужило для правительства одним из клапанов для предупреждения коренной ломки сословно-монархического городского строя» [Златоустовский 1954b, 10–11]. Как представляется, в данном случае дискуссия была излишней, поскольку оба указанные фактора подталкивали правительство Российской империи к реформе местного самоуправления.

Деятельность Московской городской думы после введения Городового положения 1862 г. привлекает внимание ряда современных российских ученых. Среди основных сюжетов, интересующих их, следует выделить вопросы влияния реформ избирательной системы на эффективность деятельности Думы, выработки подхода к местному самоуправлению через призму идей общественной и политической мысли второй половины XIX века и оценки влияния взглядов деятельности А.А. Щербатова на трансформацию местного самоуправления в Москве.

Избирательный процесс 1863 года: преодолен ли сословный принцип?

Один из главных вопросов, который интересует современных российских исследователей, касается особенностей проведения избирательной кампании 1863 г. Так, Л.Ф. Писарькова, тщательно изучив состав кандидатов, пришла к выводу, что выборы 1863 г. были первой попыткой создать всесословное городское управление в Москве. «Общая дума стала для современников своеобразным полигоном, где на их глазах шел процесс преодоления сословной разобщенности между гласными, процесс, через который неизбежно должна была пройти вся пореформенная Россия, взявшая курс на создание гражданского общества» [Писарькова 2010, 115]. Эти перемены имели успех для трансформации городской жизни, поскольку впервые городское самоуправление смогло решать вопросы местного значения без постоянного вмешательства государственной власти.

Постсоветская историография развивает оценку первых Московских городских Дум как всесословных органов местного самоуправления. Так, В.Д. Калинин сделал вывод, что «реформа городского управления 1862 г. открыла двери на заседания

Московской Думы для всех желающих. Собрания проходили публично. В газетах печатались отчеты о них, обсуждались нужды города, критиковались действия Думы и выступления гласных» [Цит. по: Калинин 1994, 35]. В самом деле, впервые за всю историю России была сделана попытка создать представительный орган управления с доступом средств массовой информации и всех желающих к участию в заседаниях. Во многом это было заслугой ее руководителя, что подчеркивалось в коллективной монографии «Почетные граждане города Москвы (1866–1917)»: «Князь Щербатов сумел сразу установить полнейшее слияние всех представляемых в думе сословий» [Комиссарова и др. 2009, 22]. Стоит отметить, что попытка реализации принципа всесословности в деятельности Думы многими современными авторами связывается с фигурой ее руководителя, который требовал соблюдения новой формы взаимоотношений. «Равенство гласных подчеркивалось и формой обращения друг к другу: было принято, ссылаясь на мнение какого-либо гласного, называть только его фамилию, даже если он был титулованным. Гласные поневоле перетираются в совокупном и совместном служении одному делу» [Цит. по: Писарькова 2019, 45]. При этом следует подчеркнуть, что в современной российской науке акцент делается не на всесословности выборов 1863 г., а на всесословности в работе Думы.

Оценки деятельности первых Московских городских Дум

Особый интерес для данной статьи имеет оценка в отечественной историографии различных эпох деятельности Московской городской Думы в 1863–1869 гг. В досоветской историографии мнения резко разделялись. Так, одни говорили об эффективности деятельности Дум: «Собрания Общей Думы стали основной общественной силой, благодаря деятелям того времени, и определили дальнейший характер Московского городского управления»⁶, тогда как другие приводили аргументы в обоснование противоположной позиции. В частности, И.И. Дитятин объяснял причины неэффективности местного самоуправления в России во второй половине XIX века «заниженной активностью и равнодушием граждан, а также нежеланием политических лидеров взять на себя ответственность» [Цит. по: Кожевина 2019, 49]. Сюда же следует отнести мнение редактора «Московский ведомостей» М.Н. Каткова. Он, с одной стороны, высказывал мнение о возможной ликвидации сословности в России, благодаря деятельности всесословной Думы: «Сословия еще остаются, но они сближаются между собой и соединяются в совокупной деятельности.

⁶ Лебедев И.А. К 50-летию Московского городского общественного управления // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). Вып. 4. С. 11.

Из этого сближения существующих сословий не преминет выработаться сам собою новый тип общественной организации» [Цит. по: Грушина 2019, 82–83]. С другой стороны, он же и обвинял Думу, в особенности ее Распорядительную часть, в бюрократичности и бесполезности. «Распорядительная дума только исполняет распоряжения Общей думы... При теперешнем значении распорядительной думы, ее бюрократические формы не имеют в себе ничего существенно-необходимого», — писал М.Н. Катков [Там же, 82–83]. Негативную оценку деятельности Московской городской Думы этого автора можно попытаться объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, М.Н. Катков был консерватором, который скептически относился к реформам в целом. Во-вторых, у него был конфликт с Думой по поводу попытки М.П. Щепкина начать издавать собственную газету Думы, которая наверняка составила бы конкуренцию «Московским ведомостям» [Златоустовский 1954b, 16]. Сам гласный Московской городской Думы М.П. Щепкин также не разделял позитивных взглядов на деятельность Думы, отмечая катастрофическое увеличение расходов бюджета, которое не покрывается его доходами. «Я увидел настоящие расходы страшные, я увидел будущие расходы страшные, и при том на такое неопределенное время, что конца им не видать»⁷. Дело, впрочем, состояло в том, что работа первых Дум были направлена на благоустройство города (например, строительство Бородинского моста, устройство водопроводов, газовое освещение улиц и т.д.), что неизбежно влекло достаточно крупные расходы. В свою очередь, в своей статье автор предлагал свой вариант сокращения ненужных расходов, главным образом, путем усиления контроля Московской городской Думы за организациями, на деятельность которых идут такие расходы.

Современные российские ученые оценивают деятельность Московской городской Думы в 1863–1869 гг. в целом положительно. «Разные по воспитанию, образованию и характеру, действовавшие в разных исторических условиях, все они в меру сил и способностей содействовали развитию городского хозяйства и благоустройства Москвы... В 1860-е гг. органы общественного управления Москвы стояли высоко в общественном мнении и включали лучшие силы московского общества» [Писарькова 2019, 44]. Попытку объяснения успешности работы Дум предложил в своей работе В.Ю. Виноградов, который подчеркнул, что Городовое положение 1862 г., давало определенные права местному самоуправлению в Москве.

⁷ Щепкин М.П. Мнение гласного, пред рассуждением о смете доходов и расходов города Москвы на 1868 год // Русский, газета политическая и литературная. М, 1868 (8 января). С. 33.

«Городское самоуправление Москвы лишь с принятием «Городового положения» 1863 г. получило определенные права, позволявшие реально руководить сложным городским хозяйством... Оно заменило Шестигласную думу на распорядительную, которая была органом исполнительной власти, тогда как вопросы законодательства отнесены были к ведению Общей думы как высшего звена общественного управления» [Виноградов 2004, 163]. Таким, образом, Московская городская Дума впервые получила возможность контролировать доходы и расходы, а также самостоятельно предлагать и реализовывать проекты по благоустройству Москвы. Можно сделать вывод, что в постсоветской историографии достаточно изучены вопросы избирательных процессов в пореформенное время, а также частично затрагиваются отдельные аспекты деятельности Дум.

Роль князя А.А. Щербатова в деятельности Московской городской Думы (1863–1869 гг.)

Отдельное внимание следует уделить работам, посвященным деятельности князя Щербатова во главе Московской городской Думы в 1863–1869 гг. В большинстве своем такие исследования носят биографический характер и делают акцент на ключевых достижениях князя в области городского управления. В этом отношении интересны работы, дающие оценку А.А. Щербатову, как Московскому городскому голове. Важно отметить, что на протяжении всех этапов своей эволюции российская историография местного самоуправления оценивает личность князя А.А. Щербатова положительно. Так, один из представителей досоветской историографии С. Сперанский отмечал: «Избрание в городские головы князя А.А. Щербатова оказалось удачным и, по-видимому, способствовало укреплению возможной по условиям того времени самостоятельности Думы в делах городского хозяйства»⁸. Его современник Е. К-Кой подчеркивал успешность руководства Московской городской Думой А.А. Щербатовым, которое привело к практическим результатам: «Результатом этих работ, представленных городским головою на усмотрение высшего правительства, было снятие с города до 100 000 руб. ежегодных расходов, неправильно начислявшихся на него в прежнее время»⁹.

⁸ Сперанский С. Развитие городского общественного учреждения в Москве // Русские ведомости. М., 1913 (10 апреля). № 83. С. 6.

⁹ К-ой Е. Князь Александр Алексеевич Щербатов // Известия Московской городской думы. М., 1913 (Апрель). Вып. 4. С. 36.

Советские ученые, не отрицая положительной оценки личности князя, предпринимали попытки объяснить его авторитет набором личных качеств: «Успех его среди купцов, мещан и ремесленников вызывался, по-видимому, тем, что он не был чиновником, а принадлежал к одному из старых именитых, отличавшихся своей независимостью, дворянских родов. Кроме того, он был сыном бывшего московского генерал-губернатора А.Г. Щербатова, жена которого была известна в Москве как щедрая благотворительница воспитательных заведений для бедных» [Златоустовский 1954а, 476].

Что касается мнений современных российских ученых, то здесь следует обратить внимание на оценку В.Н. Быкова: «Только со времени Щербатова можно считать начало правильной постановки городского хозяйства в Москве. С этих пор нужно искать начало и зарождение славных традиций... поставивших Московское городское общественное управление на первое место среди городов России» [Московское городское самоуправление 2018, 144]. Действительно, Москва в тот период времени была наиболее продуктивной в области реализации реформы местного самоуправления. В большинстве своем, это было связано с главой Мосгордумы, который считал возможным не только преодолеть сословность, но и находил средства для развития города путем пересмотра налоговой политики. На самом деле, преодоление сословности было большим успехом князя А.А. Щербатова, ведь это давало возможность решать насущные проблемы города. Это подчеркивалось в совместной статье Л.А. Жуковой и А.А. Романова: «Совместное участие в совместной работе, хотя и основанное на сословном разделении, но без всякой розни и без малейшего преимущества одних сословий над другими, породило интерес к таким вопросам и задачам, о коих в было время никто не думал и заботиться о коих предоставляли другим, по обязанности призванным на то, и с такими задачами тесно были связаны другие, более широкие, требовавшие более обширных познаний, более такта и умения... Этому объединению или слиянию много способствовала личность того, кто был избран первым городским головой по новому положению, князя Щербатова» [Цит. по: Жукова, Романов 2014, 16]. Данную мысль развила С.В. Тарасова: «Годы управленческой деятельности А.А. Щербатова стали для Москвы очень плодотворными во всех смыслах и вошли в историю города со знаком «плюс». Первый опыт демократических выборов не стал тем первым блином, который — «комом»... А.А. Щербатов — это тот редкий случай, когда человек находился действительно на своем месте» [Тарасова 2019, 59]. Л.Ф. Писарькова считает, что объяснением этого являлся «личный пример князя, его постоянное

самосовершенствование и коллективный дух управленческой команды» [Писарькова 2010, 60].

Заключение

Проблема становления местного самоуправления в России в середине XIX века, в целом, и деятельность первых Московских городских Дум, в частности, представляет интерес для отечественной историографии. В свою очередь, ее дальнейшая разработка требует привлечения новых источников, которые позволят выделить наиболее перспективные направления деятельности Думы, что, возможно, будет представлять интерес для современной местной власти.

Список литературы:

- Виноградов В.Ю.* Из истории московского городского самоуправления // Вестник РУДН. 2004. № 3. С. 160–166.
- Грушина А.Ф.* Взгляд на деятельность Московской городской Думы «Московских ведомостей» М.Н. Каткова // Материалы научно-практической конференции «Московская городская Дума. 1862–1917 гг.». М., 2019. С. 81–88.
- Жукова Л.А., Романов А.А.* Князь Александр Алексеевич Щербатов (1829–1902). Очерк жизни и деятельности // Московский журнал. История государства Российского: Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал. Приложение. Почетные граждане города Москвы. 2014. С. 2–32.
- Златоустовский Б.В.* Городское самоуправление 60-х гг. // История Москвы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954а. Т. 4. С. 461–491.
- Златоустовский Б.В.* Московское городское самоуправление в период буржуазных реформ 60-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954б.
- Калинин В.Д.* Из истории городского самоуправления в России (XVII – начало XX вв.). М.: Ин-т экономики РАН, отд. статистики и экон. анализа, 1994.
- Каржанский Н.С.* Как избиралась и как работала Московская городская дума. М.: «Московский рабочий», 1950.
- Кожевина М.А.* «Наше городское самоуправление» в понимании Ивана Ивановича Дитятина, или к вопросу о популяризации научного знания // Юридические ретроспективы. 2019. № 2(73). С. 45–53.
- Комиссарова С.А., Кошкидько В.Г., Соловьев К.А.* Почетные граждане города Москвы (1866–1917). Историко-биографическое издание. М.: «Московские учебники и картолитография», 2009.

Московское городское самоуправление, 1785–1917 гг. / автор-составитель В.Н. Быков. М.: Планета, 2018.

Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: правительственная политика. Ленинград: «Наука», 1984.

Писарькова Л.Ф. Городские гласные и головы Москвы. 1863–1917 гг. // Материалы научно-практической конференции «Московская городская Дума. 1862–1917 гг.». М., 2019. С. 40–56.

Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010.

Тарасова С.В. Щербатов Александр Алексеевич — Московский городской голова эпохи «Великих реформ» Александра II: исторический портрет // Материалы научно-практической конференции «Московская городская Дума. 1862–1917 гг.». М., 2019. С. 57–64.

Дата поступления: 05.10.2019

Zuieva A.A.

Study of Moscow City Duma (1863–1869) Work in Russian Historiography

Anastasiia A. Zuieva — postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: AnastaciaZueva@yandex.ru

Abstract

Determining the place of local self-government in the system of state authorities of the Russian Federation remains relevant today. Reform is ongoing to further expand local authority. Attempts to establish and develop local self-government in Russia have been made quite from the early periods of the history of our state. The first serious attempts were made during the reign of Peter I and Catherine II. However, their reforms were unsuccessful and, by and large, were forgotten after the death of the rulers. The most effective reforms in this regard occurred in the middle of the 19th century, during the era of the Great Reforms of Alexander II. The present study covers the activities of Moscow city government, during the work of Prince Alexander Alekseevich Shcherbatov at the head of the Moscow City Council in 1863–1869. At that time, after the enactment of the Regulation “On Public Administration of the City of Moscow” in 1862, the local authorities gained a real power to manage the city (for example, the right to review and retain part of the taxes for city improvement). This issue has been repeatedly considered in Russian historiography. Among subjects in question there are the possibility of overcoming the estate principle in the electoral process and in the work of the Moscow City Duma in 1863–1869 and the study of certain aspects of the Duma in the specified period. Special attempts were made to determine the role of the personality of the head of the Moscow City Duma in the success of the reform. The opinions of researchers on this issue were divided, which is partially due to the various ideological and methodological approaches.

Keywords

Historiography, Moscow City Duma, Prince A.A. Shcherbatov, reform of the city government in 1863, local government, election campaign.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10020

References:

- Bykov V.N. (ed.) (2018) *Moskovskoye gorodskoye samoupravleniye, 1785–1917 gg.* [Moscow City Government, 1785–1917]. Moscow: Planeta.
- Grushina A.F. (2019) *Vzglyad na deyatel'nost' Moskovskoy gorodskoy Dumy «Moskovskikh vedomostey»* M.N. Katkova [Look at the activities of the Moscow City Duma of «Moskovskie Vedomosti» M.N. Katkov's]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Moskovskaya gorodskaya Duma. 1862–1917»*. Moscow: Moskovskaya Gorodskaya Duma. P. 81–88.
- K-oy E. (1913) Knyaz' Aleksandr Alekseevich Shcherbatov [Prince Alexander Alekseevich Shcherbatov]. *Izvestiya Moskovskoy gorodskoy dumy*. Issue 4. P. 31–46.
- Kalinin V.D. (1994) *Iz istorii gorodskogo samoupravleniya v Rossii (XVII – nachalo XX)* [From the history of urban self-government in Russia (XVII – beginning of XX centuries)]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Karzhansky N.S. (1950) *Kak izbiralas' i kak rabotala Moskovskaya gorodskaya дума*. How the Moscow City Duma was elected and how it worked]. Moscow: «Moskovskiy rabochiy».
- Komissarova S.A., Koshkidko V.G., Soloviev K.A. (2009) *Pochetnyye grazhdane goroda Moskvy (1866–1917). Istoriko-biograficheskoye izdaniye* [Honored citizens of Moscow, 1866–1917. Historical and biographical publication]. Moscow: «Moskovskiyе uchebniki i kartolitografiya».
- Kozhevina M.A. (2019) «Our Municipal Government» according to Ivan Ivanovich Dityatin, or to the question of Populization of Scientific Knowledge. *Nauchnyy vestnik Omskoy Akademii MVD Rossii*. No. 4. P. 45–53.
- Nardova V.A. (1984) *Gorodskoye samoupravleniye v Rossii v 60-nachale 90 XIX v.: pravitel'stvennaya politika* [City government in Russia in the 60s – early 90s of the nineteenth century: government policy]. Leningrad: Nauka.
- Pisarkova L.F. (2010) *Gorodskiyе reformy v Rossii i Moskovskaya дума* [Urban Reforms in Russia and the Moscow Duma]. Moscow: AIRO-XXI.
- Pisarkova L.F. (2019) *Gorodskiyе glasnyye i golovy Moskvy, 1863–1917 gg* [Moscow Mayors and City Council Members: 1863–1917]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Moskovskaya gorodskaya Duma. 1862–1917»*. Moscow: Moskovskaya Gorodskaya Duma. P. 40–56.
- Tarasova S.V. (2019) Shcherbatov Aleksandr Alekseyevich — Moskovskiy gorodskoy golova epokhi «Velikikh reform» Aleksandra II: istoricheskiy portret [Shcherbatov Aleksandr Alekseevich — Moscow mayor of the epoch of «Great reforms» of Alexander II: A historical

- portrait]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Moskovskaya gorodskaya Duma. 1862–1917»*. Moscow: Moskovskaya Gorodskaya Duma. P. 57–64.
- Vinogradov V.Yu. (2004) Iz istorii moskovskogo gorodskogo samoupravleniya [The history of Moscow Municipal Government]. *Vestnik RUDN*. No. 3. P. 160–166.
- Zhukova L.A., Romanov A.A. (2014) Prince Alexander Alekseevich Shcherbatov (1829–1902). Essay on life and activity. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: Literaturno-khudozhestvennyy, istoriko-krayevedcheskiy ezhemesyachnyy zhurnal. Prilozheniye. Pochetnyye grazhdane goroda Moskvy*. Moscow. P. 2–32.
- Zlatoustovsky B.V. (1954a) Gorodskoye samoupravleniye 60-kh gg. [City government of the 60-s.]. *Istoriya Moskvy*. Vol. 4. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. P. 461–491.
- Zlatoustovsky B.V. (1954b) *Moskovskoye gorodskoye samoupravleniye v period burzhuaiznykh reform 60-kh gg. XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk*. [Moscow city government during the bourgeois reforms of the 60s of XIX century: PhD Thesis]. Moscow.

Received: 05.10.2019

Коньков А.Е., Чуков Р.С.

Парламентская дипломатия и культура парламентского диалога в современной политике

Коньков Александр Евгеньевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализ, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [9877-4110](#)

Чуков Роман Сергеевич — кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, РФ.

E-mail: roman@chukov.org

SPIN-код РИНЦ: [5556-6873](#)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению парламентской дипломатии как набирающему значимость международному политическому инструменту взаимодействия между государствами и обществами. В контексте расширения числа негосударственных акторов современной мировой политики парламент рассматривается как институт, представляющий одновременно и государство, и избравшее его гражданское общество. В статье анализируется практика российской парламентской дипломатии последних лет, выделяются наиболее значимые события и новые форматы работы, подчёркивается усиление вовлечения обеих палат Федерального Собрания — Совета Федерации и Государственной Думы — в реализацию внешней политики Российской Федерации как в двустороннем, так и в многостороннем контексте. В качестве примеров последнего рассматривается деятельность и участие российских парламентариев в Межпарламентском союзе, парламентских ассамблеях Совета Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Межпарламентской ассамблее СНГ и Парламентской ассамблее ОДКБ, межпарламентском диалоге в рамках БРИКС. Особым предметом рассмотрения становятся возможности парламентской дипломатии в урегулировании глобальных и региональных конфликтов и кризисов: на основе ретроспективного рассмотрения ряда кейсов анализируется практика приложения соответствующих навыков и институциональных ресурсов парламентской дипломатии, подчёркивается специфика культуры парламентского диалога, которая оказывается востребованной в условиях сложных политических отношений на мировой арене. Констатируется отсутствие чёткой инфраструктуры парламентской дипломатии, которая в большей степени носит дополняющий характер и реализуется через индивидуальные двусторонние инструменты взаимодействия и парламентское измерение (ассамблеи) действующих международных организаций, что вместе с тем не мешает находить результативные подходы к решению имеющихся проблем.

Ключевые слова

Парламентская дипломатия, публичная дипломатия, урегулирование конфликтов, антикризисное управление, государственное управление, парламентаризм, культура парламентского диалога.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10021

Введение

Парламентская дипломатия стала привлекать к себе особое внимание относительно недавно — в контексте расширения практики вовлечения в международное взаимодействие альтернативных механизмов и активизации

инструментария дипломатии публичной¹. Вместе с тем многовековой опыт парламентаризма, безусловно, богат на всевозможные формы участия парламентов и отдельных их членов в различных сферах общественных отношений, на различных уровнях политического взаимодействия, в том числе и в процессах межстранового и межгосударственного общения. Как бы то ни было, само понятие «парламентская дипломатия» было сформулировано в середине прошлого века Д. Раском — через него он описывал процедуру переговорного процесса в международной организации [Rusk 1955].

Это было актуально с точки зрения формирования культуры многостороннего диалога как в начинавшей своё развитие ООН и её производных институтах, так и в других организациях, объединявших суверенные государства, — точно так же парламенты объединяют депутатов как носителей делегированной им их избирателями власти. На тот момент было важно привнести дух парламентаризма, дискуссии, уважения другого мнения в дипломатию международных организаций, которая начала теснить дипломатию двусторонних отношений. Предотвращение конфликтов и способствование их разрешению — ключевая задача парламентской дипломатии, которая со временем ещё больше актуализировалась.

Сегодня парламентская дипломатия характеризует уже не столько дипломатию, которая активно децентрализуется и становится весьма разнообразной по природе (публичной, общественной, цифровой), сколько деятельность именно парламентов. Последние — это не просто органы государственной власти, но и легитимные представители избравших их гражданских обществ, а потому приобретают новые роли во внешней среде, позволяющие им выступать и от имени государства, и от имени общества, которые всё чаще на глобальной арене обнаруживают конкурентные интересы. Иными словами, парламент — это орган государства, а потому и выразитель дипломатии традиционной, государственной, но одновременно и представитель общества, а значит, и полноценный субъект общественной дипломатии.

Можно по-разному относиться к изменению роли государства и понятия суверенитета в современной мировой политике, однако расширение числа её акторов — уже вполне закономерная тенденция [Лебедева 2013]. Вместе с новыми негосударственными акторами приходят новые конфликты, и культура парламентаризма становится универсальной основой если не для разрешения, то хотя бы для их локализации и отказа от недиалоговых методов.

¹ Парламентская дипломатия и её роль в современной политике // Rethinking Russia [Электронный ресурс]. URL: <http://rethinkingrussia.ru/wp-content/uploads/2018/06/Парламентская-дипломатия-и-её-роль-в-современной-политике.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).

Новые импульсы для российской парламентской дипломатии

Наряду с другими изменениями, затронувшими практику работы российского парламента последних лет, особую роль играет расширение присутствия высшего законодательного и представительного органа страны в международном дискурсе, на так называемом «внешнем контуре» российской политики². Всё чаще можно наблюдать вовлечение отечественных парламентариев не только в комментирование международных вопросов, но и их активное участие в различных форматах международного общения, а расширение практики включения депутатов в разного рода санкционные списки вообще можно рассматривать в контексте оценки эффективности их инициатив по защите национальных интересов на мировой арене. Если парламентариев выдавливают из мировой политики, значит, конфликт для кого-то выгоднее диалога.

В России акторами парламентской дипломатии являются обе палаты Федерального Собрания Российской Федерации — Совет Федерации и Государственная Дума [Кондрашова 2008]. При этом практика межпарламентского диалога обеих палат всё активнее выходит за рамки протокольных мероприятий сугубо комитетов по международным делам — и руководство палат Федерального Собрания (во главе с обоими спикерами), и весь депутатский корпус включаются в прямой диалог со своими зарубежными коллегами, совершают рабочие поездки как в ближнее, так и в дальнее зарубежье, проводят встречи с представителями властей и гражданского общества разных стран, артикулируют новые идеи и механизмы разрешения различных международных проблем.

Представители зарубежных государств посещают российский парламент, и вновь линия нацелена не столько на поддержку существующих связей, сколько на расширение сотрудничества, поиск решений для имеющихся проблем.

Весьма показательными с точки зрения эффективности парламентской дипломатии — причем в самом широком смысле, с учетом актуальных внешнеполитических задач, — являются участвовавшие зарубежные визиты спикеров палат Федерального Собрания в различные страны. Помимо сугубо символического смысла, который такого рода визиты могут иметь применительно к двусторонним связям с соответствующими государствами, они позволяют одновременно и стать

² Коньков А.Е. Госдума и мир: интенсификация отечественной парламентской дипломатии // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/07/21/gosduma-i-mir-intensifikaciia-otechestvennoj-parlamentskoj-diplomatii.html> (дата обращения: 08.08.2019).

дополнительным инструментом внешнеполитического сотрудничества, и придать необходимый импульс контактам по линии гражданских обществ, бизнес-сотрудничеству, межрегиональным и побратимским связям. Поездки спикера Вячеслава Володина в Сербию, Южную Корею, Пакистан, Иран, Азербайджан, Турцию и другие страны становились именно такого рода драйверами. Многие из этих стран вовлечены в конфликтные ситуации как глобального, так и регионального характера, и включение российских парламентариев в диалог с ними — это потенциальная возможность для новых переговорных площадок и поиска новых механизмов разрешения имеющихся сложностей.

Результативность демонстрируют и визиты в Москву парламентских делегаций других стран. По итогам встреч в Государственной Думе парламентарии все чаще выходят с совместными инициативами, которые укладываются в логику развития двусторонних связей, реализации внешнеполитических приоритетов Российской Федерации по тем или иным направлениям. Так, в ходе официального визита в Россию в 2017 году председателя Кнессета Израиля на встрече в Государственной Думе удалось договориться о совместной работе парламентариев обеих стран по сохранению исторической памяти о Второй мировой войне и противодействию попыткам пересмотра её итогов. Вскоре после этого в качестве реакции на принятую в Польше поправку к закону, позволяющую сносить памятники бойцам Красной Армии, было синхронно принято совместное заявление российского и израильского парламентов, осуждающее подобную практику глумления над общей памятью.

В российском парламенте развивается практика публичных выступлений иностранных политических деятелей. Так, с трибуны Государственной Думы в последнее время выступали президент Республики Корея Мун Чже Ин, председатель национального совета Словакии Андрей Данко, спикер нижней палаты парламента Индии Сумитра Махаджан. В Совете Федерации в 2018 году выступил президент Египта Абдель Фаттах Ас-Сиси. Расширение парламентского диалога является тем механизмом, который позволяет форсировать все сферы сотрудничества, нуждающиеся в более плотной и регулярной работе, в более внимательном отношении сторон.

Государственная Дума организует целый ряд принципиально новых как по содержанию, так и по охвату межпарламентских мероприятий, таких как ежегодный международный форум «Развитие парламентаризма», на который съезжаются представители парламентов десятков стран, международная конференция

«Парламентарии против наркотиков» (состоялась в 2017 г.), на которой парламентарии разных государств вместе с представителями международных организаций искали общие подходы к преодолению единой для всех глобальной угрозы, совещание спикеров стран Евразии (2016 г.). Последнее положило начало новому формату межпарламентского диалога, который стал на ежегодной основе проводиться в различных странах Большой Евразии — совещание уже состоялось в Южной Корее, Турции и Казахстане. Более того, этот формат — осязаемый «продукт» парламентской дипломатии, поскольку инициатива его проведения возникла в ходе интенсификации диалога между российским и южнокорейским парламентами.

Инициативы Федерального Собрания по участию во внешнеполитической дискуссии, таким образом, крайне востребованы как избирателями, которые хотят иметь прямые инструменты донесения собственных позиций до международных акторов, так и самой внешней средой, отличающейся значительной нестабильностью и уязвимостью к возникающим вызовам и угрозам.

Организация парламентских мероприятий по обсуждению актуальных вопросов мировой повестки, участие депутатов в международных конференциях, выступления в зарубежных СМИ — все это свидетельствует о том, что интерес к российским парламентариям всегда остаётся на высоком уровне и на их мнения ориентируются в восприятии России и российской политики во многих уголках мира. Развитие и совершенствование этой работы и формируют ядро самодостаточной, активной, эффективной парламентской дипломатии России в современном мире.

Развитие институтов многосторонней парламентской дипломатии

Современная дипломатия, в том числе и на парламентском уровне, не ограничивается сугубо двусторонними связями с теми или иными государствами. Большую роль играют сетевые, многоакторные формы международного взаимодействия, которые в условиях плюралистической природы представительной власти становятся наиболее действенными элементами, гармонично приложимыми к практике парламентской дипломатии, направленной на выработку и согласование подходов к решению широкого комплекса проблем в условиях высокой пестроты задействованных интересов, к разрешению любых конфликтных ситуаций [Лихачев 2009].

Объединения парламентов как самостоятельных организаций или отдельное, парламентское измерение соответствующих международных институтов представляют, с одной стороны, механизмы политического обеспечения объединения тех или иных

государств, а с другой стороны, являются широкими рабочими группами по выработке наиболее соответствующего представляемым народам видения в ключевых сферах сотрудничества.

Наиболее всеобъемлющим межпарламентским объединением в современном мире является Межпарламентский союз (МПС), основанный в 1889 году. В него входят парламенты большинства государств мира. Среди тех, кто так и не оформил в нём своё членство, остаются, например, США. В 2017 году впервые в Российской Федерации, в Санкт-Петербурге, была проведена ежегодная ассамблея (конференция) МПС, на которой состоялись выборы президента МПС (проводятся один раз в три года), которым была избрана член парламента Мексики Габриэла Куэвас Баррон.

МПС — одна из старейших международных организаций. Она более чем на полвека старше ООН, однако в широком смысле вполне может рассматриваться в качестве её парламентского измерения — как объединение парламентов большинства стран мира. Именно в такой форме — парламентского измерения международных организаций (парламентских ассамблей) — выступают многие другие межпарламентские институты. Они развиваются, например, в форматах Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совета Европы, НАТО, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), СНГ. Особо можно выделить парламентские ассамблеи государств, говорящих на одном языке, — например, Парламентская ассамблея франкофонии (в рамках Международной организации франкофонии) и Парламентская ассамблея тюркоязычных стран.

Российские парламентарии активно участвуют в наиболее приоритетных с точки зрения российской внешней политики межпарламентских объединениях, спикеры обеих палат Федерального Собрания председательствуют в ключевых парламентских ассамблеях на постсоветском пространстве: Валентина Матвиенко в 2019 году в очередной раз переизбрана председателем совета Межпарламентской ассамблеи (МПА) СНГ, а Вячеслав Володин с 2016 является председателем Парламентской ассамблеи (ПА) ОДКБ.

Парламентская дипломатия несёт в себе ощутимый и пока не до конца используемый потенциал придания динамики взаимодействиям в существующих форматах как раз на постсоветском пространстве. Так, например, применительно к СНГ, оценка эффективности работы которого часто ставится наблюдателями под вопрос, «парламентская дипломатия может быть использована в качестве действенного инструмента по дальнейшему укреплению и развитию Содружества как региональной

межгосударственной организации, повышению ее авторитета и влияния на мировой арене» [Косачёв 2017, 29]. В равной степени это можно отнести и к другим интеграционным объединениям, в которых действует свой парламентский трек, в том числе и в отношении Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь, где Союзным договором предусмотрено формирование двухпалатного парламента, а до его формирования действует Парламентское Собрание Союза Беларуси и России.

С момента своего основания МПА СНГ работает в целях укрепления парламентаризма и парламентской дипломатии [Парламентаризм в государствах-участниках Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств 2017], а ее одним из наиболее успешных форматов сотрудничества является содействие мониторингу выборов и совершенствованию избирательного законодательства [Ткаченко 2015].

У МПА СНГ есть статус ассоциированного члена Межпарламентского союза. Как указывает К.И. Косачёв, подобный статус в МПС получают только крупнейшие парламентские международные структуры, общее число которых в Межпарламентском союзе составляет 11. Тем самым МПА СНГ обладает самостоятельными правами и обязанностями, так же как и любые другие национальные делегации, кроме права голоса и выдвижения кандидатур в органы МПС [Косачёв 2016].

Межпарламентский союз задействуется и для взаимодействия парламентариев стран БРИКС, которые регулярно проводят встречи «на полях» мероприятий МПС. Формализация парламентской дипломатии возникла на повестке дня БРИКС в 2015 году, когда Российская Федерация инициировала «парламентское измерение» БРИКС и провела отдельный парламентский форум стран БРИКС. Индия в 2016 году продолжила в рамках своего председательства в организации эту традицию и также провела такой форум. В 2017 году Китай в ходе своего председательства решил несколько снизить уровень форума, во-первых, объединив его с гражданским и академическим форумами БРИКС, а во-вторых, назвав его форумом политических партий, что дало возможность пригласить разные партии стран БРИКС. В рамках председательства ЮАР в БРИКС уже по завершении саммита лидеров рассматривался вопрос о проведении в перспективе парламентского форума объединения³.

³ Mbete's plan to launch Brics Parliamentary Forum gets the nod // The Citizen [Электронный ресурс]. URL: <https://citizen.co.za/news/south-africa/2024335/mbetes-plan-to-launch-brics-parliamentary-forum-gets-the-nod/> (дата обращения: 08.08.2019).

Украинский кризис значительно повлиял на развитие и трансформацию межпарламентских связей России в 2014–2017 гг. Внешние попытки поспособствовать разрешению внутриукраинского конфликта представляют примеры как конструктивных способов обмена мнениями, так и резко конфронтационных тактик.

Так, обсуждение внутриукраинского конфликта в Донбассе в парламентских ассамблеях двух крупнейших европейских организаций, в которых принимает участие Россия, — Совета Европы и ОБСЕ — показало, что они подвержены чрезмерной политизации и предвзятости в принятии решений.

Активная лоббистская деятельность антироссийского меньшинства на фоне драматических событий 2014 года за короткое время привела к ограничению прав делегации Российской Федерации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), и дальнейшее пребывание в Ассамблее даже ставилось под вопрос — вплоть до 2019 года, когда права российской делегации были восстановлены в полном объеме. Серьезных практических последствий принятие антироссийских решений не несет (резолюции ПАСЕ имеют консультативный характер), однако традиционно получают широкую огласку и наносят определенный политический ущерб.

Большее внимание стало уделяться и Парламентской ассамблее (ПА) ОБСЕ — организации, активно ведущей миротворческую деятельность на востоке Украины и объединяющей 57 стран. В 2015 г. заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам В.М. Джабаров заявлял: «В этой структуре есть с кем вести диалог, кому разъяснять нашу позицию»⁴. Вместе с тем стоит отметить отсутствие единства и уверенности в поддержке даже со стороны депутатов от СНГ: партнерами России при голосованиях выступают Белоруссия, Казахстан и Армения, часто — Киргизия, Таджикистан, Азербайджан, иногда — Молдавия. Туркменистан воздерживается, а депутаты Узбекистана отсутствуют. Активно против Российской Федерации в ПА ОБСЕ выступают страны Балтии, Украина, Польша и Канада.

Однако практика показала, что и работа ПА ОБСЕ подвержена антироссийскому влиянию. Так, в 2017 г., несмотря на резкий протест России, был принят внесенный украинской делегацией проект резолюции «Восстановление суверенитета и территориальной целостности Украины», в которой содержалось

⁴ Комитет СФ по международным делам провел слушания, посвященные возможностям парламентской дипломатии для обеспечения общеевропейского сотрудничества // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/56844/> (дата обращения: 15.07.2019).

осуждение действий России и обвинения в её адрес⁵. В июле 2018 г. были приняты еще три резолюции, посвященные якобы нарушению прав человека в России, в том числе в Крыму, а также десятилетию конфликта в Южной Осетии. Несмотря на конфронтационный и необъективный характер, они были включены в итоговую декларацию. Представители России покинули зал и не принимали участия в голосовании, а Президент ПА ОБСЕ Г. Церетели отказался признавать нарушения регламента, отмеченные главой российской делегации П.О. Толстым⁶.

Тем не менее как до кризиса, так и спустя пару лет после его начала межпарламентский диалог Государственной Думы с европейскими странами складывался весьма успешно: в 2012–2013 гг. Россия занимала сильные позиции в ПАСЕ и оказывала непосредственное влияние на принятие резолюций и выработку позиции Ассамблеи: А.К. Пушкин был тогда председателем группы Европейских демократов, состоявшей из 83 парламентариев, и представлял ее в президентском совете ПАСЕ. При этом даже острые дискуссии по сирийскому вопросу и «делу Магнитского» не мешали конструктивному взаимодействию⁷. Продвигался и диалог с отдельными странами ЕС: Францией, ФРГ, Италией, Финляндией. Примечательно, что после 2014 г. именно двусторонние парламентские контакты стали основной формой межпарламентского взаимодействия со странами Европы (помимо упомянутых, например с Грецией и Австрией) в период фактического прекращения работы России в ПАСЕ. В то же время значительно расширилась география этих связей: стали развиваться контакты со странами Латинской Америки, Ираном и арабскими странами, Китаем.

Ситуация «на западном направлении» начала улучшаться в 2016 г.: в частности, Председатель ПАСЕ П. Аграмунт провел встречу с руководителями обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации, а Президент ПА ОБСЕ И. Канерва — со спикером Государственной Думы. Кроме того, в мае 2016 г. состоялся первый с момента начала украинского кризиса трехсторонний диалог парламентариев России, США и Германии, призванный «восстановить культуру сузившегося межпарламентского диалога между Россией и Западом». Стороны пришли

⁵ ПА ОБСЕ приняла резолюцию о восстановлении суверенитета Украины // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/569876> (дата обращения: 12.07.2019).

⁶ Российская делегация покинула зал заседаний ПА ОБСЕ // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/5364761> (дата обращения: 12.07.2019).

⁷ По гамбургскому расчёту // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/07/07/pushkov-est-mnogo-voprosov-trebuishchih-dialoga-liderov-rossii-i-ssha.html> (дата обращения: 12.07.2019).

к согласию по ряду вопросов: отметили необходимость выполнения Минских соглашений, предотвращения каких-либо военных инцидентов между Россией и НАТО, усилий нераспространению ядерного оружия, сошлись в том, что Исламское государство⁸ представляет угрозу для России и Запада. При этом, по словам А.К. Пушкова, представители ФРГ и США настаивали на своем видении кризиса в Сирии и на Украине и пытались убедить российских делегатов изменить позицию в соответствии с ним. Они, в свою очередь, вновь разъяснили мотивы действий России. Таким образом, обе стороны высказались за предотвращение обострения отношений, однако остались при своем мнении по поводу пути достижения данной цели⁹.

Парламентская дипломатия и урегулирование конфликтов

Парламентаризм как инструмент вовлечения в диалог участников с разными позициями и интересами является безусловной ценностью, активно практикуемой различными технологиями разрешения конфликтов и кризисов на всех уровнях политического взаимодействия, включая и международный. Вместе с тем, как уже отмечалось, участие непосредственно парламентов в этой сфере отношений хоть и имело прецеденты, но осуществлялось *ad hoc*, а потому систематизации стало поддаваться лишь в последнее время, в рамках общей институализации и инструментализации парламентской дипломатии.

Нельзя не обратить внимание, что «это особенно проявилось в сирийском, ливийском кризисах, в минском процессе по Украине» [Варлен 2019, 59]. Однако, помимо наиболее актуальных конфликтных ситуаций, не меньший интерес представляют другие кейсы, которые демонстрируют международную субъектность отдельных парламентов, их способность не просто погружаться в обмен мнениями по поводу того или иного конфликта, но и нести ответственность за ожидаемый результат и, что немаловажно, за сопровождающую его риторику. Ниже приводится несколько примеров, которые отражают попытки парламентов и парламентских объединений осуществлять медиацию отдельных спорных моментов в различных странах, равно как и включаться в поиск приемлемых решений в актуальных международных кризисах.

1. Межпарламентский Союз и югославский конфликт 1992–1995 гг.

В резолюции, принятой на 89 Межпарламентской конференции 17 апреля 1993 г., впервые была обозначена необходимость отправки специальной миссии

⁸ Террористическая организация, запрещенная в России.

⁹ Пушков: трехсторонний диалог парламентариев РФ, США и Германии может стать периодическим // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/3255865> (дата обращения: 12.07.2019).

Межпарламентского Союза в Югославию для «проведения консультаций на тему прав человека и поддержки усилий по установлению мира в регионе» (Ст. 1, п. 2b Статута МПС). Окончательное решение было принято в марте 1994 г.: в состав миссии вошли трое парламентариев, которым были предоставлены достаточно широкие полномочия. В качестве приоритетного региона работы была определена Босния и Герцеговина, также рекомендовалось уделить внимание столкновениям в Краине. Депутатам необходимо было провести переговоры с представителями всех крупных участников конфликта, посетив основные города: Сараево, Пале, Загреб и Белград. Осознавая всю краткость отведённого на миссию срока (с 31 июля по 8 августа 1994 г.), депутаты МПС (представители Аргентины, Исландии и Австралии, а также заместитель Генерального секретаря МПС) сосредоточились на двух основных темах — продвижении переговоров о мире и соблюдении прав человека в посещенных странах.

Во всех посещенных городах парламентарии провели встречи с представителями министерств иностранных дел, различных политических сил, в том числе оппозиционных и официально не признанных (например, с председателем Ассамблеи самопровозглашенной Сербской республики Босния и Герцеговина в г. Пале), миссий и организаций ООН, Международного Комитета Красного Креста.

Стоит отметить, что выводы, к которым пришли делегаты, оказались весьма взвешенными. В частности, парламентарии отвергали любые военные решения конфликта, делая акцент на укреплении мер доверия через сотрудничество по социально-экономическим темам, и отмечали, что ответственность за происходящее (в разной степени) несут все стороны, а также некоторые третьи страны.

В числе прочего делегация Межпарламентского союза рекомендовала международному сообществу поддержать укрепление представительных институтов в посещенных странах и особенно поощрять визиты парламентских делегаций в данный регион для обмена профессиональным опытом. Парламентарии также советовали оказать техническую помощь по таким темам, как создание политических партий, избирательный процесс, структура и методы работы национальных парламентов, и, в случае если отдельные парламенты выразят желание, задействовать соответствующую программу Межпарламентского Союза. Они также отметили, что диалог между избранными представителями народов трех стран — важнейший инструмент, способствующий росту доверия и взаимопонимания, однако признали, что спонтанные контакты между парламентариями, скорее всего, будут весьма ограничены, в связи с чем планировалось организовать специальную встречу депутатов, представляющих

основные политические силы Боснии и Герцеговины, Хорватии и Социалистической Федеративной Республики Югославия, основными темами которой могли бы стать меры укрепления доверия: восстановление коммуникаций, воссоединение семей, общая нормализация бытовой жизни (ст. 94)¹⁰.

2. Европарламент и кризисы на Балканах

Интересными представляются две попытки медиации конфликтов из практики Европейского парламента — разрешение политических кризисов в Албании и Македонии. Стоит отметить, что в обоих случаях Евросоюз был напрямую заинтересован в конструктивном разрешении противоречий.

После парламентских выборов 2009 г. в Албании разгорелся конфликт между проигравшей Социалистической и победившей Демократической партией. Социалисты, обвинявшие Демпартию в подтасовке результатов выборов, стали бойкотировать заседания, что препятствовало рассмотрению и принятию востребованных на тот момент законов, парализовало работу парламента в целом. Кроме того, представители обеих партий начали лоббировать свои интересы в соответствующих фракциях Европарламента — Европейской социалистической партии (ЕСП) и Европейской народной партии (ЕНП).

В сложившихся условиях председатели этих фракций Мартин Шульц и Жозеф Доль договорились о сотрудничестве и решили выступить посредниками в политическом конфликте. Спустя несколько месяцев им удалось организовать неформальную встречу в кафе глав обеих албанских партий Э. Рама и С. Бериша, председателя комитета Европарламента по внешней политике Э. Брока и комиссара ЕС по расширению Ш. Фюле. В конечном счёте много позднее албанским партиям удалось разрешить свои разногласия.

Особенностью этого случая является то, что весь процесс налаживания диалога между сторонами прошел неформально: Э. Брок участвовал во встрече по личному приглашению, подготовительная работа велась через помощников глав фракций без участия секретариата Европарламента, отдела по продвижению парламентской дипломатии и постоянной делегации, отвечающей за отношения со странами Юго-Восточной Европы. Это существенно ограничивало участвовавших в переговорах со стороны ЕС парламентариев и чиновников в способах влияния: в частности, они не

¹⁰ Report of the IPU mission to Bosnia and Herzegovina, Croatia and the Federal Republic of Yugoslavia (31 July to 8 August 1994) // IPU [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.ipu.org/misc-e/yugmisn.htm> (дата обращения: 02.08.2019).

могли обещать в срок завершить переговоры о безвизовом режиме или пригрозить заморозить переговоры о вступлении Албании в ЕС, поскольку это потребовало бы официального согласования с Еврокомиссией. Так что заслугой парламентариев стала лишь организация первой личной встречи лидеров конфликтующих сторон для предварительного обмена мнениями: никаких документов или заявлений по окончании встречи подписано не было¹¹.

В Македонии скандал разгорелся в 2015 г. после того, как оппозиционная социалистическая партия обвинила правящую партию Н. Груевского в организации тайной прослушки тысяч граждан и обнародовала некоторые записи. В стране начались массовые протесты, а в северных районах вновь вспыхнули межэтнические конфликты между албанцами и македонцами, что вызвало глубокую озабоченность Брюсселя. С посреднической инициативой официально выступил Комиссар по расширению Й. Хан, поручивший депутатам Европарламента помочь сторонам прийти к согласию.

В решении этого вопроса принимали участие представители ЕНП (Э. Кукан), ЕСП (Р. Ховитт) и Альянса либералов и демократов за Европу (И. Вайгл). Когда неформальные переговоры и поездка Й. Хана в Скопье не привели к заключению сделки, Европарламент подключил к работе свой секретариат и незадолго до этого созданный посреднический отдел, занимавшийся подготовкой, планированием и организацией переговоров. Таким образом, посредническая миссия Европарламента была институционализирована: депутаты были наделены официальными полномочиями и получили в свое распоряжение бюджетные средства. После этого конфликтующим сторонам с помощью миссии европарламентариев удалось за пять недель согласовать условия новых парламентских выборов¹².

3. Парламентская ассамблея Средиземноморья и конфликты на Ближнем Востоке

Первые четыре года деятельности Парламентской ассамблеи Средиземноморья (2006–2010 гг.), которая на начальном этапе называлась Парламентская ассамблея ЕС и Средиземноморских стран, были большей частью посвящены проблематике палестино-израильского конфликта, и ассамблея в основном служила трибуной для соответствующей моральной оценки [Cofelice 2016]. В резолюциях, принимаемых ежегодно, ассамблея поддерживала «двугосударственное решение», осуждала акты

¹¹ Lorine R. MEPs as Mediators: An Emerging Trend of Parliamentary Diplomacy? // Eustudies [Электронный ресурс]. URL: <https://eustudies.org/conference/papers/download/275> (дата обращения: 11.08.2019).

¹² Там же.

терроризма и блокаду Сектора Газа, призывала к примирению внутри Палестины, прекращению поселенческой политики Израиля, принятию мер укрепления доверия между Израилем и Палестиной и др.

Во время конфликта 2008–2009 гг. парламентская ассамблея развернула более активную деятельность, организуя дипломатические миссии, а также миссии по установлению фактов и расследованию инцидентов. Были проведены встречи представителей ассамблеи с политическими лидерами Египта, Иордании, Израиля и Палестины. В 2013 г. делегация парламентской ассамблеи высокого уровня посетила города Амман, Рамаллу и Иерусалим, чтобы обсудить трансграничное влияние конфликта в Сирии на динамику палестино-израильского конфликта, а также процесс мирного урегулирования.

Кроме того, ассамблея, задействуя парламентскую дипломатическую сеть контактов, всегда поддерживала усилия ООН, ближневосточного квартета и международного сообщества по возобновлению прямого и опосредованного диалога конфликтующих сторон. В феврале 2010 г. при поддержке ООН была проведена Международная встреча в поддержку палестино-израильского мира, на которой обсуждались пять ключевых вопросов: границы, статус Иерусалима, поселения, проблема беженцев и водоснабжение [Ibid., 299].

Второй этап деятельности Парламентской ассамблеи Средиземноморья (ПАС) (2011–2014 гг.) совпал с «Арабской весной» и определил новые направления деятельности.

Во-первых, ПАС в сотрудничестве с европейскими финансовыми институтами смогла оказать помощь в привлечение инвестиций в пилотные проекты на территории Египта, Иордании, Марокко и Туниса. Во-вторых, ПАС оказывала техническую помощь конституционным реформам в Тунисе и Ливии. Депутаты ассамблеи Средиземноморья оказались среди первых делегаций, принятых новым тунисским правительством, а также приняли участие в совместной с Межпарламентским союзом миссии, призванной помочь новым ливийским властям сформировать функционирующий парламент и организовали для ливийских депутатов тренинг за рубежом. Однако из-за растущей нестабильности эта программа была приостановлена. В-третьих, ПАС оказывала содействие в оказании гуманитарной помощи и работе миротворческих миссий ООН в Ливии.

Парламентская ассамблея Средиземноморья также оказалась в числе региональных акторов, приглашённых к участию в Первом гуманитарном форуме по

Сирии (Женева, 8 марта 2012 г.). 28 июня – 2 июля 2013 года депутаты ассамблеи организовали миссию, в ходе которой провели встречу с представителями ООН и сирийскими парламентариями, призвав их к снижению уровня насилия, укреплению мер по защите гражданского населения и улучшению условий доставки гуманитарной помощи. Во время консультаций члены ПАС передали представителям сирийского правительства несколько сообщений от ООН, обсудили острые вопросы (обстрелы гуманитарных конвоев ООН, незаконные поставки вооружений из третьих стран, задержания и допросы политических активистов) [Ibid., 300].

В 2014 г. Парламентская ассамблея Средиземноморья выступила с инициативой организации группы депутатов парламентов, готовых экстренно выезжать в конфликтные регионы для оказания помощи в переговорах, обеспечении гумпомощи, защиты гражданского населения и прав человека. Проект поддержали в том числе Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Верховный комиссар ООН по делам беженцев и Управление по координации гуманитарной помощи.

4. Парламентская дипломатия в условиях кризиса отношений России и США

В условиях общего ухудшения отношений и все большего ограничения средств официальной дипломатии в связи с взаимными сокращениями дипломатического персонала в 2017–2018 гг. в российско-американских отношениях постепенно намечается тенденция к формированию парламентского диалога. Ранее уже упоминалось о прошедшей в 2016 г. трехсторонней встрече российских, немецких и американских депутатов. В 2018 г. произошел своеобразный прорыв уже в двусторонней парламентской дипломатии — и это на фоне периодического введения новых ограничительных мер против России и агрессивной риторики отдельных конгрессменов. 30 июня – 5 июля 2018 г., во время чемпионата мира по футболу и активной фазы подготовки двусторонней встречи Президентов России и США, состоялся первый со времени введения санкций против Российской Федерации визит американских парламентариев в Россию. Целью встречи с депутатами Государственной Думы, по словам главы делегации Конгресса Р. Шелби, было восстановление контактов¹³.

Парламентарии обсудили ряд острых тем: украинский и сирийский кризисы, ситуацию вокруг так называемого «вмешательства» в выборы Президента США.

¹³ В российском парламенте приняли коллег из США // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossiyskom-parlamente-prinyali-kolleg-iz-ssha.html> (дата обращения: 10.07.2019).

Переговоры прошли в закрытом режиме. Конгрессмены также провели встречу с членами Совета Федерации, на которой обсудили конкретные форматы взаимодействия (в их числе были названы телемосты или заочный обмен информацией). По результатам переговоров российские парламентарии получили ответное приглашение посетить США.

5. Парламентская дипломатия и кризис на Корейском полуострове

Средства традиционной дипломатии в регулярно возникающих кризисах вокруг корейского урегулирования весьма ограничены. Особенно напряженными традиционно были отношения между КНДР и США, и так давно сведенные к минимуму: официальные контакты поддерживались только через Постоянного представителя КНДР в ООН, пребывающего в Нью-Йорке, ряд посольств в третьих странах и по другим каналам (по специфическим военным вопросам). Парламентская дипломатия, напротив, не раз позволяла наладить контакты на высоком уровне, снизить напряженность и искать способы разрешения кризисов, позволяющие не принимать на себя жестких обязательств, что для США во внешней политике является важным. С 1997 г. КНДР посетили шесть делегаций конгрессменов (в 1998, 2001, 2003 и три раза в 2005 гг.), занимавшихся преимущественно переговорной и посреднической деятельностью и расследованиями¹⁴.

Европейский Союз, поддерживающий дипломатические связи с Северной Кореей через посольства Швеции, Великобритании и Германии в Пхеньяне, также применял средства парламентской дипломатии. Однако делегации Европарламента, посещавшие страну в 1998, 2000, 2004 и 2005 гг., занимались в основном стандартной оценкой процесса имплементации программ иностранной и гуманитарной помощи, что вполне обоснованно было приоритетным направлением для ЕС, вложившего сотни миллионов евро в программы энергетической и гуманитарной помощи. Кроме того, КНДР посещали и делегации отдельных стран ЕС: Великобритании, Германии, Франции, Италии и Бельгии. Проводились и неофициальные визиты¹⁵.

Региональные игроки также используют средства парламентской дипломатии: официально и неофициально визиты в Северную Корею проводили делегации законодательных органов Таиланда, Филиппин и Индонезии.

¹⁴ North Korean nuclear issues and the role of parliamentary diplomacy // Parliament of Australia [Электронный ресурс]. URL: <http://apo.org.au/system/files/2644/apo-nid2644-4761.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁵ Там же.

Одним из преимуществ парламентской дипломатии является не только бóльшая гибкость, доверие и часто меньшая политизированность, но и возможность прямого доступа к лицам, принимающим решения. Кроме того, наблюдатели замечают, что политически парламентские визиты выгодны и руководству самой Северной Кореи: такие события получают широкое освещение Центрального телеграфного агентства как демонстрация важной роли КНДР в международных отношениях.

Аналитики также указывают, что парламентарии пользуются у северокорейцев авторитетом как видные общественные деятели, поскольку они являются представителями народов своих стран. Они отмечают и то, что этот фактор сыграл не последнюю роль в том, что Дж. Картеру удалось заключить рамочное соглашение с КНДР по решению ядерной проблемы и урегулированию двусторонних отношений¹⁶.

Активность на этом направлении проявляет и сама Северная Корея. По сообщениям южнокорейских СМИ, КНДР впервые за 19 лет возобновила деятельность парламентской Комиссии по внешней политике. На юге полуострова это восприняли как проявление намерения интенсифицировать внешние связи на фоне ужесточения санкционного режима¹⁷.

Заключение

В большей степени урегулирование конфликтов остаётся пока прерогативой профессиональных дипломатов, что совершенно оправданно. Вместе с тем наряду с нарастанием общей открытости политических процессов, информатизацией развивающихся форматов коммуникации и ростом числа негосударственных игроков в международных отношениях участие парламентов в разного рода формальных и неформальных переговорах в условиях конфликтов и кризисов, которые к тому же приобретают свойства гибридности, становится весьма востребованным. Парламент — это институт, постоянно совершенствующий практику дискуссии: здесь окна возможности открыты всегда, а потому исход любого спора определяется аргументацией, используемой сторонами. Кроме того, современные парламентские практики способствуют развитию иммунитета от личных обид и прочих эмоций: конкурентоспособность парламентария определяется в том числе и его гибкостью во

¹⁶ North Korean nuclear issues and the role of parliamentary diplomacy // Parliament of Australia [Электронный ресурс]. URL: <http://apo.org.au/system/files/2644/apo-nid2644-4761.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).

¹⁷ N. Korea revives parliamentary diplomacy panel to improve external ties: Seoul // The Korea Times [Электронный ресурс]. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2017/04/103_227391.html (дата обращения: 20.06.2019).

взаимоотношениях с политическими противниками. Культура парламентского диалога благотворно сказывается на любых сферах, куда она транслируется, и пространство глобальной политики и международных отношений требует в том числе и таких навыков.

Современная парламентская дипломатия находится в процессе формирования опыта разрешения политических вызовов — как на глобальном, так и на региональном и локальном уровнях. Какой бы то ни было инфраструктуры парламентского урегулирования международных проблем не существует — все имеющиеся объединения формируют лишь институциональные предпосылки, которые будут реализовываться по мере развития всех элементов и механизмов публичной дипломатии как более широкого, дополнительного трека включения новых акторов в поиск решений глобальных проблем. Современному государству приходится искать новый инструментарий для диверсификации рисков, имеющих внешнюю природу, и парламентская дипломатия здесь обладает вполне осязаемым ресурсом.

Список литературы:

- Варлен М.В.* О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире // *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 7. С. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065>.
- Кондрашова Е.В.* Парламентская дипломатия в реализации внешнеполитической стратегии России // *Социология власти*. 2008. № 3. С. 215–218.
- Косачёв К.И.* Межпарламентский союз: родит ли гора мышь или вмешательство в невмешательство? // *Международная жизнь*. 2016. № 11. С. 1–17.
- Косачёв К.И.* Парламентская дипломатия в многополярном мире // *Диалог: политика, право, экономика*. 2017. № 1(4). С. 26–32.
- Лебедева М.М.* Акторы современной мировой политики: тренды развития // *Вестник МГИМО*. 2013. № 1(28). С. 38–42.
- Лихачев В.Н.* Парламентская дипломатия // *Международная жизнь*. 2009. № 2–3. С. 27–42.
- Парламентаризм в государствах-участниках Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств: сб. статей / под общ. ред. С.Л. Ткаченко, Д.Г. Гладея. СПб.: Секретариат Совета МПА государств-участников СНГ, 2017.
- Ткаченко С.Л.* Мониторинг развития демократии: наблюдение за выборами и референдумами. СПб.: Секретариат Совета МПА государств-участников СНГ, 2015.

Cofelice A. The Parliamentary Assembly of the Mediterranean and Its Contribution to Democracy Promotion and Crisis Management // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2016. Vol. 11. No. 2–3. P. 292–310. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-12341331>.

Rusk D. Parliamentary Diplomacy — Debate vs. Negotiation // *World Affairs Interpreter*. 1955. Vol. XXVI. No. 2. P. 123–138.

Дата поступления: 25.10.2019

Konkov A.E., Chukov R.S.

Parliamentary Diplomacy and Culture of Parliamentary Dialogue in Modern Politics on the Global Level

Alexander E. Konkov — PhD, Associate Professor, Policy Analysis Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

Roman S. Chukov — PhD, Research Fellow, Institute for Economics RAS, Moscow, Russian Federation.
E-mail: roman@chukov.org

Abstract

The article considers parliamentary diplomacy as an emerging international political tool for cooperation between governments and societies. Within the context of non-state actors widening in the modern world politics a parliament is considered as an institution, representing both state and civil society, which elects it. The article analyses the latest Russian parliamentary diplomacy practices, determining the most important events and new formats of work, underlining the growing involvement of both chambers of the Federal Assembly — Council of Federation and State Duma — in realizing foreign policy of the Russian Federation — both in bilateral and multilateral contexts. As examples of the latter the activity and participation of Russian members of parliament are considered for the following: Inter-Parliamentary Union, parliamentary assemblies of the Council of Europe and OSCE, Inter-Parliamentary Assembly of CIS and Parliamentary Assembly of CSTO, parliamentary dialogue in BRICS. The specific subject for considering is the abilities of parliamentary diplomacy for global and regional conflicts and crises reconciliation and resolution: on the basis of retrospective observation of a range of cases the practice of applying corresponding skills and institutional resources for parliamentary diplomacy is analyzed, the specific features of parliamentary dialogue culture are underlined, which gets more in demand in terms of complex political relations on the global arena. The article concludes that although there is no clear infrastructure for parliamentary diplomacy, which mostly supplements and realizes through individual bilateral instruments for cooperation and parliamentary dimension (assemblies) of the relevant active international organizations, such a lack does not block to find out some effective approaches to solve topical problems.

Keywords

Parliamentary diplomacy, public diplomacy, conflict reconciliation, anti-crisis management, public administration, parliamentarism, culture of parliamentary dialogue.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10021

References:

Cofelice A. (2016) The Parliamentary Assembly of the Mediterranean and Its Contribution to Democracy Promotion and Crisis Management. *The Hague Journal of Diplomacy*. Vol. 11. No. 2–3. P. 292–310. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-12341331>.

- Kondrashova E.V. (2008) *Parlamentskaya diplomatiya v realizatsii vneshnepoliticheskoy strategii Rossii* [Parliamentary Diplomacy in Implementing Russian Foreign Policy Strategy]. *Sotsiologiya vlasti*. No. 3. P. 215–218.
- Kosachev K.I. (2016) *Mezhparlamentskiy soyuz: rodit li gora mysh' ili vmeshatel'stvo v nevmeshatel'stvo?* [Interparliamentary Union: If the Mountain Would Bring Forth a Mouse or Interference into Non-Interference]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 11. P. 1–17.
- Kosachev K.I. (2017) *Parliamentary Diplomacy in the Multipolar World*. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*. No. 1(4). P. 26–32.
- Lebedeva M.M. (2013) *Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development*. *Vestnik MGIMO*. No. 1(28). P. 38–42.
- Likhachev V.N. (2009) *Parlamentskaya diplomatiya* [Parliamentary Diplomacy]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 2–3. P. 27–42.
- Rusk D. (1955) *Parliamentary Diplomacy — Debate vs. Negotiation*. *World Affairs Interpreter*. 1955. Vol. XXVI. No. 2. P. 123–138.
- Tkachenko S.L. (2015) *Monitoring razvitiya demokratii: nablyudeniye za vyborami i referendumami* [Development of Democracy Monitoring: Observing Elections and Referenda]. Saint Petersburg: Sekretariat Soveta MPA gosudarstv-uchastnikov SNG.
- Tkachenko S.L., Gladey D.G. (eds.) (2017) *Parlamentarizm v gosudarstvakh-uchastnikakh Mezhparlamentskoy Assamblei Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv* [Parliamentarism in countries of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States]. Saint Petersburg: Sekretariat Soveta MPA gosudarstv-uchastnikov SNG.
- Varlen M.V. (2019) *The Growing Role of Parliamentary Diplomacy in a Multipolar World*. *Lex russica*. No. 7. P. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.054-065>.

Received: 25.10.2019

Проблемы управления: теория и практика

Бруснигина С.Г.

Целеполагание государственного регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации: ретроспектива и проблематика

Бруснигина Светлана Геннадьевна — аспирант, кафедра теории и методологии государственного и муниципального управления, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: brusniginasveta@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [1809-9355](https://elibrary.ru/1809-9355)

Аннотация

В статье рассматривается совокупность проблем отечественного целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности. На современном этапе социально-экономического развития законодателями сформулирован широкий спектр целей, однако в новейшей истории Российской Федерации нет опыта по их успешному достижению. Автор рассматривает проблемы целей взаимодействия государства и бизнеса, на решение которых направлено внимание представителей научного сообщества, наибольшее количество трудов и теоретических разработок посвящено вопросу оценки необходимого объема государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность. Ретроспективный анализ целеполагания государственного регулирования бизнеса позволил сделать вывод о том, что с распадом СССР постановка целей стала хаотичной, а ожидаемые результаты не были достигнуты, а также дать характеристику причинам данного явления. В работе представлен разработанный в результате исследования алгоритм сравнения целеполагания всех реализованных в Российской Федерации государственных программ, направленных на развитие бизнеса. Проведение анализа с учетом данных рекомендаций позволит всеобъемлюще учесть ошибки разработчиков и исполнителей программ, которые не позволили в противодействии внешним факторам достичь поставленных целей. Автором предлагается система оценки достижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности, основанная на использовании существующей методологии оценки показателей (индикаторов). Одним из препятствий к методологическому решению совокупности проблем целеполагания является отсутствие полноценной статистики за первое десятилетие после распада СССР. Рекомендации автора по формированию системы целеполагания ориентированы на социально-экономическое развитие в контурах гармонизации интересов государства, бизнеса и общества с учетом объективной необходимости установления единообразных досрочных целей.

Ключевые слова

Государственное регулирование предпринимательства, цели государственного регулирования, эффективность государственного регулирования бизнеса, развитие предпринимательства, взаимодействие государства и бизнеса, этатизм.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10022

Введение

Переход от плановой экономики к рыночной потребовал формирования новых целей государственного регулирования предпринимательской деятельности. Для функционирования в новой экономической системе хозяйствующие субъекты не обладали квалифицированными человеческими ресурсами, а функционал государственного регулирования рыночной экономики стал новой формой

деятельности для органов государственной власти. Определение образа желаемого будущего требовало всесторонней оценки текущего состояния экономики в совокупности с проведением исследований в новых для российской практики областях экономики, права и управления. Однако реалии постсоветского периода предполагали оперативное решение вопросов, что исключало возможность глубокой оценки и заложило основу хаотичности системы целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Актуальность рассматриваемой тематики обусловлена, во-первых, систематическим отсутствием достижений целей государственного регулирования предпринимательской деятельности, во-вторых, постоянным их дополнением, а также важностью развития бизнеса. Объективной необходимостью на современном этапе развития является формирование системы целеполагания, позволяющей оценивать уровень достижения поставленных целей.

Из-за отсутствия на современном этапе развития единой системы определения уровня достижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности и хаотичности установления этих целей новизна работы определяется реализацией концептуального подхода к рассмотрению вопроса с учетом исторических, теоретических, правовых, институциональных и политических аспектов.

Целью работы является разработка рекомендаций по формированию долгосрочно-ориентированной системы выстраивания целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности в России с ориентиром на достижение поставленных целей. Для решения данной цели в рамках исследования проведен анализ научных подходов к проблематике целей государственного регулирования предпринимательства; изучена история российского целеполагания государственного регулирования предпринимательства; дана оценка достижения целей федеральных программ поддержки и развития предпринимательства; выявлена совокупность проблем, препятствующих достижению целей государственного регулирования предпринимательства; разработаны рекомендации по преобразованию системы целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности.

В статье используется общенаучная методология, в рамках применения которой к исследованию проблематики применяется системный подход. В условиях наличия основополагающего фактора недостижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности автором применяется апостериорный анализ. При исследовании ретроспективы используется обратный метод.

В мае 2018 года одним из приоритетных направлений, обозначенных Президентом России, было названо развитие малого и среднего предпринимательства¹. Предпринимательство является основой экономической жизни в развитых странах, от достижения целей государственного регулирования данной сферы зависит уровень социально-экономического развития государства. Грамотная постановка целей позволяет наладить четкую работу любой системы и повысить эффективность контроля. Цели ставятся для того, чтобы получить желаемый результат к установленному сроку. Рассмотрение проблематики постановки целей государственного регулирования предпринимательской деятельности представляется оптимальным как с теоретической, так и с практической стороны, выражающейся в первую очередь в нормативно-правовом регулировании и институциональной системе.

Теоретические аспекты проблем целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности

Целеполагание как процесс постановки целей — это отправная точка всего процесса стратегического планирования. Качество формирования и формулировки набора целей в конечном счете определяет траекторию и саму возможность их достижения [Блохин и др. 2019, 5]. При постановке целей государственного регулирования предпринимательской деятельности гармонизация интересов внутри триединства «бизнес — государство — общество» является неотъемлемым элементов обеспечения достижения результата. Данному вопросу посвящено значительное количество работ, можно говорить о приближении к выработке единой позиции. Государство должно способствовать созданию цивилизованной конкурентной среды. Баланс интересов долгосрочного развития бизнеса обеспечивается в рамках цивилизованных рыночных отношений, в которых гармонизированы интересы государства по расширению внутреннего рынка, социально-экономические интересы общества и интересы хозяйствующих субъектов [Эдаси, Вдовенко 2016, 104]. Среди функций предпринимательства выделяются преобразовательные, проявляющиеся в экономической, институциональной, социальной, экологической, культурной, технологической сферах, главной задачей государства является обеспечение благоприятной атмосферы для реализации предпринимательских функций [Чернопятов 2017, 65]. По мнению государства, предприниматели призваны обеспечить реализацию целей и интересов общества, а именно экономический рост и полную занятость [Гуляева 2017, 425].

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 01.11.2019).

Государство и субъект предпринимательской деятельности взаимно дополняют друг друга решением общенациональных задач [Эдаси, Вдовенко 2016, 103]. Необходимость гармонизации интересов бизнеса, государства и общества отражается в определениях государственного регулирования предпринимательской деятельности, является базовым элементом функционирования системы. Среди представленных наиболее точным является следующее определение понятия государственного регулирования предпринимательской деятельности: управленческая деятельность государства в лице соответствующих уполномоченных органов, направленная на упорядочение экономических отношений в сфере предпринимательства с целью защиты публичных и частных интересов [Рубцова 2019, 50]. Помимо учета интересов описанного выше триединства, отдельный блок проблем связан с определением уровня (объема) государственного регулирования предпринимательской деятельности. Определению оптимального объема вмешательства государства в бизнес посвящено значительное количество научных работ, однако в практике российского государственного регулирования предпринимательской деятельности отсутствует последовательность в данном вопросе.

Принимая во внимание взаимную зависимость государства и бизнеса, как правило, ученые исследуют пределы государственного вмешательства, в науке продолжается поиск оптимального сочетания свободы и ограничения предпринимательской деятельности с учетом политической и экономической целесообразности. Пределы государственного вмешательства в экономику должны быть таковы, чтобы сохранялся интерес к легитимному предпринимательству, экономика не уходила в тень, капиталы оставались в стране, а не выводились из нее [Маликов, Зайнашев 2017, 235]. Существует также позиция, что для экономической стабилизации требуется сокращение государственного вмешательства в экономику, а не его наращивание, так как государственным органам свойственно ошибаться [Цит. по: Булгаров и др. 2019, 63]. При оценке состояния российского бизнеса на текущий момент можно рассуждать о неполном восстановлении после кризиса 2014 года. В результате затянувшегося периода нестабильного развития предпринимательства объемы внимания на регулирование данной сферы выросли, что является естественным явлением в период экономического спада. При этом условия кризиса не лишают государства возможности выбрать модель государственного регулирования. Совокупность теоретических подходов к вопросу о роли государства в экономике переходного периода представляет собой три концептуальных решения в зависимости от объема вмешательства:

- 1) невмешательство;
- 2) «ограниченная интервенция» государства;
- 3) активная роль государства [Муталлимов 2018, 25].

Государство гарантирует выполнение хозяйствующими субъектами легитимных правил игры, соблюдение условий конкуренции с равными возможностями. Несмотря на то, что в условиях экономического спада посткризисного периода внимание к государственному регулированию предпринимательской деятельности значительно возросло, вопрос постановки целей с возможностью оценки их достижения остался на уровне начала 90-х годов прошлого века.

С одной стороны, цели реализации функций государства, к которым относится государственное регулирование предпринимательской деятельности, объективны в своей основе, они выражают требования законов и принципов развития экономики [Ратькова 2011, 219]. С другой стороны, отсутствует ответ на вопрос о причинах недостижения целей. При этом логичен вывод о том, что грамотная постановка целей с измеримым уровнем достижения и проработанными механизмами реализации, устанавливающими реальную ответственность, обеспечит надежность и стабильность управления. Стоит также отметить подход, основывающийся на единстве двух целей государственного регулирования экономики и государственного регулирования предпринимательской деятельности: обеспечение условий для роста благосостояния общества, предотвращение распределения богатства в пользу монополистов [Бабанский 2016, 69]. Установление целей государственного регулирования предпринимательской деятельности с измеримым уровнем достижения позволит повысить конкурентоспособность предпринимательских структур, что приведет к росту конкурентоспособности государства в целом.

Нормативно-правовое регулирование и институциональные методы государственного регулирования предпринимательской деятельности

Российское законодательство не содержит определения понятия государственного регулирования предпринимательской деятельности, однако оно широко используется в отраслевом законодательстве, например в Федеральном законе от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»², Федеральном законе от 20.06.1996 № 81-ФЗ

² ФЗ от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95629/ (дата обращения: 01.11.2019).

«О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности»³, Указе Президента РФ от 11.09.2009 № 1033 «О мерах по совершенствованию государственного регулирования в области авиации»⁴ и т.д. При этом с момента распада СССР издано значительное количество нормативно-правовых актов, устанавливающих цели государственного регулирования предпринимательской деятельности.

Рассмотрение целей, установленных в нормативно-правовых актах постсоветской России, в совокупности с анализом статистических данных и уровня достижения заложенных показателей эффективности позволит дать характеристику истокам и перспективам достижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности в России. Действующим по настоящее время Указом Президента РФ от 29 января 1992 года № 65 «О свободной торговле»⁵ установлены следующие цели: развитие потребительского рынка, стимулирование конкуренции, преодоление монополизма в сфере розничной торговли, создание условий для быстрого развития торговой и посреднической сети в условиях либерализации цен. Постановление Правительства РФ от 11 мая 1993 года № 446 «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»⁶ утратило силу только 27 ноября 2000 года. Целью принятия данного документа было обеспечено развитие и государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации. При этом не дано ни одного показателя, который мог позволить оценить достижение поставленной цели.

³ ФЗ от 20.06.1996 № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10849/ (дата обращения: 01.11.2019).

⁴ Указ Президента РФ от 11.09.2009 № 1033 «О мерах по совершенствованию государственного регулирования в области авиации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91522/ (дата обращения: 01.11.2019).

⁵ Указ Президента РФ от 29.01.1992 года № 65 «О свободной торговле» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288/ (дата обращения: 02.11.2019).

⁶ Постановление Правительства РФ от 11.05.1993 № 446 «О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1953/ (дата обращения: 04.11.2019).

Осенью 1993 года был создан российско-американский фонд предпринимательства (далее — фонд). Распоряжением Президента РФ от 27 декабря 1993 года № 783-рп «О мерах по содействию деятельности Российско-американского фонда предпринимательства»⁷ устанавливается цель деятельности фонда — содействие развитию частного бизнеса в России. Правительство РФ наделяется функционалом оказания всесторонней помощи фонду в его деятельности, Госкомимущество России с привлечением Минфина России и Государственного комитета по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур России обеспечивают координацию содействия фонду. На данный момент информация о результатах деятельности фонда в открытых источниках отсутствует. По установленному ИНН фонда официальный сайт ФНС России не выдает каких-либо данных. В газете «Коммерсантъ» от 6 ноября 1993 года была опубликована статья, посвященная созданию фонда. В распоряжении средствами фонда (США выделило 340 миллионов долларов), а также в управлении должны были принять участие не правительства обеих стран, а независимый совет директоров из американских и российских специалистов. При этом председателем совета директоров фонда стал Джералд Корриган, ранее возглавлявший государственный фонд резервов США. Основным видом деятельности для фонда обозначено не прямое кредитование, а прямые инвестиции в производство, техническая помощь субъектам малого и среднего предпринимательства. Цель деятельности фонда — доведение каждого выбранного предприятия до полного успеха, то есть стабильной рентабельности, высокого качества продукции. Прибыль фонда предполагалось обращать в новые инвестиции. Долговые и кредитные обязательства по фонду для России и США не были предусмотрены⁸.

Согласно Указу Президента России от 8 июля 1994 года № 1482 «Об упорядочении государственной регистрации предпринимателей на территории Российской Федерации», утратившему силу с 1 января 2004 года, Правительство в 3-месячный срок должно было внести необходимые изменения в действующий порядок ведения единого государственного реестра субъектов предпринимательской деятельности и иные нормативные акты⁹. Официальная статистика по основным

⁷ Распоряжение Президента РФ от 27.12.1993 № 783-рп «О мерах по содействию деятельности Российско-американского фонда предпринимательства» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/5178> (дата обращения: 03.11.2019).

⁸ Презентация российско-американского фонда // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/64059> (дата обращения: 04.11.2019).

⁹ Указ Президента РФ от 08.07.1994 № 1482 «Об упорядочении государственной регистрации предпринимателей на территории Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4024/ (дата обращения: 06.11.2019).

показателям деятельности малого и среднего предпринимательства представлена начиная с 2011 года¹⁰. Данные о росте численности малых предприятий в период 1992–1994 гг. есть, но они не являются официальными (Рисунок 1).

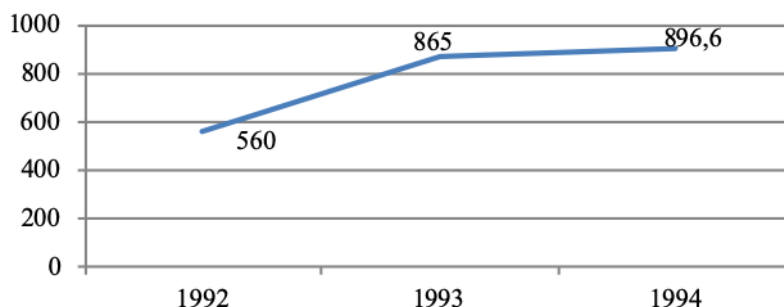

Рисунок 1. Количество малых предприятий (в тыс.)¹¹

В целях обеспечения реализации государственной политики по развитию предпринимательства в России, эффективного использования присущей ему инициативы как одного из ведущих факторов будущего экономического подъема Указом Президента РФ от 06.06.1995 № 563 «О Государственном комитете Российской Федерации по поддержке и развитию малого предпринимательства»¹² был образован соответствующий государственный орган. В 1998 году он был упразднен, функции переданы Министерству Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, которое было упразднено 9 марта 2004 года с распределением полномочий между другими органами государственной власти.

Указ Президента РФ от 4 апреля 1996 года № 491 «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации»¹³, устанавливающий цели развития малого предпринимательства как важнейшей сферы российской экономики, повышения обеспеченности инвестиционными ресурсами малых предприятий и предусматривающий широкий спектр механизмов поддержки, был «приостановлен» как документ, приводящий к увеличению расходов в рамках федерального бюджета на 1996 год.

¹⁰ Институциональные преобразования в экономике // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/14036> (дата обращения: 05.11.2019).

¹¹ Составлено автором по [Васин, Гамидуллаева 2013,14].

¹² Указ Президента РФ от 06.06.1995 № 563 «О Государственном комитете Российской Федерации по поддержке и развитию малого предпринимательства» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6793/ (дата обращения: 06.11.2019).

¹³ Указ Президента РФ от 04.04.1996 № 491 «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9928/ (дата обращения: 07.11.2019).

Постановлением Правительства РФ от 29 апреля 1994 года № 409 «О мерах по государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»¹⁴ была одобрена Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 1994–1995 гг. Государственным заказчиком выступил Фонд поддержки предпринимательства и развития конкуренции при Государственном комитете Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур. В качестве цели реализации Программы устанавливается создание на федеральном уровне экономических, правовых и организационных условий для формирования в России развитой инфраструктуры малого предпринимательства, обеспечивающей его эффективный рост. Отчет о достижении ожидаемых конечных результатов программы в открытых источниках отсутствует, однако в заявленных результатах Программы есть перечень законов, которые необходимо разработать, что позволяет дать частичную оценку результатам.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 14 июня 1995 года № 1184 «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации»¹⁵ Постановлением Правительства РФ от 4 декабря 1995 года № 1184 «О федеральном фонде поддержки малого предпринимательства»¹⁶ образован Федеральный фонд поддержки малого предпринимательства, который выступил заказчиком Федеральной программы государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 1996–1997 гг. Целью Программы являлось обеспечение устойчивого развития малого предпринимательства в производственной, инновационной и других сферах экономики. В результате реализации Программы ожидалось достижение следующих результатов: увеличение в 1,5–2 раза числа малых предприятий, обеспечение устойчивого развития малого предпринимательства в производственной, инновационной и иных сферах экономики, создание около 1 млн новых рабочих мест, насыщение товарного рынка конкурентоспособными отечественными товарами и услугами. Отчет о достижении ожидаемых конечных результатов программы в открытых источниках отсутствует.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 29.04.1994 № 409 «О мерах по государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3691/ (дата обращения: 07.11.2019).

¹⁵ ФЗ от 14.06.1995 № 1184 «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6857/ (дата обращения: 07.11.2019).

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 04.12.1995 № 1184 «О федеральном фонде поддержки малого предпринимательства» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8510/ (дата обращения: 07.11.2019).

Федеральная программа государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 1998–1999 гг. была утверждена Постановлением Правительства РФ от 3 июля 1998 года № 697¹⁷. Государственным заказчиком выступил Государственный комитет Российской Федерации по поддержке и развитию малого предпринимательства. Целью Программы являлось создание благоприятных условий для устойчивой деятельности малых предприятий путем совершенствования нормативно-правовой базы, развития инфраструктуры поддержки, освоения новых форм и механизмов поддержки малого предпринимательства. Отчет о достижении ожидаемых конечных результатов программы в открытых источниках также отсутствует, однако в заявленных результатах Программы есть перечень законов, которые необходимо разработать, что также дает возможность частично оценить результаты.

Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2000 года № 121 «О Федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000–2001 годы» была установлена следующая цель — обеспечение благоприятных условий для развития малого предпринимательства на основе повышения качества и эффективности мер государственной поддержки на федеральном уровне¹⁸. Единого отчета о результатах программы в открытом доступе нет, однако среди показателей оценки эффективности заявлено следующее — предполагается, что по завершении мероприятий Программы общий вклад малого предпринимательства в ВВП увеличится до 12%. В начале 2001 года был опубликован доклад о состоянии и развитии малого предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его государственной поддержке, согласно которому достигнутый в России уровень развития малого предпринимательства сохраняется без существенных изменений с середины 1990-х годов. По результатам Программы источниками доходов должно было быть обеспечено до 30 млн человек, однако в докладе сообщается, что общее количество занятых в малом предпринимательстве по состоянию на начало 2001 года составляет 11,8 млн человек. В докладе сообщается о ряде выявленных в результате исследования проблем: высокая доля теневого сектора, сокращение

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 03.07.1998 № 697 «О Федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 1998–1999 годы» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19312/ (дата обращения: 06.11.2019).

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 14.02.2000 № 121 «О Федеральной программе государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации на 2000–2001 годы» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26237/ (дата обращения: 08.11.2019).

действующих малых предприятий, низкий уровень инвестиционной активности. Кроме того, отмечено, что на реализацию Программы 1998–1999 гг. деньги выделены не были, а на 2000–2001 гг. поступили только в конце 2000 года¹⁹.

Распоряжением Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 910-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» утверждена соответствующая Программа и установлена следующая цель — формирование такой модели российской экономики, которая бы обладала долгосрочным потенциалом динамичного роста, была бы способна обеспечивать последовательное повышение благосостояния населения, эффективное воспроизводство и модернизацию производственного аппарата, укрепление конкурентоспособности и безопасности страны²⁰. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 гг.), утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 19 января 2006 г. № 38-р, определяет приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации в среднесрочной перспективе, одним из которых выступает развитие конкуренции и сокращение нерыночного сектора, обеспеченные путем создания и совершенствования рыночных институтов, развития малого предпринимательства, а также равной и добросовестной конкуренции²¹. Отчетов, позволяющих дать характеристику достижению поставленных целей, в открытом доступе не представлено.

Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» устанавливает основные цели государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации:

- 1) развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в целях формирования конкурентной среды в экономике Российской Федерации;

¹⁹ Доклад о состоянии и развитии малого предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его государственной поддержке (2001 год) // Ресурсный центр малого предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rcsme.ru/ru/library/show/3617> (дата обращения: 08.11.2019).

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 № 910-р «О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 годы)» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32708/ (дата обращения: 08.11.2019).

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 19.01.2006 № 38-р «О Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008 годы)» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58275/ (дата обращения: 08.11.2019).

- 2) обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства;
- 3) обеспечение конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства;
- 4) оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок Российской Федерации и рынки иностранных государств;
- 5) увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства;
- 6) обеспечение занятости населения и развитие самозанятости;
- 7) увеличение доли производимых субъектами малого и среднего предпринимательства товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта;
- 8) увеличение доли уплаченных субъектами малого и среднего предпринимательства налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов²².

Принципы государственной политики данный закон также закрепляет, однако названное целями по своей сути является задачами. Кроме того, вновь отсутствует механизм оценки достижимости.

В Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экономическое развитие и инновационная экономика”» обозначены следующие цели: создание благоприятного предпринимательского климата и условий для ведения бизнеса; повышение инновационной активности бизнеса; повышение эффективности государственного управления. Данная Программа рассчитана на период до 31 декабря 2024 года, имеет широкий перечень ожидаемых результатов реализации²³.

²² ФЗ от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 08.11.2019).

²³ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (дата обращения: 08.11.2019).

Анализ истоков целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности не дает однозначного представления о достижении заявленных целей. Было ликвидировано большое количество предприятий, которым не хватило времени на адаптацию к изменившимся реалиям. Торговля стала основным видом деятельности. Активное использование опыта США на этапе формирования российского предпринимательства шло вразрез с тем, в каком правовом поле зарождался отечественный бизнес. Россия относится к странам романо-германской правовой семьи, что означает первичность юридического, а не фактического существования, что является противоположностью системе англо-саксонского права США и в определенной степени ограничивает инновационную деятельность. Процессы формирования и достижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности можно охарактеризовать хаотичностью принятия нормативно-правовых актов и отсутствием умения представителей органов государственной власти признавать ошибки.

Одним из институциональных методов государственного регулирования является подготовка программ. Основу ретроспективного анализа целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности составили государственные программы. Были изучены нормативно закреплённые рекомендации по составлению государственных программ и выявлены аспекты, касающиеся постановки целей. 16 сентября 2016 года Приказом № 582 Министерства экономического развития РФ утверждены Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации²⁴. В данном документе вопросу постановки целей уделено значительное внимание, установлены критерии формирования целей, но рекомендации по оценке их достижения отсутствуют. Используемая система показателей (индикаторов) государственной программы должна позволять очевидным образом оценивать прогресс в достижении всех целей и решении всех задач государственной программы. Сформулированные задачи должны быть достаточны для достижения соответствующей цели и охватывать все сферы реализации государственной программы²⁵. По таблице 24а, отражающей связь целевых показателей с целями и задачами, также невозможно дать характеристику

²⁴ Приказ Министерства экономического развития РФ от 16.09.2016 № 582 «Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205801/ (дата обращения: 06.11.2019).

²⁵ Там же.

уровню достижения цели. При оценке эффективности государственной программы предлагается оценивать степень достижения показателей (индикаторов) в целом, что также исключает вероятность оценки уровня достижения поставленной цели.

Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 года № 588²⁶, также не содержит системного подхода к оценке достижения устанавливаемых целей.

На федеральном уровне для развития предпринимательства функционируют институты поддержки предпринимательства: Минэкономразвития России, Минпромторг России, Минсельхоз России, федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства, Российский фонд прямых инвестиций, Российская венчурная компания, Фонд развития промышленности, Фонд содействия инновациям, МСП Банк, РОСНАНО, Внешэкономбанк. В интересах бизнеса также действуют Торгово-промышленная палата России и Российский союз промышленников и предпринимателей и т.д. Совокупность институтов не сведена в систему, что дополнительно усугубляет последствия размытости целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности. Важнейшей характеристикой системы целеполагания является долгосрочность, что должно быть обеспечено слаженностью действия всех участников процесса государственного регулирования предпринимательской деятельности.

В настоящее время реализуется очередной этап реформирования государственной службы в России. Взаимное влияние проблем размытости целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности и низкой эффективности государственного аппарата представлено автором в виде схемы (Рисунок 2).

²⁶ Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103481/ (дата обращения: 06.11.2019).

Рисунок 2. Целеполагание и государственная служба в России²⁷

Отсутствие согласованности в деятельности органов власти, к полномочиям которых относятся функции по государственному регулированию предпринимательской деятельности, дополняется и усиливается отсутствием единства целей. Происходит формирование коллективной безответственности, усугубляющееся излишне централизованной системой управления. Необходим комплексный подход к решению данных проблем.

Результаты исследования

Система формирования достижимых целей государственного регулирования предпринимательской деятельности должна включать в себя результаты анализа проблем системы целеполагания, учитывать влияние элементов среды взаимодействия государства, бизнеса и общества, а также взаимное влияние с целями всей внешней и внутренней политики государства.

Систематическая невозможность достижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности является результатом совокупности таких выявленных проблем, как:

- 1) отсутствие методологического обеспечения системы целеполагания, основанного на постановке целей с формированием оценки уровня их достижения;
- 2) субъекты разработки и достижения целей не несут ответственность за результаты своей деятельности;

²⁷ Составлено автором.

- 3) срок установления целей не является определенным в законодательстве постоянным ориентиром государственного регулирования предпринимательской деятельности, позволяющем как хозяйствующим субъектам, так и государству заниматься планированием;
- 4) при постановке целей разработчики редко учитывают взаимное влияние целей регулирования различных сфер;
- 5) низкий уровень развития системы целеполагания, обусловленный отсутствием единообразия и последовательности деятельности.

Выстраивание последовательного и стабильного целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности обеспечит бизнесу возможность планировать свою деятельность, гарантирует повышение уровня доверия к государству со стороны как хозяйствующих субъектов, так и общества. Кроме того, позволит повысить качество прогнозирования экономической ситуации в стране.

При реформировании системы целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности в первую очередь необходимо учитывать цели проводимой в Российской Федерации политики по ряду направлений с учетом содействия достижению одних целей другими. Необходимо изучение экономической, социальной, технической, аграрной, национальной, культурной, демографической и молодежной политики как с точки зрения взаимного влияния достижения целей, так и рассмотрения успешного опыта эффективного функционирования системы целеполагания. Кроме этого, цели государственного регулирования предпринимательской деятельности необходимо соотнести с целями всех направлений национальных проектов согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года».

Преодоление этатизма в государственном регулировании предпринимательской деятельности является неизбежным и продиктовано переходом к цифровой экономике. Современные электронные системы позволяют реализовывать на практике принцип открытости государственного управления, а также выстроить систему постоянного автоматизированного мониторинга уровня достижения поставленных целей. Решение вопроса объемов государственного регулирования предпринимательской деятельности заключается в создании единой институциональной системы, позволяющей учитывать и балансировать интересы государства и бизнеса.

В результате исследования разработан механизм системного анализа государственных программ поддержки предпринимательства. Автор предлагает использовать алгоритм сравнения на основе разработанного перечня параметров, позволяющего дать характеристику системе целеполагания.

Для проведения экспертизы необходимо получение отчетных документов по реализованным программам, что позволит провести сопоставление программ поддержки предпринимательства по следующим параметрам:

- 1) своевременное размещение отчета в открытых источниках;
- 2) установленная цель программы;
- 3) наличие параметров оценки достижения цели;
- 4) объем финансирования;
- 5) разработчик и заказчик;
- 6) исполнители программы;
- 7) наличие системы контроля за реализацией программы;
- 8) установление ответственности за достижение цели программы;
- 9) индикаторы (показатели) эффективности реализации программы;
- 10) среднее значение уровня достижения показателей;
- 11) количество разработанных в рамках реализации программы нормативно-правовых актов, действующих по настоящее время;
- 12) количество реализованных мероприятий.

В вопросе заказчиков, разработчиков и исполнителей программ важным является также учет следующей после реализации программы истории функционирования. Необходимо установление соотношения эффективности реализации программ и эффективности деятельности институтов, отвечавших за их создание и реализацию.

Автор предлагает выделение трех ролей, в которых выступает государство по отношению к бизнесу, в рамках каждой из которых рекомендуется установление цели государственного регулирования предпринимательской деятельности:

- 1) регулятор (создание условий для функционирования бизнеса, формирование правовой базы и социально-экономического поля);
- 2) помощник (поддержание стабильного развития);
- 3) защитник (обеспечение защиты прав и интересов хозяйствующих субъектов).

Оценка достижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности представляется логичной в рамках реализации государством каждой из ролей. На основе вычисления среднего показателя соотношения фактического и планируемого значения показателя (индикатора) разработана градация уровней достижения цели государственного регулирования предпринимательской деятельности (Таблица 1).

Таблица 1. Оценка достижимости целей государственного регулирования предпринимательской деятельности²⁸

Средний показатель соотношения фактического и планируемого значения показателя (индикатора), в процентном выражении	От 0% до 45%	От 46% до 69%	От 70% до 100%
Оценка уровня достижения цели государственного регулирования предпринимательской деятельности	Неудовлетворительный уровень достижения цели	Удовлетворительный уровень достижения цели	Высокий уровень достижения цели

Заключение

В результате исследования разработана совокупность рекомендаций по формированию системы целеполагания государственного регулирования предпринимательской деятельности. С учетом того, что достижение целей государственного регулирования предпринимательской деятельности является основополагающим элементом социально-экономического развития, в процессе целеполагания необходимо учитывать взаимное влияние возможного достижения всех поставленных перед государством целей.

Установлена необходимость проведения анализа всех программ поддержки предпринимательства, сведение представленных за отчетные периоды результатов по достижению поставленных целей, выявление слабых и сильных сторон на всех этапах реализации программ. Это позволит дать характеристику достижению поставленных целей, а также выявить, какое именно целеполагание наиболее эффективно.

Необходимо проведение комплексной проработки с использованием механизмов консолидации, инкорпорации и систематизации всех нормативно-правовых актов, устанавливающих цели и задачи государственного регулирования предпринимательской деятельности. Основой преобразований должно стать проведение комплексного исследования уровня достижения ранее поставленных целей

²⁸ Составлено автором.

в совокупности с формированием единой системы постоянного мониторинга и оценки достижения целей государственного регулирования предпринимательской деятельности. Данная система должна быть ориентирована на долгосрочную перспективу и создание системы реальной ответственности государственных и муниципальных служащих за достижение показателей. Определение долгосрочных достижимых целей государственного регулирования предпринимательской деятельности является основополагающим элементом функционирования системы стратегического планирования.

Список литературы:

- Бабанский А.А.* Государственное регулирование предпринимательской деятельности // Новые парадигмы общественного развития: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции и закономерности: материалы международной научно-практической конференции. Саратов: Изд-во «Академия управления», 2016. Т. 1. С. 69–71.
- Блохин А.А., Адамян Э.А., Китаев А.Е., Миронова И.И.* Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2019. № 2. С. 3–25.
- Булгаров М.А., Кондакова Л.Д., Мурашкина А.А.* Роль государства в экономике: эволюция взглядов // Научный журнал «Эпомен». 2019. № 24. С. 59–68.
- Васин С.М., Гамидуллаева Л.А.* Повышение эффективности управления бизнес-инкубатором как социально-экономической системой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2013.
- Гуляева Г.Г.* Роль государственного регулирования в процессе формирования благоприятных условий ведения бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12-3. С. 425–431.
- Маликов Р.И., Зайнашев Р.Р.* Методические подходы к оценке эффективности государственного регулирования предпринимательской деятельности в контуре региональной деловой среды // Управленческие науки в современном мире. 2017. Т. 1. С. 233–240.
- Муталлимов А.Э.* Эволюция влияния государства на развивающиеся рыночные отношения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 2(88). С. 22–27.

Ратькова А.Б. Влияние взаимообусловленной совокупности целей на трансформацию функций государства // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 4. С. 217–220.

Рубцова Н.В. Соотношение государственного регулирования и государственной поддержки предпринимательской деятельности // Российские регионы в фокусе перемен. Сборник докладов XIII Международной конференции. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. С. 49–52.

Чернопятов А.М. Развитие механизма государственного регулирования и его влияние на предпринимательскую деятельность в Российской Федерации. М.: РУСАЙНС, 2017.

Эдаси М.А., Вдовенко Е.О. Государственное регулирование предпринимательской деятельности // Успехи в химии и химической технологии. 2016. Т. 30. № 8(177). С. 103–106.

Дата поступления: 27.09.2019

Brusnigina S.G.

Goal Setting of Business Activity State Regulation in the Russian Federation: Retrospective and Problems

Svetlana G. Brusnigina — postgraduate student, Department of Theory and Methodology of State and Municipal Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: brusniginasveta@yandex.ru

Abstract

The article deals with a set of problems of domestic goal-setting of entrepreneurial activity state regulation. At the present stage of socio-economic development, the legislator has formulated a wide range of goals, but in the recent history of the Russian Federation there is no experience in their successful achievement. The author considers the problems of the goals of interaction between the state and business, the solution of which attracts scientific community attention, there are a number of works and theoretical developments devoted to the assessment of the necessary amount of state intervention in business. Retrospective analysis of the goal-setting of business state regulation allows drawing a conclusion about the chaotic nature of setting goals and systemic unattainability of expected results, which began with the collapse of the USSR, as well as to characterize the causes of this phenomenon. The paper presents an algorithm developed as a result of the study to compare the goal-setting of all implemented in the Russian Federation government programs aimed at business development. The analysis with the use of these recommendations will allow taking into account shortcomings of developers and executors of programs which did not allow achieving the set goals in counteraction to external factors. The author proposes a system for assessing the achievement of the goals of entrepreneurial activity state regulation, based on the use of the existing methodology for assessing indicators (indicators). One of the obstacles to the methodological solution of the set of goal-setting problems is the lack of full-fledged statistics for the first decade after the collapse of the USSR. The author's recommendations on the formation of a goal-setting system are focused on socio-economic development in the contours of harmonization of the state, business and society interests, taking into account the objective need to establish uniform early goals.

Keywords

State regulation of entrepreneurship, goals of state regulation, efficiency of state regulation of business, development of entrepreneurship, interaction of state and business, statism.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10022

References:

- Babanskiy A.A. (2016) Gosudarstvennoye regulirovaniye predprinimatel'skoy deyatel'nosti [State regulation of business activity]. *Novyye paradigmy obshchestvennogo razvitiya: ekonomicheskkiye, sotsial'nyye, filosofskkiye, politicheskkiye, pravovyye, obshchenauchnyye tendentsii i zakonomernosti: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Saratov: Izdatel'stvo «Akademiya upravleniya». Vol. 1. P. 69–71.
- Blokhin A.A., Adamyan E.A., Kitayev A.E., Mironova I.I. (2019) Comparative assessment of the public management objectives in Russia's economy. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 6. Ekonomika*. No. 2. P. 3–25.
- Bulgarov M.A., Kondakova L.D., Murashkina A.A. (2019) The role of the State in the Economy: The Evolution of Views. *Nauchnyy zhurnal «Epomen»*. No. 24. P. 59–68.
- Chernopyatov A.M. (2017) *Razvitiye mekhanizma gosudarstvennogo regulirovaniya i ego vliyaniye na predprinimatel'skuyu deyatel'nost' v Rossiyskoy Federatsii* [Development of the mechanism of state regulation and its impact on business activity in the Russian Federation]. Moscow: RUSAJNS.
- Edasi M.A., Vdovenko E.O. (2016) The Government as a Business Regulator. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii*. Vol. 30. No. 8(177). P. 103–106.
- Gulyaeva G.G. (2017) The role of government regulation in the process of creating favorable conditions for doing small and medium business. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. No. 12-3. P. 425–431.
- Malikov R.I., Zajnashev R.R. (2017) Methodical approaches to the state regulation efficiency assessment of entrepreneurial activity within regional business environment. *Upravlencheskiye nauki v sovremennom mire*. Vol. 1. P. 233–240.
- Mutalimov A.E. (2018) Evolution of the impact of the state on developing market relations. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. No. 2(88). P. 22–27.
- Rat'kova A.B. (2011) Effect of Interrelated Set of Goals Transformation of the Functions of the State. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. Vol. 17. No. 4. P. 217–220.
- Rubcova N.V. (2019) Sootnosheniye gosudarstvennogo regulirovaniya i gosudarstvennoy podderzhki predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Correlation of state regulation and state

support of business activity]. *Rossiyskiye regiony v fokuse peremen. Sbornik dokladov XIII Mezhdunarodnoy konferentsii*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UMC UPI. P. 49–52.

Vasin S.M., Gamidullayeva L.A. (2013) *Povysheniye effektivnosti upravleniya biznes-inkubatorom kak sotsial'no-ekonomicheskoy sistemoy* [Increasing the efficiency of business incubator management as a social and economic system]. Penza: Izd-vo PGU.

Received: 27.09.2019

Захарова И.А., Мельничук А.Д.

Кейс «Стратегия национальных компаний по повышению конкурентоспособности и увеличению привлекательности государства»

Захарова Ирина Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Zakharova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4631-4992](#)

Мельничук Александр Дмитриевич — студент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: MelnichukAD@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5007-7338](#)

Аннотация

Современным государствам в условиях глобализации и роста международных экономических связей все чаще приходится сталкиваться с таким явлением, как межгосударственная конкуренция. Конкурентоспособность страны зависит от множества факторов, степени развитости производства, различных институтов, бизнес-среды, интегрированности экономики в глобальные экономические процессы. Обеспечение конкурентоспособности страны является важной государственной задачей, показывающей не только положение страны на международной экономической арене, но и обеспечивающей в значительной степени ее национальную безопасность. В данной статье рассматриваются стратегии национальных компаний, их конкурентоспособность и влияние на восприятие государства на международной арене. Имидж государства и сила национальных брендов испытывают взаимное влияние. Зачастую стабильные экономически развитые страны продвигают свои национальные компании, однако может наблюдаться и обратная тенденция, когда отдельные компании продвигают страну на конкурентном рынке и политической арене, способствуют повышению индекса глобальной конкурентоспособности стран мира (Global Competitiveness Index). В статье проанализированы факторы конкурентоспособности страны, проведена оценка конкурентных позиций авиакомпаний «Аэрофлот», рассмотрена стратегия авиакомпаний, сделан сравнительный анализ продвижения авиакомпаний на глобальном рынке, в частности с авиакомпанией «Эмирейтс», определены дальнейшие точки роста для национальной российской компании, клиентская политика авиакомпании и влияние ее успеха на экономику страны в целом и положение на мировой арене. В завершении статьи даны рекомендации преподавателям, каким образом рассмотреть кейс в рамках семинарских занятий.

Ключевые слова

Конкурентоспособность компании, конкурентные преимущества государства, стратегия компании, стратегические цели, сегменты рынка, международный хаб.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10023

Введение

Если придерживаться определения Всемирного экономического форума, то конкурентоспособность государства — это «совокупность институтов, политик и факторов, определяющих уровень продуктивности страны»¹.

¹ Klaus Schwab. The Global Competitiveness Report 2017–2018 // World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017–2018.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).

Еще один способ определить, что делает страну конкурентоспособной, — это ответить на вопрос, как она способствует нашему благосостоянию. Мы считаем, что конкурентоспособная экономика является продуктивной. А продуктивность ведет к росту, который ведет к увеличению уровня доходов и, как результат, улучшению благосостояния общества. Поскольку ни одно государство не может обладать конкурентоспособностью во всех или даже в большинстве из существующих отраслей, страны достигают конкурентоспособности в тех отраслях, в которых у них имеются для этого предпосылки — благоприятные внутренние условия. Речь идет о предпринимаемых системных мерах по повышению эффективности экономики страны.

Вопросами конкурентных преимуществ стран занимался видный ученый и политик Майкл Портер. В своей монографии «Конкурентные преимущества стран» он определил конкурентоспособность стран с помощью 4 показателей конкурентоспособности, данная модель получила название «конкурентный ромб» [Портер 2017, 555]. Составляющими «конкурентного ромба» являются:

- факторные условия;
- условия внутреннего спроса;
- родственные и поддерживающие отрасли;
- структура и стратегия фирм, внутриотраслевая конкуренция.

Под факторными условиями Портер понимал обеспеченность страны такими факторами производства, как людские и природные ресурсы, капитал, инфраструктура, научно-информационный капитал. Под условиями внутреннего спроса — характер спроса внутреннего рынка на продукцию данной отрасли. Показатель родственных и поддерживающих отраслей показывает наличие или отсутствие в стране отраслей-поставщиков и других смежных отраслей экономики, конкурентоспособных на международном уровне. Последний показатель характеризует существующие в стране условия, определяющие методы создания фирм, их организацию и управление, а также характер конкуренции на внутреннем рынке.

Развитием теории «конкурентного ромба» Портера стала теория «двойного ромба», созданная Ругманом и Д'Крузом [Rugman, D'Cruz 1993]. При ее разработке они учли недостатки модели Портера, в частности недооценку деятельности транснациональных компаний [Белова 2019] и роли правительства. На примере малой открытой экономики Канады показано, что просто модель «конкурентного ромба» Портера, хорошо показавшая себя в самой богатой и большой экономике мира — в

США, относительно фирм в небольших странах, которые географически замкнуты и локально ограничены, может иметь катастрофические последствия [Rugman 1992]. Однако фирмы малых открытых экономик могут получить доступ к региональным «ромбам конкурентоспособности» в случае, если торговые отношения развиваются в рамках региональных интеграционных групп, таких как «Североамериканское соглашение о свободной торговле». При отсутствии связи отечественных экономических субъектов с «национальным ромбом» конкурентоспособности в модель добавляется второй «ромб», обозначающий транснациональную деятельность.

Дальнейшим развитием является девятифакторная теория конкурентных преимуществ, предложенная ученым из Южной Кореи Донгсанга Чо [Cho Dong-Sung, Moon Hwu-Chang 2002]. В девятифакторную модель было впервые включено положение о «человеческом» измерении конкурентоспособности. Значительную роль стал играть человеческий фактор, роль предпринимателей, работников, специалистов, чиновников и политиков. Физическими факторами являются: внутренний спрос, ресурсы, показатели бизнес-среды, смежные и вспомогательные отрасли. Девятым фактором являются внешние факторы, в которые включены правительство и случайность. В модель «обобщенного двойного ромба» была добавлена еще одна переменная — «влияние международной цепочки создания добавленной стоимости» [Moon et al. 1995]. Она состоит из трех интегрированных друг в друга ромбов конкурентоспособности — национального, международного и глобального. Модель характеризуется применением «человеческого измерения» ко всем трем ромбам.

Конкурентоспособность государства: что на нее влияет

Современные финансово-экономические кризисы выявили недостатки существовавших ранее систем оценки конкурентоспособности и привели к появлению концепции устойчивого развития и индекса устойчивой конкурентоспособности.

Всемирный экономический форум определяет национальную конкурентоспособность как способность страны и её институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе. При этом конкурентоспособность национальных экономик определяется многочисленными и весьма разноплановыми факторами. Согласно показателю экономической конкурентоспособности, рассчитанному по методике Всемирного экономического форума, на состояние экономики влияют следующие факторы: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность,

здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал. Далее идут индексы эффективности, отражающие качество функционирования различных рынков, степень профессионализма, технологическую оснащенность, насколько хорошо экономика подготовлена к переходу на более продвинутую, основанную на знаниях экономику. Последний показатель — инновационные индексы. Это более сложные области конкурентоспособности, характерные для экономик, находящихся на инновационной стадии. Особую важность здесь представляет наличие высокотехнологичных предприятий, исследовательских учреждений мирового уровня. Страны с высокими показателями во всех трех областях, как правило, являются развитыми странами с высоким валовым внутренним продуктом на душу населения. Второй используемый Форумом показатель — Индекс конкурентоспособности бизнеса — основан на теории конкурентных преимуществ М. Портера и оценивает конкурентоспособность стран на микроуровне. Он включает в анализ влияние таких факторов, как производительность компаний, увеличение их операционной эффективности, а также качество бизнес-среды, которая определяет то, каким образом компании конкурируют между собой, какие стратегии для них оказываются наиболее выгодными.

В сложных отраслях, составляющих основу любой передовой экономики, нация не наследует, а создает наиболее важные факторы производства, такие как квалифицированные человеческие ресурсы, технологии или научные разработки. Более того, совокупность факторов, которые нация имеет в определенный момент времени, менее важна, чем скорость и эффективность, с которыми она создает, модернизирует и развертывает их в конкретных отраслях. Конкурентное преимущество является результатом наличия эффективных институтов, которые сначала создают специализированные факторы производства, а затем модернизируют и совершенствуют. Например, Голландия имеет первоклассные исследовательские институты, которые специализируются на разведении, выращивании, упаковке и транспортировке цветов, по экспорту которых она является общепризнанным мировым лидером.

Иногда национальные компании превосходят или даже формируют потребности глобального рынка, когда потребности выполняют роль «индикаторов раннего предупреждения» тенденций. Например, экологичность населения Дании привела к успехам национальных компаний в области оборудования для борьбы с загрязнением воды и строения ветрогенераторов. Когда нации удается экспортировать свои ценности и вкусы, можно рассчитывать на продолжительный экономический успех и устойчивое положение на рынке, по сравнению с другими странами-конкурентами. Например, массовому распространению смартфонов в целом и iPhone в частности мы обязаны США. Нации экспортируют свои ценности и вкусы через средства массовой информации, посредством обучения иностранцев, политического влияния, а также через иностранную деятельность своих граждан и компаний.

Использование инноваций является важным фактором конкурентоспособности государства, в наиболее развитых странах именно инновации обеспечивают 50 процентов успеха. Лидерами конкурентоспособных экономик на сегодняшний день являются США (технологический сектор, IT-сектор, торговля), Сингапур, Германия, Швейцария, Япония. Россия занимает 43 место в рейтинге². Если говорить о компаниях, то сегодня среда бизнеса кардинально отличается от той, что была 30 лет назад, потому как мы получаем в разы больше информации ежедневно. Технологии сильно изменили наше взаимодействие с окружающим миром, ожидания клиентов изменились, и их внимание труднее завоевать, власть перешла от продавца к покупателю. Мы живем в эпоху брендов одной категории, таких как Google и Amazon, которые доминируют в своих секторах и становятся опорными точками для целых экосистем других игроков. В рейтинге самых дорогих брендов компании Interbrand за 2018 год³ лидируют компании США (технологические компании, сервисные компании, IT, финансовый сектор), Японии (автомобильная промышленность), Германии (автомобильная промышленность, пивоваренные компании), Франции (сегмент класса люкс, продовольственные компании). Наиболее быстрорастущие бренды в этом году показали рост за счет активизации смелых и достаточно рискованных, но столь необходимых решений для создания краткосрочных преимуществ в быстро меняющейся конкурентной среде для достижения устойчивого роста. Так,

² Klaus Schwab. The Global Competitiveness Report 2019 // World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

³ Best Global Brands 2018 // Interbrand [Электронный ресурс]. URL: https://www.interbrand.com/wp-content/uploads/2018/10/Interbrand_Best_Global_Brands_2018.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

американская компания Netflix — пример ориентированного на клиента бизнеса. Ее быстрый рывок связан с трансформацией бизнеса от компании, доставляющей DVD по почте в 1997 г., до компании-производителя собственных фильмов, сериалов и телепрограмм, отмеченных многими наградами премии «Оскар». Свой клиентоориентированный подход компания развивала, углубленно изучая потребности и интересы клиентов, формирующие различные профили предпочтений и поведения клиентов, чтобы предложить каждому покупателю индивидуальный подход и информировать о ближайших новинках и покупках.

Быстрый рост могут демонстрировать новички в тех отраслях, где страна ранее не специализировалась. Существуют примеры, где выбранная государством политика по инвестированию в новые отрасли сделала значительный вклад в экономику страны, например в ОАЭ или Таиланде. Таиланду удалось позиционировать себя в качестве одного из главных направлений для медицинского туризма. Он смог успешно сформировать зону «голубого океана» и стать основным медицинским туристическим центром по объему оказания медицинской помощи в 2014 году и привлечь более 2,4 миллиона иностранных пациентов в 2017 году. Тайские больницы, например Bumrungrad International, и прочие бангкокские больницы стали лидерами отрасли с впечатляющими показателями роста и прибыли. Им пришлось выйти за рамки уже существующего спроса со стороны клиентов здравоохранения на неклиентов отрасли здравоохранения, чтобы создать новые рыночные возможности [Ким Чан, Моборн 2019]. Путем ликвидации проблемных зон, которые препятствовали людям в выборе Таиланда в качестве популярного места для медицинского туризма, они обратили неклиентов в новых клиентов.

В настоящее время в современной России достаточно остро встает вопрос о разработке комплексной концепции развития страны, в рамках которой вопрос об улучшении делового имиджа страны должен занять особое место. Отечественные производители из большинства отраслей приспособились к обострению конкуренции как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Россия имеет возможность стать страной, находящейся в русле современных мировых тенденций экономического развития, положительно демонстрировать себя, свои возможности, товары и услуги всему человечеству. Для этого необходимо определить имеющиеся конкурентные преимущества, создать свою стратегию национальной конкурентоспособности и сформировать положительный имидж. В ряде отраслей России на международном уровне достигла значительных результатов, которые отмечены всевозможными

имиджевыми наградами, а также подтверждены объемными показателями бизнеса. Кейс авиакомпании «Аэрофлот» призван оценить стратегию развития бизнеса с точки зрения усиления конкурентоспособности российских компаний на мировой арене и достижения определенных ассоциаций с факторами, влияющими на конкурентоспособность или достижения положения в определенных сегментах.

Стратегия авиакомпании «Аэрофлот»

Еще в 2009 году авиакомпания «Аэрофлот» занимала 15-е место по пассажиропотоку в Европе и 68-е место в мире, в 2017 году авиакомпания уже входила в ТОП-5 в Европе и занимала 19-е место в мире. Пассажиропоток составлял в 2009 г. 8,6 млн чел., в 2017 — 32,8 млн чел. Загрузка кресел ПАО «Аэрофлот» в 2009 г. составляла 64,5%, а в 2017г. — 81,8%; производительность труда также выросла: если в 2009 г. на 1 млн пассажиров приходилось 1744 сотрудников, то в 2017 г. — 678⁴. Данные успехи авиакомпании говорят об успешной трансформации как бизнес-процессов, так и технологий и сервисной модели обслуживания, что позволило ей войти в элиту мировой авиации.

Согласно отчёту Федерального агентства воздушного транспорта за январь-сентябрь 2018–2019 гг., к основным российским авиаперевозчикам можно отнести авиакомпании «Аэрофлот», S7 Airlines, «Победа», «Россия», «Уральские авиалинии» (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Перевозки пассажиров и пассажирооборот за январь-сентябрь 2018-2019 гг. (международные и внутренние перевозки)⁵

N	Авиапредприятие	Перевозки пассажиров и пассажирооборот за январь-сентябрь 2018-2019 гг. (международные и внутренние перевозки)								
		Перевезено пассажиров, чел.			Пассажирооборот, тыс.пасс.км.			Занятость пассажирских кресел		
		2018 Январь-Сентябрь	2019 Январь - Сентябрь	Янв -Сент 2019 к Янв-Сент 2018, %	2018 Январь-Сентябрь	2019 Январь - Сентябрь	Янв -Сент 2019 к Янв-Сент 2018, %	2018 Янв-Сент	2019 Янв - Сент	Янв -Сент 2019 к Янв-Сент 2018, %
1	Аэрофлот - российские авиалинии	26 770 202	28 433 408	106,2	73 525 069,00	77 622 118,70	105,6	81,6	80,2	-1,4
2	Сибирь	8 953 807	10 343 264	115,5	17 020 421,02	20 717 171,03	121,7	87,3	87,5	+ 0,2
3	Россия	9 045 704	9 433 506	104,3	23 520 405,31	27 099 475,86	115,2	87,8	86	-1,8
4	Победа	5 177 537	7 581 455	146,4	9 435 324,74	13 687 224,42	145,1	94,6	94,1	-0,5
5	Уральские Авиалинии	6 999 739	7 402 383	105,8	16 764 498,86	17 888 506,31	106,7	83,6	83,7	+ 0,1
	Итого по 5 авиакомпаниям	56 946 989	63 194 016	111	140 265 718,93	157 014 496,32	111,9	-	-	-
	Уд.вес 5 авиакомпаний от общего объема по ГА, %	63,9	63,7		63,9	63,3				

⁴ Стратегия Группы Аэрофлот до 2023 года // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: <https://ir.aeroflot.ru/ru/company-overview/strategy/> (дата обращения: 23.03.2019).

⁵ Перевозки пассажиров и пассажирооборот за январь-сентябрь 2018–2019 гг. (международные и внутренние перевозки) // Федеральное агентство воздушного транспорта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.favt.ru/deyatelnost-vozdushnye-perevozki-perevozki-passazhirov> (дата обращения: 24.03.2019).

Причем стоит отметить, что авиакомпании «Победа» и «Россия» входят в состав Группы «Аэрофлот». Такая мультибрендовая стратегия дает возможность Группе успешно расширять свое присутствие на всех рынках и во всех сегментах. Группа «Аэрофлот» является крупным авиационным холдингом (занимает 40,7% рынка пассажирских авиаперевозок в РФ по пассажиропотоку в 2018 году), в который, помимо авиакомпаний «Аэрофлот», «Россия», «Победа» и «Аврора», входят компании в смежных отраслях:

- ЗАО «Аэромар» — предприятие, которое производит продукцию бортового питания для пассажиров, занимается осуществлением уборки в самолетах, а также ведет розничную торговлю на бортах самолетов;
- ООО «А-Техникс» — предприятие, которое оказывает услуги по текущему обслуживанию и ремонту самолетов;
- ЧПОУ «Авиационная школа Аэрофлота» — организация, которая оказывает услуги по подготовке и повышению квалификации персонала авиакомпании;
- АО «Шеротель» — организация, которая предоставляет услуги пассажирам в залах повышенной комфортности в Аэропорту Шереметьево в терминалах D, E и F.

Группа «Аэрофлот» функционирует на нескольких сегментах рынка: непосредственно авиакомпания «Аэрофлот» работает в премиальном сегменте как флагманский перевозчик с обслуживанием транзитных потоков через «хаб» в Москве; средний ценовой сегмент заняли авиакомпании «Россия» и «Аврора» — «Россия» выполняет как внутренние, так и международные перевозки из своего центра в Аэропорту Внуково, «Аврора» является дальневосточной авиакомпанией, которая выполняет региональные и международные перевозки в своем регионе; замыкает список сегмент «лоукост» с авиакомпанией «Победа», которая имеет самые доступные предложения в ближне- и среднемагистральных перевозках.

Компания «Аэрофлот» является одним из мировых лидеров отрасли пассажирских перевозок в части обслуживания пассажиров. Это подтверждается высокими оценками в общемировых рейтингах — компания обладает высоким рейтингом «четыре звезды» агентства SkyTrax по качеству оказываемого сервиса и в

2019 году уже в восьмой раз стала обладателем титула «Лучшая авиакомпания Восточной Европы» SkyTrax World Airline Awards⁶.

Ведущая мировая аналитическая компания по брендингу Brand Finance признала авиакомпанию «Аэрофлот» самым сильным авиационным брендом в мире в 2017 и 2018 гг. «Аэрофлот» — один из самых мощных в мире брендов авиакомпании с рейтингом бренда AAA. Рейтинг AAA имеют еще такие авиакомпании, как «Эмирейтс», «Американские авиалинии», «Турецкие авиалинии», «Дельта», но по итогам исследования у «Аэрофлота» сила бренда выше. Он обошел своих конкурентов из списка 50 лучших авиакомпаний мира⁷ по таким показателям, как средний возраст самолетов (4,2 года при 253 самолетах у Аэрофлота), стандарты безопасности и объем инвестиций. Сила бренда отечественной авиакомпании частично связана с доминированием на внутреннем рынке. Однако у «Аэрофлота» нет воздушных маршрутов, к которым он имел бы эксклюзивный доступ, что говорит о том, что сила подкрепляется конкурентным преимуществом, а не монополией.

В октябре 2019 года компания подтвердил глобальное лидерство среди премиальных перевозчиков, второй год подряд став победителем международной премии Business Traveller Awards. Престижную награду в категории «Лучшая авиакомпания Восточной Европы» на торжественной церемонии в Лондоне вручил учредитель премии — британский журнал Business Traveller⁸.

«Аэрофлот» по итогам сентября 2019 года занял первое место по пунктуальности полетов среди 20 крупнейших авиакомпаний мира. Результат зафиксировало ведущее международное аналитическое агентство OAG (Великобритания). По данным ежемесячного отчета OAG On-Time Performance Report, в сентябре 2019 года «Аэрофлот» выполнил 89,2% рейсов точно по расписанию⁹. Этот результат также признан лучшим среди крупнейших перевозчиков Европы. «Аэрофлот» с отрывом опередил главных конкурентов и увеличил пунктуальность на 2,5 процентных пункта. по сравнению с августом 2019 года. Ранее агентство OAG оценило пунктуальность авиакомпании на уровне «пять звезд», что означает, что это

⁶ A-Z of the 2019 Airline Award Winners // World Airline Awards [Электронный ресурс].

URL: <https://www.worldairlineawards.com/a-z-airline-awards-winners-2018> (дата обращения: 24.03.2019).

⁷ AIRLINES 50 2018 // Brand Finance [Электронный ресурс]. URL: <https://brandirectory.com/reports/airlines-50-2018> (дата обращения: 23.03.2019).

⁸ Аэрофлот подтвердил глобальное лидерство в премиальном сегменте победой на Business Traveller Awards 2019 // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61531> (дата обращения: 01.11.2019).

⁹ Аэрофлот в сентябре стал самым пунктуальным в топ-20 крупнейших авиаперевозчиков мира и Европы 2019 // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61532> (дата обращения: 01.11.2019).

единственная авиакомпания из России и крупнейшая в Европе по объему перевозок, получившая высший балл. Только 10% участников программы OAG On-Time Performance Star Ratings удостоиваются максимальной оценки. «Аэрофлот» последовательно улучшает показатели пунктуальности благодаря эффективным мерам, в числе которых строгое выполнение правил посадки на рейс. В будущем авиакомпания внедрит ряд новшеств на основе современных цифровых технологий. Среди них — использование биометрического контроля, которое призвано ускорить и упростить для пассажира прохождение предполетных процедур в аэропорту.

«Аэрофлот» располагает крупнейшим в Восточной Европе Центром управления полётами. Авиакомпания открыла собственную авиационную школу, создала высокотехнологичный ситуационный центр, который в случае сбоя или кризисной ситуации позволяет эффективно руководить производственными процессами, ввела в эксплуатацию уникальный для России центр управления хабом — Hub Control Center — для координации обеспечения стыковок транзитных пассажиров и багажа и управления оборотом воздушных судов в базовом аэропорту Шереметьево. «Аэрофлот» делает особую ставку на новые информационные технологии, способствующие повышению качества обслуживания клиентов и экономической эффективности. Авиакомпания занимает четвертое место в мире по цифровизации, согласно рейтингу компании Bain & Company. Компания осуществляет перспективные проекты, в том числе на основе Big Data, внедрила услугу доступа к интернету на борту. В апреле 2006 года «Аэрофлот» стал полноправным членом альянса SkyTeam, второго по величине авиационного альянса в мире (с 2011 года входит также в грузовую структуру альянса — SkyTeam Cargo). Через обширную совместную маршрутную сеть SkyTeam дает своим клиентам возможность совершать полёты в 1150 пунктов в 175 странах. В рамках код-шеринговых соглашений «Аэрофлот» сотрудничает с более чем 30 иностранными и российскими авиакомпаниями.

В качестве одного из преимуществ авиакомпании следует отметить наличие самого молодого флота среди любой крупной авиакомпании. Помимо инвестиций в инфраструктуру, технологии и персонал, компания инвестирует значительную часть ресурсов в бренд, особенно активно — в продвижение за рубежом, в Европе и в Азии. Это подкрепляется спонсорством футбольного клуба «Манчестер Юнайтед» (самый ценный футбольный бренд в мире), которое помогает «Аэрофлоту» достичь наиболее широкой аудитории по всему миру. На конкурсе Flyer Awards 2017 и 2018 гг. «Аэрофлот» получил награду как самая любимая международная авиакомпания в

Китае¹⁰. Преимущества Аэрофлота, по сравнению с другими авиакомпаниями, для пассажиров из Китая заключаются в создании удобной воздушной сети с 4 пунктами в Китае (Пекин, Гонконг, Шанхай, Гуанчжоу), качеством предоставляемого сервиса, специальным списком услуг для китайского рынка, доступными ценами и удобными стыковками для рейсов в аэропорту Шереметьево. В результате в 2018 году Москва обогнала Дубай как главный хаб для путешествий между Китаем и Европой¹¹ (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Объемы перевозок через аэропорты московского авиационного узла в январе 2018–2019 гг.¹²

Обслуживание пассажиров и грузовой клиентуры в аэропортах МАУ в январе 2018-2019 г.г.										
Наименование	Вид перевозки	Пассажиров всего, чел.			Груз, всего, тонн			Почта, всего, тонн		
		2018 Янв	2019 Янв	% к предыдущему периоду	2018 Янв	2019 Янв	% к предыдущему периоду	2018 Янв	2019 Янв	% к предыдущему периоду
Внуково	Коммерческие - всего	1 355 451	1 512 315	111,6	3 722,28	2 876,41	77,3	754,38	952,13	126,2
Домодедово	Коммерческие - всего	2 070 002	1 853 642	89,5	8 302,24	7 272,37	87,6	1 822,13	1 456,15	79,9
Шереметьево	Коммерческие - всего	3 025 847	3 553 862	117,5	21 304,80	18 488,70	86,8	2 972,70	2 986,90	100,5
Итого по предприятиям	Международные - регулярные	2 649 591	2 897 335	109,4	21 934,30	17 892,76	81,6	3 297,04	2 965,25	89,9
	Международные - нерегулярные	257 510	296 523	115,2	1 541,34	1 452,22	94,2	48,25	41,18	85,3
	Международные - всего	2 907 101	3 193 858	109,9	23 475,64	19 344,98	82,4	3 345,29	3 006,43	89,9
	В т.ч. иностранные авиакомпании	777 861	762 690	98,0	5 304,13	5 923,09	111,7	1 391,26	1 026,43	73,8
	Внутренние - регулярные	3 505 928	3 685 244	105,1	9 294,75	8 680,58	93,4	2 080,72	2 228,29	107,1
	Внутренние - нерегулярные	38 271	40 717	106,4	558,93	611,92	109,5	123,20	160,46	130,2
	Внутренние - всего	3 544 199	3 725 961	105,1	9 853,68	9 292,50	94,3	2 203,92	2 388,75	108,4
	Коммерческие - всего	6 451 300	6 919 819	107,3	33 329,32	28 637,48	85,9	5 549,21	5 395,18	97,2

В связи с тем, что авиакомпании удалось досрочно достичь поставленных стратегических целей, была принята новая стратегия «100 миллионов пассажиров к 100-летию “Аэрофлота”». Основными ее целями является достижение следующих показателей до 2023 года¹³:

- увеличение международного трафика транзитных авиаперевозок до 10–15 миллионов;
- достижение цифры в 90–100 миллионов пассажиров в год у всей Группы «Аэрофлот»;

¹⁰ Пресс-релиз аналитического агентства Brand Finance [Электронный ресурс]. URL: <https://brandfinance.com/press-releases/aeroflot-is-russias-most-powerful-brand/> (дата обращения: 23.03.2019).

¹¹ Аэрофлот признан в Китае лучшей авиакомпанией для транзита в Европу // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61186> (дата обращения: 24.03.2019).

¹² Объемы перевозок через аэропорты России в январе 2018–2019 года // Федеральное Агентство воздушного транспорта РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.favt.ru/dejatelnost-ajeroportov-i-ajerodromy-osnovnie-proizvodstvennie-pokazateli-ajeroportov-obyom-perevoz> (дата обращения: 23.03.2019).

¹³ Стратегия // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: <https://ir.aeroflot.ru/ru/company-overview/strategy/> (дата обращения: 23.03.2019).

- создание международного хаба в Красноярске и региональных баз в Сочи, Екатеринбурге и Новосибирске;
- повышение уровня цифровизации оказываемых услуг;
- увеличение количества современной отечественной авиационной техники;
- развитие перевозок через главный хаб в Москве.

Использование хаба в Москве может дать преимущества для авиакомпании в части международных авиаперевозок из Китая в Европу и обратно благодаря своему географическому положению (см. Рисунок 1). Кроме того, развитие хаба в Москве может идти аналогично развитию хаба в Дубае. Это даст огромный экономический эффект как для авиакомпании, так и развития экономики страны. Однако для этого необходима согласованность действий и желаний правительства и авиакомпании.

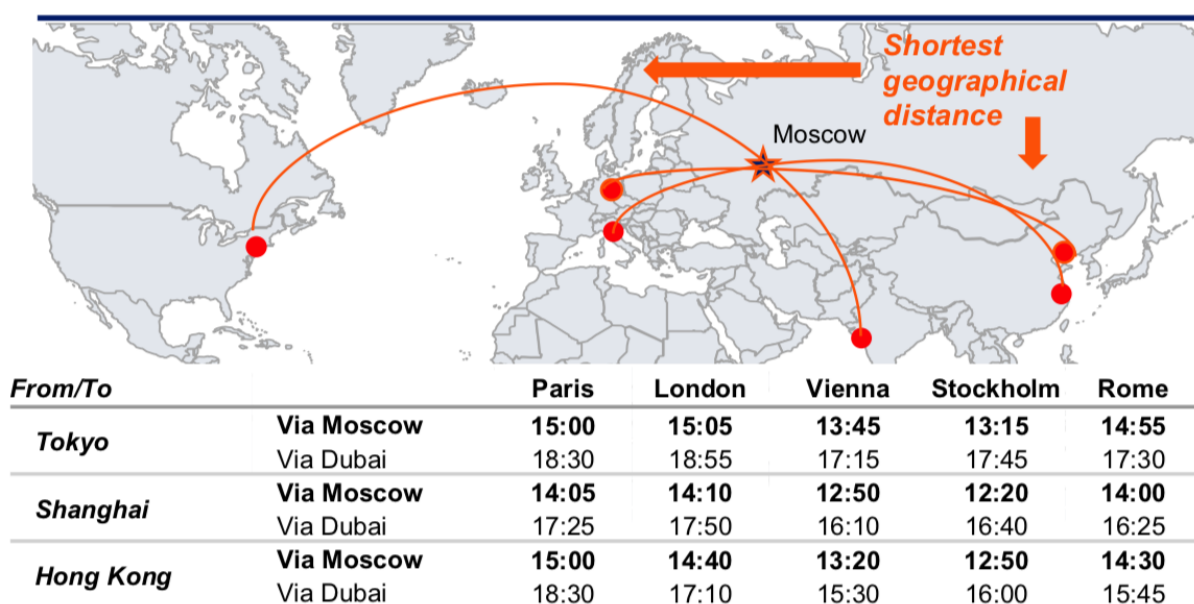

Рисунок 1. Доступность и преимущества расположения хаба «Аэрофлота» в Москве относительно хаба авиакомпании «Эмирейтс» в городе Дубай¹⁴

Новый международный хаб в Красноярске позволит обеспечить трансфер между пунктами РФ, Китаем и другими пунктами Азии, а также Европой, Китаем и Азией, Уральским, Сибирским и Дальневосточным федеральными округами; улучшит инфраструктурные проблемы и позволит разгрузить основной хаб в аэропорту Шереметьево.

¹⁴ Aeroflot Group Investor Presentation // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: https://ir.aeroflot.ru/fileadmin/user_upload/files/eng/presentations/2018/12_Investor_meetings_Dec_2018.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

По данным Ростуризма, число въездных туристских поездок китайских граждан в РФ в 2017 г. составило 1,478 млн человек, что демонстрирует рост на 14,69%, по сравнению с предыдущим аналогичным периодом¹⁵ (см. Рисунок 2). Такое стабильное увеличение свидетельствует о повышении привлекательности российского направления, что частично связано с повышением качества и комфорта обслуживания авиакомпанией «Аэрофлот», так как она является главной транспортной компанией, доставляющей китайских туристов в РФ.

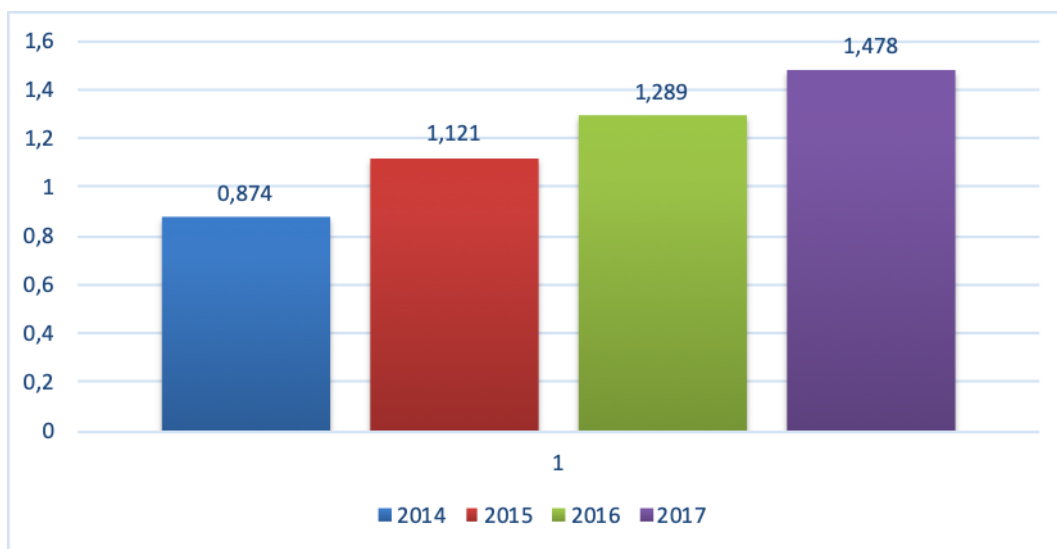

Рисунок 2. Динамика числа въездных туристских поездок граждан Китая в РФ, млн человек¹⁶

Бизнес-модель авиакомпании «Эмирейтс»

Авиакомпания «Эмирейтс» является одной из ведущих в отрасли воздушных пассажирских перевозок в мире. Однако она не всегда занимала такое высокое положение на рынке.

В качестве стратегии своего развития в «Эмирейтс» пошли по пути создания мега-хаба в Дубае — узлового аэропорта, в котором происходят пересадки между рейсами авиакомпании и имеется высокая доля стыковочных рейсов [Гурина 2016]. Создание таких узловых аэропортов не являлось ноу-хау авиакомпании из Объединенных Арабских Эмиратов, однако именно они перенесли эту стратегию на

¹⁵ Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок // Федеральное агентство по туризму РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/contents/statistika/statisticheskie-pokazateli-vzaimnykh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-i-grazhdan-inostrannykh-gosudarstv/vyborochnaya-statisticheskaya-informatsiya-rasschitannaya-v-sootvetstvii-s-ofitsialnoy-statisticheskoy-metodologiyey-otsenki-chisla-vezdnykh-i-vyezdneykh-turistskikh-poezdok/> (дата обращения: 25.03.2019).

¹⁶ Там же.

глобальный уровень. В 1980-ых и 1990-ых Дубай не был привлекательным местом для туристов и рынком авиационного обслуживания, а следовательно, не смог бы достаточно развиваться, используя стратегию построения маршрутов «точка — точка». Ключевым в развитии стало уникальное местоположение.

Первоначально авиакомпания была переведена на региональные маршруты в Южной Азии, но в последующие годы она быстро росла и расширила обслуживание в Африканском регионе в 1986 году (Каир), в Европе в 1987 году (Гатвик и Франкфурт), в Восточной Азии в 1990 году (Бангкок, Сингапур) и в Австралии в 1996 году (Мельбурн через Сингапур).

Ориентация перевозчика на дальнемагистральные перевозки началась в 2003 году, когда новые авиационные технологии позволили авиакомпании начать прямое непрерывное авиасообщение с Нью-Йорком и Сиднеем на недавно приобретенных самолетах Airbus A340s. К 2008 году компания «Эмирейтс» стала крупнейшей авиакомпанией по выручке и к 2013 году обслуживала 138 направлений по всему миру. Всего за 28 лет авиакомпания смогла обслужить порядка 39,4 миллиона пассажиров, осуществить продажи билетов на 19,9 миллиарда долларов и нанять 48 тысяч человек персонала. Кроме этого, ей удавалось постоянно поддерживать операционную прибыльность в течение 25 лет подряд¹⁷. Emirates является крупнейшей и самой быстрорастущей авиакомпанией на Ближнем Востоке [Nataraja, Al-Aali 2010].

Авиакомпания «Эмирейтс» действует из одного глобального мега-хаба в аэропорту Дубая (DXB). Эта стратегия поддерживается перевозчиком с момента возникновения. Модель хаба не является новой концепцией: Лондонский Хитроу и Парижский Шарль де Голль давно служили крупным авиалиниям. Они являются наследием трансатлантических рейсов прошлого. Наряду с историческими преимуществами и мощной государственной поддержкой, а также устойчивым межевропейским спросом перевозчики Air France и British Airways исключительно доминировали в международных пассажирских потоках до 1980-х годов. Авиакомпания «Эмирейтс» обратила внимание на то, что в международных авиаперевозках господствовало старое представление о исключительности трансатлантического направления, в то время как рос спрос на направлениях Юг — Юг. Компания увидела для себя возможность в быстро растущих странах БРИКС и на развивающихся рынках в целом и, соответственно, сфокусировала свою стратегию инвестирования на данном направлении.

¹⁷ It takes a world. The Emirates Group annual report 2012–13 // CDN Ek [Электронный ресурс]. URL: https://cdn.ek.aero/downloads/ek/pdfs/report/annual_report_2013.pdf (дата обращения: 21.03.19).

Дубай получил ряд серьезных стратегических преимуществ в качестве города-хаба. Во-первых, позиция Дубая на Аравийском полуострове поставила его в центр глобальных транзитных маршрутов с его стратегическим положением между Европой, Океанией, Азией и Африкой. Во-вторых, его относительное расстояние от перегруженного европейского воздушного пространства означало, что авиасообщение было минимальным и что полеты могли свободно осуществляться практически в любое время суток, то есть круглосуточно без задержек и трудностей. В-третьих, Дубай выигрывал благодаря относительно хорошей погоде — помимо случайных туманов и общей жары, деятельность аэропорта оставалась относительно свободной от дождя и снежных бурь, которые часто вызывали задержки в европейских и американских воздушных пространствах. Наконец, в то время как большинство авиаузлов полагались на большое местное население для поддержки своей пассажирской базы, руководители «Эмирейтс» не рассматривали относительно небольшие размеры Дубая в качестве сдерживающего фактора. Основной пассажирской базой авиакомпании является не столько город Дубай, сколько весь регион.

Помимо совокупного спроса на региональные полеты, многие пассажиры авиакомпании «Эмирейтс» использовали Дубай в качестве транзитного пункта для соединения рейсов на дальних маршрутах. Исторически многие из этих пассажиров происходили из Европы и прибывали в город с северо-западного направления и отправлялись далее в Азию или Океанию — на юго-восток от Дубая. «Эмирейтс» использовала свое выгодное стратегическое географическое положение в этом авиапотоке пассажиров для увеличения предложения услуг и увеличения доли рынка на ключевых маршрутах, где когда-то доминировали старые европейские авиаперевозчики. Например, авиасообщение между лондонским Хитроу и Дубаем выросло на 24% в 2011 году, став самым загруженным маршрутом Эмиратов¹⁸.

Положительный опыт путешественников начинался в аэропорту Дубая, который предложил крупнейшее в мире беспошлинное торговое пространство, современные удобства и залы с такими услугами, как роскошные спа-салоны для клиентов уровня «бизнес» и «первый класс». Хотя огромный терминал №3 аэропорта Дубая иногда доставлял трудности для быстрых трансферов, большинство пассажиров, для которых Дубай был конечной точкой, получали визы без проблем по прибытии.

¹⁸ New Outlook on Worldwide Air Passenger Demand // Amadeus [Электронный ресурс]. URL: <https://amadeus.com/en/insights/blog/new-outlook-on-worldwide-passenger-demand> (дата обращения: 20.03.2019).

Чтобы улучшить ощущения от полетов, авиакомпания «Эмирейтс» преобразовала большую часть своих мест в премиум-классы, увеличила предложение своих роскошных удобств, а также быстро добавила новые самолеты в свой флот, чтобы предлагать самые новые удобства на рынке. Будучи одной из первых авиакомпаний, получивших самолеты A380, она адаптировала свои самолеты таким образом, чтобы предложить такие роскошные услуги, как индивидуальные первоклассные люксы, «душевые спа» и бар с полным спектром услуг. За последние десять лет авиакомпания уже трижды получала премию World Travel Award¹⁹ за лучший первоклассный сервис в индустрии путешествий и претендовала на более чем на 400 отраслевых премий за обслуживание авиакомпаний, а в 2013 году выиграла премию Best overall airline²⁰. Конкуренты, однако, и особенно их региональные коллеги, успешно скопировали премиальную стратегию авиакомпании из Дубая.

Развитие авиакомпании невозможно представить без стремления повысить осведомленность о бренде и охватить как можно более массовую аудиторию для этого [Тырнов 2019]. В первые годы существования Дубая многие потенциальные клиенты на целевых рынках еще не были знакомы с городом, и лишь немногие видели в нем главное туристическое направление. Чтобы заманить туристов, «Эмирейтс» сотрудничает с местными туристическими организациями для продвижения имиджа города Дубай. Туристические компании предлагали такие мероприятия, как сафари в пустыне, а авиакомпания структурировала свои заказы, чтобы позволить своим клиентам короткие остановки за небольшую плату или бесплатно. Столкнувшись с ограниченными бюджетами, авиакомпания должна была помогать развивать креативные проекты для продвижения Дубая и повышения осведомленности. Высокопрофессиональные проекты, такие как Бурдж-аль-Араб, проекты развития архипелагов «Мир», «Вселенная» и «Пальмовые острова», а также башня Бурдж-Халифа, способствовали росту глобальной известности города, что, в свою очередь, привело к увеличению количества туристов как для самих ОАЭ, так и пассажиров-клиентов «Эмирейтс» (см. Рисунок 3).

¹⁹ Emirates Awards // World Travel Award [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldtravelawards.com/profile-611-emirates> (дата обращения: 20.03.2019).

²⁰ The World's Top 100 Airlines in 2013 // World Airline Awards [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldairlineawards.com/the-worlds-top-100-airlines-2013/> (дата обращения: 20.03.2019).

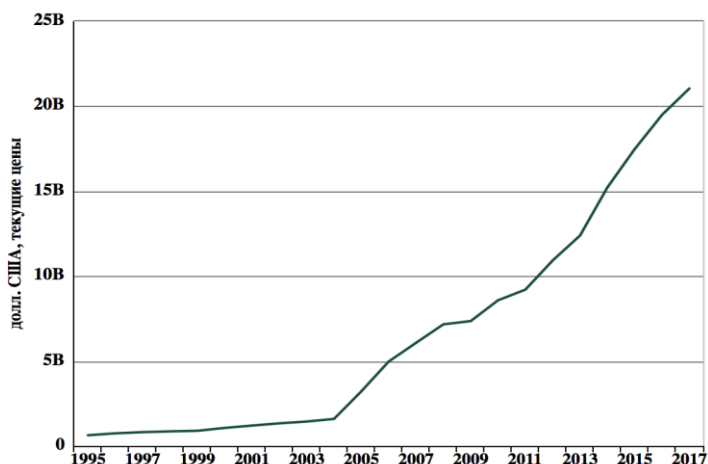

Рисунок 3. График поступлений ОАЭ от международного туризма²¹

Среди многочисленных маркетинговых инструментов, способствующих повышению узнаваемости бренда, авиакомпания активно использует спонсорство, в частности различных спортивных игр. Сильная и стабильная команда лидеров, амбициозные, но продуманные решения и инновационные идеи, приверженность правилам деловой этики, ориентированный на клиента бизнес способствовали успеху авиакомпании на глобальном рынке. Уникальная организационная структура группы Emirates, имеющая иерархическую структуру, оказала существенное влияние на рост и развитие компании. В то же время заместитель председателя Emirates М. Фланаган считает, что высокие затраты на оплату труда пилотов и других сотрудников являются препятствием для роста любой авиакомпании. Эмираты имеют более низкие затраты на персонал, по сравнению с отраслями промышленности. Частично это связано с привлечением работников из соседних стран с низким уровнем заработной платы. Одна из других операционных (корпоративных) стратегий «Эмирейтс» называется «быть первым, кто внедряет новые продукты». Внедрение таких решений, как SmartLanding, SmartRunway, системы autocheck-in и автоматизированного моделирования в программах обучения бортпроводников, доказывает намерение авиакомпании быть лидером.

Модель Low-costs

Феномен, способствующий глобальному росту производства авиаперевозок, — бюджетные авиакомпании, или low-costs. Низкозатратная модель воздушного транспорта, которая возникла в США во второй половине 1970-х годов, была

²¹ Поступления от международного туризма ОАЭ // Мировой атлас данных Кноема [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas/Объединенные-Арабские-Эмираты/Поступления-от-международного-туризма> (дата обращения: 23.09.2019).

реализована в европейских странах в конце тысячелетия. Массовый приток этих компаний был зарегистрирован в Европе после 2000-го года. Ситуация в этой области претерпевала несколько динамических изменений. Отмечено значительное влияние на развитие массового использования воздушного транспорта и мобильности населения. Низкозатратная модель эксплуатации воздушного транспорта означает значительное сокращение издержек, которого компания добивается за счет использования современных технологий, унификации флота, сокращения бесплатных услуг, таких как питание на борту самолета, и других связанных услуг.

Успешным примером реализации «стратегии голубого океана» в области воздушного транспорта является Ryanair, авиакомпания покинула «красный океан» и воспользовалась новыми возможностями. Ryanair — крупнейшая недорогая компания в мире. Она летает из 86 баз, расположенных в Европе, в 160 пунктов назначения в 39 странах. По состоянию на 30 июня 2019 г. компания предлагала более 2,500 коротких рейсов в день, обслуживая более 200 аэропортов по всей Европе, она обладала парком из 455 самолетов Boeing 737 и 20 самолетов Airbus A320²². За последние 12 месяцев авиакомпания перевезла 150 млн пассажиров²³. Ryanair заняла позицию лидера благодаря своей стратегической цели — зарекомендовать себя как лидирующую в Европе недорогую авиакомпанию и увеличить спектр недорогих услуг, предлагать тарифы, стимулирующие пассажиропотоки, при этом акцентируя внимание на сдерживании затрат и эффективности работы. Ключевыми элементами этой стратегии явились: обслуживание клиентов, частые перевозки от пункта к точке, короткие маршруты, работающие из вторичных аэропортов, низкие эксплуатационные расходы, снижение стоимости за счет эксплуатации одного парка воздушных судов Boeing 737–800. В настоящий момент авиакомпания продолжает увеличивать эффективность персонала, что также снижает стоимость обслуживания клиентов, сокращает как количество бесплатных услуг, так и снижает затраты на предоставление услуг без агентов.

Заключение

Рассмотренный кейс призван оценить стратегические цели авиакомпании «Аэрофлот», а также концепцию развития на среднесрочную перспективу. Для сохранения тенденции и прочного закрепления на международном рынке «Аэрофлоту»

²² Ryanair annual report 2019 // Ryanair [Электронный ресурс]. URL: <https://investor.ryanair.com/wp-content/uploads/2019/07/Ryanair-2019-Annual-Report.pdf> (дата обращения: 10.10.2019).

²³ Customer Care // Ryanair [Электронный ресурс]. URL: <https://corporate.ryanair.com/customer-care/> (дата обращения: 10.10.2019).

следует учесть опыт авиакомпании «Эмирейтс» и продолжить свое развитие в рамках модели с двумя аэропортами-хабами в Москве и Красноярске. С одной стороны, такая модель развития будет иметь эффект не только в сфере привлечения зарубежного пассажиропотока при разработке удобной и эффективной системы стыковочных рейсов для путешествий с Востока на Запад и наоборот. Развитие двух основных хабов в разных частях страны, установление стабильного сообщения между ними позволят увеличить и внутренние авиаперевозки, сократить эффект расстояний в нашей большой стране и сделать внутренний туризм доступней. С другой стороны, отечественные и зарубежные туристы смогут добираться из Москвы до Красноярска на регулярных рейсах между хабами самолетами авиакомпании «Аэрофлот», а уже из Красноярска на самолетах авиакомпании «Аврора», входящей в Группу «Аэрофлот», они смогут отправиться в Иркутск для посещения Байкала, в Горно-Алтайск для посещения алтайских природных парков, в Новокузнецк для посещения горнолыжного курорта Шерегеш (см. Рисунок 4). Выбор этой стратегии развития позволит не только самой компании стать еще более конкурентоспособной на рынке авиаперевозок, но и России в целом улучшить имидж и привлекательность для туристов.

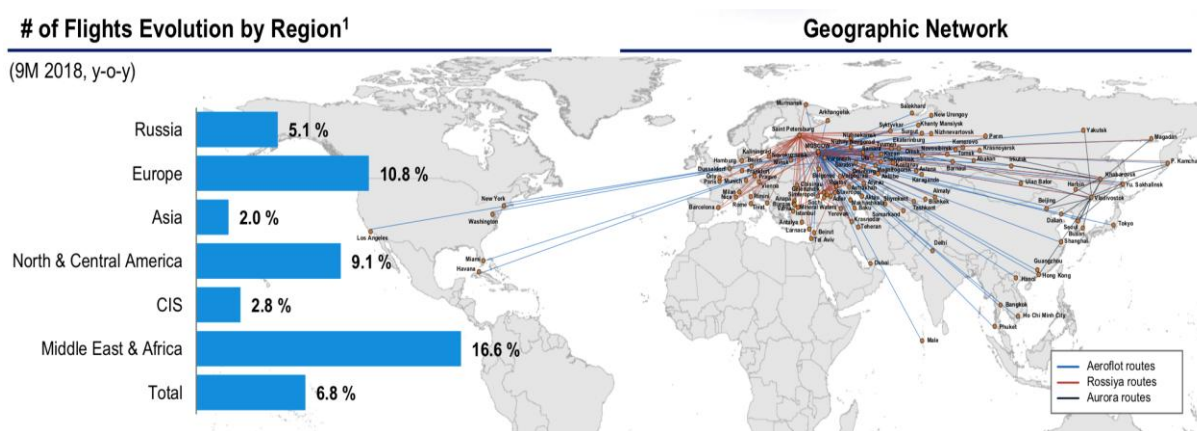

Рисунок 4. Увеличение количества рейсов по направлениям и карта маршрутов авиакомпаний Аэрофлот, Россия и Аврора²⁴

Кроме того, данный кейс может быть рассмотрен студентами для определения преимуществ и угроз выбранных стратегических инициатив. В качестве инструментария возможно применение различных аналитических инструментов, позволяющих проанализировать конкурентоспособность предложения авиакомпании «Аэрофлот», оценить чувствительность клиентов к различным параметрам при

²⁴ Aeroflot Group Investor Presentation // Аэрофлот [Электронный ресурс]. URL: https://ir.aeroflot.ru/fileadmin/user_upload/files/eng/presentations/2018/12_Investor_meetings_Dec_2018_.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

принятии решений о покупке авиабилетов и ответить на следующие вопросы: позволит ли данная стратегия увеличить число приверженных авиакомпании среди клиентов из различных стран и регионов? На какой клиентский сегмент в большей степени рассчитана стратегия? Позволит ли это российской авиакомпании обратить поток транзитных пассажиров в потенциальных туристов? Что необходимо предпринять для успешной реализации стратегии с точки зрения развития рыночной конъюнктуры? С какими факторами конкурентоспособности может ассоциироваться авиакомпания (развитая инфраструктура, приемлемые тарифы «Цена-качество», высокие стандарты обслуживания или иное)?

Список литературы:

- Белова Л.Г.* Эволюция подходов к оценке конкурентных преимуществ различных стран // Аудит и финансовый анализ. 2012. № 5. С. 314–319.
- Гурина Е.А.* Сравнительный анализ развития зарубежных и российских авиакомпаний // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвузовский сборник научных трудов. 2016. № 2. С. 89–95.
- Ким Чан В., Рене Моборн.* Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
- Портер М.* Конкурентные преимущества: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Паблишер, 2017.
- Тырнов А.А.* Авиационный сектор ОАЭ и Катара как инструмент диверсификации национальных экономик // Азия и Африка сегодня. 2017. № 3. С. 39–43.
- Cho Dong-Sung, Moon Hwu-Chang.* From Adam Smith to Michael Porter. Evolution of competitiveness theory. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2002.
- Moon H.C., Rugman A.M., Verbeke A.* A Generalized Double Diamond Approach to International Competitiveness // Research in global strategic management. 1995. Vol. 5. P. 97–114.
- Nataraja S., Al-Aali A.* The exceptional performance strategies of Emirate Airlines // Competitiveness Review an International Business Journal incorporating Journal of Global Competitiveness. 2011. Vol. 21(5). P. 471–486. DOI: [10.1108/10595421111171966](https://doi.org/10.1108/10595421111171966).
- Rugman A.M.* Porter Takes the Wrong Turn // Business quarterly. 1992. Vol. 56. No. 3. P. 59–64.
- Rugman A.M., D'Cruz J.R.* The Double Diamond Model of International Competitiveness: Canada's Experience // Management international review. 1993. No. 33. P. 17–39.

Дата поступления: 01.10.2019

Zakharova I.A., Melnichuk A.D.

Case on Strategy of National Companies to Increase Competitiveness and Attractiveness of the State

Irina A. Zakharova — PhD, Associate Professor, Department of Regional and Municipal Management, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Zakharova@spa.msu.ru

Alexander D. Melnichuk — student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: MelnichukAD@spa.msu.ru

Abstract

In the context of globalization and the growth of international economic relations, modern states are increasingly faced with the phenomenon of interstate competition. The competitiveness of a country depends on many factors, such as the degree of production development, various institutions, business environment, and economy integration into global economic processes. It is a very important public task to ensure the country's competitiveness, showing not only the country's position in the international economic arena, but also ensuring its national security. This article discusses the strategies of national companies, their competitiveness and impact on the country image in the international arena. The image of the state and the strength of national brands are mutually influenced. In the stable economic the country promotes its national companies, however, the opposite trend occurs when individual companies promote a country in the competitive market and political arena, contribute to an increase in the Global Competitiveness Index. The aims of the article are to analyse the country's competitiveness factors, assess the competitive position of Aeroflot airline, consider the airline's strategy and provide a comparative analysis of airline promotion in the global market, in particular with Emirates. We determined further growth points for the national Russian company, the airline's client policy and the impact of its success on the economy of the country as a whole and the situation on the world level.

Keywords

Competitiveness of the company, competitive advantages of the state, company strategy, strategic goals, market segments, international hub.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10023

References:

- Belova L.G. (2012) Evolution of Approaching to Assessment of Different Countries' Competitive Advantages. *Audit i finansovii analiz*. No. 5. P. 314–319.
- Chan Kim W., Rene Mauborgne (2019) *Blue Ocean Strategy: How to Create Uncontested Market Space and Make Competition Irrelevant*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Cho Dong-Sung, Moon Hwuy-Chang (2002) *From Adam Smith to Michael Porter. Evolution of competitiveness theory*. Singapore: World Scientific Publishing Company.
- Gurina E.A. (2016) Comparative Analysis of Foreign and Russian Airlines. *Problemy sovershenstvovaniya organizatsii proizvodstva i upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. No. 2. P. 89–95.
- Moon H.C., Rugman A.M., Verbeke A. (1995) A Generalized Double Diamond Approach to International Competitiveness. *Research in global strategic management*. Vol. 5. P. 97–114.

- Nataraja S., Al-Aali A. (2011) The exceptional performance strategies of Emirate Airlines. *Competitiveness Review an International Business Journal incorporating Journal of Global Competitiveness*. Vol. 21(5). P. 471–486. DOI: [10.1108/10595421111171966](https://doi.org/10.1108/10595421111171966).
- Porter M. (2017) *Competitive Advantage*. Moscow: Al'pina Publisher.
- Rugman A.M. (1992) Porter Takes the Wrong Turn. *Business quarterly*. Vol. 56. No. 3. P. 59–64.
- Rugman A.M., D'Cruz J.R. (1993) The Double Diamond Model of International Competitiveness: Canada's Experience. *Management international review*. No. 33. P. 17–39.
- Tyrnov A.A. (2017) Aviatsionnyy sektor OAE i Katara kak instrument diversifikatsii natsional'nykh ekonomik [The aviation sector of the UAE and Qatar as a tool for diversification of national economies]. *Aziya i Afrika segodnya*. No. 3. P. 34–43.

Received: 01.10.2019

Региональная экономика

Василенко И.А., Егорова А.Н.

Особенности формирования социально-политической концепции «умного города» в регионах России (на примере Сарова, Елабуги, Сочи)¹

Василенко Ирина Алексеевна — доктор политических наук, профессор, кафедра российской политики, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: vasilenko.irina@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [7463-0331](#)

Егорова Айгюль Николаевна — аспирант, кафедра российской политики, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: peggy28@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [8822-6315](#)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования социально-политической концепции «умного города» в регионах России на примере сравнительного анализа опыта Сарова, Елабуги и Сочи. Актуальность темы исследования связана с современным политическим курсом нашей страны на строительство цифровой экономики, что требует концептуального обобщения политических аспектов формирования «умного города» с целью формирования креативной отечественной социально-политической концепции смарт-сити, направленной на повышение уровня жизни и развитие электронной демократии.

Основная задача исследования — обобщить опыт наиболее интересных региональных пилотных проектов с целью критического научного анализа достижений и проблем цифровизации общественного пространства, что поможет городским властям избежать повторения ошибок и увидеть новые возможности решения социально-политических проблем «умного города». Методология исследования носит междисциплинарный характер, находясь на пересечении политологии, коммуникативистики, социологии и культурологии.

Проведенный анализ позволил сделать выводы о том, что наиболее эффективной в регионах может быть модель преобразования наукоградов и закрытых автономно-территориальных образований в «умные города», где большинство населения — высокообразованные специалисты, хорошо знакомые с цифровыми технологиями, что демонстрирует сегодня город Саров. Было выявлено, что хорошими дополнительными социально-экономическими ресурсами для внедрения цифровых технологий в общественное пространство обладают города, находящиеся рядом с особыми экономическими зонами (пример Елабуги) и региональные столицы (пример Сочи), которые могут стать локомотивами инновационного развития в своих регионах. Среди рисков цифровизации в регионах — низкая цифровая грамотность населения, недостаточная готовность региональной власти использовать технологии «умного города» для развития электронной демократии, отсутствие правовой базы, закрепляющей статус мнения граждан при разработке и принятии городских решений, недостаточная защищенность электронных ресурсов от хакеров. Для российских регионов принципиально важно утвердить гуманистическую концепцию «умного города», который создают «умные горожане», максимально вовлеченные в городское управление: инвестировать в человеческий капитал, а не в цифровые технологии.

Ключевые слова

«Умный город», инновации, смарт-технологии, цифровизация, регионы России.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10024

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31440 ОПН.

Введение

Обращение к исследованию регионального опыта формирования социально-политических аспектов концепции «умного города» в нашей стране весьма актуально, поскольку сегодня интерес региональных элит к этой проблематике весьма высокий, много новых интересных проектов, но пока не хватает научных обобщений и аналитики, особенно с точки зрения использования новых возможностей цифровых технологий в социально-политическом пространстве «умного города». Современный внутривнутриполитический курс нашей страны, направленный на строительство цифровой экономики, предполагает необходимость фундаментального концептуального обобщения политических аспектов формирования «умного города» с целью создания креативной отечественной концепции, направленной на повышение уровня жизни и развитие электронных форм политической демократии. Именно поэтому основная цель нашего исследования — обобщить опыт наиболее интересных региональных пилотных проектов с целью критического научного анализа достижений и проблем цифровизации общественного пространства, что поможет отечественным политологам избежать повторения ошибок и увидеть новые интересные возможности решения социально-политических проблем «умного города».

Мы решили обратиться к сравнительному исследованию трех наиболее показательных в социально-политическом плане проектов «умного города» в регионах России: в Сарове, Елабуге и Сочи. Эти проекты представляют разные подходы к разработке концепции «умного города» в нашей стране, здесь предложили оригинальные решения социально-политических проблем «умного города» с учетом территориальной и социокультурной специфики. В то же время на примере этих пилотных проектов можно увидеть основные проблемы и риски цифровизации общественного пространства

Наша гипотеза состоит в том, что региональные модели «умного города» в России формируются с учетом целого ряда факторов, среди которых важную роль играют ресурсная база и региональная специфика, социокультурные и исторические традиции и методы управления. Принципиальное значение имеют также целевая направленность проекта «умный город», степень образованности населения, а также механизмы обратной связи между органами государственной власти и местного самоуправления и жителями города. Мы предполагаем, что наиболее подготовленными к формированию «умного города» и использованию цифровых технологий в решении социально-политических задач являются наукограды и так называемые закрытые

автономно-территориальные образования (ЗАО), где еще в советское время построены и развиваются научно-исследовательские и научно-производственные предприятия, на которых трудятся высококвалифицированные научные и инженерные кадры. Эти территории можно быстрее и легче превратить в «умные города», чем строить с нуля на пустом месте. Именно такую модель мы рассмотрим на примере города Саров.

Еще одна эффективная модель «умного города» может быть сформирована с учетом возможностей особой экономической зоны (ОЭЗ), предоставляющей значительные средства для развития города. В нашем исследовании эту модель будет представлять город Елабуга (Республика Татарстан).

Опыт города Сочи, южной столицы страны, интересен с точки зрения возможностей преобразования региональных центров в «умный город» с использованием ресурсного потенциала и перспектив роста в качестве региональной столицы инноваций.

Таким образом, научная новизна нашего исследования состоит в выявлении наиболее перспективных направлений социально-политического развития «умного города» с помощью компаративного анализа трех пилотных проектов (Саров, Елабуга, Сочи), а также определение наиболее значимых политических рисков при цифровизации общественного пространства.

Следует подчеркнуть, что пока в научной литературе мало исследований первых отечественных региональных пилотных проектов «умных городов», что связано с новизной проблематики и небольшим отечественным опытом в реализации этих проектов на практике. Отметим несколько работ, в которых дан критический анализ опыта преобразования технопарка ЗАО Саров в «умный город», где выявляются как достоинства, так и проблемные зоны этого проекта. Среди них исследования Е.А. Сакадынца, Д.Ю. Файкова [Сакадынец, Файков 2008], Ю. Трифонова, Ю. Ширяевой, А. Веретенниковой [Трифонов и др. 2018], Е.В. Пахомова [Пахомов 2017]. Однако в этих работах основное внимание уделяется социально-экономическим и технологическим аспектам преобразований в Сарове, а роль цифровизации в решении социально-политических проблем в городе рассматривается лишь в самом общем плане.

Особенности проекта «умный город» в Елабуге в контексте внедрения информационных технологий в общественное пространство рассматриваются в трудах А.Х. Гилязова, З.Н. Заппаровой, З.Х. Мифтахетдиновой [Гилязова и др. 2015],

А.Х. Евстафьевой, Ю.А. Туйчиной [Евстафьева, Туйчина 2011]. Достижения и недостатки в процессе цифровизации Сочи в рамках сравнительного анализа с другими отечественными пилотными проектами исследуются в статье М. Абламейко и С. Абламейко [Абламейко, Абламейко 2018]. Однако и в этих исследованиях, проведенных социологами и экономистами, на первом плане оказались в основном социально-экономические проблемы преобразований, а не политические аспекты цифровизации. Поэтому особый интерес для политологов представляет социологическое исследование проектного центра «Инфометр», направленное на выявление степени открытости правительства и муниципальной власти как площадки для «умных городов», в рамках которого рассматриваются особенности цифровизации муниципальной власти в регионах².

В последние годы появились достаточно интересные критические исследования рисков цифровизации общественного пространства, в которых рассматриваются проблемы цифрового неравенства, недостаточной защиты конфиденциальности персональных данных, нарушение прав личности в процессе тотальной цифровизации. Среди них выделим работы Н.Н. Киселева, Н.П. Иванова, Т.С. Павлова [Кисилев и др. 2018], А.С. Кузьминой, Н.Г. Кузнецовой, Е.Е. Курьянова, М.С. Липецкой, Е.А. Римских, Е.С. Рожковой, Д.В. Санатова, С.С. Соболева, Н.А. Труновой [Кузьмина и др. 2014], А.Г. Чернышова [Чернышов 2018]. Однако эти авторы в своих исследованиях исходят из анализа в основном зарубежного опыта «умных городов», а проявленные риски при осуществлении отечественных пилотных проектов ими практически не рассматриваются. Поэтому мы обратили внимание на работы тех ученых, которые рассматривают зарубежный опыт с учетом его возможных уроков для России, среди этих исследований можно выделить труды, в которых серьезной критике подвергаются технократические проекты «умных городов» первого поколения, — это работы В.А. Куделькиной С.Ю. Верединского, Е.П. Фоминой [Куделькина и др. 2014], Е.Г. Рыбиной [Рыбина 2015].

Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на проявившийся интерес ученых к исследованию первых пилотных региональных проектов «умных городов», до сих пор нет работ, посвященных сравнительному изучению социально-политических аспектов «умного города» в регионах России, что и определило выбор темы настоящего исследования.

² Города-пилоты программы "Умный город" в нашем рейтинге // Проектный центр «Инфометр» [Электронный ресурс]. URL: <https://read.infometer.org/opencity/rating#rec57953924> (дата обращения: 23.05.2019).

Методология нашего исследования носит междисциплинарный характер, находясь на пересечении политологии, коммуникативистики, социологии и культурологи. Мы будем опираться на системный подход и структурно-функциональный анализ, чтобы исследовать социально-политическую концепцию «умного города» в трех региональных моделях как целостную систему социально-политических идей и представлений о формах и методах цифровизации общества. Использование синергетической методологии позволит увидеть точки бифуркации, вызовы и риски при использовании цифровых технологий в социуме, а также использовать концепцию самоорганизации сложных систем применительно к формированию «умного города» с опорой на синтез гуманитарных и технологических решений при цифровизации общественного пространства. Использование социокультурного анализа даст возможность увидеть роль культурных традиций при решении социально-политических проблем «умного города» и оценить их роль и значение в процессе цифровизации общественного пространства. Компаративный политический анализ позволит сравнить региональные подходы к формированию «умного города», сопоставить модели и технологии с точки зрения их эффективности. На основе результатов социологических исследований можно рассмотреть современные тенденции изменения общественного мнения по поводу цифровизации общества. Именно такая опора на междисциплинарную методологию и сравнительный анализ позволит увидеть, как формируется современная российская социально-политическая концепция «умного города», в чем ее достоинства и проблемы.

В качестве критериев сравнительного анализа были выбраны три наиболее важных социально-политических направления использования цифровых технологий в городской среде:

- 1) особенности формирования региональной концепции: основные направления социально-политического использования смарт-технологий, доступность современного спектра электронных государственных услуг для граждан, их удовлетворенность получаемыми услугами, наличие обратной связи;
- 2) развитие форм электронной демократии, использование краудсорсинговых платформ, расширение участия граждан в политике с помощью цифровых технологий, присутствие органов власти в социальных сетях, обратная связь с гражданами;

- 3) основные проблемные зоны, опасности и риски при внедрении smart-технологий в общественно-политическое пространство.

Следует отметить, что большинство российских городов сегодня отказались от технократического проекта «умный город» 1.0, делающего акцент на внедрении передовых инновационных технологий, а не на развитии человеческого капитала. Выбор был сделан в пользу концепции «умный город» 2.0, представляющей управленческий подход, позволивший сделать систему управления городом гибкой и адаптивной к человеку. При этом происходит внедрение «умных» технологий в уже сложившуюся культурно-историческую городскую среду.

Таким образом, целью строительства «умных городов» является повышение качества жизни граждан, а не гонка за изобретениями, поэтому для внедрения инновационной практики «умного города» Правительством РФ утвержден Проект цифровизации городского хозяйства в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика»³. Проект курируется министерством строительства РФ и базируется на 5 ключевых принципах:

- ориентация на человека;
- технологичность городской среды;
- повышение качества управления городскими ресурсами;
- комфортная и безопасная среда;
- акцент на экономической эффективности.

Для реализации проекта создан Национальный центр компетенции проекта «умный город», который занимается разработкой, внедрением и популяризацией технологий, оборудования, программ, направленных на повышение уровня цифровизации городского хозяйства, а также вопросами жилищной политики, городского развития и управления природными ресурсами. В проекте на сегодняшний день принимают участие 507 городов, внедряется 334 проекта. Однако, по мнению многих экспертов, в регионах России пока достаточно сложно проходит внедрение технологий «умного города». В частности, глава Удмуртии Александр Бречалов

³ Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. 2019 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).

справедливо отметил, что часто реализация проектов «умный город» сводится лишь к освоению бюджетных средств без понимания, зачем это делать и нужно ли это людям⁴.

Ученые ВШЭ провели опрос мэров российских городов и выяснили, что модель смарт-сити хотя и знакома большинству из них, но расценивается как абстракция: «Модель очень хорошая, но не для нас». Часто градоначальники считают эту модель маркетинговым ходом производителей инженерно-коммуникационных технологий — в итоге большинство мэров не спешат внедрять умные инновации. Нередко у местных властей вообще нет интереса к долгосрочным инвестициям: применение новых моделей создает много рисков⁵.

На примере городов Саров, Елабуга и Сочи мы предполагаем рассмотреть, как регионы страны используют сегодня предоставленные возможности по формированию «умных городов».

Опыт Сарова: преобразование ЗАТО в «умный город»

Город Саров находится в Нижегородской области. Во многом этот город — уникальная площадка для внедрения инновационных технологий, поскольку до сих пор он является закрытым административно-территориальным образованием на базе Федерального ядерного центра Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики. Институт имеет большую историю и опыт в инновационной деятельности, высококвалифицированные кадры. Долгое время такие закрытые города имели сверхсекретный статус, и даже сегодня попасть в Саров достаточно сложно, но при этом фактор закрытости во многом способствует быстрому развитию территории, притоку квалифицированных специалистов и повышению качества жизни горожан. Абсолютное большинство жителей Сарова — высокообразованные специалисты, умеющие креативно мыслить, открытые инновациям, поэтому здесь нет культурного барьера при внедрении смарт-технологий в общественно-политическое пространство города.

Все эти преимущества ЗАТО Саров проектировщики использовали для внедрения технологий «умного города». При этом в Сарове (в отличие от других ЗАТО) весьма эффективно решена проблема сбережения и экологичного использования энергоресурсов: на территории внедрены интеллектуальные модели управленческих энергосистем, ведется мониторинг потребления энергии и используется система

⁴ Захарова Н. РИФ-2019. «Умный город»: от теории к практике // Архитектура Сочи [Электронный ресурс]. URL: <http://arch-sochi.ru/2019/02/umnyi-gorod-ot-teorii-k-praktike/> (дата обращения: 30.08.2019).

⁵ Ильина И.Н. Почему в России сложно создавать умные города // IQ HSE [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/191493819.html> (дата обращения: 23.05.2019).

информационного моделирования энергетических объектов. Проект «умный город» был запущен здесь сравнительно недавно, в 2018 году. Его целью является формирование программного комплекса по цифровому управлению инфраструктурой города. Стратегия разработана Росатомом, в ее структуру входит многослойная карта дистанционного зондирования территории с геопривязкой объектов городской инфраструктуры, что позволяет получить полную информацию о любой возникающей проблеме, оценить ее и решить в короткий срок⁶.

Для внедрения технологий «умного города» в Сарове применили управленческую модель, в которой главным фактором является адаптивность и гибкость системы, быстрое реагирование на чрезвычайные ситуации. Еще одним немаловажным фактором является то, что здесь приоритетом стало сохранение и приумножение человеческого капитала. На территории города работает Технопарк, открыты площадки для бизнеса. Технопарк создан на основе государственно-частного партнерства, его акционерами являются три крупнейшие корпорации: ГК «Росатом», ПАО АФК «Система», ФИОП «Роснано», а также ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ». На базе Технопарка существует «Бизнес-инкубатор», в котором парк инноваций ориентирован на пять основных направлений: информационные технологии, лазерные технологии, энергоэффективные технологии, сенсоры и автоматизация, материалы и покрытия.

Внедрение технологий «умный город» в Сарове ведется в области ЖКХ, транспорта и инфраструктуры. Круглосуточная интернет-платформа [«Умный Саров»](#) осуществляет мониторинг и информирование жителей города, что позволяет оперативно решать городские проблемы. Каждый пользователь действует в рамках своей компетенции, система сама делегирует порядок действий ответственным лицам, информирует о выполнении действий контрольные органы и осуществляет обратную связь с заявителем. В рамках интернет-платформы функционируют 6 сервисов:

1) Управление городским хозяйством:

- проводит мониторинг городской среды, в режиме онлайн на интерактивной карте обозначены проблемные участки;
- управляет подведомственными службами и распределяет работы;
- осуществляет контроль за исполнением, уведомляя ответственные лица.

2) Центр управления инфраструктурой:

⁶ Опыт внедрения базовой платформы «Умный город» // Росатом. Инфраструктурные решения [Электронный ресурс]. URL: <https://rusatom-utilities.ru/city/projects/> (дата обращения: 23.09.2019).

- осуществляет биллинг территории: сбор, обработка информации, тарификация;
- действует как единая диспетчерская служба, консолидируя поток информации;
- проводит геолокацию ремонтных бригад и техобслуживание.

3) Безопасный город:

- круглосуточная система видеонаблюдения за улицей, двором;
- система противопожарной безопасности;
- реагирование на инциденты в случаях нарушения общественного порядка;
- оповещение гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций.

4) Взаимодействие с населением:

- вовлечение граждан в решение городских проблем;
- информирование населения;
- доступ к городским услугам (запись в органы госвласти, медучреждения и т.п.).

5) Телекоммуникационные сети:

- точки доступа;
- качество сигнала;
- мониторинг состояния.

6) Транспортное приложение:

- мониторинг загруженности дорог;
- контроль маршрутов и отслеживание положения общественного транспорта.

Совокупность инженерных и цифровых сервисов позволила сократить процесс устранения неполадок, сэкономить затраты на выезды, осуществить ежедневный контроль нарушения муниципальных контрактов на транспортные перевозки и несоблюдения графика перевозок. Платформа «Умный Саров» показывает также движение общественного транспорта; в политическом разделе на карте указаны адреса избирательных участков и способ связи с депутатами. Есть раздел, посвященный спорту, досугу, инфраструктуре. Платформа подразумевает открытое и закрытое пользование порталом: для жителей и должностных лиц. Через портал можно

записаться на платные и бесплатные услуги, сообщить о происшествии, вызвать коммунальные службы. «Умный Саров» работает на платформе краудсорсинга, где с помощью двусторонней связи можно вносить предложения по благоустройству города, «лайкать», комментировать.

Еще один пример краудсорсинга, введенного Росатомом в моногородах (в том числе и в Сарове), — это площадка ГСР «[Гражданин страны Росатом](#)». Платформа имеет приложение, в котором жители ЗАТО могут выдвигать предложения по обустройству территории, и в результате самые активные города, в которых проголосует более 10% населения, получают финансовую помощь на внедрение предложений. Цель платформы — активизировать деятельность населения ЗАТО, повысить лояльность к власти, снять социальное напряжение и наладить двустороннюю связь.

Однако нельзя не отметить, что в большинстве случаев предложения граждан, высказанные на интернет-платформах, администрация города вовсе не обязана принимать во внимание в процессе принятия решений, поскольку пока в нашей стране не существует правовых механизмов, закрепляющих статус мнения граждан при разработке и принятии решений в части управления городом. И решение Росатома финансировать проекты граждан, набравшие 10% голосов горожан, — это частная инициатива данной корпорации, которую надо признать весьма прогрессивной. Этот опыт важно пропагандировать в других регионах страны.

Подчеркнем также, что краудсорсинговые платформы в Сарове достаточно быстро набирают популярность, поскольку у жителей ЗАТО и раньше был опыт общения на интернет-площадках. Достаточно назвать интернет-форумы жителей «Зато чисто» и «Колочий Саров», где обсуждаются все насущные проблемы города, в том числе недочеты сервиса «Умный Саров». Среди активно обсуждаемых проблем — сбои в работе платформы, сбои в работе транспортной карты, но большинство жалоб относится к некачественному выполнению работ в сфере ЖКХ. В то же время значительная часть жителей довольна сервисом, так как их запросы были удовлетворены быстро, без лишней волокиты и звонков. Саровцы надеются, что со временем платформа начнет работать без сбоев, как и задумывалось организаторами. Однако общими проблемами, которые тревожат жителей, являются кибербезопасность, хакерские атаки, риски цифровизации общественного пространства (особенно проблема цифрового неравенства — высокой стоимости современных гаджетов для всех членов семьи при невысоком уровне жизни в маленьких городах).

Отметим также, что на сайте администрации города расположен ресурс обратной связи с властями и ссылки на работающие аккаунты в социальных сетях, где обсуждаются проблемы города, выставляются голосования. [Аккаунт Администрации города](#) в социальной сети «ВКонтакте» имеет 649 подписчиков. Однако самым посещаемым аккаунтом на сегодня является форум «Колючий Саров» с 39000 подписчиков, в среднем одновременно на сайте находятся от 200 до 800 человек. Здесь есть раздел «Колючий депутат», через который можно задать любые вопросы и высказать предложения мэру города и депутатам. Это дает возможность достаточно быстрой и эффективной обратной связи с городскими властями, что весьма ценят граждане.

Таким образом, в Сарове многие граждане достаточно активно вовлечены в процесс принятия решений по благоустройству «умного города», здесь начинает развиваться двусторонняя коммуникация с администрацией города на интерактивных городских платформах, при этом практически все граждане владеют цифровыми технологиями. Однако пока интернет-платформы в основном имеют узкую направленность — она должны решать проблемы ЖКХ, городские власти еще недостаточно активно развивают новые формы электронной демократии, хотя население здесь готово к более активному использованию цифровых технологий для решения общественно-политических проблем.

Несмотря на все отмеченные ограничения, в целом опыт Сарова на пути внедрения цифровых технологий в общественно-политическое пространство положительно оценивается современными исследователями. Многие отмечают высокую степень готовности жителей Сарова к цифровизации (по сравнению с обычными российскими провинциальными городами), подчеркивают, что Саров является удобной платформой для инноваций [Сакадынец, Файков 2007]. Все это позволяет сделать вывод о том, что в нашей стране сегодня наиболее быстро и эффективно можно сформировать «умные города» именно на платформе ЗАТО и наукоградов с высоким образовательным уровнем большинства населения. Этот путь нельзя не признать более экономичным и эффективным.

Сочи: «умный город» в южной региональной столице

Несколько иной вектор в развитии проекта «умный город» имеет Сочи: территориальное расположение и статус южной столицы России открывают здесь возможности для более амбициозных и широкомасштабных нововведений. Прошедшие в 2014 году зимние Олимпийские игры задали Сочи новое направление в развитии в

качестве международного курорта, места для проведения крупномасштабных политических и спортивных мероприятий, что добавило городу статус спортивной столицы России. Выстроенная к Олимпийским играм инфраструктура стала платформой для внедрения инновационных технологий в городскую среду. Это обеспечило динамичное развитие города, а регулярное проведение спортивных мероприятий международного и национального уровней потребовало внедрения инноваций в транспортную сферу и цифровизацию системы информирования.

Таким образом, в Сочи существуют мощные политические и экономические драйверы внедрения инновационных технологий: здесь большой ресурсный потенциал и перспективы роста в качестве региональной столицы инноваций. Стратегию развития «умного города» Сочи на период до 2030 года разработал Национальный исследовательский институт технологий и связи (НИИТС) в 2017 году⁷.

Сочинская стратегия разделена на 4 этапа:

- 1) на первом этапе, с 2018 по 2020 гг., должны быть созданы пилотные приложения и сервисы для «наиболее острых городских проблем» с целью привлечения туристов, венчурных инвестиций: автоматизация проезда и оплаты в транспорте и ЖКХ, мониторинг состояния моря и прибрежной территории, а также цифровизация школьного образования;
- 2) на втором этапе, с 2021 по 2022 гг., должны быть развернуты сервисы «Безопасный город», «Электронное правительство», «Интеллектуальная транспортная инфраструктура»;
- 3) на третьем этапе, с 2024 по 2027 гг., информационные технологии позволят городским властям в режиме обратной связи взаимодействовать с населением, отслеживать состояние дел и выявлять точки повышения качества жизни.
- 4) в период заключительного этапа проекта платформа будет модернизироваться с учетом новых технологий:
 - модернизация транспортного узла с ростом грузоперевозок и пассажиропотока;
 - развитие Сочи как мирового курорта (повышение качества услуг и развитие инфраструктуры туризма);

⁷ Стратегия развития «Умного города Сочи» на период до 2030 года // Docplayer [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/60792605-Web-sayt-strategiya-razvitiya-umnogo-goroda-sochi-na-period-do-2030-goda-sochi-g.html> (дата обращения: 30.08.2019).

- безопасный город (безопасность инфраструктурная и экологическая);
- центр инноваций (инновации и инвестиции, развитие образования).

«Умный город» для туристов включает в себя создание приложений для туристов с мониторингом экологической обстановки, наличием экстренной связи, доступом к культурному наследию, транспортную доступность, получение медицинской помощи и удобную оплату услуг. В городе запущено приложение «Мой Сочи», в котором собраны все необходимые ресурсы для туриста или жителя: вызов такси, госуслуги, общепит, билеты, такси, выставки, дельфинарий, поликлиники, новостная лента и т.п., сервис прост в использовании и работает без перебоев. Сервис «Видеоаналитика» позволяет контролировать обстановку в городе и предотвращать правонарушения, «Умное ЖКХ» и «Цифровая управляющая компания» решают вопросы коммунального хозяйства.

Однако при этом нельзя не отметить, что далеко не все жители Сочи могут воспользоваться новыми цифровыми сервисами из-за цифровой безграмотности части населения (особенно старшего возраста). Поэтому одной из актуальных проблем формирования «умного города» здесь являются разработка и осуществление специальной программы по обучению населения старшего возраста цифровым технологиям.

Хочется подчеркнуть, что сегодня городские власти планируют активное внедрение инновационных технологий в образовательную среду путем создания «Цифровой долины» как акселератора ИТ-проектов для отечественных и зарубежных компаний, а в качестве стейкхолдеров проекта предполагается привлечь таких гигантов, как Росатом, Ростелеком, Сбербанк, то есть в Сочи планируют запустить инновационный центр по типу Сколково.

Таким образом, модель «умного города» Сочи включает в себя элементы управленческого подхода, и опыт внедрения инновационных технологий в городскую среду большинством экспертов признается здесь достаточно удачным⁸. Сравнивая сочинский проект «умного города» с другими региональными проектами, многие авторы подчеркивают достаточно эффективную модель государственно-частного партнерства, в рамках которой в транспортную инфраструктуру города вложено 380 млн рублей. Транспортная сеть подразумевает введение электронной транспортной

⁸ Города-пилоты программы "Умный город" в нашем рейтинге // Проектный центр «Инфометр» [Электронный ресурс]. URL: <https://read.infometer.org/opencity/rating#rec57953924> (дата обращения: 23.05.2019).

карты, которой можно оплатить не только проезд, но и посещение музея или пляжа. Кроме того, в рамках этого проекта в городе значительно обновился транспортный парк [Абламейко, Абламейко 2018].

Сочинские нововведения не только масштабны, но при этом они уже сегодня имеют положительный результат от реализации: например, мобильное приложение «Мой Сочи» было скачено более 33 тысяч раз и в Play Маркет имеет оценку 4.3 балла. Проект «Безопасный город» сами сочинцы оценили достаточно высоко в ходе соцопроса, поскольку он позволяет через городскую систему видеонаблюдения проводить круглосуточный мониторинг городских магистралей и зданий, автоматически извещая о проблемах компетентные службы. Однако остаются проблемы с вопросами безопасности, с развитием транспортной инфраструктуры⁹. Например, жители выступили против установки системы видеонаблюдения в рамках проекта «Безопасный город» на фасадах многоквартирных домов, так как это производилось за счет средств самих жителей.

Хочется подчеркнуть, что администрация города стремится наладить двустороннюю коммуникацию с жителями через городской сайт и свою страницу в социальных сетях. Но на городских форумах (например, на форуме «ПриветСочи») можно встретить комментарии о сбоях в работе этих сервисов. Краудсорсинговая платформа пока в Сочи не действует, но ведется ее разработка по типу московского «Активного гражданина». При этом важно обратить внимание на то, что для Сочи, как и для Сарова, общими проблемами, которые тревожат жителей, стали кибербезопасность, хакерские атаки, риски цифровизации общественного пространства.

Согласно исследованию степени открытости правительства и муниципальной власти в «умных городах» России, Сочи сегодня находится на почетном 2 месте (после Нижнего Тагила) и имеет 97,97% в рейтинге из 100%¹⁰. В качестве критериев оценки использовались такие показатели, как мнение населения и негосударственных организаций, контроль за исполнением, доверие населения, планирование, экономический баланс, темпы цифровизации. Однако при этом эксперты признали главным недостатком в городе несовершенство информационной системы сайтов правительства и отсутствие быстрого доступа к ним заинтересованными лицами.

⁹ Безопаснее всего чувствуют себя жители Сочи и Грозного — Domofond.ru //Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/news/2017/06/19/694955-bezopasnee-chuvstvuyut-zhiteli-sochi-groznogo> (дата обращения: 30.08.2019).

¹⁰ Города-пилоты программы "Умный город" в нашем рейтинге // Проектный центр «Инфометр» [Электронный ресурс]. URL: <https://read.infometer.org/opacity/rating#rec57953924> (дата обращения: 23.05.2019).

Таким образом, главными проблемами формирования «умного города» в Сочи сегодня являются недостаточная открытость городской власти для граждан, слабая двусторонняя коммуникация администрации с гражданами, недостаточная вовлеченность граждан в процесс принятия городских решений из-за отсутствия здесь в настоящее время интерактивных городских платформ. На сайтах органов власти (в большинстве случаев) отсутствует информация и ссылки на различные нормативно-правовые акты, нет или недостаточно информации по различным городским программам, отсутствует возможность проведения электронных слушаний, голосования или соцопросов. Хочется надеяться, что в процессе дальнейшего формирования «умного города» Сочи эти недостатки будут устранены.

Елабуга: «умный город» в особой экономической зоне

Районный город Елабуга в Республике Татарстан стал удобной платформой для внедрения инновационных технологий в городскую среду, так как здесь много лет действует особая экономическая зона «Алабуга», находящаяся в непосредственной близости к городу. Площадка ОЭЗ предоставляет особые условия ведения бизнеса не только отечественным, но и иностранным резидентам. Богатая ресурсная база, развитая транспортная логистика, географическое расположение и наличие собственной таможенной зоны упрощают деятельность предприятий. ОЭЗ «Алабуга» управляет ключевыми инфраструктурными проектами города Елабуга, является концессионером Елабужского водоканала. Особая экономическая зона финансирует инновационные проекты, участвует в программе «Жилье и городская среда», в рамках которой планируется создать уникальный природно-ландшафтный парк. Помимо этого, ОЭЗ финансирует образовательные центры города по подготовке и переобучению взрослого населения и детей.

В перспективе «умный город» Елабуга может стать для региона точкой роста не только по производству, но и по повышению качества жизни. Многие исследователи отмечают, что особая экономическая зона «Алабуга» имеет большой ресурсный потенциал и как градообразующее предприятие должно стать драйвером развития района и республики [Гилязова, Заппарова, Мифтахетдинова 2015].

Сегодня в городе действует портал «[Открытая Елабуга](#)», который направлен в первую очередь на решение коммунальных проблем и функционирует в качестве интерактивной карты. В call-центр поступают заявки от граждан по вопросам ЖКХ или инфраструктуры, заявка отслеживается, и только при удовлетворительном качестве

работы заявка закрывается. Интернет-портал включает в себя систему контроля ЖКХ для предупреждения и быстрого реагирования на коммунальные коллапсы. Он состоит из автоматизированной диспетчерской службы, которая в круглосуточном режиме обратной связи и контроля регулирует обращение жителей.

Платформа «Открытая Елабуга» сразу набрала популярность у горожан: за две первые недели собрала более 1100 заявок, из которых 65% было успешно решено¹¹. В системе интерактивной платформы есть программа «умное освещение» и «умное теплоснабжение», контролирующая бесперебойное снабжение светом и теплом. Жители получили возможность самостоятельно осуществлять контроль за двором, автомобилями, гуляющими детьми через систему «Безопасный город» и «Безопасный двор». В перспективе администрация планирует запуск программы распознавания лиц и автомобильных номеров для предотвращения правонарушений, кроме того, решается вопрос о внедрении технологий «умного города» в образовательную среду.

Эксперты также высоко оценили работу портала: например, вице-спикер Совета Федерации, председатель Совета по развитию цифровой экономики при Совете Федерации, секретарь Генерального совета «Единой России» Андрей Турчак на панельной дискуссии Петербургского международного экономического форума, посвященной цифровому развитию регионов в рамках ПМЭФ, отметил, что в Татарстане существуют лучшие практики по работе с населением, в частности в сфере ЖКХ это «Открытая Елабуга»¹².

Елабужская платформа имеет только жилищно-коммунальную направленность, но для небольшого районного центра даже наличие собственной платформы является на сегодня большим прорывом. Однако не каждый житель может ею воспользоваться из-за цифровой безграмотности части населения (особенно старшего возраста). Сложнее адаптироваться в новой среде пожилым людям, не многие умеют пользоваться гаджетами и устанавливать программное обеспечение, поэтому переходить полностью на электронную версию государственных услуг, ЖКХ или транспорта власти пока не решаются.

¹¹ Диспетчерская служба «Открытая Елабуга» набирает популярность среди населения // ТАТАР-ИНФОРМ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/2016/03/22/496546/> (дата обращения: 30.08.2019).

¹² Рейтинг цифровизации поможет региональным властям выявить сильные и слабые стороны субъектов РФ // БОСС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bossmag.ru/news/hotnews-news/rejting-tsifrovizatsii-pomozhet-regionalnym-vlastyam-vyyavit-silnye-i-slabye-storony-subektov-rf.html> (дата обращения: 30.08.2019).

Краудсорсинговая платформа в Елабуге пока отсутствует, и система обратной связи действует только на сайте администрации как интернет-приемная главы района. В социальных сетях есть официальная новостная страница, но администрация города пока не активна в социальных сетях: городские чиновники не используют сети «Твиттер» и «Фейсбук» для обратной связи с гражданами. Таким образом, для эффективного внедрения инновационных технологий в городскую среду здесь необходимо повысить цифровую грамотность и активную гражданскую позицию населения, а также наладить эффективную двустороннюю связь руководства района с населением через современную краудсорсинговую платформу и социальные сети.

Заключение. Сравнительный анализ региональных моделей: перспективы формирования «умного города» в регионах России

В настоящее время вопросы о том, как создать российскую социально-политическую концепцию «умного города», какие принципы закладывать в организацию территории и городского хозяйства, только начинают активно обсуждаться учеными и общественностью. Наше исследование показало, что российские пилотные проекты в регионах используют разные модели формирования «умного города» с учетом особенностей территории, традиций и особенностей менталитета жителей. Было выявлено, что хорошими дополнительными социально-экономическими ресурсами для внедрения цифровых технологий в общественное пространство обладают города, находящиеся рядом с ОЭЗ (пример Елабуги), и региональные столицы (пример Сочи), которые могут стать локомотивами инновационного развития в своих регионах.

При этом хочется обратить особое внимание на то, что в нашей стране есть уникальная и весьма обширная платформа для быстрого развития умного градостроительства: это система наукоградов, в том числе ЗАТО, с прекрасными научно-исследовательскими комплексами и высококвалифицированными научными кадрами, которые можно быстрее и легче превратить в «умные города», чем строить с нуля. И пример Сарова в нашем исследовании подтверждает эту идею: в городе в самый короткий срок был осуществлен переход к технологиям «умного города», и абсолютное большинство горожан сразу же сумели ими воспользоваться.

Гораздо сложнее процесс адаптации населения к цифровым технологиям проходит в Елабуге и Сочи: здесь требуются значительные средства на обучение населения, особенно старшего возраста. Эта проблема сегодня требует своего решения практически во всех регионах, за исключением наукоградов, поскольку процент

населения пенсионного возраста растет год от года и составляет от 25 до 38% в разных городах страны¹³. Поэтому уже сейчас в регионах России необходимы специальные программы по обучению населения старшего возраста цифровым технологиям, иначе за пределами «умного города» завтра окажется почти половина россиян.

Важным условием создания «умного города» является формирование спроса на инновации внутри городской среды: со стороны гражданского общества и местных властей, муниципальных предприятий, местного бизнеса и населения. Как показало наше исследование, пока граждане в регионах очень мало вовлечены в процесс принятия решений по благоустройству «умного города», слабо развита двусторонняя коммуникация с администрацией города на интерактивных городских платформах. Городские органы власти стараются внедрять интернет-платформы, но в основном они имеют в регионах узкую направленность и решают проблемы ЖКХ, даже в Сочи пока нет краудсорсинговой платформы для сбора мнения граждан о проблемах развития города. При этом в тех случаях, когда такая краудсорсинговая платформа имеется (пример Сарова), она не гарантирует принятие во внимание мнения граждан при разработке решений городской администрацией. На сегодняшний день в России не существует правовых механизмов, закрепляющих статус мнения граждан при разработке и принятии решений в части управления городом. Поэтому эксперимент Росатома финансировать проекты граждан, набравшие 10% голосов горожан при электронном голосовании, — это важная инициатива, которая требует поддержки и распространения в других городах страны.

Согласно исследованию центра «Инфометр» по открытости правительства и муниципальной власти в «умных городах» страны и выявлению их потенциала для внедрения «умных» технологий в социально-политическое пространство, российская система власти на уровне регионов и муниципалитетов в настоящее время не готова включаться в систему «умный город», то есть становиться более открытой для населения¹⁴. На сайтах органов власти (в большинстве случаев) отсутствует информация и ссылки на различные нормативно-правовые акты, нет информации по различным программам, отсутствует возможность проведения электронных слушаний, голосования или соцопросов.

¹³ Количество пенсионеров в России по итогам 2018 года // Пенсиолог [Электронный ресурс]. URL: <https://pensiolog.ru/articles/kolichestvo-pensionerov-v-rossii/> (дата обращения: 23.05.2019).

¹⁴ Города-пилоты программы "Умный город" в нашем рейтинге // Проектный центр «Инфометр» [Электронный ресурс]. URL: <https://read.infometer.org/opencity/rating#rec57953924> (дата обращения: 23.05.2019).

Это весьма тревожная ситуация: сложился явный дисбаланс между федеральным уровнем власти, инициирующим программу «умный город», и региональными властями, исполняющими эту программу. Эксперты «Инфометра» рекомендуют прежде всего поддерживать города-лидеры в открытости к гражданам (вне зависимости от размера), а также крупные города — Казань, Волгоград, Красноярск, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, поскольку эти региональные центры с высокой долей вероятности могут стать точками роста в инновационных сферах¹⁵.

С этим трудно не согласиться: не решив проблему открытости региональной власти к диалогу с гражданским обществом, мы не дадим «умному городу» заработать в полную силу. Подчеркнем также, что сегодня абсолютное большинство экспертов главной трудностью на пути разработки концепции «умного города» считают отсутствие нормативно-правовой и нормативно-технической базы для создания таких городов, а также необходимой муниципальной статистики и социологических исследований для оценки уровня городского развития [Рыбина 2015]. Таким образом, задачу развития электронной демократии еще только предстоит решить региональной администрации «умных городов» страны, иначе нам не удастся сформировать эффективную социально-политическую концепцию «умного города» в российских регионах.

Для России сегодня принципиально важно утвердить гуманистическую концепцию «умного города», который создают «умные горожане», максимально вовлеченные в городское управление и развитие. Только благодаря людям с их разнообразными сложными запросами, сама система «умного города» может получить развитие, будут возникать новые решения, улучшающие уровень и качество жизни в городе. Для нас принципиально важно инвестировать прежде всего в человеческий капитал, а не только в «цифровые технологии». Мировой опыт свидетельствует о том, что развитые страны добиваются сегодня успехов именно благодаря развитию человеческого капитала. Технологии неизбежно устаревают, а человек развивается, идет вперед, реализуя капитализацию своих знаний, способностей и компетенций.

¹⁵ Города-пилоты программы "Умный город" в нашем рейтинге // Проектный центр «Инфометр» [Электронный ресурс]. URL: <https://read.infometer.org/opencity/rating#rec57953924> (дата обращения: 23.05.2019).

Именно поэтому стратегия инвестирования в человеческий капитал более прогрессивна, чем инвестирование в технологии [Спенс 2013, 21]

При этом важно обратить внимание на то, что для всех исследуемых нами «умных городов» общими проблемами, которые тревожат жителей, стали кибербезопасность, хакерские атаки, риски цифровизации общественного пространства. Эти проблемы сложно решить в отдельном регионе, они требуют нового уровня развития систем защиты цифровых технологий, что на сегодня является главной задачей для обеспечения безопасности «умных городов» не только в России, но и во всем мире. К сожалению, пока «умный город» недостаточно популярен среди населения: это серьезная проблема должна профессионально решаться специалистами по связям с общественностью, иначе проект не получит широкой общественной поддержки.

Большинство российских экспертов среди других серьезных препятствий на пути развития «умных городов» называют финансовые проблемы: внедрение модели «умного города» требует больших вложений, которые не предусмотрены муниципальными и региональными бюджетами. Зачастую городские власти считают, что «умные города» могут появиться в России только при целевой поддержке федерального или регионального правительства. Но мировая практика говорит о том, что даже в высокоразвитых странах «большой семерки» развитие «умного города» осуществляется прежде всего с помощью государственно-частного партнерства. И сегодня, в условиях экономического кризиса, важно сделать особый акцент на развитии механизмов государственно-частного партнерства в России, а не ждать помощи только от федеральной или региональной власти. Отечественные эксперты справедливо отмечают [Рыбина 2015], что при помощи стимулов, заложенных в методах государственно-частного партнерства, становится возможным ожидать от частного сектора использования новейших технологий, инноваций и ноу-хау, которые не доступны для государства. В рамках государственно-частного партнерства для реализации крупных инвестиционных проектов в рамках стратегии «умный город» актуальным инструментом становятся инвестиционные соглашения по комплексному развитию инфраструктуры между инвесторами, муниципальными предприятиями и органами власти.

Таким образом, для разработки концепции «умного города» необходимо использовать долгосрочное стратегическое планирование, опирающееся на механизмы государственно-частного партнерства. Важно понимать, что в экосистеме «умного

города» нет и не может быть ничего второстепенного, все взаимосвязано: сама концепция «умного города» предполагает как важнейший принцип централизацию управления и обеспечение баланса интересов различных подсистем города — социальной, инженерно-транспортной и экологической. И что самое главное — она должна служить человеку.

Российским городам сегодня важно уйти от технократического подхода к решению проблем «умного города», который и не эффективен, и не понятен гражданам. «Умный город» не должен быть кулуарно созданной концепцией городских чиновников; напротив, это должен быть общественно-значимый проект в интересах граждан. Сегодня у российских мегаполисов есть все возможности, чтобы перейти к более современной и прогрессивной концепции «умного города», в центре которой — развитие человеческого капитала. И тогда ее обязательно поддержит российское общество.

Список литературы:

- Абламейко М., Абламейко С.* «Умный город»: от теории к практике // Наука и инновации. 2018. № 6(184). С. 28–34.
- Гилязова А., Заптарова З., Мифтахетдинова З.* Кластерная политика и ее роль в специализации экономики региона на примере Республики Татарстан // Дискуссия. 2015. № 9(61). С. 26–30.
- Евстафьева А., Туйчиной Ю.* Влияние особых экономических зон на развитие региона (на примере ОЭЗ ППТ «Алабуга») // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 33–36.
- Киселев Н.Н., Иванов Н.П., Павлов Т.С.* Инновационные города как новые формы пространственного роста // Вестник экспертного совета. 2018. № 1–2(12–13). С. 25–30.
- Куделькин В.А., Верединский С.Ю., Фомин Е.П.* Создание «умного города». Самара: Изд-во Самарского гос. эконом. Университета, 2014.
- Кузьмина А.С., Кузнецова Н.Г., Курьянов Е.Е., Липецкая М.С., Римских Е.А., Рожкова Е.С. Санатов Д.В., Соболев С.С., Трунова Н.А.* Приоритетные направления внедрения «умного города» в российских городах. Экспертно-аналитический доклад. М: Центр стратегических разработок, 2018.
- Пахомов Е.В.* Технологическая основа умного города // Инженерный вестник Дона. 2017. № 3.
URL: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_110_Pakhomov2.pdf_5d5b6fb13d.pdf
(дата обращения: 12.09.2019).

Рыбина Е.Г. Организационные и экономические методы развития «умных городов // Управление экономическими системами. Электронный журнал. 2015. № 3. URL: <http://uecs.ru/uecs-82-822015/item/3771-2015-10-24-06-33-26> (дата обращения: 12.06.2019).

Сакадынец Е.А., Файков Д.Ю. Инновационные возможности закрытых административно-территориальных образований (на примере Сарова Нижегородской области) // Инновации. 2008. № 9(119). С. 74–77.

Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Трифонов Ю., Ширяева Ю., Веретенникова А. Развитие технопарка «Саров» и его влияние на экономику региона // Журнал Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. Институт исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка. 2012. № 3. С. 123–126.

Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. № 5. С. 13–20.

Дата поступления: 12.09.2019

Vasilenko I.A., Egorova A. N.

Development of Socio-Political Concept of “Smart City” in Russian Regions (Cases of Sarov, Elabuga, Sochi)

Irina A. Vasilenko — DSc (Political Sciences), Professor, Department of Russian policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: vasilenko.irina@mail.ru

Aigul N. Egorova — postgraduate student, Department of Russian policy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: peggy28@mail.ru

Abstract

The paper gives an outline of the key features of the socio-political "smart city" concept development in Russian regions on the example of Sarov, Elabuga and Sochi. The importance of the research topic is related to the modern political course of Russia on the construction of digital economy and the formation of “smart cities”, that puts on demand the development of an up-to-date sociopolitical concept aimed at improving the quality of citizens living and introduction of new forms of electronic democracy in Russian society. The main purpose of the study is to accumulate the experience of the advanced regional pilot projects and give a critical scientific analysis of the achievements and problems of public space digitalization, which could help the regional authorities to avoid some mistakes and see the new possibilities for solving the socio-political problems of the “smart city”. The research is based on interdisciplinary approach combining the methodology of political science, communication, sociology and cultural studies. The authors come to the conclusion that the most effective model in the regions could be transformation of “science cities” (Naukogrady in Russian) and “closed towns” into “smart cities”, which is actually represented in the town of Sarov where the majority of the population are highly educated specialists who are well acquainted with digital technologies. It also is shown that cities located next to the special economic zones (the example of Elabuga) and regional capitals (the example of Sochi) can become locomotives of innovative development in their regions and have good additional socio-economic resources for introducing digital technologies into public space. Among the risks of digitalization in the

regions are low digital literacy of the population, insufficient willingness of regional authorities to use digital technologies for the development of e-democracy, lack of a legal framework that reinforces the status of citizens' opinions in the development and adoption of urban decisions, and insufficient protection of electronic resources from hackers. The authors conclude that it is strategically important for Russian cities to introduce a humanistic concept of a "smart city" created by smart citizens who are closely involved in the process governance: it means investing more in human capital development and not only in digital technologies.

Keywords

"Smart city", innovations, smart technologies, digitalization, Russian regions.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10024

References:

- Ablameyko M., Ablameyko S. (2018) "Smart City": From Theory to Practice. *Nauka i innovatsii*. No. 6(184). P. 28–34.
- Gilyazova A., Zapparova Z., Miftakhetdinova Z. (2015) Cluster Policy and its Role in Region's Economy Specialization. *Diskussiya*. No. 9(61). P. 26–30.
- Evstafieva A., Tuychina Yu. (2011) The Impact of Special Economic Zone on Region Development (As Exemplified by Industrial Production Special Economic Zone "ALABUGA"). *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. No. 1. P. 33–35.
- Kiselev N.N., Ivanov N.P., Pavlov T.S. (2018) Innovative Cities as New Forms of Spatial Growth. *Vestnik ekspertnogo soveta*. No. 1–2(12–13) P. 25–30.
- Kudel'kin V.A., Veredinskiy S.Yu., Fomin E.P. (2014) *Sozdaniye «umnogo goroda»* [Creating a "smart city"]. Samara: Izd-vo Samarskogo gos. ekonom. universiteta.
- Kuz'mina A.S., Kuznetsova N.G., Kur'yanov E.E., Lipetskaya M.S., Rimskikh E.A., Rozhkova E.S. Sanatov D.V., Sobolev S.S., Trunova N.A. (2018) *Prioritetnyye napravleniya vnedreniya «umnogo goroda» v rossiyskikh gorodakh*. Ekspertno-analiticheskiy doklad. [Priority areas for implementing "smart city" in Russian cities] Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok.
- Pakhomov E.V. (2017) Tekhnologicheskaya osnova umnogo goroda [Technological basis of a "smart city"]. *Inzhenernyy vestnik Dona*. No. 3. Available: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_110_Pakhomov2.pdf_5d5b6fb13d.pdf (accessed: 12.09.2019).
- Rybina E.G. (2015) Organizational and Economic Methods for Development of "Smart Cities". *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami. Elektronnyy zhurnal*. No. 3. Available: <http://uecs.ru/uecs-82-822015/item/3771-2015-10-24-06-33-26> (accessed: 12.06.2019).

Sakadynets E.A., Faykov D.Yu. (2008) Innovative Features of Closed Administrative-Territorial Formations (For Example, Sarov, Nizhny Novgorod Region). *Innovatsii*. No. 9(119). P. 74–77.

Spens M. (2013) *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.

Veretennikova A., Trifonov Yu., Shiryayeva Yu. (2012) Razvitiye tekhnoparka «Sarov» i ego vliyaniye na ekonomiku regiona [Development of Technopark "Sarov" and its impact on the economy of the region] *Zhurnal Risk: resursy, informatsiya, snabzheniye, konkurentsia. Institut issledovaniya tovarodvizheniya i kon'yunktury optovogo rynka*. No. 3. P. 123–126.

Chernyshov A.G. (2018) Strategy and Philosophy of Digitalization. *Vlast'*. No. 5. P. 13–20.

Received: 12.09.2019

Лapidус Л.В., Леонтьева Л.С., Гостилович А.О.

Минимальная цифровая корзина российских регионов для трансформации промышленности

Лapidус Лариса Владимировна — доктор экономических наук, профессор, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: infodilemma@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [2574-5420](#)

Леонтьева Лидия Сергеевна — доктор экономических наук, профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Leontieva@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [6508-6503](#)

Гостилович Александр Олегович — аспирант, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: gostaleks@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [8130-0979](#)

Аннотация

Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена неизбежностью цифровой трансформации хозяйственной деятельности предприятий, отраслевых комплексов, регионов и экономики в целом, что связано с новым технологическим сдвигом и нарастающей конкурентной борьбой стран за рынки технологий Индустрии 4.0. Для России актуальной задачей является обоснование зон цифровой трансформации промышленности и выявление ее оптимальной траектории с учетом целей и задач государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», фундаментальным условием для успешного решения которой является преодоление цифрового неравенства между регионами РФ. В контексте этой проблемы целесообразно рассмотреть «минимальную цифровую корзину российских регионов», ранее предложенную профессорами Л.В. Лapidус и Л.С. Леонтьевой, как основу для выравнивания существующих диспропорций в технологической готовности регионов к цифровой трансформации промышленности.

Целью настоящего исследования является анализ регионального цифрового разрыва (digital divide, digital gap) и выявление корреляции между состоянием отдельных процессов трансформации промышленности и уровнем технологической готовности региона к цифровизации. Для достижения поставленной цели используются актуальные эмпирические и статистические данные, характеризующие трансформацию промышленности и цифровизацию регионов РФ. Исследуемая эмпирическая и статистическая информация была обработана методами качественного и количественного анализа, корреляционного анализа, результаты которого были синтезированы в рекомендации авторов по развитию методик составления рейтингов цифровизации регионов и экстраполяции практических выводов с использованием сущности понятия «минимальная цифровая корзина российских регионов».

Ключевые слова

Минимальная цифровая корзина, цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровизация регионов, трансформация промышленности.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10025

Введение

Современная Россия переживает процесс цифровизации, для которой необходима расстановка приоритетов в управлении созданием центров компетенций цифровых технологий и трансформаций в регионах, что должно способствовать достижению целевых показателей развития промышленности и экономики страны. Под

цифровизацией понимается использование возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий всеми участниками экономической системы, от отдельных людей до крупных компаний и государств, она является необходимым условием сохранения конкурентоспособности для всех стран мира [Лapidус 2018].

Трансформация промышленности РФ происходит в условиях активной государственной поддержки. Основным регулирующим нормативным актом в этой сфере является Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ, одной из целей которого является формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития¹. Данная цель подразумевает широкое внедрение цифровых технологий во все области деятельности промышленного предприятия с ориентацией на построение экосистем. В определённой степени трансформацию промышленности затрагивает Указ Президента «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», где одним из основных направлений развития российских информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) назван Интернет вещей и индустриальный Интернет, отмечается роль развития технологий сбора и анализа больших данных, накапливаемых промышленными объектами². Промышленный Интернет, новые производственные технологии, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи в рамках Программы «Цифровая экономика Российской Федерации» определены как основные сквозные цифровые технологии³.

В РФ действует несколько отраслевых государственных программ, развивающих конкретные сегменты промышленности⁴: государственная программа «Развитие оборонно-промышленного комплекса», государственная программа «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы» и т.п., а также

¹ Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 N 488-ФЗ // Портал ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70833138/1b93c134b90c6071b4dc3f495464b753/> (дата обращения: 07.10.2019).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения: 07.10.2019).

³ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р) // Сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 07.10.2019).

⁴ Государственные программы // Сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (дата обращения: 07.10.2019).

государственные программы общего характера: государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» и государственная программа «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности». В целевые индикаторы и показатели рассматриваемых государственных программ входят: прирост высокопроизводительных рабочих мест по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» в процентах к предыдущему году⁵; доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций (процентов); численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей (млн человек)⁶. Природа и сущность данных индикаторов были учтены для анализа при решении проблемы цифровизации российских регионов и выявления цифрового разрыва между ними.

Обзор литературы

Первые научные труды, посвященные изучению проблемы цифрового разрыва, были в основном направлены на исследование условий доступа граждан к информационным технологиям в рамках определённого региона [Riggins, Dewan 2005]. Такой подход был полезен для описания социального и технологического неравенства, но он давал упрощенные и неточные результаты, релевантные для некоторых территорий с готовой инфраструктурой ИКТ. И если учесть, что проникновение в хозяйственную деятельность Интернета и широкополосной связи уменьшается с физическим увеличением размеров территорий регионов [Cruz-Jesus et al. 2012; Eastin et al. 2015], то сохраняется проблема изучения цифровизации для больших территорий, таких как США, Канада или Австралия, где доступ к надежным и быстрым цифровым соединениям испытывает периодические сбои [Freeman et al. 2016]. Территория Российской Федерации является в этом отношении еще более сложной для обеспечения надежной работы ИКТ и качества связи.

⁵ Паспорт государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (Утверждена постановлением Правительства от 15 апреля 2014 года № 328) // Сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/862/events/> (дата обращения: 07.10.2019).

⁶ Паспорт государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (Утверждена постановлением Правительства от 15 апреля 2014 года № 316) // Сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/823/events/> (дата обращения: 07.10.2019).

Проблема территориальной протяженности дала начало анализу второго уровня цифрового разрыва на основе типов использования ИКТ, что подразумевает исследование не просто факта использования Интернета и ИКТ, но и функциональных областей хозяйственных отношений, которые они упрощают [Scheerder et al. 2017]. В настоящее время некоторые ученые, например профессор Университета в Твине (Нидерланды) Ван Деурсен (Van Deursen), говорят о третьем уровне анализа цифрового разрыва, который фокусируется на полезных результатах использования Интернета и ИКТ, давая понять, что разрыв возникает в случае, когда, несмотря на доступ и частое и широкое использование ИКТ, это не приводит к выгодным социально-экономическим результатам [Van Deursen et al. 2015].

Из-за специфики статистических показателей, которые используются для измерения цифровой экономики в РФ, а также с учетом протяженности ее территорий в данной статье будут использоваться принципы второго уровня анализа цифрового разрыва.

Рассмотрим несколько принятых подходов к изучению цифровой трансформации. Подход, используемый исследователями Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) Флавио Калвино и др. [Calvino et al. 2018], начинается с двух предпосылок: во-первых, цифровая трансформация, или цифровизация, представляет собой сложное явление, которое трудно измерить одним индикатором; во-вторых, цифровые технологии неодинаково влияют на различные сферы деятельности. Как отмечается авторами исследования, в этом контексте целесообразно разработать различные группы индикаторов цифровой трансформации в различных экономических секторах, нацеленные на внедрение цифровых технологий:

- технологическая компонента (использование доли материальных и нематериальных инвестиций в ИКТ и доли промежуточных закупок товаров и услуг ИКТ);
- потребность в человеческом капитале (с акцентом на долю специалистов по ИКТ в общей численности занятых);
- трансформация рынков (в зависимости от доли оборота от онлайн-продаж);
- уровень автоматизации (с использованием количества роботов на сотни сотрудников).

На основании вышеперечисленных групп индикаторов исследователи Дирекции по науке, технологиям и инновациям ОЭСР предлагают использовать интегральный показатель, который обобщает результаты по различным аспектам цифровой трансформации [Ibid., 8].

Научный интерес представляет исследование ОЭСР 2019 года «Динамика бизнеса и диджитализация», направленное на выявление зависимостей между цифровизацией и успешностью бизнеса [Calvino, Criscuolo 2019]. В данной работе анализируется роль цифровой трансформации для динамики развития бизнеса в разных странах. Анализ объединяет уникальные нормированные данные о динамике развития бизнеса для 15 стран с большим разнообразием цифровых технологий, которые учитывают различные аспекты цифровой трансформации. В рамках исследования были сделаны два ключевых вывода о цифровизации: (1) сектора экономики, основанные на ИКТ, особенно сектор услуг, в среднем более динамичны, чем другие секторы экономики, что объясняется возможностями цифровых технологий снижать входные барьеры и облегчать процессы перераспределения; (2) динамика развития бизнеса снижается в секторах экономики, основанных на ИКТ, в большей степени, чем в других секторах, особенно после 2001 года, что соответствует общему тренду динамики развития цифровых технологий, который характерен для других инновационных секторов экономики [Ibid., 6].

Важным результатом рассматриваемого анализа является то, что движущие силы, основанные на развитии технологий, по мнению авторов, объясняют около 40% наблюдаемой динамики развития бизнеса. Тем не менее значительные различия между странами по-прежнему сохраняются и связаны с институциональными и политическими факторами. Анализ исследователей ОЭСР связывает различные рычаги государственного управления с важными факторами динамики развития бизнеса в этих секторах. Результаты исследования указывают на шесть ключевых областей государственного управления, которые могут помочь обеспечить положительную динамику развития бизнеса в интенсивных цифровых секторах [Ibid., 6]:

- содействие образованию и обучению, что связано с деятельностью и качеством предпринимателей, особенно в быстро меняющихся условиях;
- облегчение доступа к финансированию для новых предприятий, особенно венчурного капитала на начальном этапе;
- стимулирование потенциальной отдачи от предпринимательства;

- снижение нормативных барьеров для входа и административного бремени для стартапов;
- обеспечение равных условий игры, таких как эффективное соблюдение контрактов и бизнес-регламентов;
- следует избегать чрезмерных затрат на эксперименты и неудачи, в частности неэффективные процедуры банкротства.

Особенности описанных подходов к изучению цифрового развития и цифровой трансформации были учтены в данной статье для составления методологии исследования.

Методология и результаты исследования

В рамках Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» был создан [Фонд развития промышленности](#) (ФРП), который стал эффективным государственным инструментом поддержки трансформации промышленных предприятий. Анализ заявок в ФРП из всех субъектов РФ, поданных с декабря 2014 года по апрель 2019 года, показал, что от общего числа заявленных проектов проекты, связанные с цифровой трансформацией, составляют 8%, общая сумма — порядка 75 млрд рублей (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Динамика заявок на проекты в ФРП с 2015–2018 годы⁷

⁷ Источник: Гостилевич А.О. Презентация доклада на научно-практической конференции «Региональное измерение цифровой трансформации» // Сайт Национального центра цифровой экономики МГУ [Электронный ресурс]. URL: https://digital.msu.ru/wp-content/uploads/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_23_04.pdf (дата обращения: 07.10.2019).

Лидерами по числу проектов в сфере цифровой трансформации являются Центральный федеральный округ (ЦФО), Приволжский федеральный округ (ПФО) и Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) (см. Рисунок 2).

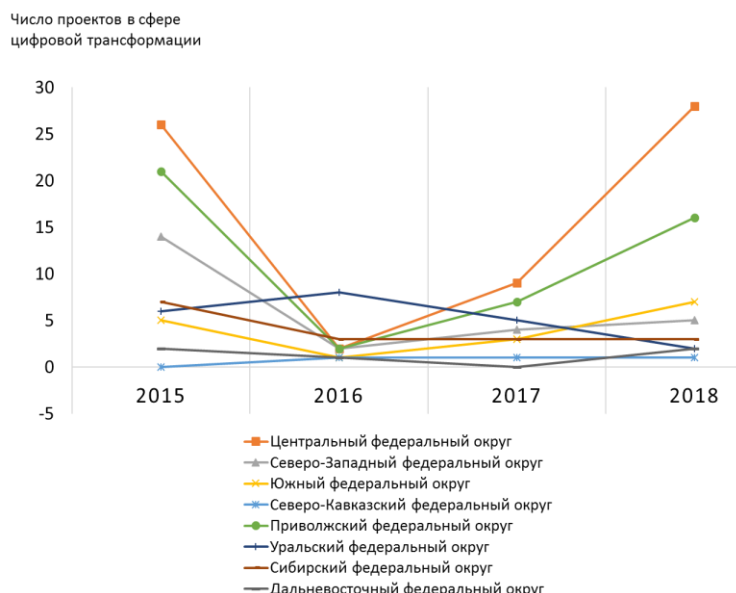
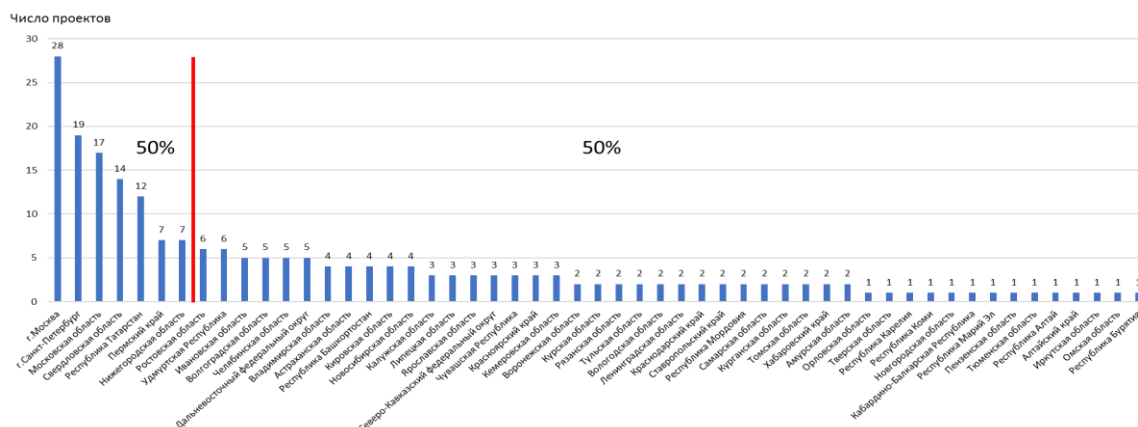

Рисунок 2. Динамика заявок на проекты в сфере цифровой трансформации по федеральным округам⁸

В период с 2015 по 2016 гг. произошло снижение доли проектов в сфере цифровой трансформации к общему числу проектов с 8% до 5%, но уже в 2017 году этот показатель был на уровне 6%, и к 2018 году произошел рост до 12%. С 2016 года в регионах ЦФО, ПФО, СЗФО и Южного федерального округа (ЮФО) происходит устойчивый рост числа проектов в сфере цифровой трансформации, в Уральском федеральном округе (УФО) происходит снижение соответствующего показателя. Проекты в сфере цифровой трансформации связаны с созданием цифровых платформ для управления инфраструктурой, внедрением клиент-сервисных платформ для поддержки принятия решений по управлению изменениями в производственных системах, созданием комплексных информационных систем мониторинга состояния производственного оборудования, цифровизацией производственных процессов с целью повышения эффективности производства и совершенствования бизнес-процессов, внедрением ERP систем и т.п.

⁸ Источник: Гостилевич А.О. Презентация доклада на научно-практической конференции «Региональное измерение цифровой трансформации» // Сайт Национального центра цифровой экономики МГУ [Электронный ресурс]. URL: https://digital.msu.ru/wp-content/uploads/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_23_04.pdf (дата обращения: 07.10.2019).

Таким образом, с 2015 года по 2018 год произошло увеличение доли проектов в сфере цифровой трансформации в 1,5 раза, в то же время цифровая трансформация происходит неравномерно среди субъектов РФ [Гостилович 2019].

9 Источник: *Гостилевич А.О.* Презентация доклада на научно-практической конференции «Региональное измерение цифровой трансформации» // Сайт Национального центра цифровой экономики МГУ [Электронный ресурс]. URL: https://digital.msu.ru/wp-content/uploads/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_23_04.pdf (дата обращения: 07.10.2019).

219

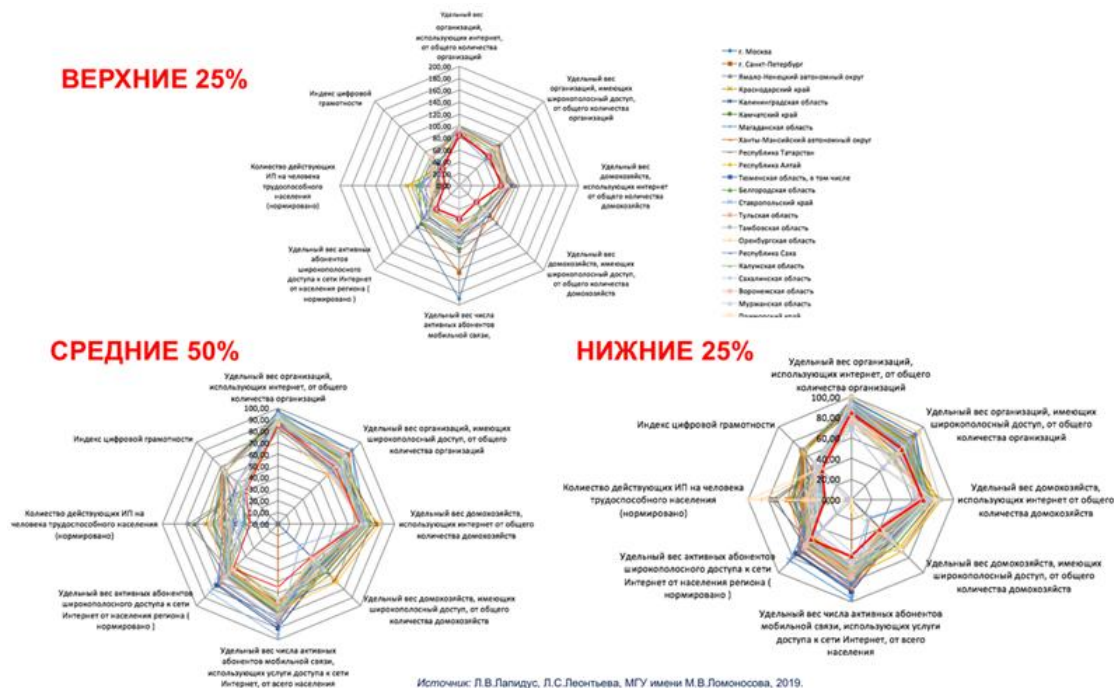

Рисунок 4. Цифровое неравенство регионов РФ¹¹

Среди критериев были выбраны следующие:

- индекс цифровой грамотности;
- удельный вес организаций, использующих Интернет, от общего количества организаций;
- удельный вес организаций, имеющих широкополосный доступ, от общего количества организаций;
- удельный вес домохозяйств, использующих Интернет, от общего количества домохозяйств;
- удельный вес домохозяйств, имеющих широкополосный доступ, от общего количества домохозяйств;
- удельный вес числа активных абонентов мобильной связи, использующих услуги доступа к сети Интернет, от всего населения;
- удельный вес числа активных абонентов широкополосного доступа к сети Интернет от населения региона (нормировано);
- количество действующих ИП на человека трудоспособного населения (нормировано).

¹¹ Источник: [Лапидус, Леонтьева 2019, 18–20].

Для оценки степени цифровизации регионов в настоящем исследовании используются три нормированных интегральных субиндекса: использование Интернета в организациях, использование Интернета в домохозяйствах, использование Интернета физическими лицами (ФЛ) и юридическими лицами (ЮЛ). Субиндекс «использование Интернета в организациях» рассчитывался как среднее значение нормированных показателей, характеризующих процент организаций, использующих Интернет и широкополосный доступ в Интернет. Субиндекс «использование Интернета в домохозяйствах» был вычислен как среднее значение нормированных показателей, характеризующих процент домохозяйств, использующих Интернет и широкополосный доступ в Интернет. Субиндекс «использование Интернета ФЛ и ЮЛ» был рассчитан как среднее значение следующих нормированных показателей: число подключенных абонентских устройств на 1000 человек; число активных абонентов мобильной связи, использующих услуги доступа к сети Интернет на 1000 человек; число активных абонентов мобильной связи, использующих услуги доступа к сети Интернет на 1000 человек; число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек; число активных абонентов мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на 100 человек.

Таким образом, для расчета интегрального индекса для оценки цифровизации регионов использовались три субиндекса, основанных на девяти нормированных показателях, характеризующих проникновение цифровых технологий в хозяйственную деятельность (см. Таблица 1, Таблица 2, Таблица 3).

Таблица 1. Верхние 25% российских регионов по уровню цифровизации¹²

	Использование Интернета в организациях	Использование Интернета в домохозяйствах	Использование Интернета ФЛ и ЮЛ	Интегральный индекс
г. Москва	0.983	0.798	0.943	0.908
г. Санкт-Петербург	0.931	0.990	0.752	0.891
Республика Татарстан	0.909	0.899	0.593	0.800
Тюменская область	0.594	0.928	0.587	0.703
Оренбургская область	0.845	0.781	0.459	0.695
Республика Ингушетия	0.989	0.714	0.332	0.678
Мурманская область	0.663	0.812	0.514	0.663
Ставропольский край	0.892	0.617	0.466	0.658
Воронежская область	0.880	0.660	0.428	0.656
Калининградская область	0.778	0.666	0.518	0.654
Республика Крым	0.977	0.803	0.173	0.651
Краснодарский край	0.688	0.636	0.623	0.649
Магаданская область	0.595	0.749	0.548	0.630
Республика Башкортостан	0.785	0.629	0.477	0.630
Сахалинская область	0.725	0.666	0.493	0.628
Республика Карелия	0.782	0.650	0.436	0.623
Республика Алтай	0.829	0.622	0.406	0.619
Карачаево-Черкесская Республика	0.681	0.816	0.359	0.619
Астраханская область	0.710	0.653	0.442	0.602
Хабаровский край	0.751	0.570	0.481	0.600

Таблица 2. Средние 50% российских регионов по уровню цифровизации¹³

	Использование Интернета в организациях	Использование Интернета в домохозяйствах	Использование Интернета ФЛ и ЮЛ	Интегральный индекс
Белгородская область	0.800	0.567	0.424	0.597
Нижегородская область	0.889	0.402	0.494	0.595
Республика Северная Осетия — Алания	0.357	0.984	0.442	0.595
Московская область	0.670	0.885	0.200	0.585
Республика Коми	0.651	0.646	0.457	0.585
Камчатский край	0.658	0.561	0.534	0.584
Калужская область	0.788	0.523	0.440	0.584
Приморский край	0.546	0.694	0.503	0.581
Тульская область	0.591	0.801	0.351	0.581
Республика Саха (Якутия)	0.474	0.758	0.510	0.580
Тамбовская область	0.871	0.601	0.265	0.579
Ленинградская область	0.907	0.534	0.284	0.575
Кабардино- Балкарская Республика	0.501	0.774	0.431	0.569
Ростовская область	0.444	0.741	0.506	0.564

¹² Составлено авторами.

¹³ Составлено авторами.

Республика Адыгея	0.752	0.599	0.336	0.562
Смоленская область	0.790	0.431	0.442	0.554
Свердловская область	0.738	0.453	0.463	0.551
Новгородская область	0.796	0.442	0.384	0.541
Республика Тыва	0.327	0.942	0.350	0.540
Липецкая область	0.811	0.383	0.421	0.539
Челябинская область	0.613	0.538	0.446	0.532
Пензенская область	0.724	0.462	0.403	0.530
Амурская область	0.556	0.565	0.462	0.527
Вологодская область	0.772	0.398	0.401	0.524
Владимирская область	0.702	0.453	0.409	0.521
Красноярский край	0.648	0.432	0.468	0.516
Республика Калмыкия	0.476	0.627	0.420	0.508
Брянская область	0.801	0.322	0.391	0.505
Ивановская область	0.780	0.286	0.439	0.501
Архангельская область	0.646	0.432	0.423	0.501
Чукотский автономный округ	0.672	0.288	0.533	0.498
Рязанская область	0.748	0.334	0.387	0.490
Удмуртская Республика	0.578	0.485	0.403	0.489
Пермский край	0.658	0.397	0.411	0.489
Республика Марий Эл	0.536	0.473	0.447	0.486
Курская область	0.503	0.516	0.426	0.482
Орловская область	0.712	0.348	0.382	0.481
Омская область	0.326	0.645	0.441	0.471
Иркутская область	0.581	0.357	0.473	0.471
Самарская область	0.244	0.639	0.516	0.466
Псковская область	0.666	0.320	0.407	0.464

Таблица 3. Нижние 25% российских регионов по уровню цифровизации¹⁴

	Использование Интернета в организациях	Использование Интернета в домохозяйствах	Использование Интернета ФЛ и ЮЛ	Интегральный индекс
Алтайский край	0.582	0.366	0.424	0.457
Тверская область	0.488	0.426	0.453	0.456
Волгоградская область	0.302	0.610	0.450	0.454
Еврейская автономная область	0.478	0.530	0.348	0.452
Кемеровская область	0.507	0.429	0.414	0.450
Костромская область	0.525	0.407	0.408	0.447
Чувашская Республика	0.723	0.229	0.386	0.446
Ярославская область	0.790	0.252	0.294	0.445
Новосибирская область	0.371	0.464	0.484	0.439
Чеченская Республика	0.781	0.246	0.280	0.436
Забайкальский край	0.677	0.291	0.328	0.432

¹⁴ Составлено авторами.

Саратовская область	0.301	0.532	0.456	0.429
Республика Бурятия	0.220	0.660	0.409	0.429
Республика Хакасия	0.466	0.339	0.455	0.420
Ульяновская область	0.606	0.205	0.350	0.387
Кировская область	0.630	0.145	0.373	0.383
Томская область	0.269	0.400	0.431	0.366
г. Севастополь	0.008	0.847	0.156	0.337
Республика Мордовия	0.377	0.238	0.330	0.315
Республика Дагестан	0.000	0.566	0.353	0.307
Курганская область	0.291	0.274	0.331	0.299

Для достижения цели данной статьи был проведен корреляционный анализ между количеством заявок в сфере цифровой трансформации и интегральным индексом цифровизации регионов. Расчеты показали, что коэффициент корреляции Пирсона равен 0.59, что говорит о корреляции средней силы и свидетельствует о наличии определенной взаимосвязи между трансформацией промышленности и уровнем цифровизации соответствующего региона.

Заключение

Профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Л.В. Лapidус и Л.С. Леонтьева в 2019 году предложили ввести понятие «минимальная цифровая корзина российских регионов» и учитывать его при составлении национального рейтинга цифровизации российских регионов [Лapidус, Леонтьева 2019]. Достижение такой цифровой корзины ориентировано на создание фундамента для более быстрого развития регионов в условиях цифровизации и направлено на снятие цифрового неравенства между регионами. Минимальная цифровая корзина российских регионов включает в себя минимальный набор индикаторов развития цифровой экономики, которые должны характеризовать:

- инфраструктурную технологическую готовность,
- доступность электронных услуг для населения,
- условия для повышения цифровой грамотности населения,
- готовность населения потреблять электронные услуги и противодействовать кибермошенникам и др.,
- участие граждан в предпринимательской деятельности с использованием сети Интернет,
- доступность взаимодействия граждан с органами власти через краудсорсинговые цифровые платформы типа «Активный гражданин» и «Добродел».

Независимая оценка на регулярной основе, например один раз в шесть месяцев, состояния минимальной региональной цифровой корзины позволит:

- 1) выявить барьеры на пути к созданию условий для успешной реализации стратегии цифровой трансформации;
- 2) выявить регионы с опережающим развитием (имеющие перспективные проекты и разработки);
- 3) выявить регионы–чемпионы (цифровых лидеров), имеющие результаты по реализации высокотехнологичных проектов с высоким экспортным потенциалом.

Таким образом, в данной статье были проанализированы эмпирические и статистические данные, характеризующие цифровую трансформацию промышленности, процессы цифровизации в регионах РФ и цифровой разрыв между ними. По авторской методике был рассчитан интегральный индекс цифровизации регионов, который состоит из трех субиндексов, вместе охватывающих девять нормированных характеристик цифровой экономики; определена степень корреляционной зависимости между состоянием отдельных процессов трансформации промышленности и уровнем технологической готовности региона к цифровизации. Анализ результатов исследования данной статьи продемонстрировал проблему цифрового неравенства российских регионов и позволил предложить использование нового термина «минимальная цифровая корзина российских регионов», который позволит выявить разрывы между регионами и создать минимальные условия и оценивать потенциал для дальнейшей цифровой трансформации промышленности, что, в свою очередь, будет способствовать построению экосистемы цифровой экономики России. Минимальная цифровая корзина российских регионов также может быть интегрирована в новую методику оценки цифровизации регионов и составления рейтингов, которые помогут сохранить уникальность каждого российского региона.

Список литературы:

Гостилович А.О. Высокотехнологичные проекты субъектов Российской Федерации // Ломоносовские чтения 2019. Цифровая трансформация для укрепления экономического потенциала страны и улучшения качества жизни людей / Под ред. Л.В. Лapidус. М.: Научно-образовательный центр компетенций в области цифровой экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. С. 25–27.

Ланидус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: монография. М.: ИНФРА-М, 2018.

Ланидус Л.В., Леонтьева Л.С. Минимальная цифровая корзина российских регионов // Ломоносовские чтения 2019. Цифровая трансформация для укрепления экономического потенциала страны и улучшения качества жизни людей / Под ред. Л.В. Ланидус. М.: Научно-образовательный центр компетенций в области цифровой экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. С. 18–20.

Calvino F., Criscuolo C. Business Dynamics and Digitalization // OECD Science, Technology and Industry Policy Papers. 2019. No. 62. DOI: <https://doi.org/10.1787/6e0b011a-en>.

Calvino F., Criscuolo C., Marcolin L., Squicciarini M. A Taxonomy of Digital Intensive Sectors // OECD Science, Technology and Industry Working Paper. 2018. No. 2018/14. DOI: <https://doi.org/10.1787/f404736a-en>.

Cruz-Jesus F., Oliveira T., Bacao F. Digital Divide Across the European Union // Information & Management. 2012. Vol. 49(6). P. 278–291. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.im.2012.09.003>.

Eastin M.S., Cicchirillo V., Mabry A. Extending the Digital Divide Conversation: Examining the Knowledge Gap through Media Expectancies // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2015. Vol. 59(3). P. 416–437. DOI: <https://doi.org/10.1080/08838151.2015.1054994>.

Freeman J., Park S., Middleton C., Allen M. The Importance of Broadband for Socio-Economic Development: A Perspective from Rural Australia // Australasian Journal of Information Systems. 2016. Vol. 20. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3127/ajis.v20i0.1192>.

Riggins F.J., Dewan S. The Digital Divide: Current and Future Research Directions // Journal of Association for Information Systems. 2005. Vol. 6. Is. 12. DOI: [10.17705/1jais.00074](https://doi.org/10.17705/1jais.00074).

Scheerder A., Van Deursen A., Van Dijk J. Determinants of Internet Skills Uses and Outcomes. A Systematic Review of the Second-And Third-Level Digital Divide // Telematics and Informatics. 2017. Vol. 34. Is. 8. P. 1607–1624. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.07.007>.

Van Deursen A.J., Van Dijk J.A., Peter M. Increasing Inequalities in What We Do Online: A Longitudinal Cross-Sectional Analysis of Internet Activities Among the Dutch Population (2010 To 2013) Over Gender, Age, Education, and Income // Telematics and Informatics. 2015. Vol. 32. Is. 2. P. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2014.09.003>.

Дата поступления: 07.10.2019

Lapidus L.V., Leontieva L.S., Gostilovich A.O.

Minimum Digital Basket of Russian Regions for Industrial Transformation

Larisa V. Lapidus — DSc (Economics), Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: infodilemma@yandex.ru

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics), Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Leontieva@spa.msu.ru

Aleksandr O. Gostilovich — postgraduate student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: gostaleks@mail.ru

Abstract

The problem considered in the article is relevant due to inevitability of digital transformation of such economic activities as enterprises, industrial complexes, regions and the economy as a whole, which is associated with a new technological shift and increasing competition among countries for the technology markets of Industry 4.0. For Russia the urgent task is to justify the areas of industry digital transformation and identify its optimal trajectory, taking into account the goals and objectives of the state program “Digital Economy of the Russian Federation”, which can be successfully implemented only by overcoming the digital divide between the Russian Federation regions. In the context of this problem, it is advisable to consider the “minimum digital basket of Russian regions” previously proposed by professors L.V. Lapidus and L.S. Leontyeva as a basis for aligning the existing imbalances in technological readiness of the regions to the industry digital transformation.

The aim of this study is to analyze regional digital divide (gap) and identify the correlation between the state of industrial transformation individual processes and the level of regions technological readiness for digitalization. To achieve this aim, actual empirical and statistical data are used that characterize the transformation of industry and the digitalization of the Russian Federation regions. The studied empirical and statistical information was processed by methods of qualitative and quantitative analysis, correlation analysis, the results of which were synthesized in the authors' recommendations on the development of methods for compiling regional digitalization ratings and extrapolating practical conclusions using the essence of “minimum digital basket of Russian regions” concept.

Keywords

Minimum digital basket, digital transformation, digital economy, regional digitalization, industry transformation.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10025

References:

- Gostilovich A.O. (2019) Vysokotekhnologichnyye proyekty sub'yektov Rossiyskoy Federatsii [High-tech projects of Russian Regions]. *Lomonosovskie chteniya 2019. Tsifrovaya transformatsiya dlya ukrepleniya ekonomicheskogo potentsiala strany i uluchsheniya kachestva zhizni lyudey*. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr kompetentsiy v oblasti tsifrovoy ekonomiki MGU imeni M.V. Lomonosova. P. 25–27.
- Lapidus L.V., Leont'yeva L.S. (2019) Minimal'naya tsifrovaya korzina rossiyskikh regionov [Minimum Digital Basket of Russian Regions]. *Lomonosovskie chteniya 2019. Tsifrovaya transformatsiya dlya ukrepleniya ekonomicheskogo potentsiala strany i uluchsheniya*

kachestva zhizni lyudey. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr kompetentsiy v oblasti tsifrovoy ekonomiki MGU imeni M.V. Lomonosova. P. 18–20.

Lapidus L.V. (2018) *Tsifrovaya ekonomika: upravleniye elektronnyy biznesom i elektronnoy kommersiyey* [Digital Economy: E-Business and E-Commerce Management]. Moscow: INFRA-M.

Calvino F., Criscuolo C. (2019) Business Dynamics and Digitalization. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*. No. 62. DOI: <https://doi.org/10.1787/6e0b011a-en>.

Calvino F., Criscuolo C., Marcolin L., Squicciarini M. (2018) A Taxonomy of Digital Intensive Sectors. *OECD Science, Technology and Industry Working Paper*. No. 2018/14. DOI: <https://doi.org/10.1787/f404736a-en>.

Cruz-Jesus F., Oliveira T., Bacao F. (2012) Digital Divide Across the European Union. *Information & Management*. Vol. 49(6). P. 278–291. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.im.2012.09.003>.

Eastin M.S., Cicchirillo V., Mabry A. (2015) Extending the Digital Divide Conversation: Examining the Knowledge Gap through Media Expectancies. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 59(3). P. 416–437. DOI: <https://doi.org/10.1080/08838151.2015.1054994>.

Freeman J., Park S., Middleton C., Allen M. (2016) The Importance of Broadband for Socio-Economic Development: A Perspective from Rural Australia. *Australasian Journal of Information Systems*. Vol. 20. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3127/ajis.v20i0.1192>.

Riggins F.J., Dewan S. (2005) The Digital Divide: Current and Future Research Directions. *Journal of Association for Information Systems*. Vol. 6. Is. 12. DOI: [10.17705/1jais.00074](https://doi.org/10.17705/1jais.00074).

Scheerder A., Van Deursen A., Van Dijk J. (2017) Determinants of Internet Skills Uses and Outcomes. A Systematic Review of the Second-And Third-Level Digital Divide. *Telematics and Informatics*. Vol. 34. Is. 8. P. 1607–1624. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.07.007>.

Van Deursen A.J., Van Dijk J.A., Peter M. (2015) Increasing Inequalities in What We Do Online: A Longitudinal Cross-Sectional Analysis of Internet Activities Among the Dutch Population (2010 To 2013) Over Gender, Age, Education, and Income. *Telematics and Informatics*. Vol. 32. Is. 2. P. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2014.09.003>.

Received: 07.10.2019

Хлестова К.С., Воронов А.С.

Ретроспективный анализ представлений о моногородах и их роли в развитии национальной экономики

Хлестова Ксения Сергеевна — эксперт Центра федеральных, региональных и сетевых проектов, Институт управления и регионального развития, РАНХиГС, Москва, РФ.

E-mail: kseniya.khlestova@gmail.com

SPIN-код РИНЦ: [9619-6445](#)

Воронов Александр Сергеевич — кандидат экономических наук, кафедра экономики инновационного развития, центр инновационного проектирования, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](#)

Аннотация

Приоритетным направлением развития пространственной организации российской экономики в XX веке стало возникновение и рост численности моногородов, что было обусловлено поиском инструментов управления капитальными и трудовыми ресурсами отдельных регионов в условиях значительной дифференциации конкурентных потенциалов, неразвитости инфраструктуры и ограниченности бюджетного финансирования. В исследованиях регионалистов отмечалось, что в условиях индустриального хозяйственного уклада моногорода выполняют роль драйверов экономического роста и факторов эффективной реализации системообразующих проектов государства. Актуальность же современного витка интереса к моногородам обусловлена качественным изменением состава источников поступательной макроэкономической динамики в результате широкого внедрения информационно-коммуникационных ресурсов и, как следствие, трансформации состава конкурентных преимуществ и отраслевого разреза экономики территорий. Базу настоящего исследования составили работы российских и зарубежных ученых относительно теорий регионального развития, развития городов, урбанистических концепций, устойчивого и пространственного развития территории. Использованы общенаучные и специфические методы исследования экономических явлений и процессов. В исследовании проведен анализ эволюции представлений об атрибутивных признаках и типологии моногородов и сделан вывод, что, несмотря на значительное число подходов к их трактовке, представителями различных методологических платформ признается низкий уровень диверсифицированности экономики, низкое качество жизни населения, высокая степень индустриализации и отсутствие комплексных программ управления городским хозяйством. Недостаточный уровень разработанности теоретических и методических подходов к комплексным мерам управляющего воздействия на состояние градообразующего предприятия и пространство его размещения, разрывы в цепочках создания добавленной стоимости и исключение пространственного фактора из состава источника устойчивого развития и распространения инноваций стали причинами низкой эффективности диверсификационных мероприятий в моногородах.

Ключевые слова

Моногорода, региональная экономика, ресурсный потенциал, стратегия развития, инновационно-ориентированное развитие, пространственное развитие.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10026

Введение

Прообразом современных европейских городов выступают античные и средневековые городские образования, которые с момента своего возникновения играли роль драйверов социального, политического и экономического развития, выступали «территорией свободы» и обеспечивали накопление и эффективную

реализацию интеллектуально-креативного потенциала местного сообщества. Развитие российских городов и городского хозяйства существенно отличаются от традиционного пути, пройденного зарубежными городскими образованиями, что обусловлено особенностями пространственной организации национальной экономики, характеризующейся прежде всего высоким уровнем неравномерности размещения природных ресурсов, а также результатом действия совокупности исторических и геополитических факторов. В этой связи возникает необходимость анализа историко-генетических и цивилизационных факторов формирования монопрофильных городов, а также изучения многообразных теоретических и методических подходов в российской и зарубежной литературе, посвященных решению проблемы эффективного использования потенциала монофункциональных городских систем. Это определило выбор направления данного исследования.

Процессы регионализации российской экономики и передачи части полномочий федерального центра на субнациональный уровень, начало которым было положено в 90-х гг. XX в., спровоцировали повышенное внимание к моногородам, что нашло отражение в разработке ряда программ модернизации городского хозяйства.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена недостаточным уровнем разработанности теоретических и методических подходов к содержанию программ модернизации, отсутствием комплексности мер управляющего воздействия на состояние градообразующего предприятия и пространство его размещения, разрывами в цепочках создания добавленной стоимости и исключением пространственного фактора из состава источника устойчивого развития и распространения инноваций. В условиях макроэкономической нестабильности это привело к возникновению системных проблем и к выделению в составе моногородов муниципальных образований трех устойчивых типов: городов с наиболее сложным социально-экономическим положением, городов с рисками ухудшения социально-экономического положения и городов со стабильной социально-экономической ситуацией.

Направление исследования предопределило его цель, которая заключается в изучении работ российских и зарубежных исследователей, посвященных решению проблемы эффективного использования потенциала моногородов. В задачи исследования входило проведение анализа атрибутивных признаков и типологии моногородов в работах российских и зарубежных ученых, статистический обзор

российских моногородов и формулировка и обоснование возможных сценариев диверсификации их экономики.

Научной новизной исследования является трактовка моногорода как открытой динамичной многоуровневой территориальной системы, субъекты которой объединены общим производственно-технологическим процессом и отраслевым рынком, что обуславливает высокую долю их факторных доходов и налоговых платежей в агрегированном доходе и доходной части бюджета муниципального образования. Резиденты монопрофильной социально-экономической системы, в качестве которой выступают моногорода и регионы их размещения, являются эмитентами и реципиентами технологических инноваций, инициирующими кумулятивный эффект их распространения вследствие относительно более высокого уровня концентрации специализированных активов, что позволяет трактовать пространственную конфигурацию размещения активов и инновации в качестве эндогенных факторов сбалансированного развития региональных образований.

Анализ атрибутивных признаков моногородов

Подтверждением актуальности проблемы моногородов, или в соответствии с зарубежной терминологией «городов одной отрасли», выступает наличие значительного числа исследований, посвященных содержанию критериев отнесения городских образований к числу монопрофильных, отражающих наиболее значимые тенденции их становления и функционирования, а также направления диверсификации городского хозяйства.

Сравнительный анализ трактовок содержания категории «моногород» показывает, что их авторы исходят из признания в качестве доминирующего количественного признака или наличия взаимосвязи между результатом деятельности градообразующего предприятия с доходной частью местного бюджета.

В соответствии с первым подходом, признаваемым Министерством экономического развития Российской Федерации, моногородом считается¹:

- 1) поселение городского типа с численностью более 3000 человек;
- 2) город, 20% населения которого работает на предприятиях одной компании (градообразующее предприятие);

¹ Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/14049/> (дата обращения: 01.10.2019).

- 3) муниципальное образование, градообразующее предприятие которого занимается добычей полезных ископаемых (кроме нефти и газа) или производством и переработкой промышленной продукции, обеспечивая 50% и более валового муниципального продукта.

Второй подход был отражен при отнесении предприятия к градообразующему в Постановлении Правительства РФ от 29 августа 1994 года № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими», которое на данный момент утратило силу. В соответствии с ним, если доля доходов, поступающих в муниципальный бюджет от одного предприятия, выше 30% доходной части, то предприятие относится к градообразующему, а муниципальное образование — к моногороду².

В Российской Федерации критерии отнесения городов к числу монопрофильных связаны с условиями определения предприятий как градообразующих и включают следующие признаки:

- 1) одно предприятие, обеспечивающее доходами более 25% жителей населенного пункта численностью не менее 5000 человек³;
- 2) наличие в населенном пункте группы предприятий, взаимосвязанных в рамках единого производственно-технологического процесса или обслуживающих один и тот же рынок, и обеспечение такой группой предприятий доходами более 25% занятых в данном населенном пункте [Развитие моногородов России 2013, 11–12];
- 3) наличие в городе предприятия или группы производств одной и той же отрасли, обеспечивающих более 50% общего объема промышленного производства в данном городе [Там же, 16].

Наличие в качестве системообразующего элемента моногорода градообразующего предприятия позволило ввести в понятийный аппарат категории, отражающие формы специализации моногорода, а именно:

² Постановление Правительства РФ от 29 августа 1994 года № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4363/ (дата обращения: 01.10.2019).

³ Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 26.11.2019) «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 169 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 01.10.2019).

- монофункциональный город, на территории которого функционируют одно или несколько связанных технологической цепочкой предприятий, которые обеспечивают его существование и развитие;
- моноотраслевой город, где существуют несколько предприятий ведущей градообразующей отрасли;
- моноцентрический город, в котором функционирует единственное предприятие [Там же, 36].

Категории «моногород» в США и Великобритании соответствуют термины «One-Industry Town» (моноотраслевой город) и «Company Town» (город-компания). В контексте проблемы диверсификации социально-экономического развития моногородской территории определенное значение имеют работы зарубежных авторов. Среди них труды Дж. Хартвика [Hartwick 1977], который исследовал последствия сырьевой моноспециализации страны в международном разделении труда; У. Изарда [Изард 1966], моделировавшего системы расселения в зависимости и иерархии населенных пунктов, транспортных путей и промышленных предприятий, и Дж. Форрестера [Форрестер 1978], занимавшегося вопросами моделирования тенденций развития городского хозяйства; Д. Лидбитера [Leadbeater 2009], И. Одирака, С. Фол, К. Мартинес-Фернандес, Э.С. Каннингема-Сабо [Martinez-Fernandez et al. 2012], которые изучали демографические и социально-экономические факторы развития моногородов, а также анализировали сущность и причины возникновения явления «сокращающихся» городов.

Вопросы пространственной организации городского хозяйства исследовались учеными восточноевропейских государств в контексте проблемы трансформации командной экономики и характерных для нее территориальных пропорций, что нашло отражение в работах А. Бертода [Bertaud 2004], который изучал зависимость пространственной организации города от плотности населения и специфических особенностей застройки; В. Зотика, Д.-Е. Александрию, В. Пуиу [Zotic et al. 2010], которые анализировали принципы функционального зонирования городского поселения с учетом процессного подхода; А.А. Вали [Wali 2014], рассматривавшего малые монопрофильные города во взаимосвязи с региональным развитием, а также содержание и типы стратегий их развития с учетом познавательного потенциала экономической географии. Представителями зарубежной урбанистики получены значительные результаты в области исследования закономерностей развития

третичного и четвертичного секторов городского хозяйства и их влияния на пространственную конфигурацию урбанизированной территории [Marciniczak, Sagan 2011]; сравнительного анализа особенностей экономики урбанизированных территорий и демографических процессов в городах [Țăruș, Surd 2013] и др. Значительный интерес представляют работы, посвященные направлениям оптимизации пространственной организации хозяйства моногородов с учетом экологического фактора [Kaczmarek 2003; Fulong, Gar-On Yeh 1997] и др.

Изучая работы российских и зарубежных авторов, можно выделить базовые направления исследований по поводу жизнедеятельности моногородов:

- 1) закономерности устойчивого экономического развития городов, в том числе монопрофильных, как результат объединения трех точек зрения: экологической, социальной и экономической;
- 2) особенности социально-экономического развития монопрофильных городов, когда проблемы диверсификации их структуры обобщенно сводятся к необходимости социального, экономического, экологического и институционального развития;
- 3) факторы становления и критерии определения города как монопрофильного муниципального образования;
- 4) противоречия в монопрофильной системе города и направления их разрешения, детерминанты развития моногородов;
- 5) инструменты модернизации экономики моногородов и моноотраслевых регионов;
- 6) инструменты государственной поддержки моногородов и результатов их применения.

В исследованиях ученых Западной Европы и США основное внимание уделяется разработке модели эффективного управления «сжимающимся» городом в соответствии с принципом «умного» сокращения (smartdecline), методам оценки социальных последствий данных процессов и обоснованию социальных стандартов управления в рамках реализации стратегии управляемого сжатия (О. Дж. Диниус, Дж. Логан, Дж. Немет, Дж. Холландер, Дж. Шиллинг и др.).

Представители научного сообщества КНР обращаются к разработке долгосрочных программ «индустриального возрождения» крупных старопромышленных регионов, в состав которых входят ряд провинций, модернизации

городов, выступающих центрами старопромышленных территорий, а также как градообразующих предприятий (Л. Пинг, Л. Сюй, А.Д. Вей и др.).

Подобный аспект проблемы находится в центре внимания и российских исследователей. Так, Центром стратегических разработок было проведено исследование «Моногорода. Перегрузка», в рамках которого сформулированы основные модели развития моногородов:

- модель «управляемого сжатия» для городов с ликвидируемым градообразующим предприятием при отсутствии традиционных источников развития экономики;
- модель «стабильного моногорода» для муниципальных образований с устойчиво функционирующим градообразующим предприятием при отсутствии возможных альтернатив развития потенциала развития;
- модель «индустриальной диверсификации (реструктуризации)» для городов с инвестиционным потенциалом⁴.

В последние годы в работах российских авторов исследуется роль государственной политики регионального развития как ключевого инструмента для реализации мер по совершенствованию пространственной структуры территории [Бухвальд 2018]; изучаются варианты управленческих решений по поддержанию жизнеспособности моногородов [Маслова 2016]; анализируются возможности диверсификации экономики моногородов через развитие социального предпринимательства [Умнов и др. 2018]; моделируются риски и альтернативные варианты развития [Шаститко, Фатихова 2019] и др.

Статистический обзор российских моногородов

В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 16.04.2015 № 668-р «О внесении изменений в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» на 1 января 2016 года к числу моногородов (или монофункциональных, монопрофильных, моноструктурных городов) были отнесены 319 муниципальных образований, где проживало 13 млн человек (или 9% населения РФ)⁵.

⁴ Моногорода. Перегрузка. 2013 // Ладожская хроника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ladoga-park.ru/content/2014/04/140426152728/140426152728140426152938.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 16.04.2015 № 668-р «О внесении изменений в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» // Гарант

Согласно данным Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ), моногорода имеются в 61 из 85 регионов России, но в наибольшей степени они сосредоточены на территории Приволжского (79 городов и 14% от общего числа жителей) и Сибирского (66 городов и 16% от общего числа жителей) федеральных округов. В среднем в моногородах проживает также около 9% населения Российской Федерации⁶.

Падение эффективности использования ресурсного потенциала моногородов было предопределено растущими колебаниями макроэкономической конъюнктуры, повышением уровня неопределенности внешней среды и обострением геополитических рисков, формированием постиндустриального хозяйственного уклада, отказом от традиционной воспроизводственной и отраслевой структуры национальной экономики в пользу использования иных форм взаимодействия экономических агентов и информационно насыщенных факторов производства. Анализ этих причин и жизнедеятельности моногородов позволил выделить в составе моногородов муниципальные образования трех типов:

- 1) города с наиболее сложным социально-экономическим положением («красная зона» включает 94 моногорода);
- 2) города с рисками ухудшения социально-экономического положения («желтая зона» включает 154 моногорода);
- 3) города со стабильной социально-экономической ситуацией («зеленая зона» включает 71 моногород)⁷.

Основаниями для отнесения моногородов к одной из указанных категорий выступают: состояние градообразующего предприятия и прогноз изменения показателей его финансово-хозяйственной деятельности, уровень безработицы в городе и оценка его соотношения со среднероссийскими показателями, оценка местным сообществом социально-экономической ситуации в городе (на основе индивидуальных и коллективных опросов).

В отчете ИКСИ указано, что на 1 января 2016 года:

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70888888/> (дата обращения: 01.10.2019).

⁶ Обзор российских моногородов. Аналитический доклад ИКСИ. Июнь 2017 г. // ИКСИ [Электронный ресурс]. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

⁷ Там же.

- в моногородах «красной зоны» проживало 3217 тыс. чел., или 25% населения моногородов России;
- в городах с риском ухудшения социально-экономического положения проживало 5620 тыс. чел., или 43% населения моногородов;
- в городах со стабильной социально-экономической ситуацией проживало 4188 тыс. чел., или 32% населения моногородов⁸.

Высокий удельный вес населения, проживающего в монопрофильных городах с низким качеством жизни и высокими рисками его дальнейшего ухудшения, обуславливают необходимость разработки теоретических и методических подходов к процессам диверсификации экономики монопрофильной территории. Это позволит сформулировать органам государственной власти и местного самоуправления практические рекомендации, направленные на разрешение дилеммы между дальнейшим развитием моногородов на основе реструктуризации и их постепенной ликвидацией.

Результаты исследования и их практическая значимость

При анализе закономерностей формирования и стратегий развития моногородов авторы используют:

- типологический подход, который позволяет провести их группировку с учетом различных классификационных признаков и сформулировать адаптированные к особенностям определенной группы муниципальных образований рекомендации, направленные на разрешение выявленных проблем;
- территориальный подход, основанный на признании пространства в качестве эндогенного фактора устойчивого социально-экономического развития, что определяет необходимость учета особенностей расселения населения, экологического фактора и территориальной организации экономики при разработке мер управляющего воздействия;
- исторический подход, который исходит из необходимости учета результатов историко-генетического анализа при разработке стратегии развития моногородов;

⁸ Обзор российских моногородов. Аналитический доклад ИКСИ. Июнь 2017 г. // ИКСИ [Электронный ресурс]. URL: https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

- комплексный подход, который основан на учете влияния моногорода на состояние национальной и региональной экономики, динамику показателей финансово-хозяйственной деятельности резидентов, а также содержание воспроизводственных, отраслевых, межрегиональных и внутрирегиональных пропорций.

При наличии множества исследований, посвященных различным аспектам функционирования моногородов, в современной экономической науке отсутствует единый подход к трактовке ключевых категорий, отражающих наиболее существенные аспекты функционирования монофункциональных городских систем, имеет место неоднозначность критериев отнесения муниципальных образований к числу моногородов, что создает трудности при разработке стратегий их развития. В этой связи представляется целесообразным проведение анализа процесса становления представлений о феномене монопрофильности города, что позволит использовать гносеологический потенциал альтернативных школ и течений для обоснования авторских подходов к диверсификации его социально-экономической структуры и направления развития.

Анализ работ исследователей, занимающихся проблемами развития моногородов, позволил сформулировать общие принципы, соблюдение которых обеспечивает эффективность новой промышленной политики, направленной на диверсификацию экономики монопрофильных муниципальных образований:

- 1) необходимость государственной поддержки на всех фазах экономического цикла. Целенаправленное воздействие на экономику города как точки роста и источника пространственной диффузии инноваций.
- 2) стимулирование развития наукоемких отраслей промышленности, деловых услуг, рекреации как факторов преодоления падения макроэкономических показателей.
- 3) использование собственного ресурсного потенциала, превращение абсолютных и относительных преимуществ в устойчивые конкурентные преимущества.

В свою очередь, обобщение опыта развития моногородов и старопромышленных районов государств Западной Европы и США позволяет выделить три направления реализации новой промышленной политики:

- 1) включение в состав инструментов стратегии реализации новой промышленной политики мероприятий по развитию системы образования, в том числе увеличение числа обучающихся и количества образовательных программ подготовки кадров.
- 2) развитие инновационной составляющей промышленности на основе сотрудничества с участием государства, бизнеса и образовательных организаций в сфере науки и высоких технологий. Это предполагает использование налоговых преференций, проектирование институтов инновационного развития, создание технологических парков, развитие инфраструктуры знания и др.
- 3) повышение инвестиционной привлекательности муниципального образования с использованием инструментов территориального маркетинга и капитализации локальной культуры.

Вне зависимости от выбора доминирующего направления реализации новой промышленной политики стратегия развития муниципального образования должна разрабатываться региональными органами государственного управления в тесном взаимодействии с муниципальными властями с учетом преимуществ территории.

Необходимым условием эффективности реализации стратегии развития выступают отношения конкурентного сотрудничества государства и субъектов предпринимательского сообщества. А в качестве базовых сценариев развития моногородов, по мнению ряда авторов, могут быть использованы:

1. Сценарий высокотехнологичного развития, который может быть успешно реализован в городах, относящихся к лидерам среди монопрофильных муниципальных образований. Данная стратегия направлена на инновационное развитие, поддержку высокотехнологичных производств, подготовку высококвалифицированных кадров для градообразующего предприятия, поддержку малого и среднего бизнеса, активное развитие социальной сферы, реализацию программы привлечения молодых специалистов, развитие образования [Развитие моногородов России 2013, 67–75].

Предпосылками для реализации данного сценария выступает высокий ресурсный потенциал территории как совокупность производственной, социальной и инновационной инфраструктуры. Государственное воздействие должно быть направлено на создание условий для пространственной диффузии инноваций, что предполагает дальнейшее развитие инфраструктуры данного муниципального образования и региона в целом, а также вспомогательных и дополнительных видов

экономической деятельности. При этом не представляется целесообразным ускоренное развитие сферы туристических услуг и агропромышленного комплекса, если это не предопределено наличием соответствующих ресурсов.

2. Сценарий усиленного развития экономической и социальной сферы предусмотрен для монопрофильных муниципальных образований, которые характеризуются относительно высоким ресурсным потенциалом и устойчивым трендом развития при невысоких (относительно среднероссийских) показателях социальных и экономических индикаторов [Там же, 81–90].

Превышение предложения среднеквалифицированного труда над его спросом предполагает возможность концентрации ресурсов на ключевых направлениях развития муниципального образования (точках роста), которые определяются с использованием аналитического метода и метода экспертной оценки на основе коллективного опроса. Стратегия развития моногорода должна включать инструменты, направленные на повышение уровня конкурентоспособности производимой продукции и эффективности использования муниципальной собственности, внедрение новых инструментов менеджмента в систему регионального управления и местного самоуправления, повышение уровня профессиональных компетенций бюрократического аппарата, развитие сферы образования, поддержку малого и среднего предпринимательства, создание благоприятного инвестиционного климата и др.

3. Сценарий перехода на вахтовый метод организации работ на градообразующем предприятии предусмотрен для моногородов с численностью населения менее 30 000 человек, которые характеризуются низким уровнем экономического и социального развития [Там же, 93–95]. В этой связи представляется необходимым разработка программы расселения жителей, предусматривающей их переобучение и переквалификацию, а также предоставление жилья. Признание неэффективности инвестиционных расходов в развитие производственного комплекса моногородов влечет за собой разработку мер, направленных на предупреждение их «демографической смерти», оттока жителей трудоспособного возраста. Сложность реализации данного сценария определяется распределенностью инвестиций в пространстве и времени, что снижает их мультипликационный эффект.

Заключение и рекомендации

Ретроспективный анализ представлений о закономерностях развития монопрофильных городских систем исходит из признания необходимости уточнения

основных направлений исследований в данной области и определения ключевых понятийно-категориальных конструкций, которые отражают особенности функционирования моногородов. При всем многообразии трактовок монопрофильных территориальных образований представляется возможным выделить три подхода к анализу закономерностей их формирования и стратегий развития. Авторы используют:

- типологический подход, который позволяет провести их группировку с учетом различных классификационных признаков и сформулировать адаптированные к особенностям определенной группы муниципальных образований рекомендации, направленные на разрешение выявленных проблем;
- территориальный подход, основанный на признании пространства в качестве эндогенного фактора устойчивого социально-экономического развития, что определяет необходимость учета особенностей расселения населения, экологического фактора и территориальной организации экономики при разработке мер управляющего воздействия;
- исторический подход, который исходит из необходимости учета результатов историко-генетического анализа при разработке стратегии развития моногородов;
- комплексный подход, который основан на учете влияния моногорода на состояние национальной и региональной экономики, динамику показателей финансово-хозяйственной деятельности резидентов, а также содержание воспроизводственных, отраслевых, межрегиональных и внутрирегиональных пропорций.

Одновременно следует признать, что для всех исследований является общим признание низкого уровня диверсификации городской экономики, что определяет необходимость проведения диверсификации и деиндустриализации моногородов. Эффективность стратегии диверсификации в значительной степени будет определяться полнотой использования знаний и практического опыта экономических школ и течений, а также междисциплинарного подхода, позволяющего обосновать содержание управленческих технологий с учетом экономических, социальных, институциональных, историко-культурных и иных особенностей монопрофильных территорий, а также преимуществ последних.

Использование альтернативных подходов, накопленных экономическими школами и течениями, позволит сформулировать органам государственной власти и местного самоуправления практические рекомендации, направленные на разрешение дилеммы между дальнейшим развитием моногородов на основе реструктуризации и их постепенной ликвидацией.

Список литературы:

- Бухвальд Е.М.* Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты и инструменты. М.: ИЭ РАН, 2018.
- Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966.
- Маслова А.Н.* Моногорода в России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4. № 5. С. 16–28.
- Развитие моногородов России: монография / под ред. И.Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013.
- Умнов В.А., Плюхина А.А., Матвеев М.В.* Анализ системы государственной поддержки социального предпринимательства в России // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 3(13). С. 77–89.
- Форрестер Дж.* Мировая динамика. М.: Наука, 1978.
- Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф.* Моногорода России: возможные варианты развития // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2019. № 76. С. 109–135.
- Bertaud A.* The Spatial Organization of Cities: Deliberate Outcome or Unforeseen Consequence? // IURD Working Paper Series. 2004. № 17(1). P. 66–98.
- Fulong W., Gar-On Yeh A.* Changing Spatial Distribution and Determinants of Land Development in Chinese Cities in the Transition from a Centrally Planned Economy to a Socialist Market Economy: A Case Study of Guangzhou // Urban Studies. 1997. № 34(11). P. 1851–1879.
- Hartwick J.M.* Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources // The American Economic Review. 1977. Vol. 67. № 5. P. 972–974.
- Kaczmarek S.* Post-Industrial Areas in Modern Cities // Bulletin of Geography. Socio-economic Series. 2003. No. 2. P. 39–46.
- Leadbeater D.* Single-industry Resource Communities, «Shrinking», and the New Crisis of Hinterland Economic Development // The Future of Shrinking Cities: Problems, Patterns and

- Strategies of Urban Transformation in a Global Context / Karina Pallagst et al. Berkeley: Institute of Urban and Regional Planning, University of California Berkeley, 2009. P. 67–72.
- Marcinčzak S., Sagan I.* The Socio-spatial Restructuring of Łódź, Poland // *Urban Studies*. 2011. No. 48(9). P. 1789–1809.
- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E.C.* Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2012. No. 36(2). P. 213–225.
- Țăruș R., Surd V.* The Metamorphosis of Towns in the Republic of Moldova during the Communist Period and Beyond // *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 2013. No. 4(1). P. 77–86.
- Wali A.A.* The Role of Geography in the Analysis of Industrial Development Strategies within the Spatial Organization of a Region // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. No. 24. 2014. P. 231–244.
- Zotic V., Alexandru D.-E., Puiu V.* Functional Zoning of the City/Village Area and Its Contribution to the Sustainable Development of Settlements // *Journal of Settlements and Spatial Planning*. 2010. No. 1(2). P. 181–189.

Дата поступления: 06.09.2019

Khlestova K.S., Voronov A.S.

Retrospective Analysis of Approaches to One-Industry Towns and Their Role in National Economy Development

Kseniya S. Khlestova — expert, Center for Federal, Regional and Network Projects, Institute of Management and Regional Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation.

E-mail: kseniya.khlestova@gmail.com

Aleksandr S. Voronov — PhD, Department of Economics of Innovative Development, Center for Innovative Design, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: voronov@spa.msu.ru

Abstract

The priority direction of spatial organization development of the Russian economy in the 20th century was the emergence and growth of single towns number, which was caused by the search for tools to manage the capital and labor resources of individual regions under conditions of significant differentiation of competitive capacities, underdevelopment of infrastructure and limited budget financing. In studies of regionalists it was noted that in conditions of industrial economic one-factory town acts as drivers for economic growth and factors for effective implementation of state systemically important projects. The relevance of the modern turn of interest in single towns is determined by the qualitative change in the sources of progressive macroeconomic dynamics as a result of information and communication resources wide introduction and, as a result, transformation of competitive advantages and sectoral section of the territory's economy. The base of this research is constituted by works of Russian and foreign scientists concerning theories of regional development, development of the cities, urbanistic concepts, sustainable and spatial development of the territory. Popular and specific methods of economic phenomena and processes research have been used. The study

analyzed the concepts evolution of attributive characteristics and typology of single towns and concluded that, despite a significant number of approaches to their interpretation, representatives of various methodological platforms recognized the low level of economy diversification, the poor quality of population life, the high degree of industrialization and the lack of integrated urban management programs. The insufficient development level of theoretical and methodological approaches to complex control measures on the state of the city-forming enterprise and its location space, gaps in value chains and exclusion of spatial factor from the source of sustainable development and diffusion of innovation have caused low efficiency of diversification measures in single towns.

Keywords

One-factory town, regional economy, resource capacity, development strategy, innovative focused development, spatial development.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10026

References:

- Bertaud A. (2004) The Spatial Organization of Cities: Deliberate Outcome or Unforeseen Consequence? *IURD Working Paper Series*. No. 17(1). P. 66–98.
- Bukhval'd E.M. (2018) *Politika regional'nogo razvitiya v sovremennoy Rossii: priority, instituty i instrument* [Regional development policy in modern Russia: priorities, institutions and tools]. Moscow: IE RAS.
- Forrester J. (1978) *World Dynamics*. Moscow: Nauka.
- Fulong W., Gar-On Yeh A. (1997) Changing Spatial Distribution and Determinants of Land Development in Chinese Cities in the Transition from a Centrally Planned Economy to a Socialist Market Economy: A Case Study of Guangzhou. *Urban Studies*. No. 34(11). P. 1851–1879.
- Hartwick J.M. (1977) Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources. *The American Economic Review*. Vol. 67. No. 5. P. 972–974.
- Ил'ина И.Н. (ed.) (2013) *Razvitiye monogorodov Rossii* [Development of single-industry towns in Russia]. Moscow: Finansovyy universitet.
- Izard W. (1966) *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. Moscow: Progress.
- Kaczmarek S. (2003) Post-Industrial Areas in Modern Cities. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. No. 2. P. 39–46.
- Leadbeater D. (2009) Single-industry Resource Communities, «Shrinking», and the New Crisis of Hinterland Economic Development. In: *The Future of Shrinking Cities: Problems, Patterns and Strategies of Urban Transformation in a Global Context*. Karina Pallagst et al. (eds.). Berkeley: Institute of Urban and Regional Planning, University of California Berkeley. P. 67–72.

- Marcinčzak S., Sagan I. (2011) The Socio-spatial Restructuring of Łódź, Poland. *Urban Studies*. No. 48(9). P. 1789–1809.
- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E.C. (2012) Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization. *International Journal of Urban and Regional Research*. No. 36(2). P. 213–225.
- Maslova A.N. (2011) Monocities in Russia: Problems and Solutions. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye*. Vol. 4. No. 5. P. 16–28.
- Shastitko A.E., Fatikhova A.F. (2019) Company Towns in Russia: Some Thoughts on Development Alternatives. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* (Elektronnyy zhurnal). No. 76. P. 109–135.
- Țăruș R., Surd V. (2013) The Metamorphosis of Towns in the Republic of Moldova during the Communist Period and Beyond. *Journal of Settlements and Spatial Planning*. No. 4(1). P. 77–86.
- Umnov V.A., Plyukhina A.A., Matveyev M.V. (2018) An Analysis in the System of State Support for Social Entrepreneurship in Russia. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravleniye. Pravo»*. No. 3(13). P. 77–89.
- Wali A.A. (2014) The Role of Geography in the Analysis of Industrial Development Strategies within the Spatial Organization of a Region. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. No. 24. P. 231–244.
- Zotic V., Alexandru D.-E., Puiu V. (2010) Functional Zoning of the City/Village Area and Its Contribution to the Sustainable Development of Settlements. *Journal of Settlements and Spatial Planning*. No. 1(2). P. 181–189.

Received: 06.09.2019

Социология управления

Панова Е.А., Андриюшина Е.В., Григорьева Н.С.

Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.)¹

Панова Екатерина Александровна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра управления персоналом, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: Panova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [5512-6859](https://elibrary.ru/5512-6859)

Андриюшина Евгения Владимировна — кандидат политических наук, доцент, кафедра политического анализа, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: eugenie80@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [9026-8148](https://elibrary.ru/9026-8148)

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор, кафедра политического анализа, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [9017-7352](https://elibrary.ru/9017-7352)

Аннотация

Исследование стратегий семейного поведения молодежи в целом и студенческой молодежи в частности представляется актуальными в связи с создавшейся неблагоприятной демографической ситуацией в современной России, решающей ролью молодежи в замещении уходящих поколений, ее влиянием на социальную структуру общества в целом, ролью молодых людей в реализации позитивных сценариев развития России в глобальном контексте. С практической точки зрения дополнительным фактором внимания к выбранной проблематике является придание государственной молодежной и семейной политике статуса приоритетного направления деятельности современного российского государства, что находит подтверждение в мероприятиях стратегического и тактического характера, выработанных на высшем политико-административном уровне. Статья представляет собой компаративный анализ результатов лонгитюдного исследования — опросов студенческой молодежи, реализованных в 2008 и 2019 гг., на предмет выявления трансформаций семейных ценностей и персонифицированных семейных стратегий у студентов старших курсов бакалавриата и магистратуры российских вузов на протяжении 12 лет. Данное исследование является основой для коррекции уже реализуемых стратегических и программных мероприятий в направлении формирования новых моделей государственного и социального управления в семейной сфере. Значимость поставленных задач обусловлена отсутствием исследований семейных стратегий непосредственно студенческой молодежи, составляющей пятую часть молодого населения страны, а также необходимостью осуществления постоянного мониторинга изменений, происходящих в сознании молодежи в отношении семейных стратегий в целях оперативной адаптации государства при определении приоритетов и реализации семейной и социальной политики России. В статье даны рекомендации по повышению эффективности молодежной и семейной политики.

¹ Исследование выполнено сотрудниками факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31083 «Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи: 10 лет спустя (выводы для современной социальной политики в области семейных отношений)».

Ключевые слова

Семейные ценности, семейные стратегии, государственная семейная политика, молодежная политика, студенческая семья.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10027

Введение

Конец XIX и начало XX века стали периодом значительных изменений в отношении российского общества и государства к проблемам демографии и семьи. За этот период тема стремительно переместилась с периферии в центр политической и социальной повестки дня. Семья «возродилась» и как объект научного анализа, увеличилось число исследований, и, соответственно, расширился круг исследователей, которые занимаются этой темой. Однако исследований, в центре которых была бы студенческая семья, не так много: [Андрюшина, Панова 2019; Багирова, Шубат 2017; Варламова, Носкова, Седова 2006; Вишневский 2018; Гурко 2011; Дорохина 1996; Зоркая, Дюк 2003; Ильиных 2014; Левина 2013; Назарова, Зеленская 2019; Реан 2017; Русанова 2012; Стельмах 2016; Гурко, Тарченко 2019 и др.]. Как показывают результаты анализа, для современной российской социологии и психологии студенческая семья выступает малозначимым объектом изучения, рассматриваемым преимущественно с позиции модели отношений родителей и детей, а также иных межличностных семейных отношений [Солодовников 2018]. Подобная ограниченность внимания научного сообщества к проблеме семейных стратегий студенческой молодёжи идёт вразрез с актуальными потребностями практики государственного управления.

Вопрос выстраивания системной работы в сфере семейных отношений входит в повестку дня задач российской власти. Результатом работы власти стало появление в 2014 году «Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»², которая, наряду с «Концепцией государственной демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», определила основные характеристики, цели, задачи, принципы и приоритетные направления действий государства в сфере семейных отношений россиян. Среди прочего, в качестве одной из целей государственной семейной политики обозначена поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни. Представляется назревшей необходимость глубинного и научно-обоснованного исследования вопросов

² Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 19.09.2019).

о том, что представляет собой современная российская семья, как она устроена, какие её формы получили и получают широкое распространение в обществе, какие ценности и нормы составляют её каркас, какие стратегии в данном вопросе выбирают разные группы поколений россиян. Диагностика характеристик семейных стратегий поведения современной российской молодёжи и студенческой молодёжи в частности позволила бы составить информационную базу для более ясного понимания тех процессов, которые на очевидном и скрытом уровнях происходят в демографической сфере, выработать направления и меры совершенствования и повышения эффективности государственной демографической политики.

Разного рода статистические данные и данные социологических исследований [Антонов 2014; Богданова 2010; Гаспорян 1999; Гурко 2011; Лексин 2011; Митрикас 2004; Новоселова 2013; Григорьева, Дюпра-Куштанина 2012] показывают, что общемировой тенденцией является увеличение числа одиноких мужчин и женщин, не нацеленных на вступление в традиционные брачные отношения, в том числе среди молодёжи (лиц до 35 лет), растёт число разводов, появляются новые модели «семьи» («семья без детей» — «чайлдфри», «семья из однополых партнёров», «семья из нескольких партнёров» — полигамность, «гостевой брак», «пробное совместное проживание» и т. п.).

Семья как социальное образование занимает особое место в системе социальных отношений. С одной стороны, семья является малой социальной группой со своими специфическими характеристиками её членов; с другой — выступает частью всего общества и подвержена влиянию его ценностей и установок. Семья находится на срединной позиции между индивидом и обществом, являясь каналом разрешения противоречий между данными социальными структурами. Стратегическая важность идентификации наполнения понятия «семья» в представлении современной российской студенческой молодёжи, необходимость выявления видения ими образа модели условной «идеальной семьи», определение ключевых драйверов создания семьи, степени нацеленности на преемственность в чертах своей семьи относительно формы семьи старшего поколения (родителей), отношение к официально регистрируемому/нерегистрируемому браку, стимулы к переходу в семейный формат отношений, планируемое количество детей в браке, а также характер ожиданий от социума и государства в области поддержки молодых семей — эти и другие задачи предопределили структуру выборки и вопросы, которые были заданы респондентам в рамках цикла специальных исследований.

Исследование было реализовано в 2008 и 2019 годах в форме опроса 248 студентов четвёртого и пятого курсов гуманитарных, технических и естественных факультетов высших учебных заведений. Повторение в 2019 году исследования 2008 года дало возможность для его классификации как лонгитюдного исследования, то есть систематического изучения испытуемых с одними и теми же характеристиками, позволяющее определять диапазон возрастной и индивидуальной изменчивости фаз жизненного цикла человека. Полученные данные позволяют провести обоснованные сопоставимые и качественные сравнительные исследования и разработать соответствующие рекомендации для актуальной социальной политики в целом и семейной политики в частности.

Научная новизна исследования семейных стратегий современной российской студенческой молодёжи состоит в особом внимании авторов к изучению деструктивной мотивации поведения человека, в частности факторов, блокирующих желание вступать в брачно-семейные отношения у студенческой молодежи и тем самым в целом подрывающих возможность здорового развития российского общества. Диагностика и анализ формирующихся стратегий студентов как представителей подрастающего поколения населения страны представляется также важным для коррекции уже исполняемых проектов и программ в направлении формирования новых моделей государственного и социального управления в семейной сфере. Значимость исследовательских задач обусловлена необходимостью осуществления постоянного мониторинга изменений, происходящих в сознании молодежи в отношении персонифицированных семейных стратегий в целях оперативной адаптации государства при определении приоритетов и реализации семейной и социальной политики России.

Компаративный анализ исследования семейных стратегий российской студенческой молодежи за 2008 и 2019 гг.

Исследование, проведенное в период с мая по сентябрь 2019 года, носило компаративный характер анализа данных, полученных в результате анкетирования определённой группы респондентов. Как и аналогичное исследование 2008 года, в нём в качестве респондентов выступили студенты естественных, технических и гуманитарных специальностей ряда вузов Москвы (МГУ имени М.В. Ломоносова, РАНХиГС, МИСИС). Всего в опросе приняло участие 248 человек (аналогичное

количество было опрошено и в 2008 году³). Опрос носил добровольный и анонимный характер ответов на вопрос. Выбор анонимного формата ответов обусловлен выраженной деликатностью самой темы семьи и семейных отношений. В исследовании участвовали 84 юноши и 164 девушки (Рисунок 1) — можно считать, что оно получилось достаточно гендерно сбалансированным и в целом находящимся в границах гендерного распределения современного российского общества.

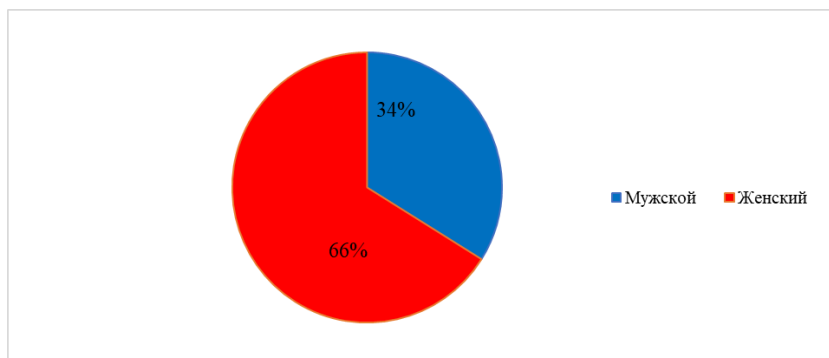

Рисунок 1. Половое распределение участников исследования (опроса), 2019 г.⁴

По возрастному параметру все участники опроса 2019 года уложились в диапазон от 19 до 25 лет — респондентами выступили студенты старших курсов (четвертый курс бакалавриата, пятый курс специалитета) — Рисунок 2.

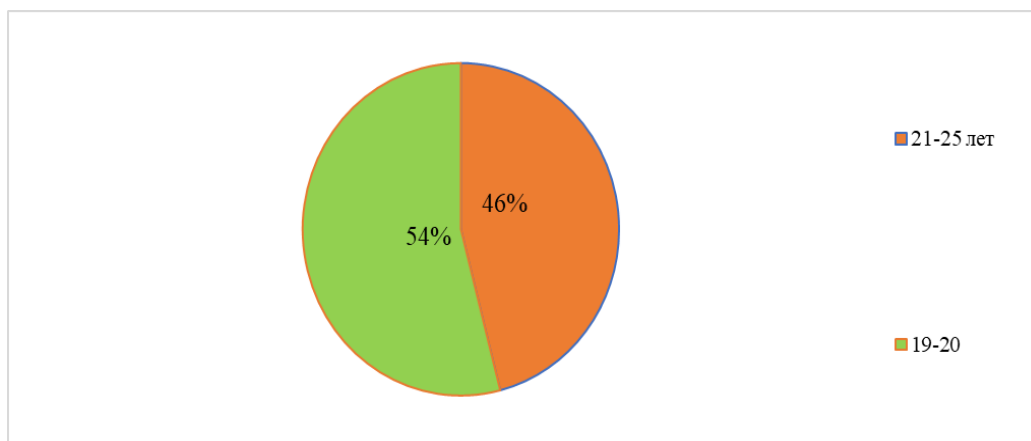

Рисунок 2. Возрастное распределение участников исследования (опроса), 2019 г.⁵

При ответе на вопрос «семья — это...» нами было зафиксировано крайне широкое поле трактовок (как, впрочем, это было и в исследовании 2008 года). Это является следствием общей нечёткости у студентов представления об образе семьи, о её социальной роли, месте в их жизни, функциях, которые она выполняет. Чаще всего у

³ Результаты исследования см.: [Григорьева 2009].

⁴ Составлено авторами.

⁵ Составлено авторами.

опрошенных представителей студенческой молодёжи понятие «семья» связано с такими словосочетаниями и словами, как «родные люди», «близкие люди», «ячейка общества», «поддержка», «помощь», «взаимоуважение», «любовь», «союз». При этом слова «поддержка» («опора») и «любовь» присутствовали практически в каждом третьем/четвертом ответе, что свидетельствует об их особенной значимости в интерпретации параметров понятия «семья».

В отличие от опроса 2008 года, от указания своего понимания семьи воздержались только 11 человек (в 2008 году данное явление носило массовый характер). Сложно однозначно говорить, что выраженность количества данных трактовок в исследовании 2019 года связано с развитием четкости представлений студентов о содержании понятия «семья», поскольку, как и в рамках любого опроса, большое влияние имеет качество работы организаторов по контролю заполненности в опросниках всех элементов. В 2008 году представленные в опросниках ответы демонстрируют сетевой социальный характер понятия «семья» — это явление, связывающее людей определенного круга на базе единых ориентиров в ценностях и взаимных ожиданиях.

В части формирования образа «идеальной семьи» абсолютным лидером стал ответ «оба работают, домашним хозяйством и детьми занимаются в равной степени, брак зарегистрирован» (73,4% респондентов) — Рисунок 3. Из ответа следует, что для современной студенческой молодёжи наиболее привлекательной является партнёрская модель брачных отношений с равным объемом функций у каждого из партнёров. Сопоставление содержания ответов показало, что на первом и втором месте (второе место — около 13,7% — занял ответ «традиционная: муж приносит деньги, жена занимается хозяйством (можно наоборот), брак зарегистрирован») оказались варианты, предусматривающие формат официальной регистрации брака. Оставшиеся три варианта ответа на вопрос об образе «идеальной семьи» в разных формулировках содержали опцию «нерегистрируемого брака» — даже в своей массе данные три варианта ответа набрали голоса всего лишь 9,7% респондентов. На основании представленных данных можно сделать вывод, что для опрошенных представителей отечественной студенческой молодежи семья и официально зарегистрированный брак являются если не синонимами, то тесно связанными понятиями. Следует заметить, что популярность такой системы отношений, как «гражданский брак», остается высокой в молодежной среде, во многом «благодаря тому, что на уровне обыденного сознания произошла подмена понятий» [Синельников 2016].

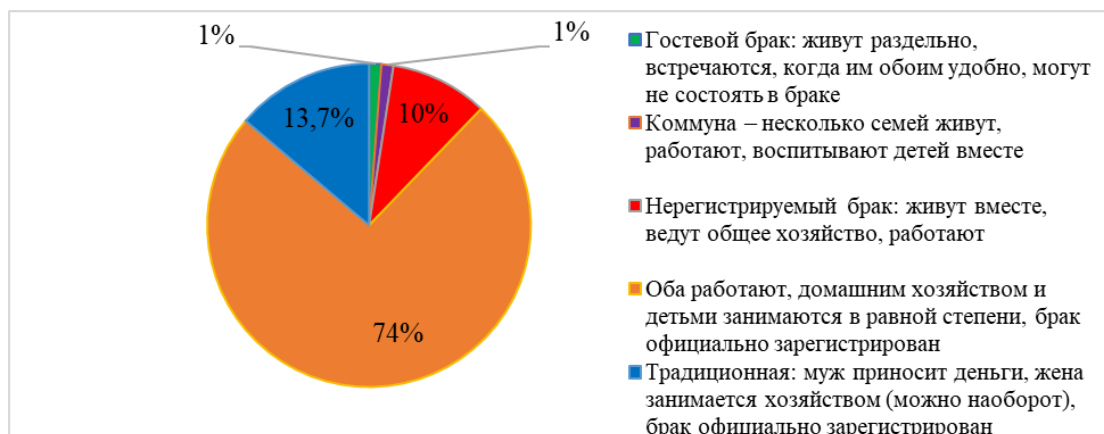

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Идеальная семья, на Ваш взгляд, — это...» (2019 г.)⁶

С учетом традиционной близости понятий «семья» и «любовь» респондентам был задан вопрос о роли любви в создании семьи. Почти все опрошенные (98%) отметили, что эта роль основная (Рисунок 4). При этом мнения опрошенных разделились практически в равных долях относительно понимания дополнительных факторов поддержки семьи: в частности, порядка 51% респондентов обозначили, что только любовь выступает цементирующим фактором семьи («без неё нет смысла создавать семью»); в то время как почти 47% указали, что наряду с любовью, которая «может пройти», семья основывается на уважении и доверии.

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос «Какую роль играет любовь в создании семьи?» (2019 г.)⁷

⁶ Составлено авторами.

⁷ Составлено авторами.

Отдельный вопрос анкеты был посвящен оценке настроений студенческой молодёжи относительно их позиции и склонности к воспроизведению в своей семье той модели или элементов модели семьи, реализованной у их родителей (использовалась такая формулировка вопроса: «Хотели бы Вы в своей жизни повторить модель семейного поведения своих родителей?»). Вариант ответа «полностью» был выбран всего лишь 4,4% респондентов. Самым популярным стал ответ «Кое-что можно позаимствовать» — 34,3%. Примечательно, что на втором месте с небольшим отрывом разместился вариант ответа «Ни в коем случае», набравший голоса 33,1% опрошенных студентов. Тройку замкнул ответ «В основном да» (22,6%). Затруднились ответить 5,6% респондентов (Рисунок 5).

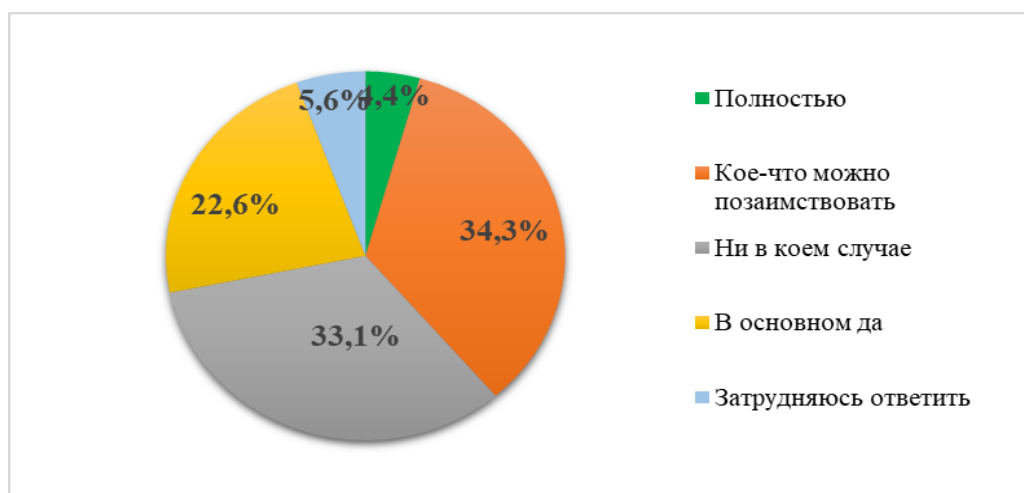

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос «Хотели бы Вы в своей жизни повторить модель семейного поведения своих родителей?» (2019 г.)⁸

В 2008 году студенты продемонстрировали схожую картину распределения ответов — 44% респондентов выбрали ответ «Кое-что можно позаимствовать», а 23,5% — «В основном да». Расхождение показателей ответов 2008 и 2019 года продемонстрировал ответ «Ни в коем случае» — в 2008 году он набрал симпатии всего 18,5% опрошенных.

Данные, представленные в опросах 2008 и 2019 гг., позволяют сделать вывод, что современная студенческая семья склонна избирательно подходить к имплементации модели семьи более старшего поколения. Параллельно наблюдается рост негативного восприятия модели семьи родителей — возможно, отчасти этому способствовали рост количества разводов и увеличение форм семейных неофициальных отношений, сопровождающихся регулярной сменой партнёра. На наш

⁸ Составлено авторами.

взгляд, разделяя базовые ценности семьи (присутствующие в ней любовь, поддержку, доверие), современная российская студенческая молодежь наполняет этот базовый контур новым содержанием, реализующимся в новых формах семейных отношений.

Одной из таких форм выступает нерегистрируемый брак (брак, официально не зарегистрированный в органах ЗАГС), который также называют «гражданским браком». Наш опрос показал (Рисунок 6), что современная студенческая молодёжь весьма позитивно воспринимает его как вариант реализации на практике возможности попробовать, что представляет собой семейная жизнь (46,4%), проверить чувства друг друга в формате повседневной жизни (7,7% опрошенных). Порядка четверти респондентов (26,2%) отразили своё отрицательное отношение к нерегистрируемому браку (интересно при этом, что большинство из этих 26,2% составили молодые люди, а не девушки). Варианты ответов «Так удобнее» и «Просто сейчас так принято» в опросе 2019 года выбрали 9,3 и 10,5% опрошенных соответственно.

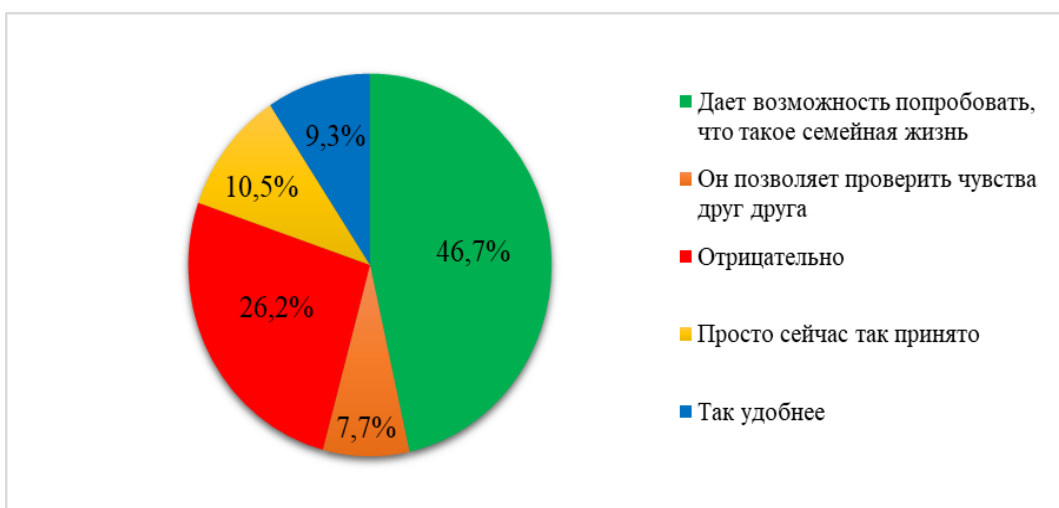

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к нерегистрируемому браку? (2019 г.)⁹

Опрос студенческой молодёжи 2008 года также отразил позитивную (хотя и в чуть меньшей степени — 43,7% опрошенных) настроенность студентов на восприятие незарегистрированного брака как способ апробации семейного формата жизни. Мы уже отмечали, что данный процесс является следствием трансформации ценностей и норм всего общества, изменения характера данных средств массовой информации (особенно популистского характера), низкого уровня внимания к культурному воспитанию и формированию семейных ценностей у подрастающего поколения.

⁹ Составлено авторами.

Учитывая выраженный позитивный настрой опрошенных представителей студенческой молодёжи к незарегистрированной форме брака, мы задали им вопрос о том, какие факторы негативно влияют на желание молодёжи вступить в зарегистрированный брак. Респондентам была предоставлена возможность выбрать три фактора, имеющие, на их взгляд, ключевое значение. В итоге на первом месте оказался фактор «Психологическая неподготовленность» (55,6 пунктов из 100 по степени влияния), на втором — «Отсутствие желаемого уровня/качества жизни» (46,3 пункта), на третьем — «Неудачный опыт родителей или окружающих» (42,3 пункта). Дальнейшее распределение факторов, предложенных респондентам для ранжирования, и их итоговое место представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Факторы, негативно влияющие на желание молодёжи вступать в брак¹⁰

Фактор, негативно влияющий на желание молодёжи вступать в брак	Место в рейтинге влиятельности (по мнению респондентов)
Нестабильная экономическая ситуация в стране	7
Нестабильная политическая ситуация в стране	10
Недостаточные меры по поддержке семьи со стороны государства	9
Отсутствие надёжного источника дохода	5
Отсутствие желаемого уровня/качества жизни	2
Психологическая неподготовленность	1
Отсутствие жилищных условий для создания семьи	6
Ценностные трансформации в обществе, семья перестаёт быть значимой	4
Неудачный опыт родителей или окружающих при создании семьи	3
Нежелание заводить детей	8

Полученные ответы позволяют говорить, что решение вопроса повышения распространенности брака как формы официально зарегистрированных семейных отношений лежит в первую очередь в сфере психологии и социального опыта молодёжи и только потом — в плоскости материально-денежных стимулов.

Перед тем как провести опрос, мы устно опросили студентов одной из групп факультета государственного управления относительно того, как они считают, почему их однокурсники вступили в официальный брак. Чаще всего звучал ответ (в разных формулировках, но единый по смыслу) — по причине беременности. В результатах опроса студенческой молодёжи 2008 года рождение ребёнка с небольшим отрывом

¹⁰ Составлено авторами.

находилось на втором месте в числе причин заключения официального брака («любовь» — 52,3%; «рождение ребёнка» — 42,4%).

Примерно такую же картину распределения ответов мы ожидали увидеть и в итогах анкетирования 2019 года. Однако студенческая молодёжь продемонстрировала романтический настрой, и более половины (51,7%) опрошенных выбрали ответ, что причиной заключения официального брака выступает любовь (Рисунок 7). На втором месте по популярности разместился ответ «Желание приобрести новый социальный статус — женатого/замужней» (28,2%) и «Ожидание рождения/факт рождения ребёнка» (14,1%). Незначительное число респондентов обозначили в качестве стимула вступления в официальный брак «Желание получить новые блага (квартиру, машину и т.п.)» и «Желание/воля родителей» — 4,8 и 1,2% соответственно.

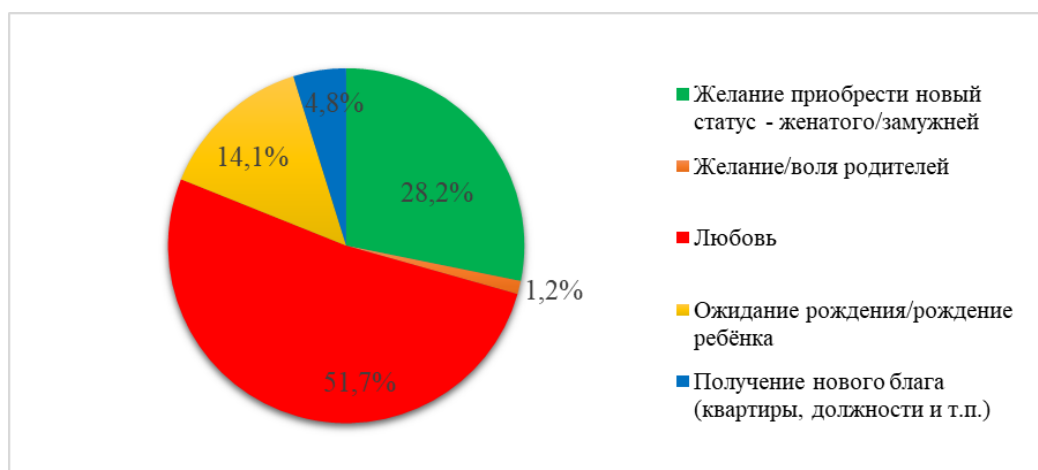

Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос «Что может стать причиной заключения официального брака? (2019 г.)¹¹

Вопрос о ключевом факторе, стимулирующем студентов к построению семьи (в любом её формате), в 2019 году показал, что наряду с «желанием создать семью» (49,2% опрошенных) им выступает и фактор «Наличие работы и постоянного дохода» (36,7% респондентов). На третьем месте со значительным отрывом оказался фактор наличия собственного жилья (8,9%). Нужно отметить, что эмоциональная ориентированность респондентов 2019 года усилилась по сравнению с данными аналогичного опроса 2008 года. В 2008 году основным драйвером создания семьи выступило «наличие работы и постоянного дохода (51,2% опрошенных). Желание создать семью тогда набрало всего лишь 31,6% голосов. Полученные данные позволяют говорить (пусть и весьма осторожно), что у молодёжи постепенно

¹¹ Составлено авторами.

ослабевает восприятие зависимости создания семьи от степени их материальной состоятельности.

Как показали данные Всероссийской переписи населения 2010 года, современная российская семья малодетна по своему составу. Это проявилось и во Всероссийской переписи населения 2002 года (40,4 % опрошенных обозначили, что их семья состоит из 1–2 детей), и во Всероссийской переписи 2010 года (аналогичный параметр составил 40,9%)¹². Суммарный коэффициент рождаемости в России в 2018 году составил чуть меньше 1,6. Проблема доминирования в современном российском социуме семьи с одним, максимум двумя детьми существует и на уровне нынешних поколений молодых семей (семей с возрастом супругов/одного из супругов до 35 лет). В проведенном опросе мы обратились к идентификации настроений отечественной студенческой молодёжи в плане числа детей, которое они хотели бы иметь в своей будущей семье. Среди опрошенных нами студентов в 2019 году (Рисунок 8) всего лишь 11,3% отметили, что «Не планируем иметь детей» (в опросе 2008 года таких было значительно меньше — 2,9%). Около 16 % (15,7%) респондентов обозначили своё плановое ограничение числа детей до одного в семье (почти аналогичный показатель был и в 2008 году — 16%).

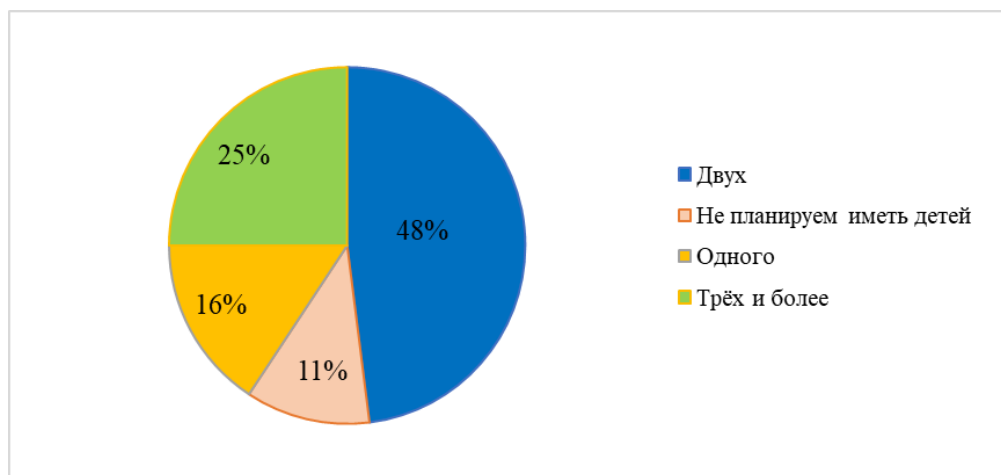

Рисунок 8. Распределение ответов на вопрос «Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей семье?» (2019 г.)¹³

В то же время в 2019 году 48 % студентов оказались настроены на формирование семьи с двумя детьми, а 25% — с тремя и более. Данные показатели

¹² Социально-демографический портрет России. По итогам всероссийской переписи населения 2010 года. С. 29-30 // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 19.09.2019).

¹³ Составлено авторами.

несколько изменились по сравнению с 2008 годом — тогда 59% опрошенных выбрали ответ «семья с двумя детьми», и 22,1% — с тремя и более. Но общий процент респондентов, настроенных на семью с двумя и более детьми, остался по-прежнему высоким — 73% в 2019 году и 81,1% в 2008 году.

Полученное расхождение между картиной нынешнего демографического состояния в РФ и настроениями студенческой молодёжи позволяет поставить следующий вопрос — почему же молодые люди, демонстрируя позитивный настрой в отношении модели семьи с двумя и более детьми, на практике реализуют её в более ограниченном виде с точки зрения количества детей?

В поиске возможных и обоснованных вариантов ответов на этот вопрос мы попросили студентов 2019 года ранжировать те институты, которые, на их взгляд, могут помочь им в создании семьи. Опрошенная группа представителей российской студенческой молодёжи выразила мнение, что в данном вопросе они могут рассчитывать только на себя (данную позицию в качестве приоритетной отразили 179 человека из 248 опрошенных лиц). Практически аналогичные данные были получены и в опросе 2008 года — 171 голос из 248.

Помощь родителей стала в 2019 году фактором, набравшим в итоговой сумме относительно небольшой вес. Большинство опрошенных разместило на второй/третьей позиции вариант ответа «Рассчитываю только на себя». Если рассматривать его с позиции присутствия в двойке первых ответов, то 84 респондента поместили его на первое/второе место, а уже 133 включили в тройку основных. В данных опроса 2008 года фактор «помощь родителей» расположился в итоговой картине на втором месте (правда, с большим отрывом от расчёта на себя), набрав симпатии 50 студентов.

На последнем месте по популярности расположился ответ «Рассчитываю на помощь государства» (2019 г.). В 2008 году на помощь государства рассчитывали всего лишь 10 человек из общего числа опрошенных (248 респондентов).

Обращаясь к представлениям студентов о роли государства в семейных делах, мы получили в 2019 году выраженную равномерность распределения ответов по линейки от «Государство должно помогать, если ставит какие-то задачи в семейной политике» (35,3%) через «Семья — это личное дело каждого, и государство тут ни при чём» (31,8% ответов) до «Государство может влиять (своей системой поддержки семей)» (28,4% ответов). Самый минимум (4,5%) набрал ответ «Государство имеет право влиять, формируя семейную политику» (рисунок 9).

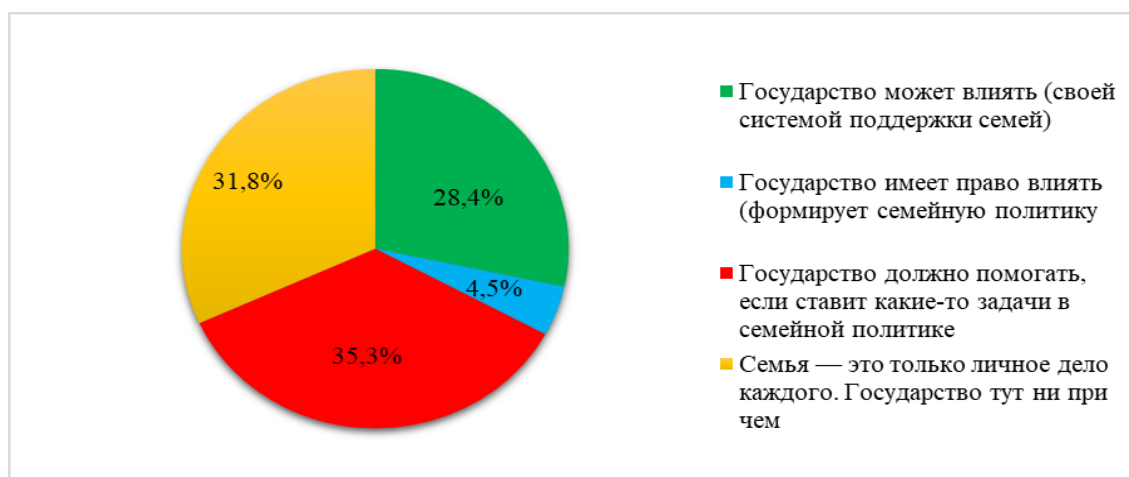

Рисунок 9. Распределение ответов на вопрос «Какова в Вашем представлении роль государства в семейных делах?» (2019 г.)¹⁴

В данных опроса 2008 года наблюдалось большее единство мнений: в частности, ровно половина опрошенных (50%) выбрала вариант ответа «Государство может влиять (своей системой поддержки семьи). В то же время число лиц, считавших, что семья — это дело личное и внегосударственное, было меньше — 22,9% опрошенных.

Зафиксировав выраженное ожидание современной российской студенческой молодёжью поддержки от государства, мы задали вопрос на уточнение привлекательности для респондентов 2019 года конкретных государственных мер стимулирования рождаемости. Итоговое рейтинговое расположение предложенных для ранжирования семи вариантов ответов представлено в Таблице 2.

Таблица 2. Меры стимулирования рождаемости (со стороны государства)¹⁵

Мера стимулирования рождаемости (со стороны государства)	Место в рейтинге привлекательности для респондентов
Денежная поддержка	2
Помощь в предоставлении (приобретении) жилья	1
Помощь в трудоустройстве	4
Обязательный ежегодный дополнительный отпуск	6
Удобный рабочий график	5
Моральная поддержка — признание со стороны общества (работодателя) значимости рождения ребёнка	7
Наличие и доступность хороших детских учреждений или оплата няни	4

¹⁴ Составлено авторами.

¹⁵ Составлено авторами.

Особенная значимость помощи государства в получении (приобретении) жилья была обозначена респондентами и 2008 года — тогда данный фактор также занял первое место. Аналогично и мера «денежная поддержка» разместилась на втором месте в глазах студенческой молодёжи 2008 года. Еще в рамках анализа итогов результатов нашего опроса студентов 2008 года мы указывали, что подобное распределение в полученных ответах показывает, что реализуемые государством меры поддержки семей с детьми слабо соответствуют ожиданиям студентов. Для студентов крайне важна большая вовлеченность государства в решение вопроса жилищной обеспеченности молодых семей. И поскольку именно этой поддержки они не могут получить в той мере, на которую рассчитывают, они выбирают семейную стратегию, основанную на расчёте только на себя и свои силы.

Доступность для молодёжи жилья и финансовое благополучие (в форме собственного достаточного дохода или государственной поддержки) являются одновременно стимулами и барьерами для построения молодёжью семейных отношений. Исследователи регулярно фиксируют трансформации в наборе и иерархии ценностей и ориентиров каждого последующего поколения россиян. Это касается и критериев, посредством которых в молодёжной среде измеряется успешность жизни её членов. Мы также обратились к факторам, которые опрошенные студенты (2019 года) посчитали важными для оценки их жизни как успешной. На первом месте с практически зеркальными показателями оказались такие факторы, как «Материальное благополучие» и «Наличие жилья». С небольшим отрывом от них следовали следующие критерии измерения успешности жизни в глазах молодёжи (перечислены по мере снижения оценки): «Жить, ни в чём себе не отказывая, не оглядываясь на других», «Карьерные успехи («Успехи в работе»», «Устойчивый доход», «Жизнь в гармонии с окружающими». Семья как показатель успешности в жизни оказалась в конце списка, став самым непривлекательным критерием. Выше её оказался даже критерий «Общение с друзьями». Пессимизм в восприятии создания и нахождения в семье как главного индикатора успеха в жизни был продемонстрирован опрошенными студентами в отношении всех предложенных им в опросе форм семей — без ребёнка, с одним ребёнком, с двумя детьми, с тремя и более детьми. Из этих данных мы видим, что семья в глазах современной российской студенческой молодёжи не является ни главным, ни даже второстепенно главным смыслом и целью их жизни — у молодёжи выражена материальная ориентированность, подавляющая ценности социального плана.

В итоговых данных опроса отечественной студенческой молодёжи 2008 года мы также фиксировали стремление к материальному благополучию как первостепенному фактору успешности жизни. Ключевое отличие от итоговой картины опроса 2019 года, в сравнении с 2008 годом, состоит в том месте, которое занимает семья как критерий жизненной успешности. В 2019 году он оказался «на задворках» показателей, в то время как в 2008 году вариант ответа «Семья с двумя детьми» находился на четвертом месте с симпатией порядка 13% опрошенных лиц (в 2019 году — уже всего лишь 10%).

Заключение

Полученные результаты исследования семейных стратегий современной российской студенческой молодёжи в 2019 году, а также сопоставление этих данных с результатами опроса сходной по основным параметрам социальной группы в 2008 году позволили сформулировать определённые выводы и предположения о состоянии дел в исследуемой области.

Прежде всего, отметим, что у современной российской студенческой молодежи присутствует довольно размытая картина представлений о том, что входит в понятие «семья», какие субъекты её наполняют, в чём её социальная роль и функции. Чаще всего образ семьи у опрошенных респондентов связывается с определенной социальной группой («родные и близкие люди»), встраивается в ряд социальных элементов («ячейка общества», «союз») либо основывается на функциональной роли семьи по отношению к индивиду («поддержка», «помощь», «взаимоуважение», «любовь»). Доминирующим представлением в кругу опрошенных нами представителей студенческой молодёжи стала идентификация образа идеальной семьи со словами «поддержка» («опора») и «любовь».

Вторым выводом является зафиксированный доминирующе высокий уровень привлекательности для отечественной студенческой молодёжи партнёрской модели брачных отношений, в которой присутствует сбалансированно распределённый объем функций, закрепленный за каждым из партнёров. В этом плане новое поколение россиян уже существенно отошло от той патриархальной модели семьи, которая была ещё недавно повсеместно распространена в России. Сегодняшняя молодая семья — это два человека, нацеленные на самореализацию и не готовые подчиняться друг другу. В качестве ключевого (и почти единственного) драйвера создания семьи и перехода в семейный формат отношений выступает, по мнению опрошенных, любовь. При этом опрошенные, продемонстрировав романтический настрой, одновременно отразили и

важность уважения и доверия как факторов, сплачивающих семью как социальное образование в долгосрочной перспективе.

Разделяя ценность любви, уважения и доверия, современная студенческая семья склонна избирательно подходить к имплементации модели семьи более старшего поколения. Значительная часть опрошенных показала скорее негативный настрой и неприятие модели семьи, реализованной их родителями. На наш взгляд, подобное явление связано с постоянно возрастающим в российском обществе количеством разводов, увеличением объема реализации разных форм неофициальных семейных отношений, сопровождающихся в том числе регулярной сменой партнёра. Полученные нами данные позволяют говорить, что, разделяя базовые ценности семьи (присутствующие в ней любовь, поддержку, доверие), современная российская студенческая молодежь наполняет этот базовый контур новым содержанием, реализующемся в новых формах семейных отношений.

Подтверждением данного вывода является и диагностированная в опросе позитивная настроенность студентов на восприятие незарегистрированного брака как эффективного способа апробации семейного формата жизни. Попробовать пожить какое-то время в «неофициальной семье», сочетая признаки семейного образа жизни с относительной личной свободой действий каждого из партнёров, — распространённая норма современной российской молодёжной среды. Мотивы незарегистрированных семейных отношений, как показали наши опросы, лежат в первую очередь в сфере психологии (психологическая неготовность к официальному браку молодых людей и девушек), негативного социального опыта молодёжи и только потом — в плоскости материально-денежных стимулов.

Мы уже указывали выше, что романтизм — характеристика, тесно связывающая современную студенческую молодёжь и её официальные брачные отношения, переход к семейному формату жизни. В обоих опросах студенты ярко отразили свою позицию, указав, что основной причиной заключения официального брака для них выступает любовь. Кроме того, в качестве ключевого стимула перехода молодёжи на путь построения семейной жизни (в любом её формате) является «желание создать семью», многократно усиленное наличием работы и постоянного дохода.

В части состава семьи у респондентов выявилась настроенность на модель семьи с двумя и более детьми. Как видно из статистических данных фактического состава семьи, подобная первоначальная плановая модель в дальнейшем реализуется молодёжью весьма лимитировано. С нашей точки зрения, это связано с тем, что,

разделяя определенные постулаты (важность и ценность семьи в целом, число детей в семье и т.д.), на жизненном пути молодое поколение сталкивается с рядом барьеров, существенно корректирующих их первоначальный настрой. Из опросов мы увидели, что современная российская студенческая молодёжь в вопросах создания (функционирования) семьи склонна рассчитывать только на себя. Нельзя не заметить, что нынешняя государственная семейная политика отличается минимальным комплексом мер, значимых для молодого поколения [Стельмах 2017]. В частности, студенты показали, что остро нуждаются в государственной помощи в решении жилищного вопроса — по факту сейчас государство в этой области делает крайне мало (например, можно рассмотреть вариант «отложенной ипотеки», то есть выплаты кредита после завершения учебы и выхода на работу). Аналогичный провал присутствует и в качестве ответов государства на потребность молодой студенческой семьи в мерах финансовой поддержки.

Российское общество в течение столетий придавало особый социальный статус семье [Вишневский 2008]. Семья рассматривалась как одна из базовых ценностей и показателей успеха в жизни. Данные наших опросов показали наличие существенных трансформаций в данном вопросе у студенческой молодёжи. В частности, в них присутствует выраженный пессимизм в восприятии создания и реализации себя в семье как индикатора успеха в жизни. На первые позиции признаков своей жизненной успешности студенты поставили личное материальное благополучие (в том числе финансовое и жилищное). На наш взгляд, подобный материалистический подход к построению жизненной стратегии сулит мало хорошего в семейной жизни. Он провоцирует нежелание вступать в брак (нести на себе дополнительные семейные обязанности), заводить детей и уделять достаточно внимания их воспитанию, расшатывает платформу передачи каждому последующему поколению представления о семье как о базовой ценности жизни.

Результаты проведенного авторами статьи лонгитюдного исследования являются крайне полезными для корректировки современного состояния государственной молодежной и семейной политики, отличительными чертами которой на данный момент являются:

- несоответствие мер, предпринимаемых государством по вышеуказанным направлениям активности, ожиданиям и предпочтениям российской молодежи, в том числе студенческой;

- отсутствие со стороны современного российского государства социально-экономической целевой поддержки студенчества как социальной группы, в которой существует высокий уровень ответственности за реализацию позитивных демографических, экономических, инновационных сценариев развития России в национальном масштабе, на что обращают внимание и другие исследователи, например [Багирова, Шубат 2017];
- наличие пробелов в российском законодательстве, связанных с такой дефиницией, как «студенческая семья» (ее отсутствие), и, как следствие, в практиках реализации семейной и молодежной политики;
- слабое информационное сопровождение пропаганды семьи как базовой ценности в российских СМИ и социальных сетях, с фокусом на студенческую аудиторию пользователей.

Отметим, что неэффективность госполитики в области формирования семейных ценностей как актуального направления деятельности одного из ключевых органов в сфере реализации молодежной политики Федерального агентства по делам молодежи — Росмолодежи — обусловлена противоречиями в самой системе управления семейной и молодежной политикой, а именно: нестабильностью и изменчивостью приоритетов и задач, отсутствием и нестабильностью на протяжении долгого времени институциональной основы работы с молодежью, реализацией хаотических и скорее тактических мероприятий в данных сферах, недостатком финансирования при реализации соответствующих программ, узким кругом субъектов формирования семейной и молодежной политики с ограниченным вовлечением в процесс целеполагания непосредственно молодежи, гражданских и экспертных структур [Андрюшина, Панова 2017].

С учетом того факта, что на сегодняшний день «Формирование у молодежи традиционных семейных ценностей» является одним из приоритетных направлений Росмолодежи среди остальных пятнадцати приоритетов и занимает пятое место по объемам финансирования (после развития инновационного потенциала молодежи, социальной адаптации, патриотизма, вовлечения молодежи в здоровый образ жизни), можно заключить, что российское государство позиционирует себя как ключевого актора, ответственного за поддержание позитивного отношения к институтам семьи и брака, родительства. Следовательно, именно государственные органы власти и управления призваны вырабатывать и реализовывать эффективную стратегию в первую

очередь по продвижению семьи как ценности в СМИ (особенно принимая во внимание факт превалирующего влияния государства в современном российском информационном пространстве). Комплекс мероприятий в данной сфере будет способствовать в том числе решению проблемы психологической неподготовленности российской молодежи вступать в брачные отношения.

Вторым направлением повышения эффективности семейной и молодежной политик является институализация взаимодействия государственных и гражданских структур (ассоциаций молодежи, студенчества, семей, а также вузов, школьных учреждений и т.п.) в области выработки приоритетов и программных мероприятий по поддержанию семейных ценностей. Так, среди негосударственных акторов семейной и репродуктивной социализации ключевым, первичным агентом выступает сам институт семьи, который также утратил свою значимость и авторитет в глазах молодого поколения¹⁶. Представляется, что в рамках реализации данной рекомендации посредством включения заинтересованных сторон (молодежи) в процессы выработки молодежной и семейной государственной политики проблема несоответствия приоритетов, представленных в официальных документах, и реальных интересов самой молодежи будет нивелирована.

Третье направление связано с повышением внимания со стороны государственных структур к вопросам социально-экономической поддержки молодежи, особенно студенческой, включая трудоустройство, обеспечение жильем. С учетом непростой экономической ситуации данное направление крайне востребовано, несмотря на наличие у студентов уверенности в собственных силах и надежды на себя.

Кроме того, необходимым условием поддержки студенческой молодежи, развития семейных ценностей у данной социальной группы по-прежнему является введение института студенческой семьи в политико-правовое регулирование, что будет способствовать целевому принятию решений в сфере государственной молодежной и семейной политики, являясь отправной точкой для создания институционально-программного дизайна в данной сфере.

¹⁶ Данная негативная тенденция сохранилась, что подтверждают результаты опросов и 2008, и 2019 гг. В структуре ценностей российских студентов можно зафиксировать приоритет карьеры и благополучия по отношению к семье при сохранении желания студентов иметь семью и детей, положительное отношение к незарегистрированному браку, изменение целей вступления в официальные брачные отношения.

Вопросы анкеты «Семейные стратегии современной российской студенческой молодёжи» (вопросы анкеты 2008 года и 2019 года совпадают).

1. В Вашем представлении семья — это (продолжите, пожалуйста, фразу развёрнутым ответом).

2. Идеальная семья, на Ваш взгляд, — это (отметьте, пожалуйста, один вариант ответа)

а. Традиционная: муж приносит деньги, жена занимается хозяйством (можно наоборот), зарегистрированы.

б. Оба работают, домашним хозяйством и детьми занимаются в равной степени, зарегистрированы.

в. Нерегистрируемый брак: живут вместе, ведут общее хозяйство, работают.

г. Гостевой брак: живут раздельно, встречаются, когда им обоим удобно, могут не состоять в браке.

д. Коммуна — несколько семей живут, работают, воспитывают детей вместе.

3. Какую роль играет любовь в создании семьи? (Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа).

а. Основную, без нее нет смысла создавать семью.

б. Одну из определяющих. Однако любовь проходит, надо основываться на уважении и доверии.

в. Хорошо если будет, но не обязательно.

г. Никакой роли не играет.

д. Лучше, чтобы ее не было, так как холодный рассудок позволяет принимать более правильные решения.

4. Хотели бы Вы в своей жизни повторить модель семейного поведения своих родителей? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа).

а. Полностью.

б. В основном да.

в. Кое-что можно позаимствовать.

г. Ни в коем случае.

д. Затрудняюсь ответить.

5. Как Вы относитесь к нерегистрируемому браку? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа).

а. Он позволяет проверить чувства друг друга.

б. Дает возможность попробовать, что такое семейная жизнь.

в. Так удобнее.

г. Отрицательно.

д. Просто сейчас так принято.

6. Что может стать причиной заключения официального брака? (Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа).

а. Ожидание рождения/рождение ребёнка.

- b. Любовь.
- c. Желание приобрести новый статус — женатого/замужней.
- d. Желание/воля родителей.
- e. Получение нового блага (квартиры, должности и т.п.).

7. *Какие факторы, на Ваш взгляд, негативно влияют на желание молодежи вступать в зарегистрированный брак? (для балльной оценки предлагался набор факторов).*

- Нестабильная экономическая ситуация в стране.
- Нестабильная политическая ситуация в стране.
- Недостаточные меры по поддержке семьи со стороны государства.
- Отсутствие надёжного источника дохода.
- Отсутствие желаемого уровня/качества жизни.
- Психологическая неподготовленность.
- Отсутствие жилищных условий для создания семьи.
- Ценностные трансформации в обществе, семья перестает быть значимой.
- Неудачный опыт родителей или окружающих при создании семьи.
- Нежелание заводить детей.

8. *Когда, на Ваш взгляд, лучше всего начинать семейную жизнь? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа).*

- a. Когда есть работа и постоянный доход.
- b. После завершения учёбы.
- c. Когда есть отдельное жилье.
- d. Когда будет желание создать семью.
- e. Не задумывались.

9. *Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей семье? (Выберите, пожалуйста, один вариант ответа).*

- a. Одного
- b. Двух
- c. Трёх и более
- d. Не планируем иметь детей.

10. *Что (кто) может помочь Вам в реализации цели создания семьи? (для ранжирования предлагались варианты ответов).*

- Государство (помощь государства)
- Родители (помощь родителей)
- Друзья (помощь друзей)
- Поддержка на работе
- Только я сам (Рассчитываю только на себя)
- Другое

11. *Какова в Вашем представлении роль государства в семейных делах? (Отметьте, пожалуйста, один вариант ответа).*

- a. Государство может влиять (своей системой поддержки семей).

- b. Государство имеет право влиять (формирует семейную политику).
- c. Государство должно помогать, если ставит какие-то задачи в семейной политике.
- d. Семья — это только личное дело каждого. Государство тут ни при чем.

12. *Какие меры стимулирования рождаемости, на Ваш взгляд, получили бы Вашу наибольшую поддержку? (для балльной оценки предлагался набор мер).*

- Денежная поддержка.
- Помощь в предоставлении (приобретении) жилья.
- Помощь в трудоустройстве.
- Обязательный ежегодный дополнительный отпуск.
- Удобный рабочий график.
- Моральная поддержка — признание со стороны общества (работодателя) значимости рождения ребенка.
- Наличие хороших детских учреждений (чтобы не было проблем) или оплата няни.

13. *Что (какие факторы) Вы считаете важным для оценки Вашей жизни как успешной? (для балльной оценки предлагался перечень факторов).*

- Устойчивый доход.
- Материальное благополучие.
- Наличие жилья.
- Карьерные успехи (успехи в работе).
- Образование.
- Общение с друзьями.
- Семья (без ребёнка).
- Семья с одним ребенком.
- Семья с двумя детьми.
- Семья с тремя (и более) детьми.
- Жизнь в гармонии с окружающими.
- Жить, ни в чем себе не отказывая, не оглядываясь на других.

Список литературы:

Андрюшина Е.В., Панова Е.А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars administrandi. Искусство управления.* 2019. Т. 11. № 2. С. 200–219.

Андрюшина Е.В., Панова Е.А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // *Власть.* 2017. Т. 25. № 7. С. 60–65.

Антонов А.И. Современные тенденции детности семьи и цели семейно-демографической политики // *Экономические стратегии.* 2014. Т. 16. № 5. С. 68–74.

- Багирова А.П., Шубат О.М.* Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126–131.
- Богданова Л.П.* Гражданский брак в современной демографической ситуации // СОЦИС. 2010. № 7. С. 100–105.
- Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н.* Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 61–73.
- Вишневский А.Г.* Эволюция российской семьи // «Экология и жизнь». 2008. № 7. С. 4–11.
- Вишневский Ю.Р.* Отношение студенческой молодёжи к семейным ценностям // Образование и наука. 2018. № 5. С. 126–142.
- Гаспоян Ю.А.* Семья на пороге 21 века: социологические проблемы. Спб: Петрополис, 1999.
- Григорьева Н.С.* Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи. Решение конфликта «работа — семья». М.: Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, 2009.
- Григорьева Н.С., Дюпра-Куштанина В.А., Чубарова Т.В., Яковлева И.В.* Брачность и родительство в контексте эволюции современной семьи: обзор международных исследований // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 1–22.
- Гурко Т.А.* Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 26–45.
- Гурко Т.А., Тарченко В.С.* Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102–113.
- Дорохина В.В.* Отношение к семье и браку студенческой молодежи в 20-е годы [XX в.] // Семья в России. 1996. № 1. С. 122–128.
- Зоркая Н., Дюк Н.М.* Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4(66). С. 66–77.
- Ильиных С.А.* Представления о семье студентов Минска и Новосибирска // СОЦИС. 2014. № 3. С. 59–65.
- Левина Е.И.* Институт семьи в современной демографической ситуации в России // Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12(68). С. 483–488.

Лексин В.Н. Идеологические основы упадка современного института семьи // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 29–42.

Митрикас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // *Социологического исследования*. 2004. № 5. С. 65–73.

Назарова И.Б., Зеленская М.П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // *СОЦИС*. 2019. № 7. С. 78–89.

Новоселова Е.Н. Судьба традиционной семьи в эпоху прогрессирующего эгоизма // *Вестник Московского Университета. Сер. 18 Социология и политология*. 2013. № 2. С. 106–123.

Реан А.А. Семья в структуре ценностей молодёжи // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14. № 1. С. 62–76.

Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // *Вопросы управления*. 2015. № 3(34). С. 85–90.

Русанова А.А. Семья как ценность и институт самоопределения студенческой молодёжи // *Современные исследования социальных проблем*. 2012. № 4. С. 84–92.

Синельников А.Б. Значение семьи для сожителей и законных супругов. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни // *Сборник материалов общероссийской научно-практической конференции «I Римашевские чтения»* (Москва, 27 марта 2018г.) / Под общ. ред. В.Н. Локосов, отв. ред. Е.В. Кочкина, ред. О.А. Александрова, Е.А. Баллаева, О.Н. Махарова, К.В. Виноградова. М.: ИП Вишняков А.В.; ИСЭПЭН РАН, 2016. С. 52–58.

Солодовников В.В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 6. С. 269–332.
DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Стельмах А.М. Российская студенческая семья как объект современной политики государства // *Вестник КРСУ*. 2016. Т. 16. № 10. С. 75–77.

Дата поступления: 06.09.2019

Panova E.A., Andryushina E.V., Grigorieva N.S.

**Family Strategy of Modern Russian Student Youth (the Results of 2008
and 2019 Surveys Comparative Analysis)**

Ekaterina A. Panova — PhD, Associate Professor, Human Resources Management Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Panova@spa.msu.ru

Eugenia V. Andryushina — PhD, Associate Professor, Department of Political Analysis, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: eugenie80@mail.ru

Nataliya S. Grigorieva — DSc (Political science), Professor, Department of Political Analysis, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: grigorieva@spa.msu.ru

Abstract

The study of family strategies behavior of young people in general and students in particular is relevant in connection with the unfavorable demographic situation in modern Russia, the decisive role of youth in the replacement of outgoing generations, its impact on the social structure of society as a whole, the role of young people in the implementation of positive scenarios for the development of Russia in the global context. From a practical point of view, an additional factor of attention to the chosen problem is that the state youth and family policy has the status of priority activities for modern Russian state, which is confirmed in the activities of a strategic and tactical nature, developed at the highest political and administrative level. The article is a comparative analysis of longitudinal research surveys results of student youth, implemented in 2008 and 2019 to identify the transformations of family values and personalized family strategies among undergraduate and graduate students of Russian universities for 12 years. This study is the basis for correction of already implemented strategic and program measures in the direction of formatting new models of state and social management in the family sphere. The significance of research objectives is determined by the lack of family strategies research among students, who constitute the fifth of the country's young population and by the need to implement continuous monitoring of changes occurring in consciousness of youth regarding family strategies for rapid adaptation of the state in setting priorities and implementing family and social policy of Russia. The article provides recommendations for improving the effectiveness of youth and family policy.

Keywords

Family values, family strategy, state family policy, youth policy, student family.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10027

References:

- Andryushina E.V., Panova E.A. (2017) The Modern Russian State Youth Policy: Evolution, Main Directions and Practices. *Vlast'*. Vol. 25. No. 7. P. 60–65.
- Andryushina E.V., Panova E.A. (2019) The Impact of State Policy on the Family Strategies of the Student Youth. *Ars administrandi. Iskusstvo upravleniya*. Vol. 11. No. 2. P. 200–219.
- Antonov A.I. (2014) Sovremennyye tendentsii detnosti sem'i i tseli semeyno-demograficheskoy politiki [Modern trends of family identity and goals of family and demographic policy]. *Ekonomicheskiye strategii*. Vol. 16. No. 5. P. 68–74.

- Bagirova A.P., Shubat O.M. (2017) Family and Parenting in the Light of the Students Views. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 7. P. 126–131.
- Bogdanova L.P. (2010) Grazhdanskiy brak v sovremennoy demograficheskoy situatsii [Civil marriage in the modern demographic situation]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 7. P. 100–105.
- Dorokhina V.V. (1996) Otnosheniye k sem'ye i braku studencheskoy molodezhi v 20-e gody [XX v.] [Attitude to the family and marriage of students in the 1920-s]. *Sem'ya v Rossii*. No. 1. P. 122–128.
- Gasporyan Yu.A. (1999) *Sem'ya na poroge 21 veka: sotsiologicheskiye problemy* [Family on the threshold of the 21st century: sociological problems]. St.-Petersburg: Petropolis.
- Grigorieva N.S. (2009) *Family Strategies of Modern Russian student Youth. Work-Family conflict resolution*. Moscow: ILO Subregional Office for Eastern Europe and Central Asia.
- Grigorieva N.S., Dupra-Kushtanina V.A., Chubarova T.V., Yakovleva I.V. (2012) Conjugality and Parenting Within the Context of Modern Family Evolution: International Research Review. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 35. P. 1–22.
- Gurko T.A. (2011) Institut sem'i v postindustrial'nykh obshchestvakh [The institution of the family in post-industrial societies]. *Tsennosti i smysly*. No. 4. P. 26–45.
- Gurko T.A., Tarchenko V.S. (2019). Dynamics of Students' Marital Attitudes and Plans. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 7. P. 102–113.
- Il'inykh S.A. (2014) Predstavleniya o sem'ye studentov Minska i Novosibirsk [Ideas about the family of Minsk and Novosibirsk students]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 59–65.
- Leksin V.N. (2011) Ideological Bases of the Decline of Modern Institute of a Family. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. P. 29–42.
- Levina E.I. (2008) Family Institute in a Modern Demographic Situation in Russia. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. No. 12(68). P. 483–488.
- Mitrikas A. (2004) Sem'ya kak tsennost': sostoyaniye i perspektivy izmeneniy tsennostnogo vybora v stranakh Evropy [Family as value: the state and prospects of changes in value choice in Europe]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 65–73.
- Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. (2019) Marriage, Family, Student's Social Attitudes and Representations. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 7. P. 78–89.
- Novoselova E.N. (2013) The Fate of the Traditional Family in the Age of Egoism. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. No. 2. P. 106–123.

- Rean A.A. (2017) A Family in the Structure of Values of Young People. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal*. Vol. 14. No. 1. P. 62–76.
- Rostovskaya T.K., Kuchmayeva O.V. (2015) Imagery of the Young Russian People about Family Life: Sociological aspect. *Voprosy upravleniya*. No. 3(34). P. 85–90.
- Rusanova A.A. (2012) A Family as a Social Institution, and the Value of the Self-Determination of Students. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. No. 4. C. 84–92.
- Sinel'nikov A.B. (2018) Znachenie sem'i dlya sozhitel'ey i zakonnykh suprugov [The role of family for legal spouses and cohabitants]. *Sbornik materialov obshcherossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «I Rimashevskiy chteniya»*. Moscow: ISESP RAS. P. 52–58.
- Solodovnikov V.V. (2018) Russian Sociological and Psychological Research of the Family: Metaanalysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 269–332. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.
- Stel'makh A.M. (2016) Russian Student Family as Object of Contemporary Social Policy. *Vestnik KRSU*. Vol. 16. No. 10. P. 75–77.
- Varlamova S.N., Noskova A.V., Sedova N.N. (2006) Family and Children in the Life Attitudes of Russians. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 10. P. 61–73.
- Vishnevskiy A.G. (2008) Evolyutsiya rossiyskoy sem'i [Evolution of the Russian family]. *Ekologiya i zhizn'*. No. 7. P. 4–11.
- Vishnevskiy Yu.R. (2018) The Attitude of Student Youth to Family Values. *Obrazovaniye i nauka*. No. 5. P. 126–142.
- Zorkaya N., Dyuk N.M. (2003) Tsennosti i ustanovki rossiyskoy molodezhi [Values and attitudes of Russian youth]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. No. 4(66). P. 66–77.

Received: 06.09.2019

Русанова Н.Е., Журавлева Е.К.

Специфика многодетной семьи в столице: особенности государственного регулирования

Русанова Нина Евгеньевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, РФ.

E-mail: ninrus238@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [3843-1573](#)

Журавлева Елена Константиновна — президент Благотворительного фонда социального развития, Москва, РФ; эксперт Общероссийской общественной организации «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей», Москва, РФ.

E-mail: 777.74@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [5567-2459](#)

Аннотация

В последние годы в Москве укрепляется тенденция абсолютного и относительного роста многодетных семей, противоречащая глобальному тренду демографического развития высокоурбанизированных территорий. Это вызывает необходимость анализа проблем регулирования многодетности в многомиллионном столичном центре в контексте возможностей повышения рождаемости. В статье с помощью данных, полученных из официальных статистических источников, и опросов московских студентов и многодетных семей в 2015–2018 гг., а также информации с форумов и сайтов региональных объединений многодетных семей показано, что современная многодетность имеет особую природу, соответствующую постиндустриальному обществу: несколько детей в семье рождаются не из-за стремления получить дополнительных работников в индивидуальном хозяйстве, а из-за внутренней потребности в детях. Этот мотив доминирует и в Москве, где ни планировка жилья, ни организация пространства, ни рынок труда не приспособлены для многодетных семей. Основным направлением государственного регулирования многодетности в России, как и в странах Евросоюза, остается политика, направленная на поддержание благосостояния детей в таких семьях на уровне не ниже среднего по стране. Многолетние стабильные традиции этой политики привели к тому, что московская молодежь уже при формировании ориентиров матримониального поведения рассматривает льготы многодетным как обязательную государственную помощь, а не как стимул к рождению нескольких детей и не стремится к многодетности. Чтобы сделать городскую многодетность привлекательной, требуется дополнение существующих поддерживающих мер целевой информационной политикой, не просто пропагандирующей многодетность, но учитывающей изменение юридических, экономических, образовательных, медицинских, архитектурно-градостроительных норм в направлении развития столичной среды, «дружественной» к семьям с детьми. Регулирующим фактором может стать институциональное оформление категории «многодетная семья» на федеральном правовом уровне, как это сделано в некоторых европейских странах.

Ключевые слова

Многодетная семья, государственная поддержка, социологические опросы, фокус-группы, матримониальные ориентиры.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10028

Введение

Многодетность — явление, хорошо известное в повседневной жизни, но не имеющее четких определений, количественных параметров и качественного содержания, меняющихся на протяжении всей истории демографического развития.

В общем смысле многодетность трактуется как характеристика «воспроизводства населения и человечества со времён его возникновения в первобытную эпоху — как реакции на высокую смертность, угрожавшую существованию родоплеменных групп, подрывавшую их жизнеспособность» [Демографическая энциклопедия 2013, 479]. Многодетная семья рассматривается как «общая характеристика высокого уровня рождаемости. Обычно понимается как большое число рождений у женщин некоторого поколения к концу репродуктивного периода... Число рождений, определяющее многодетность семьи, в зависимости от субъективной оценки, колеблется от 4–5 и более до 7–8 и более, что делает категорию многодетной семьи неопределённой... Семьи с большим числом одновременно живущих детей характерны для переходных фаз демографической революции, когда уровень смертности уже низок, а рождаемости — ещё остаётся высоким» [Демографический энциклопедический словарь 1985, 256]. Критерии многодетности изменяются со временем: в странах, где произошел или завершается второй демографический переход, многодетными считаются семьи с тремя детьми, что в классической демографии относилось к среднедетности, а по числу детей стали разделять семьи бездетные, малодетные (1–2 ребенка) и многодетные (3 и более детей); многодетность с 5 и более детьми столь редка, что такие семьи не всегда имеет смысл выделять в самостоятельную исследовательскую категорию, но изучать как явление уникальное.

С точки зрения рождаемости многодетность можно разделить на группы, условно называемые «натальной» и «социальной». При «натальной» многодетности все дети в семье рождены хотя бы одним родителем, входящим в эту семью, при «социальной» хотя бы часть детей в семье приемные — это важно при демографических расчетах, поскольку позволяет определить «вклад» многодетных семей в изменение числа рождений во всем населении, но для государственной семейной политики дети приемные и рожденные в конкретной семье равнозначны. Такой подход основан на том, что базой любой социальной политики является система доминирующих ценностей, позволяющих сформировать определенный тип социального порядка, а многодетная семья является частью общества.

Современная многодетность — сложный и противоречивый феномен, который, несмотря на позитивные примеры образованных и обеспеченных семей, часто воспринимается как явление девиантное [Антонов 2009, 357], ассоциируется с религиозностью и соответствующим контрацептивным поведением, вызывая вопросы о

том, не является ли помощь многодетным поощрением иждивенчества¹. Самой распространенной проблемой многодетных считается низкий доход, что иногда учитывается на конституционном уровне: «Семьи, находящиеся в трудном финансовом положении, особенно многодетные и неполные, имеют право на особую помощь со стороны государственных органов»². Но многодетные семьи существуют, даже становятся популярнее: в России доля семей с детьми снижается с 51,7% в 2002 г. до 43,6% в 2015 г., и если в 2002 г. однодетных среди всех домохозяйств с детьми было 65,2%, то к 2015 г. осталось 59,8%, двухдетных — 28,2% и 31,1%, а трехдетных и более — 6,6% и 9,1% соответственно [Бирюкова и др. 2019, 22]. В связи с этим возникают вопросы: что такое сегодня многочисленные потомства — осознанный выбор или безрассудство взрослых? Личное дело родителей или государственная необходимость?

Цель статьи, таким образом, — проанализировать ограничения и возможности увеличения числа многодетных семей в многомиллионном столичном центре в условиях низкой рождаемости.

История регулирования многодетности в России и в мире

Большинство стран активизировали воздействие на формирование и реализацию потребности в детях еще в начале XX в., когда на фоне потерь Первой мировой войны очевидными стали тенденции снижения рождаемости. Деятельность государственных органов и социальных институтов по регулированию воспроизводства населения учитывала не только потребности, но и макроэкономические возможности, которые были разными, поэтому различались и цели, и меры. Одними из первых европейских стран, где многодетность на практике стала рассматриваться как ресурс повышения рождаемости, стали Франция и Бельгия, раньше других отметившие снижение числа рождений. После войны они не только стремились увеличить численность населения как основу экономического потенциала, что соответствовало «неомеркантилистским» традициям того времени, но и имели на это средства. Началась пропаганда материнства, были приняты меры поощрения рождаемости и социальной помощи многодетным: Франция в 1918–1922 гг. трижды увеличивала размер существующих с 1904 г. «премий за материнство», в 1919 г. к ним добавились

¹ Кайшаури Н. «Зарплата должна учитывать расходы на воспитание детей» // Портал Милосердие.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/esli-posobie-ne-pomogaet-v-nem-net-smysla/> (дата обращения: 22.11.2019).

² Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г., Ст. 71 // Сейм Республики Польша [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/rosyjski/kon1.htm> (дата обращения: 21.11.2019).

ежемесячные выплаты на период грудного вскармливания и «материнские выдачи» из страховых касс, предназначавшиеся не только бедным, а также автоматическое увеличение ставки заработной платы главе семьи после рождения каждого ребенка. Число льгот возросло в 1923 г. вместе с удлинением срока обязательного выхода в отставку многодетных государственных служащих, гарантией занятости и покупки земель многодетным чиновникам и военнослужащим. В Бельгии некоторые предприятия и учреждения уже в войну предусматривали доплаты за многосемейность, с 1915 г. такие надбавки, начиная с третьего ребенка, выплачивали специальные страховые кассы. В 1921 г. была создана Бельгийская лига многодетных семей, первый конгресс которой поднял вопросы об облегчении налогов для них [Люблинский 1925].

В СССР снижение темпов роста населения отразили уже первые переписи, а сокращение числа рождений в годы Великой Отечественной войны потребовало от государства специальных мер. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 расширил круг плательщиков налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, введенного в 1941 г. как налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан, обязав платить тех, у кого меньше троих детей³; в 1945 г. это принесло в бюджет около 3,4 млрд руб., из которых на государственные пособия многодетным и одиноким матерям ушло 2,1 млрд руб. [Дьяченко 1978, 154–156]. Такое институциональное регулирование априори приравнивало многодетные семьи к неполным, что объяснялось военными потерями мужчин и отсутствием свободного репродуктивного выбора после фактического запрета аборт в 1936 г.⁴, часто делавшего семьи вынужденно многодетными.

Во второй половине XX в. многодетность в большинстве стран регулировалась в условиях завершения первого и начала второго демографического перехода, и главной целью изначально было восстановление численности населения после Второй мировой войны. В Европе лидером оставалась Франция, продолжившая эффективную в межвоенные годы программу «Большая семья», скорректировав ее под реалии

³ Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сейчас. Ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/3096 (дата обращения: 10.12.2019).

⁴ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#07595447844446627> (дата обращения: 21.11.2019).

текущего периода. Новые налоговые и материальные льготы прибавляли двух-трехдетным семьям среднего достатка 15–20% семейных доходов [Рубинский 2005, 56] и способствовали французскому «бэби-буму» 1946–1965 гг., когда суммарный коэффициент рождаемости (СКР) приближался к 3,0 [Heran 2004]. В США государственные меры регулирования многодетности не предусматривались, но национальная программа обеспечения жильем демобилизованных («Servicemen's Readjustment Act of 1944») ориентировалась на семью с детьми: кредиты выдавались для строительства просторных типовых индивидуальных домов на участках, отдаленных от крупных городов настолько, чтобы ежедневно добираться до работы на собственном автомобиле, самыми выгодными из которых были «семейные».

Последняя четверть XX в. характеризуется ростом городского населения и сокращением доли сельских поселений, благоприятных для многодетности, что сопровождается ростом профессиональной занятости женщин и изменением жилищных условий семьи. Крупные столичные города, с многоквартирными домами и примитивными детскими площадками, оказываются все менее приспособленными для семей с детьми, а рынки труда городов, стандартизированные для работы по найму в течение регламентированного рабочего дня, все меньше отвечают потребностям многодетной семьи. Однако это благоприятно для регулирования с целью уменьшения числа детей: китайская политика «одна семья — один ребенок» за два десятилетия привела почти к полному отсутствию в стране статистически учтенных не только трех-, но даже двухдетных семей, а сингапурская программа «Остановись на двоих» (1970 г.) так быстро сократила естественный прирост населения, что через 17 лет ее закрыли. Пренатальная диагностика позволила контролировать рождаемость через селективные аборты («гендерцид») в семьях, где все дети одного пола (обычно две девочки) и женщина беременна ребенком того же пола⁵ [Jha et al. 2011]. Несмотря на официальный запрет, такие аборты сохраняются из-за пробелов в законодательстве и национальных демографических традиций, сокращая не только число девочек, но и размер семьи.

К началу XXI в. государственное регулирование многодетности в большинстве стран сохранило «поддерживающий» характер, хотя новый этап общественного развития изменил природу многодетности: из вынужденной биологически и необходимой экономически она стала биологически регулируемой и экономически слишком затратной. Системы государственной поддержки многодетных фактически

⁵ Гарибян Р. Нерожденные девочки Южного Кавказа // JNEWS [Электронный ресурс]. URL: <http://jnews.ge/?p=9157> (дата обращения: 12.11.2019).

превратились в полноценные целевые национальные программы: во Франции каждый следующий ребенок уменьшает налогооблагаемую базу семьи, и четырехдетные семьи, независимо от доходов, налогов почти не платят [Герасимов 2011; Григорьева и др. 2014]. В Германии законы «О подоходном налоге» и «О детских пособиях» дают налоговый бонус за рождение каждого ребенка и детское пособие при трех и более детях⁶. В Швеции размер детского пособия растет с рождением очередного ребенка, а при доходах ниже прожиточного минимума назначается дополнительное пособие на жилье, детские дошкольные учреждения и питание⁷: жилищные пособия трехдетных семей вдвое больше, чем однодетных [Антюшина 2007].

Многие практические проблемы многодетных одинаковы в разных странах, поэтому в 2004 г. более 50 млн чел. из почти 9 млн европейских многодетных семей объединились в Европейскую конфедерацию больших семей (The European Large Families Confederation — ELFAC) с целью представления «социально-экономических интересов семей с детьми и многодетных семей как наиболее подходящей среды для воспитания детей, интеграции в общество, обеспечения взаимной поддержки и солидарности поколений, поощрения, развития и сплочения движения многодетных семейных организаций»⁸. По Лиссабонской декларации ELFAC «семья, построенная на длительном союзе между мужчиной и женщиной, является основной ячейкой общества», «ресурсом будущего, а не просто получателем поддержки», «крупнейшим вкладчиком в экономику, чья роль в экономическом процессе не учитывается должным образом в ВВП»; государственная семейная политика должна «сочетать четкие и устойчивые правовые концепции с необходимыми экономическими ресурсами, которые можно было бы назвать «реальной экологией человека». Отмечена необходимость «выполнять... рекомендации Европейского парламента... по совмещению профессиональной, семейной и частной жизни»⁹, поскольку даже в странах с эффективной поддержкой многодетности и относительно высокой рождаемостью женская занятость и семья сбалансированы недостаточно: во Франции (СКР = 1,9 в 2005 г.) 80,7% женщин 25–49 лет работали, и потребовались

⁶ Мадиевский С. Собес по-немецки. Сладкой жизни не сулит, но и умереть не даст // Газета «Заграница» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zagranitsa.info/article.php?new=191&idart=1916> (дата обращения: 22.11.2019).

⁷ Льготы многодетным семьям в других странах // Движение семей SOS [Электронный ресурс]. URL: <http://24sos.ru/index.php?do=static&page=help1> (дата обращения: 22.11.2019).

⁸ Our objectives // ELFAC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elfac.org/elfac/about-us/> (дата обращения: 21.11.2019).

⁹ Declaration of Lisbon — European Large Families Confederation (ELFAC): Lisbon March 27, 2004 // ASFANU [Электронный ресурс]. URL: http://www.asfanu.ro/docs/Declaration_of_Lisbon.pdf (дата обращения: 21.11.2019).

дополнительные стимулы (гарантии прав на профессиональное обучение, пенсия в зависимости от числа детей, рост ежемесячного пособия с рождением третьего и последующих детей и проч.), чтобы карьероориентированные женщины не откладывали создание семьи и рождение детей¹⁰.

Несмотря на новые меры, показатели многодетности в Европе принципиально не улучшились. В 2018 г. в странах ЕС число семей с тремя и более детьми (ребенком считается член домохозяйства моложе 25 лет, находящийся в полной социальной и экономической зависимости от других членов домохозяйства) сократилось до 8,5 млн (13% от общего числа домохозяйств — от 26% в Ирландии до 5% в Болгарии). Россия по доле многодетности приближается к Латвии (10%), обгоняя Литву (9%), Испанию (8%), Италию (8%) и Португалию (7%)¹¹, но российские объединения многодетных семей возникли позже, остаются локальными или региональными, фактически представляют собой группы самопомощи. Одной из первых стала региональная общественная организация «[Многодетные семьи Республики Татарстан](#)» (РОО МСРТ), принимавшая участие в «Программе государственной поддержки многодетных семей в РФ на 2008–2015 годы» и проч., затем аналогичные объединения возникли почти во всех регионах: краевая общественная организация «Сообщество многодетных и приемных семей Алтая “Много деток — хорошо!”» (2008 г., включает 300 семей); общероссийская общественная организация членов многодетных семей «[Семьи России](#)» (ООО ЧМС) (г. Москва, 2009 г.); региональная общественная организация «[Объединение многодетных семей города Москвы](#)» (РОО ОМСМ) (2014 г., включает около 20 тыс. семей); Вологодская региональная общественная организация «Объединение многодетных семей “[Большая семья](#)”» (ВРОО «Большая семья») (2015 г.); Межрегиональный союз общественных объединений многодетных семей г. Краснодар ([Союз многодетных семей](#), МСООМС) (2017 г.) и проч. Основными задачами эти организации называют содействие многодетным семьям в защите и расширении своих прав, пропаганду традиционных семейных ценностей, содействие в совершенствовании законодательства в поддержку семьи и семейных ценностей, но некоторые ставят целями решение социальных и экономических проблем на макроуровне: «Мы не социальные иждивенцы... Мы живем и работаем ради детей. Это

¹⁰ France Moves to Encourage Large Families // DW [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/france-moves-to-encourage-large-families/a-1720921> (дата обращения: 03.11.2019).

¹¹ Household composition statistics // EU [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/29071.pdf> (дата обращения: 22.11.2019).

наш выбор, осознанное желание рожать... Мы — главный ресурс демографии. Наши дети призваны обеспечить стране процветание, именно они будут завтра кормить бездетных пенсионеров и законопослушно нести возрастающее бремя всех социальных нагрузок!»¹².

Многодетность в Москве: локальный антитренд или начало новой российской тенденции?

По данным РОО ОМСМ, в 2017 и 2018 гг. число многодетных столичных семей росло на 11% ежегодно, превысив к 2018 г. 142,6 тыс. — 18,1% московских детей воспитываются в многодетных семьях. В 2017 г. в столице проживало 7,74% всех российских многодетных семей¹³, что примерно соответствует показателям некоторых европейских столиц: 8% польских многодетных семей живут в Варшаве, сосредоточившей 1,8 млн чел — около 6% населения страны¹⁴. Возникает вопрос: почему в самом большом российском городе, с населением более 14 млн чел. (примерно 10% населения страны) и плотной многоэтажной застройкой, укрепляется тенденция, противоречащая глобальному тренду демографического развития высокоурбанизированных территорий?

Внутренняя структура московской многодетности показывает преобладание трехдетных семей, что может быть как реакцией на региональную социальную политику, так и «компромиссом» между ориентацией на многодетность и столичным образом жизни (карьерные устремления родителей, жилищные условия, возможности досуга и проч.) (Таблица 1). Сами многодетные среди основных факторов роста называют государственную поддержку: «Уверенность дает государственная поддержка: мы отдыхать ездим летом, посещаем бесплатные кружки. Некоторые отговариваются, что не рожают много детей, потому что это требует много денег. Я уверена, они заблуждаются. Много детей — это много энергии» (мама четверых детей); «Правительство и президент делают очень многое для этого: материнский капитал, молочное питание, компенсация за школьную форму, коробка для новорождённых и другое. Господдержка — это главный фактор. К тому же быть многодетным в России

¹² Союз многодетных семей «Кубанская семья» // Официальный сайт МСООМС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mcoomc.ru/novosti/novosti-organizatsij/item/58-soyuz-mnogodetnykh-semej-kubanskaya-semya> (дата обращения: 17.11.2019).

¹³ См.: Количество многодетных семей в Москве за год увеличилось на 11% // Официальный сайт РОО ОМСМ [Электронный ресурс]. URL: <https://oms.msk.ru/statistika-mnogodetnye-moskva-rost-1718/> (дата обращения: 21.10.2019).

¹⁴ Rodziny wielodzietne w Polsce. Raport 2016 // Parenting [Электронный ресурс]. URL: <https://parenting.pl/rodziny-wielodzietne-w-polsce-raport> (дата обращения: 06.11.2019).

стало почётно: президент постоянно встречается с большими семьями, награждает выдающиеся семьи» (отец четверых детей); «Многолетний рост численности многодетных семей в Москве и численности детей уже в самих многодетных семьях — это следствие как мощной социальной работы в городе, так и популяризации образа большой счастливой семьи, счастливого материнства и детства, семейных связей, ценностей и традиций. В Москве многодетной семья считается, пока младшему ребенку не исполнится 16 лет, в отличие от многих других регионов, где ориентируются на старшего ребенка, то есть семья в Москве имеет право гораздо дольше пользоваться поддержкой города» (мама шестерых детей)¹⁵.

Таблица 1. Сравнительные характеристики многодетных семей России и Москвы, 2017 год¹⁶

Число детей в семье	Число семей, тыс.		Доля семей, %	
	Россия	Москва	Россия	Москва
3 и более	1566,929	121,230	100	100
3	1233	99,108	78,69	81,75
4	233	14,724	14,87	12,15
5–7	95	5,628	6,06	4,64
8 и более	5,929	0,309	0,38	0,25
Не указано	—	1,461	—	1,21

В 2015–2016 гг. авторский опрос «Мотивация создания современной многодетной семьи г. Москвы» (439 многодетных матерей из объединений при районных управлениях социальной защиты населения и территориальных общественных организациях многодетных) позволил проанализировать взаимосвязь числа детей в этих семьях с условиями, которые обеспечиваются благодаря помощи родственников и государственных социальных структур, а также рассмотреть влияние

¹⁵ См.: Количество многодетных семей в Москве за год увеличилось на 11% // Официальный сайт РОО ОМСМ [Электронный ресурс]. URL: <https://oms.msk.ru/statistika-mnogodetnie-moskva-rost-1718/> (дата обращения: 21.10.2019).

¹⁶ Составлено авторами по данным: Число многодетных семей в России за шесть лет выросло на 25 процентов // Интернет-журнал «Жить в России» [Электронный ресурс]. URL: <https://жить-в-россии.рф/chislo-mnogodetnyih-semey-v-rossii-za-shest-let-vyiroslo-na-25-protentov/> (дата обращения: 06.06.2019); Количество многодетных семей в Москве за год увеличилось на 11% // РОО ОМСМ [Электронный ресурс]. URL: <https://oms.msk.ru/statistika-mnogodetnie-moskva-rost-1718/> (дата обращения: 06.06.2019).

некоторых традиционных факторов многодетности: полноты семьи, социокультурного статуса, происхождения и национальности родителей и проч. Опрос показал, что многодетность в подавляющем большинстве была натальной, то есть складывалась за счёт рождения собственных детей или вхождения в семью детей супругов от предыдущих браков (2/3 респонденток состояли в повторном браке), приёмные дети были только у 4,3%. 20% респонденток не были замужем на момент опроса (а 3,3% вообще никогда) либо состояли в браке с мужчиной, не являющимся биологическим отцом их детей, 20,6% семей с тремя детьми не оформили свои отношения официально; больше всего детей (шесть и более) — в зарегистрированных браках (89,5%), в том числе в повторных.

Лишь 30,1% респонденток назвали многодетность изначальным сознательным выбором, у 39,2% такие намерения появились в процессе семейной жизни, у 27,3% — из-за различных обстоятельств («случайная» беременность, повторный брак с мужчиной, у которого свои дети и проч.).

51,2% опрошенных в своих повседневных заботах находят поддержку у родителей, близких родственников и социальных служб. Именно в таких семьях больше всего детей (шесть и более — 57,9%), тогда как в семьях без поддержки обычно не более четырех (61,4%), но возможность родственной поддержки прямо связана с регистрацией брака (53,0%). Лишь 30,1% оставшихся без помощи принимают участие в программах государственной поддержки многодетных, остальные либо не принимают участия ни в каких программах (59,8%), либо вообще ничего о них не знают (10,1%). Самые активные получатели поддержки — семьи с тремя детьми (50,8%), самые неактивные — с пятью (9,5%), то есть именно после рождения третьего ребенка семьи начинают интересоваться дополнительными льготами, часто не учитывая, что объем и структура помощи меняются с ростом числа детей (в Москве это 5-й и 10-й ребенок). В связи с этим возникает вопрос об эффективности социальных служб, которые слабо информируют целевую аудиторию, полагаясь на заявительный характер предоставления услуг: по закону «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ нуждающийся должен письменно попросить помощи в конкретном учреждении, указав конкретный пункт закона, на котором основана просьба (требование)¹⁷.

¹⁷ Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 21.11.2019).

Результаты опроса во многом подтвердили данные вторичных источников. Многодетность несовместима с существующим российским городским бытом, это стимул к поиску альтернативного образа жизни, поэтому некоторые семьи уезжают из городов в экопоселения¹⁸, но московские многодетные переезду в сельскую местность предпочитают, например, дистанционную занятость, позволяющую больше времени проводить с детьми, которых даже берут с собой в общественные места и на работу.

Для выявления перспектив роста числа многодетных семей в России в 2016–2017 гг. было проведено авторское исследование матримониального поведения «Молодёжь и многодетная семья» (12 фокус-групповых интервью по 10–15 студентов 20–25 лет из ведущих государственных вузов Москвы: РГСУ, ГУУ, МГТУ имени Н.Э. Баумана, РМАТ). Респонденты представляли три группы, различающиеся по месту постоянного проживания: москвичи (35%), приехавшие из Центральной России (32%), с Северного Кавказа и из закавказских и среднеазиатских республик СНГ (33%). Исследование показало, что одним из главных факторов, влияющих на семейную ориентацию молодых, является приверженность к традициям среды, в которой они воспитывались: в предполагаемых жизненных сценариях многие цитировали родителей. Общим для всех был отказ от раннего брака и обязательного рождения детей вскоре после свадьбы: без работы с достойным доходом, жилья, автомобиля «думать о семье преждевременно». Самые поздние возрасты для брака называли москвичи: «девушки 25–30, мужчины 35–45», «девушки 24–26, мужчины 26–28», объясняя тем, что сначала «университет, 2–3 года на адаптацию, поиск работы, потом уже можно». При этом «рожать девушки должны первого ребёнка до 27, а мужчины — когда захотят», так как «у девушек репродуктивная функция падает после 25 лет», но «нужно пожить год, два, а потом можно заводить детей». За более ранние браки, когда «мужчине 23–24, девушке 19–20 лет», высказались выходцы из Средней Азии, а представители российских регионов связали возраст создания семьи с завершением образования: «25. Потому что образование почти у всех в этом возрасте, есть работа — а это значит, есть на что содержать семью. И в этом возрасте приходит понимание». Эти базовые вопросы показали региональную дифференциацию респондентов, которая затем усилилась при выяснении мнений об официальной регистрации брака, распределении семейных ролей и числе детей в семье — региональный признак включал комплекс показателей: тип поселения, образование и вероисповедание

¹⁸ Якубчук Ф. Многодетность и вызовы современности // Православный молодёжный журнал «Наследник» [Электронный ресурс]. URL: http://www.naslednick.ru/archive/rubric/rubric_957.html (дата обращения: 22.11.2019).

родителей, количество детей в родительской семье и проч. Кавказские и среднеазиатские студенты необходимым минимумом считали семью с 3–4 детьми, осознавали все материальные проблемы, но ссылались на позитивный опыт собственных родителей, для которых много детей «не только счастье, но и признак благополучия». Москвичи более пессимистично связывали многодетность с религиозными нормами, контрацептивным невежеством, социальным иждивенчеством и более реалистично высказывались в пользу двухдетной семьи («из одного ребёнка вырастет эгоист», «вдруг с одним ребёнком что-то случится, а тебе уже 50, и детей поздно заводить, и смысл жизни будет потерян»), причем с большой разницей в возрасте, чтобы исключить ссоры и обеспечить помощь старшего ребенка в воспитании младшего. Среди выбора москвичей встречались и однодетные семьи, и даже семьи чайлд-фри, что категорически отвергалось кавказцами («один ребенок от скуки умрет»).

Многие москвичи из малодетных и неполных семей считали это нормой, а семьи многодетные не только называли «аномальным явлением», к которому относятся скептически и сами иметь не хотят, но даже затруднялись привести пример таких семей, поскольку они «мало распространены и не являются объектом пристального внимания общества». Напротив, выросшие в многодетных, многопоколенных кавказских и среднеазиатских семьях воспринимают многодетность «с уважением», несмотря на то, что «скорее мы думаем о государстве, чем оно про нас. Ведь рост населения пойдет на пользу государству. Поэтому мы готовы вносить свой вклад, преумножая наш народ».

Москвичи отмечали, что в столице «очень хорошая поддержка: питание бесплатное в школах, сладости, одежду выдают как гуманитарную помощь, с бытовой техникой помогают. Билеты в цирк, театр, музеи бесплатные. А ещё в лицеях и вузах льготные места, выдают земельные участки», но конкретно перечислить меры помощи смогли лишь единицы. Респонденты из российских регионов выражали возмущение: «Помощь должна быть равнодоступна вне зависимости от места проживания», тем более что «чем дальше от Москвы, тем трёхдетная семья более распространена. В Ростове-на-Дону три ребёнка — норма, меньше это редкость. Поддержка тоже оказывается, но гораздо скромнее», однако москвичи утверждали, что «сумма пособий должна быть в зависимости от региона», ведь «в Москве материнский капитал — мелочь, а в регионах это стоящая поддержка».

Большинство направлений государственной поддержки назывались без примеров, «на уровне слухов», что сочли нормальным, поскольку даже сами семьи не знают всех своих прав, а «органы власти не говорят об этом. Если сам узнаешь, то хорошо». По мнению большинства, роль органов социальной защиты очень важна, от них зависит эффективность государственной политики, цели и задачи которой не вполне ясны: с одной стороны, «государство агитирует рожать больше», с другой — «дает мизерные пособия на ребёнка», «вводит оплату за продленку в школе, учебники, подготовку к ЕГЭ» и проч.

Мотивацию молодежи к рождению нескольких детей активнее всего обсуждали москвичи, но часто называли уже существующие меры, о которых сами не знали, а свои желания иногда обосновывали принципом «много — не мало». Респонденты из российских регионов высказывались скромнее, а жители СНГ вообще не внесли никаких предложений, поскольку считали «эти меры для себя чем-то нереальным».

Особенности регулирования многодетности в крупном столичном центре

Анализ документов по государственной поддержке многодетных семей и результаты опросов приводят к необходимости ответить на два основных вопроса: каковы возможности государства влиять на формирование индивидуального выбора жителей столицы в пользу многодетности и каковы механизмы стимулирования индивида и семьи на реализацию уже сложившейся ориентации на многодетность? Проблема в том, что многодетность до сих пор почти нигде не ассоциируется с успешностью: «многодетные семьи в Европе не только игнорируются и не признаются государственными органами, но даже многократно наказываются за простой факт наличия большого количества детей» — «НДС на подгузники и товары первой необходимости для детей облагаются в большинстве европейских стран по самым высоким ставкам, как предметы роскоши»¹⁹. В связи с этим ELFAC предлагает меры, не только улучшающие качество жизни многодетных семей, например введение Европейской карты больших семей, облегчающей мобильность и доступ к льготам, но и касающиеся макроэкономического регулирования, например признание неоплачиваемого труда по уходу в домашнем хозяйстве («невидимого труда») при расчете национального ВВП, что позволит учитывать его в пенсиях и заработной плате. В России такие решения осложняются отсутствием в законодательстве юридической

¹⁹ Our demands for the new European Parliament and Comission 2019 // ELFAC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elfac.org/elfac/what-we-do/> (дата обращения: 22.11.2019).

категории не только многодетной семьи, но и семьи вообще — ни Семейный кодекс, ни Конституция РФ, говоря о государственной защите семьи, материнства и детства (ст. 38), не раскрывают понятия «семья», что размывает адресность семейной политики, особенно в части, финансируемой из региональных источников. Представление о том, что многодетной считается семья с тремя и более детьми, сложилось на уровне законодательной базы субъектов РФ, поскольку именно на этот уровень Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» передал полномочия по определению категории семей, которые могут быть отнесены к многодетным²⁰. Поскольку в некоторых странах категория многодетности зафиксирована на высшем законодательном уровне, например по Кодексу Республики Беларусь о браке и семье (ст. 62) «многодетной является семья, в которой на иждивении и воспитании находятся трое и более детей»²¹, некоторые российские объединения многодетных тоже ставят одной из целей принятие нового федерального закона о многодетных семьях²². Это поможет многодетной семье создать экономическую базу, позволяющую заниматься хозяйственной деятельностью и стать конкурентоспособным социальным институтом, способным к самовоспроизводству [Журавлева 2016; Журавлева, Копцева 2017].

Существующий сегодня в России тип многодетных семей не был распространен ни в аграрном, ни в индустриальном обществе, когда натальная многодетность была желанна и реализовывалась даже при полном невмешательстве государства. Массовая многодетная семья тех лет заметно отличается от современных по составу, стилю жизни, среде обитания и потому не может служить примером для молодежи. Постиндустриальное общество поддерживает и натальную, и социальную многодетность, поскольку нуждается в повышении рождаемости, но семьи становятся многодетными независимо от помощи: государство воздействует на объективные, материальные факторы многодетности, а индивидуальные решения о многодетности принимаются исходя из субъективных факторов: личных репродуктивных установок, внутренних запретов на аборт, сознательного (например, при экстракорпоральном оплодотворении) или спонтанного многоплодия. При этом, несмотря на стабильность

²⁰ Указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (с изменениями и дополнениями) от 25 февраля г. // ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10100845/> (дата обращения: 21.11.2019).

²¹ Кодекс о Браке и Семье Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь № 278-З от 9.07.1999. Ст. 62 // Белзакон.net [Электронный ресурс]. URL: <https://belzakon.net/Кодексы/Кодекс о Браке и Семье РБ/Статья 62> (дата обращения: 21.11.2019).

²² Цели и задачи // Официальный сайт ООО ЧМС [Электронный ресурс]. URL: <http://semiros.ru/about/objectives/> (дата обращения: 21.11.2019).

государственной материальной поддержки, сохраняется проблема соответствия размеров пособий их целевому назначению: даже при индексации федеральные льготы не замещают заработок при отпуске по беременности и родам, уходу за ребенком, а многие региональные льготы прямо зависят от платежеспособности регионов [Герасимов 2011]. Москва находится в выгодном положении, но номинально высокий размер монетарной и немонетарной помощи нивелируется высокой стоимостью жизни, которая усугубляется неприспособленностью столицы к традиционному стилю жизни больших семей. Городская жилищная и транспортная политика, территориальный разброс учреждений образования, здравоохранения и культуры, профессиональная специфика рынка труда обуславливают необходимость родителям в многодетных семьях, обычно эгалитарных и двухпоколенных, объединяться в «группы самопомощи», частично заменяющие отсутствие в домохозяйствах бабушек, дедушек и проч. По этой причине возрастает регулирующее значение городских и муниципальных управленческих структур, которые через территориальные органы социальной защиты курируют такие группы.

Заключение

Специфика современной многодетности обусловлена доминированием ценностей, связанных скорее с эмоциональной, чем с экономической значимостью детей. Особенно ярко это проявляется в многомиллионном столичном центре, где образ жизни в принципе не предусматривает большое число детей в семье. Основным направлением государственного регулирования многодетности в России остается политика, направленная на поддержание определенного уровня жизни детей из многодетных семей, и стабильность такой политики привела к тому, что столичная молодежь уже при формировании семейных ориентиров рассматривает льготы многодетным как обязательную государственную помощь, а не как стимул к рождению нескольких детей. Чтобы сделать городскую многодетность привлекательной, требуется дополнение существующих финансовых мер целевой информационной политикой, и Национальный проект «Демография» предполагает государственную поддержку средств массовой информации по реализации проектов, направленных на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства²³. Это требует учета изменений юридических, экономических, образовательных, медицинских, архитектурно-градостроительных норм многодетности в контексте развития городской

²³ Федеральный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» // Министерство труда и социальной защиты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography/1> (дата обращения: 30.11.2019).

среды и актуализирует задачу институционального оформления категории «многодетная семья» на уровне федерального законодательства, что уже предлагалось правоведами и общественными объединениями.

Список литературы:

- Антонов А.И.* Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) // В сб. *Фамилистические исследования*. Т. 2. Миллион мнений о семье и о себе / Отв. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ, 2009. С. 357–367.
- Антюшина Н.М.* Шведская система местного самоуправления // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2007. № 10. С. 40–47.
- Бирюкова С.С., Горина Е.А., Горяйнова А.Р., Гудкова Т.Б., Карева Д.Е., Любушина Е.С., Овчарова Л.Н., Тер-Акопов С.А.* Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Герасимов В.Н.* Проблемы современных многодетных семей в России: сравнительный анализ с законодательством стран ЕС // *Российская юстиция*. 2011. № 2. С. 60–62.
- Григорьева Н.С., Дюпра-Куштанина В., Шарова М.А.* Социальная политика в области родительства: сравнительный анализ (Россия — Франция) // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12. № 1. С. 21–38.
- Демографическая энциклопедия* / Редколл.: А.А. Ткаченко, А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия»», 2013.
- Демографический энциклопедический словарь* / Редколл.: Д.И. Валентей (гл. ред.) и др. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.). М.: Наука. 1978.
- Журавлева Е.К.* Укрепление института семьи как мера для решения демографических задач // *Научное обозрение*. Серия 1. Экономика и право. 2016. № 4. С. 52–63.
- Журавлева Е.К., Концева О.А.* Трансформация семьи и демографическая политика России. М.: Экономическое образование, 2017.
- Люблинский П.И.* Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях // *Русский евгенический журнал*. 1925. Вып. 1. Т. 3. С. 3–30.
- Рубинский Ю.И.* Демографические проблемы Франции // *Современная Европа*. 2005. № 1. С. 53–59.
- Heran Fr. La demographie francaise, une exception europeenne // *Problemes economiques*. 2002. No. 2769. P. 19–24.
- Jha P., Kesler M.A., Kumar R., Ram F., Ram U., Aleksandrowic L., Bassani D.G., Chandra S., Banthia J.K.* Trends in Selective Abortions of Girls in India: Analysis of

Nationally Representative Birth Histories from 1990 to 2005 and Census Data from 1991 to 2011 // The Lancet. 2011. Vol. 377. No. 9781. P. 1921–1928. DOI: [10.1016/S0140-6736\(11\)60649-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(11)60649-1).

Дата поступления: 22.10.2019

Rusanova N.E., Zhuravleva E.K.

Large Family Features in the Capital: State Regulation Specifics

Nina E. Rusanova — DSc (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS), Moscow, Russian Federation.

E-mail: ninrus238@mail.ru

Elena K. Zhuravleva — President of the Charity Fund for Social Development, Moscow, Russian Federation; Expert of the Russian public organization «National Parent Association of Social Support of the Family and Protection of Family Values», Moscow, Russian Federation.

E-mail: 777.74@mail.ru

Abstract

In recent years, Moscow has been strengthening the trend of absolute and relative growth of large families, contrary to the global trend of demographic development of highly urbanized territories. This makes it necessary to analyze the problems of regulation of many children in the multi-million capital center in the context of opportunities to increase the birth rate. In the article, using data obtained from official statistical sources and surveys of Moscow students and large families in 2015–2018, as well as information from forums and websites of regional associations of large families, it is shown that modern large families have a special nature, corresponding to the post-industrial society: several children in the family are born not because of the desire to get additional workers in the individual economy, but because of the internal need for children. This motive dominates in Moscow, where neither the layout of housing, nor the organization of territory, nor the labor market are adapted for large families. The main direction of state regulation of large families in Russia, as in the European Union, remains a policy aimed at maintaining the welfare of children in such families at a level not lower than the national average. Long-term stable traditions of this policy have led to the fact that the Moscow youth already in the formation of family behavior guidelines considers benefits to large children as a mandatory state aid, and not as an incentive to the birth of several children, and does not seek to have many children. To make the town attractive many children require additional existing support measures targeted information policy, not just advocate large families, but taking into account the changing legal, economic, educational, medical, architectural and town-planning norms in the direction of the development of the urban environment "friendly" to families with children. The regulatory factor may be the institutionalization of the category "large family" at the federal legal level, as it is done in some European countries.

Keywords

Large family, state support, opinion polls, focus groups, matrimonial landmarks.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10028

References:

Antonov A.I. (2009) A Large Family in the Era of Depopulation (Results of the All-Russian Study of Mothers with Many Children). *Familisticheskiye issledovaniya*. Vol. 2. Million mneniy o sem'ye i o sebe. Antonov A.I. (ed.). Moscow: KDU. P. 357–367.

- Antyushina N.M. (2007). Swedish System of Local Self-government. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*. No. 10. P. 40–47.
- Biryukova S.S., Gorina E.A., Goryaynova A.R., Gudkova T.B., Kareva D.E., Lyubushina E.S., Ovcharova L.N., Ter-Akopov S.A. (2019) *Sem'i s det'mi v Rossii: uroven' zhizni i politika sotsial'noy podderzhki* [Families with Children in Russia: Standard of Living and Social Support Policy]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Dyachenko V.P. (1978) *Istoriya finansov SSSR (1917–1950)* [History of Finance of the USSR (1917–1950)]. Moscow: Nauka.
- Gerasimov V.N. (2011) Problemy sovremennykh mnogodetnykh semey v Rossii: sravnitel'nyy analiz s zakonodatel'stvom stran ES [Problems of modern large families in Russia: comparative analysis with the legislation of the EU countries]. *Rossiyskaya yustitsiya*. No. 2. P. 60–62.
- Grigorieva N.S., Duprat-Kushtanina V., Sharova M.A. (2014). Social Policy in the Field of Parenting and Childlessness: A Comparative Analysis of Russia and France. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. Vol. 12. No. 1. P. 21–38.
- Heran Fr. (2002) La demographie francaise, une exception europeenne. *Problemes economiques*. No. 2769. P. 19–24.
- Jha P., Kesler M.A., Kumar R., Ram F., Ram U., Aleksandrowic L., Bassani D.G., Chandra S., Banthia J.K. (2011) Trends in Selective Abortions of Girls in India: Analysis of Nationally Representative Birth Histories from 1990 to 2005 and Census Data from 1991 to 2011. *The Lancet*. Vol. 377. No. 9781. P. 1921–1928. DOI: [10.1016/S0140-6736\(11\)60649-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(11)60649-1).
- Lublinsky P.I. (1925) Evgenicheskiye tendentsii i noveysheye zakonodatel'stvo o detyakh [Eugenic tendencies and the latest legislation on children]. *Russkiy evgenicheskiy zhurnal*. Is. 1. Vol. 3. P. 3–30.
- Rubinsky Ju. (2005) Demograficheskiye problemy Frantsii [Demographic problems of France]. *Sovremennaya Evropa*. No. 1. P. 53–59.
- Tkachenko A.A., Anoshkin A.V., Denisenko M.B. (eds.) (2013) *Demograficheskaya entsiklopediya* [Demographic encyclopedia]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo “Entsiklopediya”».
- Valentey D.I. (ed.) (1985) *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Demographic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- Zhuravleva E.K. (2016) Strengthening the Family as a Way out of Depopulation. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1. Ekonomika i pravo*. No. 4. P. 52–63.
- Zhuravleva E.K., Koptseva O.A. (2017) *Transformatsiya sem'i i demograficheskaya politika Rossii* [Family Transformation and Demographic Policy in Russia]. Moscow: Ekonomicheskoye obrazovaniye.

Received: 22.10.2019

Подготовка управленческих кадров

Блохина М.С.

Основные направления развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций

Блохина Мария Сергеевна — соискатель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: mcalekseeva@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [8872-3440](https://elibrary.ru/8872-3440)

Аннотация

В условиях усиления конкуренции, повышения изменчивости внешней среды организаций и развития новых технологий формируются новые требования к компетенциям руководителей коммерческих организаций. Как показало проведенное нами социологическое исследование с участием 400 респондентов, важнейшую роль в профессиональной деятельности руководителей коммерческих организаций играют инновационные компетенции — набор умений, навыков и способностей, позволяющих руководителям нестандартно подходить к принятию решений и выполнению профессиональных обязанностей, выводить организацию на новый уровень развития за счет использования новейших технологий и достижений науки, поощрять новые идеи и поддерживать их реализацию. Самыми востребованными инновационными компетенциями являются гибкость, креативность, стратегическое мышление, способность к генерации новых идей и др. Немалое значение имеют установки руководителей коммерческих организаций на творческую и инновационную деятельность, изменения, применение технических и управленческих новшеств, поощрение инновационного мышления. Формирование данных установок, а также развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций может и должно осуществляться на нескольких уровнях — социокультурном, организационном и личностном. Развитие инновационных компетенций будущих и уже состоявшихся руководителей на социокультурном уровне зависит прежде всего от сложившейся системы профессиональной подготовки, образовательных подходов и методов обучения, применяемых на различных ее этапах. Важнейшую роль в развитии инновационных компетенций руководителей на организационном уровне играет сама организация. В числе организационных факторов развития инновационных компетенций — корпоративная культура, стили руководства, особенности организации труда, формы и методы внутрифирменного обучения. Сами руководители коммерческих организаций могут занять активную позицию и повлиять на развитие собственных инновационных компетенций с помощью инструментов самоменеджмента — прежде всего программы профессионального саморазвития. Это личностный уровень развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций. Очевидно, что развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций на всех трех уровнях представляется наиболее перспективным.

Ключевые слова

Инновационные компетенции, развитие инновационных компетенций, развитие руководителя коммерческой организации, направления развития руководителя, факторы развития инновационных компетенций.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10029

Введение

Ориентация России на инновационное развитие порождает необходимость решения вопроса с кадрами, способными оказать содействие этому развитию. Существуют два пути решения данного вопроса — переподготовка уже имеющихся

кадров и «выращивание» нового поколения профессионалов с учетом поставленных задач и новых требований. И в первом, и во втором случаях особое внимание должно быть уделено переподготовке и «выращиванию» нового поколения руководителей, так как именно они, обладая соответствующими полномочиями, обычно являются инициаторами и вдохновителями изменений в организациях, разрабатывают стратегии их развития и определяют направления их реализации. В первую очередь от руководителей зависит, какого пути развития будут придерживаться организации, какой вклад они внесут в развитие инновационной экономики.

Как подготовить руководителей к решению инновационных задач? Как сформировать у них соответствующие установки? Какими компетенциями они должны обладать и как их развить? — вот круг вопросов, который лег в основу социологического исследования, проведенного нами методами раздаточного и электронного анкетирования и экспертного интервью в период с мая 2016 г. по март 2018 г. В исследовании приняли участие 6 групп респондентов общей численностью 400 человек — студенты и преподаватели вузов, учителя общеобразовательных школ, специалисты по управлению персоналом, работники и руководители инновационных организаций.

Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о необходимости выделения отдельной группы компетенций руководителей коммерческих организаций, ответственной за их инновационную активность и включенность в инновационную деятельность, — так называемых «инновационных компетенций». В их числе — гибкость, креативность, стратегическое мышление, инновационное мышление, способность к генерации новых идей, умение вдохновлять подчиненных, способность находить творчески мыслящих людей и мотивировать их к совместной инновационной деятельности, умение работать в режиме многозадачности и др. Помимо инновационных компетенций, респонденты неоднократно упоминали дополнительные способности и свойства личности руководителей коммерческих организаций, которые могут оказать существенное влияние на их инновационную активность. Среди них — готовность к риску, аналитические способности, готовность к изменениям, лидерские способности, установка на применение технических и управленческих новшеств и многие другие [Батоврина, Блохина 2017; Блохина 2019]. Главным выводом по результатам исследования стал вывод о необходимости целенаправленного развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций, а также их свойств личности и дополнительных

способностей, необходимых для успешного осуществления инновационной деятельности. В ответах респондентов содержится множество рекомендаций по решению этой задачи. Их обобщение, а также анализ работ социологов П. Сорокина [Сорокин 1992], Н.И. Лапина [Лапин 2000], В.Г. Афанасьева [Афанасьев 1981], А.Г. Бермуса [Бермус 2007], способствовали определению основных направлений развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций — социокультурного, организационного и личностного.

Цель настоящей статьи — определить особенности реализации социокультурного, организационного и личностного направления развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций на практике, конкретизировать меры и инструменты, которые могут быть успешно применены в русле каждого из них.

Социокультурное направление развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций

В контексте социокультурного направления развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций рассматривается как процесс, осуществляемый под влиянием и с помощью социокультурных факторов — культуры (менталитет, особенности эпохальной культуры, преобладающие жизненные ценности, установки, культурные и правовые традиции, специфическая субкультура группы и др.) и социума, раскрывающегося через различные социальные институты (институт государства, проявляющийся во всем многообразии социальных групп, классов, организаций, институт средств массовой информации, институт образования).

Формирование социокультурного направления связывают с именем П. Сорокина и его работой «Социальная и культурная динамика». Он предложил следующую формулу социокультурного направления: «Личность, общество и культура как неразрывная триада» [Лапин 2000, 4]. Она означает, что «структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами; 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [Там же, 218].

Анализ подходов А.Г. Бермуса [Бермус 2015, 55] и И.А. Левицкой [Левицкая 2012] позволяет сделать вывод, что для развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций требуется участие таких социальных институтов, как государство, образование, культура и СМИ.

Влияние государства на развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций осуществляется преимущественно в контексте развития инновационного потенциала страны и формирования национальной инновационной системы с помощью мер государственной поддержки.

Как показывает анализ работ И.С. Кусова, О.П. Молчановой, А.М. Шестоперова [Кусов и др. 2010, 72], А.В. Сурина и О.П. Молчановой [Сурин, Молчанова, 2008] Н.В. Федоренко [Федоренко 2014, 64], Э.П. Печерской [Печерская 2003, 78–80], к основным мерам государственной поддержки, оказывающим прямое влияние на развитие инновационного потенциала страны и национальной инновационной системы и косвенное на развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций, можно отнести:

- «финансирование рынка инноваций (программы поддержки для государственных и частных инновационных структур, в том числе грантовое финансирование);
- создание инновационных структур (производственно-технологической и информационной инфраструктуры в виде технопарков, технополисов, инкубаторов);
- создание новых образовательных стандартов, нацеленных на формирование инновационно-ориентированных кадров, необходимых для рынка инноваций (создание информационной инфраструктуры)» [Сурин, Молчанова, 49];
- «государственное стимулирование инновационных технологий в рамках государственного заказа на инновационную продукцию;
- сокращение налоговой нагрузки, создание налоговых каникул для инновационных предприятий/инновационной продукции;
- льготирование налога на прибыль, начисленного по результатам использования интеллектуальной собственности (лицензионных соглашений, ноу-хау) и прочих нематериальных активов;

- снижение налогооблагаемой базы налога на прибыль в отношении взносов в различные фонды, сферой инвестирования которых является инновационная деятельность» [Кусов и др. 2010, 78];
- развитие интеллектуального и научного потенциала страны через систему образования.

При более детальном осмыслении каждой из перечисленных мер становится ясно, что они могут быть условно разделены на две категории: меры, призванные «привлечь» новаторов с их идеями, и меры, призванные «поддержать» тех новаторов, кто уже включился в сложный процесс реализации своих инновационных идей. На наш взгляд, наиболее сильное влияние на развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций оказывают меры «поддержки». Об этом, в частности, свидетельствуют результаты экспертного интервью с руководителями инновационных организаций в рамках проведенного исследования: обладая уникальной идеей, в которую они верят, респонденты не ждут появления особо комфортных условий для их реализации, они идут «вопреки», не боясь трудностей, и чаще всего на первых порах терпят фиаско, при этом продолжая бороться и искать новые способы реализации идеи. В этой ситуации государственная поддержка может сыграть решающую роль и существенно ускорить получение результата. Полученный результат, в свою очередь, мотивирует авторов идей к дальнейшему развитию и использованию инновационных компетенций.

Особое значение для развития инновационных компетенций будущих и уже состоявшихся руководителей коммерческих организаций имеет институт образования [Медведь, Медведь 2015, 138–143]. Согласно проведенному нами социологическому исследованию, развитие их инновационных компетенций должно осуществляться на всех этапах профессиональной подготовки в рамках общего и профессионального образования. Так, например, по мнению учителей общеобразовательных школ, принявших участие в исследовании, такие инновационные компетенции, как креативность и умение генерировать новые идеи, а также в целом позитивная установка на инновации, должны формироваться уже в школе. В рамках обучения в вузе возможно развитие целого комплекса инновационных компетенций будущих и уже состоявшихся руководителей. Преподаватели вузов, принявшие участие в исследовании, упомянули в их числе умение работать в режиме многозадачности, стратегическое мышление, умение прогнозировать, вдохновлять подчиненных, «разглядеть творческих людей», способность к применению технических и управленческих новшеств.

Рекомендуемые методы развития инновационных компетенций в вузе — кейс-стади, вовлечение студентов в проектную деятельность, тренинги, в школе — вовлечение учеников в индивидуальную и групповую проектную деятельность. Очевидно, что применение данных методов должно осуществляться наряду с доработкой действующих образовательных стандартов по направлениям подготовки в области управления («Менеджмент», «Управление персоналом», «Государственное и муниципальное управление») с учетом новых требований и ориентации на подготовку кадров для инновационной экономики. Актуальным является создание научно-исследовательских лабораторий для школьников и студентов; грантовая поддержка инновационных разработок и идей учащихся школ и вузов; предоставление возможностей для сотрудничества молодых исследователей с коммерческими организациями с целью объединения идеи/разработки и ресурсов для ее реализации, трансформация школьных установок от воспитания «удобных, послушных и дисциплинированных учеников» к воспитанию нового поколения учащихся — «критически мыслящих, обладающих смелостью суждений, креативностью».

Институт СМИ — еще один социальный институт, оказывающий влияние на развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций.

Средства массовой информации формируют социальный спрос на инновационные идеи [Тоганова и др. 2016, 112–116], популяризируют инновационную деятельность и инновационные решения во всех сферах общественной жизни и предпринимательской деятельности, информируют целевые группы об основных достижениях в сфере инноваций, тем самым мотивируя их представителей к развитию инновационного потенциала и компетенций. СМИ могут оказывать и прямое влияние на развитие инновационных компетенций будущих и состоявшихся руководителей. Один из вариантов — выполнение функции образовательного ресурса. Так, истории формирования и реорганизации компаний (часто это интервью, видеоролики в Интернете), представление информации о новых продуктах и идеях, статистических данных, рейтингах («ТехУспех», The Boston Consulting Group, Basetop, Forbes и др.)²⁶⁷ обогащают опыт и знания руководителей. СМИ наполнены разного рода событиями (отмечено, что событий инновационного характера все больше и больше), что импульсно, но регулярно влияет на руководителей и их компетенции.

²⁶⁷ Самые инновационные компании мира 2017 // Basetop.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://basetop.ru/samye-innovatsionnyie-kompanii-mira-2017-reyting-forbes/> (дата обращения: 26.03.2019).

Помимо института государства, института образования и института СМИ, значимую, хотя и косвенную, роль в развитии инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций играет институт культуры. Основными компонентами культуры являются ядро культуры (нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также система ценностей, фольклор, мифология, предрассудки, национальные и социальные обычаи, привычки, правила бытового поведения, исторические традиции, обряды и основные языковые структуры) и защитный пояс культуры (суть его в выполнении функции фильтрующего механизма, пропускающего директивную информацию, идущую из ядра во все структурные узлы социального механизма, но при этом активно поглощающего информацию, поступающую в социум от других культур) [Ракитов 1994, 64]. Защитный пояс «встречает» инновационные и любые другие идеи. То, насколько и как он их «пропустит», зависит от их соответствия ядовым установкам культуры. Другими словами, защитный пояс культуры может быть рассмотрен как своего рода индикатор качества инновационных компетенций руководителей (если пояс пропустил инновационную идею, и она нашла отклик, то есть основания полагать, что инновационные компетенции сформированы в достаточной степени; если же нет, то, скорее всего, они нуждаются в дополнительном развитии).

Организационное направление развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций

Второе, менее широкое, но не менее важное, направление развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций — организационное. Оно подразумевает рассмотрение организации как создателя пространства, носителя ресурсов и возможностей, способствующих решению этой задачи.

Анализ работ Е.В. Батовриной и Г.В. Черняевой [Батоврина, Черняева 2018, 28], Т. Амабайл [Амабайл 2011, 162], Е.В. Родионовой [Родионова 2017, 178–174] и др. позволяют выделить основные ресурсы организационного развития инновационных компетенций. К ним можно отнести мотивацию, управление организационной культурой, обучение и развитие руководителей. Данные ресурсы оказывают, как правило, прямое влияние на развитие инновационных компетенций руководителей. Они неоднократно упоминались участниками проведенного нами социологического исследования, прежде всего руководителями инновационных организаций.

Рассмотрим, каким образом выделенные организационные факторы влияют на развитие инновационных компетенций руководителей.

Мотивация, по мнению В.П. Пугачева [Пугачев 2017], рассматривается как процесс побуждения человека к определенной деятельности с помощью внутриличностных и внешних факторов.

К косвенным внешним факторам, которые могут побудить руководителей к развитию их инновационных компетенций, по нашему мнению, можно отнести:

- 1) неконкурентоспособность вверенной руководителю коммерческой организации;
- 2) ограниченность финансовых и других видов ресурсов организации;
- 3) изменение условий ведения бизнеса (изменение законодательства или специфических нормативно-правовых актов в конкретной сфере деятельности организации, изменение тенденций бизнеса, обсуждаемых в СМИ или профессиональных сообществах руководителей коммерческих организаций).

Прямыми внешними факторами, побуждающими руководителей к развитию инновационных компетенций, как показывает практика, являются:

- 1) график работы (гибкий график, возможность работы из дома, продолжительный отпуск и др.);
- 2) организация рабочего пространства с учетом особенностей интеллектуальной и творческой деятельности руководителей;
- 3) поощрение заслуг и инновационного вклада руководителей в дело организации (опционы, бонусы, вручение наград и т.п.);
- 4) организация тренингов, мастер-классов и других обучающих мероприятий для руководителей за счет организации.

Еще одним ресурсом развития инновационных компетенций руководителей в рамках организации является организационная культура [Тарасова, Андрианова 2016, 132]. М. Армстронг так описывает суть организационной культуры: «Культура представляет собой социальный клей» и создает «совместное чувство» [Армстронг 2012, 79], противодействуя таким образом процессам дифференциации, являющимся неизбежной частью организационной жизни. Развитие инновационных компетенций и инновационного потенциала руководителей тесно связано с формированием особого типа организационной культуры — так называемой инновационной культуры.

Понятие инновационной культуры было введено Т. Амабайл [Амбайл 2011, 131]. С ее точки зрения, это особый тип организационной культуры, нацеленный на поддержку креативности сотрудников, их творческих инициатив.

По мнению Е.В. Батовриной и Г.В. Черняевой, «формирование инновационной организационной культуры представляет собой сложный, многоэтапный процесс, требующий постоянных управленческих воздействий» [Батоврина, Черняева 2018, 29]. Формирование инновационной культуры должно осуществляться на основе следующих принципов: принципа разделения труда, ориентирующего на формирование специализации в инновационной деятельности руководителей [Батоврина, Шестоперов, 2011, 40], принципа минимизации внутрикорпоративных бюрократических барьеров [Харламов, Аверьянова 2017, 7–13], принципа развития креативных способностей на основе имеющихся креативных достижений, более быстрого формирования устойчивых навыков и др.

Дж. Саррос, Б. Купер и Дж. Сантора разработали следующие рекомендации для руководителей по вопросам развития инновационной культуры организации:

- 1) прежде чем приступать к реализации организационной цели, предполагающей получение новаторского результата, необходимо определить, какой вклад, благодаря каким способностям и навыкам может сделать каждый работник в ее достижение. Важно донести свое видение места и роли каждого работника в инновационном процессе до персонала;
- 2) необходимо поощрять выработку работниками новых идей и предложений, их вовлеченность в творческий, инновационный процесс. Не менее актуально подчеркивание значимости идей и предложений работников для получения конечного новаторского результата;
- 3) важно лично поддерживать каждого работника на протяжении всего процесса реализации поставленной цели. Индивидуальная поддержка работников должна включать не только оказание им помощи при выполнении конкретных обязанностей, но и психологическую поддержку.
- 4) трансформационный стиль управления должен стать базовым, но не единственным фактором создания и поддержания инновационного климата в коллективе [Sarros et al. 2008, 15].

Итак, наблюдается интересная взаимосвязь между факторами формирования инновационной культуры и процессом развития инновационных компетенций руководителя организации: с одной стороны, инновационная культура формируется руководителем организации (во многом благодаря наличию у того инновационных компетенций), с другой — инновационная культура оказывает влияние на развитие инновационных компетенций самого руководителя.

Важнейшим организационным ресурсом, оказывающим прямое воздействие на развитие инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций, является обучение и развитие. «Многие управленцы думают, что развитие — это обучение; но в действительности обучение лишь небольшая часть этого процесса. Развитие происходит главным образом благодаря последовательности повышающих профессионализм заданий, коучингу и наставничеству. В большинстве компаний эти важные рычаги развития задействованы недостаточно. Если директору подразделения не хочется отдавать талантливого сотрудника, он препятствует его росту, который во многом происходит благодаря перемещению внутри компании. Часто развитие посредством коучинга и наставничества представлено воле случая», — отмечает М. Майклз [Майклз 2005, 46]. Коучинг и наставничество являются, безусловно, значимыми инструментами развития инновационных компетенций руководителей [Комакова, Конова 2016, 74–75]. Их широко используют крупные инновационные компании — IBM, Microsoft и др. Однако, помимо них, могут использоваться мастер-классы и семинары, круглые столы и конференции, программы дистанционного обучения и, конечно, тренинги.

Интересно, что проведенное нами социологическое исследование обозначило тренинг как один из ключевых инструментов развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций. Тренинг можно охарактеризовать как совокупность психотерапевтических, психокоррекционных и обучающих методов, направленных на развитие навыков самопознания и саморегуляции, общения и межперсонального взаимодействия, коммуникативных и профессиональных умений. В качестве перспективного метода развития инновационных компетенций будущих и состоявшихся руководителей его отметили все группы респондентов — студенты и преподаватели вузов, работники и руководители инновационных организаций, специалисты по управлению персоналом. Например, по мнению большинства руководителей инновационных организаций (80%), принявших участие в исследовании, тренинг — это самый значимый инструмент развития инновационных компетенций в организации.

***Личностное направление развития инновационных компетенций
руководителей коммерческих организаций***

Понятие личностного направления, или подхода, чаще всего встречается в педагогической литературе. Его аналогом в социологической литературе является субъектно-ориентированный подход, который ставит в центр внимания процессы саморазвития и самоактуализации индивида, индивидуальные склонности, интересы и увлечения, педагогические условия создания субъектной позиции и уникальной траектории самообразования [Борытко 2002, 115]. Таким образом, объект и субъект деятельности совпадают: руководитель коммерческой организации является самоформирующим субъектом личной профессиональной деятельности.

Л.З. Гумерова в монографии, посвященной инновационной деятельности руководителей, рассматривает формирование инновационных компетенций в контексте профессионального развития руководителя в условиях инновационной деятельности [Гумерова 2009, 102]. Исследователь считает, что инновационная деятельность является не простым объектом управления, она требует от руководителя, помимо высокой компетентности и четкой профессиональной ориентации, особого типа восприятия и мотивации, а также умения рисковать. Проводя анализ различных подходов, Л.З. Гумерова приходит к выводу, что руководитель должен обладать такими качествами, как организаторские способности, инициативность [Заболотная 2008, 79], целеустремленность, креативность [Морозов 2014, 126], упорство в достижении целей, лидерство, оперативность и точность. Данные качества определяют инновационную активность руководителя, способствуют развитию у него инновационных компетенций [Михайлова 2014, 98; Валенсия 2016, 30–33]. На наш взгляд, в понятие инновационной активности должен быть включен аспект, который активизирует инновационные компетенции, — заинтересованность руководителя в их саморазвитии. Возникает необходимость осмысления факторов, которые мотивируют руководителя двигаться в этом направлении. Одним из них является профессиональное самосознание руководителя как субъекта деятельности.

Профессиональное самосознание рассматривается как интегральная характеристика личности, объединяющая многообразие представлений человека:

- 1) о себе как о профессионале, об уровне развития профессиональных качеств, о системе отношений, оценок и установок к себе как к профессионалу;

- 2) о трудовых функциях, предмете, целях, процессе, результате, нормах, модели профессиональной деятельности и оценке достижений в ней;
- 3) о качестве и оценках коллег в адрес профессионала.

Немаловажное значение имеет готовность руководителя использовать инструменты персонального менеджмента — например, программу профессионального саморазвития.

Персональный менеджмент (самоменеджмент) — это последовательное и целенаправленное использование удобных и актуальных для субъекта способов организации деятельности, которые помогают наиболее рационально использовать временные ресурсы для реализации поставленных целей и задач [Колмогорцева 2014, 486].

Программа профессионального саморазвития — это методологический инструмент совершенствования руководителя, включающий цель, задачи, ожидаемые результаты его саморазвития, перечень этапов и мероприятий, способствующих их достижению.

В рамках экспертного интервью с руководителями инновационных организаций им было предложено продолжить предложение: «Успешный руководитель в инновационной сфере — это человек, обладающий такими навыками, умениями и способностями, как...». Отвечая на данный вопрос, респонденты упомянули компетенции и личностные свойства руководителей, значимые для инновационной деятельности, которые могут быть развиты самостоятельно: лидерские качества, позитивная установка на инновации, гибкость, творческое мышление, смелость, умение ставить цели, коммуникабельность. Большинство респондентов считает, что, помимо саморазвития, их совершенствование зависит от участия в деловых встречах по обмену опытом с коллегами из других организаций, профессиональной переподготовке и дополнительном обучении, тренингах, мастер-классах, отраслевых конференциях и выставках. Это указывает на необходимость развития искомых компетенций и качеств в русле нескольких направлений — как минимум организационного и личностного.

Заключение

Как показало проведенное исследование, условием успешного развития инновационных компетенций руководителей коммерческих организаций является его осуществление на трех уровнях — социокультурном, организационном и личностном. Развитие должно осуществляться на протяжении длительного времени на всех этапах

профессиональной подготовки руководителей. В нем должен быть задействован целый ряд субъектов — от самого руководителя и организации до институтов образования и СМИ.

Список литературы:

- Амабайл Т.* Как убить творческую инициативу // Креативное мышление в бизнесе / пер. с англ. М.: «Юнайтед Пресс», 2011.
- Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. СПб.: Питер, 2012.
- Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981.
- Батоврина Е.В., Блохина М.С.* Развитие инновационного мышления персонала в процессе профессиональной подготовки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2017. № 4. С. 126–134.
- Батоврина Е.В., Черняева Г.В.* Принципы и ключевые направления формирования инновационной организационной культуры // Известия Юго-западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 2(27). С. 196–202.
- Батоврина Е.В., Шестоперов А.М.* Научно-исследовательская среда и формирование инновационно-ориентированных кадров в России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2011. № 2. С. 34–47.
- Бермус А.Г.* Введение в гуманитарную методологию. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
- Бермус А.Г.* Гуманитарные смыслы образования: из XX – в XXI век. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015.
- Блохина М.С.* Инновационный потенциал современных руководителей как фактор развития инновационного общества // Вестник высшей школы. Alma mater. Секция: Экономика и управление в социальных системах. 2019. № 7. С. 60–66. DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.07-19.060>.
- Борытко Н.М.* Становление субъектной позиции учащегося в гуманитарном пространстве урока: монография. Волгоград: Изд-во ВГИПКРО, 2002.
- Валенсия А.В.* Акмеологический подход к развитию инновационной активности руководителя // Кластеры. Исследования и разработки. 2016. Т. 2. № 3. С. 27–37.
- Гумерова Л.З.* Инновационная деятельность как фактор саморазвития руководителя образовательного учреждения: монография. М.: Университетская книга, 2009.

Заболотная М.А. Инновационная деятельность преподавателя вуза и компетентностные характеристики руководителя вуза, способствующие стимуляции повышения уровня инновационной активности преподавательского коллектива // Образование и глобальные вызовы современности: научно-педагогический контекст. Материалы I Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 2018. С. 77–82.

Колмогорцева А.А. Персональный менеджмент — управление собой // Экономика и социум. 2014. № 4-3(13). С. 485–488.

Комакова В.Н., Конова О.В. Коучинг как инновационная технология современного обучения // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом обучении. Материалы 21-й Международной научно-практической конференции. Российский государственный профессионально-педагогический университет. Екатеринбург, 2016. С. 73–76.

Кусов И.С., Молчанова О.П., Шестоперов А.М. Необходимость смены парадигмы развития национальной инновационной системы России: от инновационных «оазисов» к массовому инновационному «спорту» // Государственное управление. 2011. № 29. С. 1–8.

Латин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры. Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

Левицкая И.А. Социокультурный подход как методологическое основание педагогического исследования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 54–58.

Майклз Э. Война за таланты. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2005.

Медведь А.А., Медведь П.А. Институт креативного образования как способ инвестирования в человеческий капитал РФ // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 4. С. 136–144.

Михайлова О.Б. Инновационность личности: гендерные и индивидуально-типологические характеристики: монография. М.: Изд-во РУДН, 2014.

Морозов А.В. Креативность как основа инновационной активности и профессионализма современного руководителя // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 125–129.

Печерская Э.П. Инновационные процессы в бизнесе и образовании: методологический аспект. М.: Изд-во Моск. соц.-эконом. ун-та, 2003.

Пугачев В.П. Модель эффективного использования методов мотивации персонала // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21 Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 44–67.

- Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
- Родионова Е.М. Совершенствование института подготовки кадров на основе оценки интеллектуального капитала // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 4. С. 178–184.
- Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
- Сурин А.В., Молчанова О.П. Государство как субъект стратегического управления национальной инновационной системой России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2008. № 4. С. 3–10.
- Тарасова А.Н., Андрианова Е.В. Инновационная активность и внутриорганизационное доверие: проблема взаимосвязи // Власть. 2016. Т. 24. № 11. С. 130–137.
- Тоганова Н.В., Тихомиров И.А., Каменская М.А., Храмоин И.В. Технологии и инновации в российских СМИ // Инновации. 2016. № 10. С. 110–118.
- Федоренко Н.В. Управленческие элиты в современном российском обществе: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-кавказс. науч. центра высш. школы Южн. Федер. ун-та, 2014.
- Харламов А.В., Аверьянова В.Г. Проблема перехода России к инновационной экономике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 2(23). С. 8–13.
- Sarros J.C., Cooper B.K., Santora J.C. Building a Climate for Innovation Through Transformational Leadership and Organizational Culture // Journal of Leadership & Organizational Studies. 2008. Vol. 15. No. 2. P. 145–158.
DOI: <https://doi.org/10.1177/1548051808324100>.

Дата поступления: 08.09.2019

Blokhina M.S.

Main Directions of Senior Managers Innovative Competences Development in Business Organizations

Maria S. Blokhina — PhD candidate, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: mcalekseeva@mail.ru

Abstract

In the context of tough competition, increasing variability of external environment of organizations and development of new technologies, new requirements to senior managers' competencies appear in business organizations. As shown by our sociological research with the participation of 400 respondents, the most important role in professional activity of managers is played by innovative competences — a set of skills and abilities that allow senior managers to apply a non-standard approach to a decision-making process and performance of professional

duties, to bring the organization to a new level of development through the use of the latest technologies and scientific achievements, to encourage new ideas and support their implementation. The conducted research allowed defining the most demanded innovative competences of senior and top managers of the commercial organizations: such as flexibility, creativity, strategic thinking, ability to generation of new ideas, etc. Of great importance is the positive attitude of top managers to creative and innovative activities, changes, use of technical and managerial innovations, encouragement of innovative thinking. Formation of these attitudes, as well as the development of innovative competences of commercial organizations managers can and should be carried out at several levels — socio-cultural, organizational and personal. Development of innovative competences in potential and acting managers at the socio-cultural level depends primarily on the existing system of training, educational approaches and teaching methods, that have been used at various stages. The most important role in the development of innovative competences of managers at the organizational level is played by the organization itself. Among the organizational factors of innovative competences development are corporate culture, leadership styles, features of labor organization, forms and methods of in-house training. Senior or top managers can take an active position in self-education and self-development of their own innovative competences with the help of self-management tools — first of all, programs of professional self-development. This is a personal level of managers' innovative competences development in business organizations. It is obvious that development of innovative competencies at all three levels is the most promising.

Keywords

Innovative competences, development of innovative competences, development of senior manager in business organization.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10029

References:

- Afanasiev V.G. (1981) *Obshchestvo: sistemnost', poznaniye i upravleniye* [Society: system, cognition and management]. Moscow: Politizdat.
- Amabile T. (2011) How to Kill Creative Initiative. In: *Kreativnoye myshleniye v biznese* [Harvard Business Review On Breakthrough Thinking]. Moscow: United Press.
- Armstrong M. (2012) *Handbook of Human Resource Management Practice*. 10th ed. Saint-Petersburg: Piter.
- Batourina E.V., Chernyaeva G.V. (2018) The Principles and Key Directions of Cultivating Innovative Organizational Culture. *Izvestiya YUgo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. Vol. 8. No. 2(27). P. 196–202.
- Batourina E.V., Shestoporov A.M. (2011) Scientific Environment and Forming of Innovation-oriented Personnel in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo). Ser. 21*. No. 2. P. 34–47.
- Batovrina E.V., Blokhina M.S. (2017) Development of Staff's Innovative Thinking in the Process of Education and Training. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nyye nauki*. No. 4. P. 126–134.
- Bermus A.G. (2007) *Vvedeniye v gumanitarnuyu metodologiyu* [Introduction to the humanitarian methodology]. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation".

- Bermus A.G. (2015) *Gumanitarnyye smysly obrazovaniya: iz XX – v XXI vek: monografiya*. [Humanitarian meanings of education: from the twentieth to the XXI century: monograph]. Rostov-on-Don: SFU.
- Blokhina M.S. (2019) Innovatsionnyy potentsial sovremennykh rukovoditeley kak faktor razvitiya innovatsionnogo obshchestva [Innovative potential of modern managers as a factor of development of innovative society]. *Vestnik vysshey shkoly. Alma mater. Sektsiya: Ekonomika i upravleniye v sotsial'nykh sistemakh*. No. 7. P. 60–66. DOI: <https://doi.org/10.20339/AM.07-19.060>.
- Borytko N.M. (2002) Stanovleniye sub'yektnoy pozitsii uchashchegosya v gumanitarnom prostranstve uroka: monografiya [Formation of subject position of a student in a humanitarian area of a lesson]. Volgograd: Izd-vo VGIPKRO.
- Fedorenko N.V. (2014) *Upravlencheskiye elity v sovremennom rossiyskom obshchestve: monografiya* [Managerial elites in modern Russian society: monograph]. Rostov-on-Don: Izd-vo Severo-kavkazsk. nauch. tsentra vyssh. shkoly Yuzhn. Feder. un-ta.
- Gumerova L.Z. (2009) *Innovatsionnaya deyatel'nost' kak faktor samorazvitiya rukovoditelya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: monografiya* [Innovative activity as a factor of self-development of the head of an educational institution: monograph]. Moscow: Universitetskaya kniga.
- Kharlamov A.V., Averyanov V.G. (2017) The Problem of Russia's Transition to an Innovative Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*. Vol. 7. No. 2(23). P. 8–13.
- Kolmogortseva A.A. (2014) Personal'nyy menedzhment — upravlenie soboy [Personal Management — Self-Management]. *Ekonomika i sotsium*. No. 4-3(13). P. 485–488.
- Komakova V.N., Konova O.V. (2016) Kouching kak innovatsionnaya tekhnologiya sovremennogo obucheniya [Coaching as an innovative technology of modern training]. *Innovatsii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obuchenii. Materialy 21-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet*. Ekaterinburg. P. 73–76.
- Kusov I.S., Molchanova O.P., Shestoporov A.M. (2011) Paradigm Shift in National Innovations System Development. *Gosudarstvennoe Upravlenie. Elektronny Vestnik*. No. 29. P. 1–8.
- Lapin N.I. (2000) Sotsiokul'turnyy podkhod i sotsiyetal'no-funktsional'nyye struktury [Socio-cultural approach and societal-functional structures]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 7. P. 3–12.

- Levitskaya I.A. (2012) Social-Cultural Approach as Methodological Foundation of Pedagogical Research. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. No. 2. P. 54–58.
- Medved A.A., Medved P.A. (2015) Institute of Creative Education as a Way of Investing in Human Capital of Russian Federation. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment*. No. 4. P. 136–144.
- Michaels E. (2005) *Ehe War for Ealent*. Moscow: Publishing house Mann, Ivanov and Ferber.
- Mikhailova O.B. (2014) *Innovatsionnost' lichnosti: gendernyye i individual'no-tipologicheskiye kharakteristiki: monografiya* [The innovativeness of a person: gender and individual-typological characteristics: monograph]. Moscow: Izd-vo RUDN.
- Morozov A.V. (2014) Creativity as a Basis for Innovative Activity and Professionalism Modern Leader. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*. No. 1. P. 125–129.
- Pecherskaya E.P. (2003) *Innovatsionnyye protsessy v biznese i obrazovanii: metodologicheskiy aspekt* [Innovative processes in business and education: methodological aspect]. Moscow: Izd-vo Mosk. sots.-ekonom. un-ta.
- Pugachev V.P. (2017) Model of Effective Use of Methods of Staff Motivation. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 21 Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 2. P. 44–67.
- Rakitov A.I. (1994) *Novyy podkhod k vzaimosvyazi istorii, informatsii i kul'tury: primer Rossii* [New approach to the relationship of history, information and culture: the example of Russia]. *Voprosy filosofii*. No. 4. P. 14–34.
- Rodionova E.M. (2017) Improvement of Training Institute of University Personnel on the Basis of Estimation of Intellectual Capital. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. Vol. 12. No. 4. P. 178–184.
- Sarros J.C., Cooper B.K., Santora J.C. (2008) Building a Climate for Innovation Through Transformational Leadership and Organizational Culture. *Journal of Leadership & Organizational Studies*. Vol. 15. No. 2. P. 145–158.
DOI: <https://doi.org/10.1177/1548051808324100>.
- Sorokin P. (1992) *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, civilization, society]. Moscow: Politizdat.
- Surin A.V., Molchanova O.P. (2008) State as a subject of strategic management of the national innovation system of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 4. P. 3–10.
- Tarasova A.N., Andrianova E.V. (2016) Innovation Activity and Intra-Trust: The Problem of Relationship Power. *Vlast'*. Vol. 24. No. 11. P. 130–137.

Toganova N.V., Tikhomirov I.A., Kamenskaya M.A., Khramoin I.V. (2016) Technology and Innovation in Russian Mass Media. *Innovatsii*. No. 10. P. 110–118.

Valencia V.A. (2016) Acmeological Approach to Development of Managers' Innovational Activity. *Klastery. Issledovaniya i razrabotki*. Vol. 2. No. 3. P. 27–37.

Zabolotnyaya M.A. (2018) Innovatsionnaya deyatel'nost' prepodavatelya vuza i kompetentnostnyye kharakteristiki rukovoditelya vuza, sposobstvuyushchiye stimulyatsii povysheniya urovnya innovatsionnoy aktivnosti prepodavatel'skogo kollektiva [Innovative activity of a University teacher and competence characteristics of the University head, which stimulate teachers' innovative activity level]. *Obrazovaniye i global'nyye vyzovy sovremennosti: nauchno-pedagogicheskiy kontekst. Materialy I Mezhdunarodnoy Internet-konferentsii*. Stavropol. P. 77–82.

Received: 08.09.2019

Шпакова Р.Н.

Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации

Шпакова Раиса Николаевна — кандидат географических наук, доцент, кафедра регионального управления и национальной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) (МГИМО), Москва, РФ.

E-mail: aglaonema2012@gmail.com

SPIN-код: РИНЦ: [1931-4127](https://elibrary.ru/1931-4127)

Аннотация

Обеспечение устойчивого экономического роста, снижения пространственного, экономического и социального неравенства, повышения благосостояния населения невозможно без оптимального распределения имеющихся ресурсов, выбора целей, механизмов и инструментов социально-экономического регулирования на перспективу, иными словами, — без стратегического планирования. Отсутствие четкого целеполагания, обоснованного определения стратегических приоритетов развития и их ресурсного обеспечения фактически тормозит процесс перехода страны к инновационной модели развития, ставит под вопрос решение задач скоординированного взаимодействия государства, бизнеса и общества. Целью работы стало обобщение подходов, принятых в региональных стратегиях при постановке главных (генеральных) целей социально-экономического развития, и выявление возникающих в этом процессе проблем. Положения стратегий, связанные с определением генеральных стратегических целей, проверялись на соответствие нормативным требованиям и рекомендациям, имеющемуся зарубежному опыту. В задачи исследования входило также выявление влияния, оказанного вступлением в действие Федерального закона «О стратегическом планировании» на процессы стратегического целеполагания в региональных стратегиях. Показано, что в силу нечеткости положений нормативных актов, регулирующих процессы целеполагания, на практике имеет место значительная неоднородность в подходах к формулированию как стратегических целей в целом, так и генеральных целей в частности по количественным и качественным признакам. Предложенные нормативно-методическим аппаратом рекомендации по определению стратегических целей крайне схематичны и применяются на практике формально, что не способствует повышению эффективности стратегического целеполагания. Внесен ряд предложений по совершенствованию норм федерального законодательства в сфере стратегического планирования.

Ключевые слова

Социально-экономическое развитие, стратегия, регион, стратегическое планирование, региональное управление, стратегическая цель, генеральная стратегическая цель, стратегический приоритет.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10030

Введение

Разработка стратегических планов (стратегий) социально-экономического развития регионов Российской Федерации перестала быть новацией в системе регионального управления: в настоящее время идет активное внедрение уже второго поколения стратегий. Начало нового этапа в развитии регионального стратегического планирования в Российской Федерации, связанного с принятием Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — Федеральный

закон)¹, актуализировало вопросы, связанные с научно-методическим обеспечением разработки стратегий регионального социально-экономического развития, в частности связанных с региональным целеполаганием, так как недостатки фрагментарно складывавшейся системы стратегического планирования были очевидны. Так, например, в научных трудах отмечалось, что «...представленные стратегии социально-экономического развития регионов во многом формальны, носят разрозненный характер и не отражают единые подходы к стратегическим перспективам развития страны. На уровне государства также не созданы стимулы и условия для устойчивого экономического роста с учетом пространственных и региональных аспектов социально-экономического развития» [Дзобелова, Олесаева 2013, 169–170].

Принятые документы стратегического планирования зачастую оценивались как декларативные, не содержащие целевых показателей [Ленчук, Филатов 2018, 40; Заусаев 2011, 178–184]. Констатировалось, что требования, предъявляемые к постановке стратегических целей, при разработке стратегий не всегда соблюдаются [Ванчикова и др. 2014]. Декларативность действующих стратегических планов (а кроме того, превалирование бюджетного процесса над стратегическим, отсутствие концентрации бюджетных ресурсов на достижении стратегических целей и другие недостатки) отмечалась и непосредственными участниками стратегического планирования².

Высказывались также радикальные мнения, например, о том, что головное министерство в сфере стратегического планирования — Министерство экономического развития Российской Федерации — утратило компетенции по разработке масштабных стратегических документов [Ленчук, Филатов 2018, 40], или о том, что в условиях экономического кризиса и осложнения внешнеполитической ситуации формирование эффективной региональной стратегии социально-экономического развития представляется маловероятным в связи с тем, что «трудно в полной мере предугадать эффект от событий, не подконтрольных региональным органам власти (введение внешнеторговых санкций и контрсанкций, изменение схемы налогообложения, повышение пенсионного возраста и т.д.)» [Куклин, Коробков 2018, 1145]. В условиях

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 09.11.2019).

² Система стратегического управления социально-экономическим развитием региона: доклад начальника Управления стратегического планирования правительства Ярославской области Д.Н. Гражданова 13 сентября 2013 г. // Общественная палата Ивановской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opiv.ru/upload/grazhdanov1.pdf> (дата обращения: 23.10.2019).

сохраняющейся пока зависимости российской экономики от внешних факторов действующая система регионального стратегического планирования не содержит экономико-правовых механизмов, «создающих достаточную степень «защищенности» стратегических планов страны и ее регионов от различных факторов негативного воздействия извне» [Бухвальд 2016, 5].

В целом отмечается, что в стране имеется значительное (и все возрастающее) количество документов стратегического планирования, не вполне связанных между собой по целям и не образующих единой системы при отсутствии основного документа — Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации [Ленчук, Филатов 2018; Евстафьева 2019].

Относительно формулирования генеральных целей в региональных стратегиях социально-экономического развития в науке также имеются критические замечания, связанные с тем, что поставленные во многих региональных стратегиях генеральные цели имеют характер не более чем броских девизов, благих пожеланий и т.п. [Лапыгин и др. 2017, 39].

В сложившейся ситуации представляется целесообразным рассмотреть теорию и практику стратегического целеполагания применительно к формулированию генеральных стратегических целей на примере стратегий социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

Теоретические основы

В науке сущность категории «стратегическая цель» раскрывается в следующем определении: «стратегическая цель — это будущее, желаемое состояние объекта управления (управляемой системы), которое достигается в процессе совершения действий, направленных на изменение текущего состояния в необходимое, то есть желаемое, достигаемое через определенный промежуток времени» [Селюков, Скачков 2012, 517]. Признаками цели любой государственной программы (понимаемой в данном случае, конечно, в более широком смысле, чем государственные программы в трактовке Федерального закона) являются:

- «специфичность (результат должен соответствовать сфере государственной политики (деятельности), которую он характеризует);
- конкретность (не допускаются размытые (нечеткие) формулировки, допускающие произвольное или неоднозначное толкование;
- измеримость (достижение результата можно проверить);

- достижимость (результат должен быть достижим к заданному сроку);
- релевантность (соответствие формулировки цели и показателей ожидаемым конечным результатом реализации программы)» [Добролюбова и др. 2016, 105].

В процессе формирования глобальной цели социально-экономического развития рекомендуется следующий порядок действий:

- «выбрать один или несколько индикаторов (количественных ориентиров) и установить для них четкие целевые значения;
- установить сроки достижения конечной цели;
- определить значения необходимых для достижения цели финансовых, материальных, трудовых и институциональных ресурсов;
- провести многовариантные расчеты и выбрать приоритеты в зависимости от масштабов затрат, достигаемых результатов, времени на достижение цели» [Руденко 2009, 15].

При этом высказывается обоснованное, на наш взгляд, мнение, что «если глобальная цель не будет измеримой и конкретной, то построить системные меры по продвижению к этой цели будет невозможно» [Там же].

Методологические подходы к формированию целей регионального стратегического развития предложены в ряде крупных научных исследований. Так, в работе М.Ю. Махотаевой, в частности, раскрываются логика и последовательность этапов определения целей регионального развития, освещаются вопросы методологического обеспечения процесса целеполагания в региональном стратегическом планировании [Махотаева 2006]. Унифицированная методология формирования стратегических целей в региональном стратегическом планировании предложена В. Цыбатовым и Л. Михайловским [Tsybatov, Mikhailovsky 2015].

Если говорить о законодательных основах, то целеполагание, наряду с прогнозированием, планированием и программированием, является одним из основных сущностных элементов стратегического планирования (см. подп. 1 ст. 3 Федерального закона). Целеполагание состоит в определении «направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» (подп. 4 ст. 3 Федерального закона). Соответственно, под целью социально-экономического развития понимается «состояние экономики, социальной сферы, которое определяется участниками

стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями» (подп. 13 ст. 3 Федерального закона). Цели могут характеризовать, как это предусмотрено пунктом 4.2 Методических указаний по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации (далее — Методические рекомендации)³, «реалистичный образ желаемого будущего», достижение которого возможно субъектом Российской Федерации.

Определение целей социально-экономического развития производится в специальном документе стратегического планирования — стратегии социально-экономического развития.

Кроме признаков, указанных в понятии цели, данном в Федеральном законе, некоторые свойства целей социально-экономического развития можно установить из требований принципов организации и функционирования системы стратегического планирования. В частности, согласно принципу реалистичности (п. 9 ст. 7 Федерального закона) участники стратегического планирования обязаны руководствоваться требованием достижимости целей в установленные сроки с учетом имеющихся ресурсов и возможных рисков. Кроме достижимости, цели должны обладать признаками измеримости, то есть назначаться таким образом, чтобы имелась возможность оценки их достижения с использованием «количественных и (или) качественных целевых показателей, критериев и методов оценки, используемых в системе стратегического планирования» (п. 11 ст. 7 Федерального закона). Этот принцип дополняет признак измеримости, имеющийся в определении цели. При этом устанавливаемые показатели должны соответствовать целям — такое требование содержится в принципе соответствия показателей целям. Наконец, следование принципу преемственности и непрерывности (п. 4 ст. 7 Федерального закона) применительно к определению цели социально-экономического развития означает, что в данном процессе должны учитываться в числе прочего результаты достижения целей ранее принятых документов стратегического планирования.

³ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации (с изменениями на 7 сентября 2018 года): приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23 марта 2017 года № 132 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456054578> (дата обращения: 15.10.2019).

Часть требований к целям социально-экономического развития региона носят, согласно положениям Методических указаний, рекомендательный характер. Так, при разработке стратегии в целом, а следовательно, и при определении стратегических целей в частности целесообразно учитывать «положения документов стратегического планирования Российской Федерации, разрабатываемых в рамках целеполагания, ...значимых для развития субъекта Российской Федерации, актов, указов и указаний Президента Российской Федерации по важнейшим вопросам государственной политики и социально-экономического развития; положения стратегий социально-экономического развития, иных документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации, граничащих с данным субъектом...» (п. 3.1 Методических указаний).

Кроме того, при выработке целевых ориентиров подлежат учету «результаты реализации стратегических документов субъекта Российской Федерации, действующих в предшествующем разработке Стратегии периоде», а также данные государственной и муниципальной статистики. При этом порядок и механизмы такого учета не определены.

В целом общее количество документов, которые должны быть учтены при разработке стратегии региона и, соответственно, при определении стратегических целей, может быть чрезвычайно велико (на что нами уже обращалось внимание в работе [Шпакова 2018, 45, 46]). Например, во введении к Стратегии Камчатского края до 2030 г. в качестве «нормативных документов, определяющих общие подходы к актуализации Стратегии...», указаны 126 документов различного уровня⁴.

Определение целей социально-экономического развития субъекта РФ рекомендуется осуществлять на основе SWOT-анализа и PEST-анализа, выявления основных проблем и рисков развития субъекта, с учетом возможностей и ограничений развития, ресурсного обеспечения и общего потенциала субъекта Российской Федерации (п. 3.3 Методических указаний). Однако эта рекомендация не подкреплена разъяснениями (хотя бы в общих чертах) подходов, связывающих результаты SWOT- и PEST-анализов с формированием приоритетов и целей социально-экономического развития. Неслучайно поэтому формальное в большинстве случаев отношение разработчиков стратегий к полученным в ходе указанных

⁴ См. Введение к Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года: постановление Правительства Камчатского края от 27 июля 2010 года № 332-П (с изм. на 25 июля 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446224042> (дата обращения: 10.10.2019).

аналитических процедур результатам. При этом в науке имеются разработки, позволяющие, на наш взгляд, предложить определенные алгоритмы для более продуктивного использования SWOT- и PEST-анализов в практике разработки стратегий [Зонова, Кислицына 2005].

Генеральные цели стратегии в силу того, что это именно цели, должны в полной мере соответствовать всем требованиям, предъявляемым к стратегическим целям теорией и нормативно-правовыми актами. Каких-либо особых признаков понятия «генеральная цель» в законодательстве не содержится.

Таким образом, целеполагание, важнейший момент стратегического планирования, нормативно-методически изложен крайне ограниченно. Нормативные документы лишь формулируют основные понятия, определяют порядок разработки документов стратегического планирования, но совершенно не содержат методической составляющей. Иными словами — содержат положения о том, *что* должно быть сделано, но не содержат положений о том, *как* это должно быть сделано.

Материалы и методы исследования

После вступления в силу Федерального закона начался процесс, особенно активизировавшийся с 2018 года, замены действовавших региональных стратегий с горизонтом планирования до 2020–2025 гг. на новые, с горизонтом планирования до 2030–2035 гг. Естественно, что при их разработке положения Федерального закона должны учитываться в полной мере.

Нами изучены 120 стратегий субъектов Российской Федерации, в числе которых как действующие, так и прекратившие свое действие и существующие на стадии проекта, а также 8 стратегий федеральных округов и макрорегионов, таких как Сибирь, Дальний Восток и Байкальский регион. Рассмотрению подлежали как стратегии, принятые до вступления в силу Федерального закона, условно названные нами «старые» стратегии, так и стратегии, принятые после вступления указанного закона — «новые» стратегии (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Сведения о принятых к исследованию региональных стратегиях социально-экономического развития⁵

Стратегии социально-экономического развития:	«Старые» (принятые до вступления в силу Федерального закона «О стратегическом планировании»)	«Новые» (принятые после вступления в силу Федерального закона «О стратегическом планировании»)
регионов	69	51
федеральных округов и макрорегионов	8	0
Всего	77	51

К моменту написания статьи «новые» стратегии были приняты в 33 субъектах Российской Федерации, еще в 18 регионах разработанные проекты «новых» стратегий находились на стадии утверждения. Проекты «новых» стратегий для федеральных округов и макрорегионов пока не разработаны, во всяком случае, не опубликованы.

Предметному анализу, в соответствии с целями настоящей статьи, подлежали разделы стратегий, посвященные целям и направлениям социально-экономического развития. Как правило, именно в этих разделах размещаются формулировки генеральных целей социально-экономического развития (называемых иногда главными или стратегическими целями).

Методом сравнительного анализа прежде всего определялось соответствие сформулированных генеральных целей требованиям Федерального закона, научным рекомендациям, международной практике. Кроме того, в отдельных случаях для анализа применялись формально-юридический метод, метод толкования нормативных установлений и другие.

Обсуждение результатов

Возвращаясь к определению целей, данному в Федеральном законе, следует отметить, что в полной мере законодательная формулировка не содержит всех тех признаков, которые предъявляются к стратегической цели теорией. Собственно, имеет место соблюдение только двух требований — специфичности и измеримости. Остальные признаки предусмотрены косвенно, через содержание принципов стратегического планирования. Однако при рассмотрении генеральных целей стратегий социально-экономического развития регионов оказалось, что на эти признаки зачастую внимание не обращается. Наиболее принципиальным является отсутствие такого свойства, как достижимость цели, то есть такого свойства, которое определяет

⁵ Составлено автором.

вероятность достижения ее именно в пределах действия стратегии, а не в более далекой перспективе. Данное обстоятельство приводит к тому, что устанавливаемые стратегические цели зачастую представляют собой не столько состояния (экономики, социальной сферы и т.п.), как это следует из определения цели, сколько процессы. Это проявляется в использовании в формулировках таких понятий, как «повышение», «улучшение», «снижение», «развитие» и т.п., без привязки к определенному уровню, что нельзя признать удовлетворительным. В связи с этим определение цели социально-экономического развития, данное в Федеральном законе, предлагается уточнить и изложить в следующем виде: состояние экономики, социальной сферы, которое определяется участниками стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями, а также достижимостью в течение периода действия стратегии.

Поскольку речь зашла о корректировке положений нормативных актов, то обратим также внимание на формулировку целевого сценария в п. 2 Методических указаний как оптимального варианта социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, обеспечивающего достижение установленных приоритетов и целей развития. Используемый здесь термин «приоритеты», как следует из определения, данного в том же п. 2 Методических указаний, представляет собой направления развития, и, подставив данное выражение в определение целевого сценария, получим, что целевой сценарий подразумевает в числе прочего «достижение установленных направлений», что, очевидно, является некорректным выражением. Поэтому полагаем, в определении целевого сценария следует оставить только достижение целей развития, а достижение приоритетов необходимо удалить.

Из числа изученных стратегий генеральная цель (или цели) чаще всего (в 65% случаев) определяется как цель социально-экономического развития региона⁶, реже (24% случаев) — как цель стратегии (разработки стратегии, формулирования

⁶ См., например: п. 3.2 Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия до 2035 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553221182> (дата обращения: 08.10.2019); п. 3.2 Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412309398> (дата обращения: 08.10.2019) и др.

стратегии)⁷. В 10 стратегиях, по примеру Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года⁸, обозначены и цель стратегии, и цель социально-экономического развития⁹. В очень небольшом количестве случаев в качестве генеральной цели указывается цель социально-экономической политики (политики по социально-экономическому развитию, деятельности администрации области и т.п.).

Нормы закона в целом свидетельствуют о том, что стратегическая цель не обязательно должна быть единственной. Это следует как из приведенного выше определения целеполагания, так и из содержания понятия «планирование» — «деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации основных направлений, ... планов деятельности ... в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, ... направленная на достижение *целей* и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности...» (подп. 6 ст. 3 Федерального закона). О целях как предполагаемых результатах деятельности говорится и в определении понятий программирования, стратегии социально-экономического развития и других нормах закона.

Из 69 стратегий социально-экономического развития регионов, принятых до вступления в силу Федерального закона, в 45 (что составляет 65%) сформулирована

⁷ См., например: п. 4 Стратегии социально-экономического развития Карачаево-Черкесской Республики до 2035 г. // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики [Электронный ресурс].

URL: <https://www.kchr.ru/upload/economika/Strategiia%20sotcial%60no%20e%60konomicheskogo%20razvitiia%20Karachaevo-Cherkesskoi%60%20Respubliki%20do%202035%20goda.pdf> (дата обращения: 15.10.2019); п. 2 Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819076044> (дата обращения: 07.10.2019) и др.

⁸ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года): распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 10.10.2019).

⁹ См., например, Раздел IV Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465420565> (дата обращения: 06.10.2019).

единая генеральная (часто называемая главной или стратегической) цель¹⁰, в остальных — две и более¹¹. В стратегиях, принятых после вступления в силу Федерального закона, доля стратегий, в которых устанавливается единая цель, уменьшается до 56%. Таким образом, в новых стратегиях просматривается некоторая тенденция к отказу от формулирования единой генеральной цели социально-экономического развития.

Нередко в структуре единой генеральной цели наличествуют две или три равноправные составляющие. Как правило, одна из них связана с ростом экономики, вторая — с ростом благосостояния и качества жизни населения, а третья (при наличии) в различных вариантах — с формированием благоприятных условий жизнедеятельности (Стратегия Чувашской Республики — 2020¹²), развитием государственного управления (Стратегия Владимирской области — 2030¹³), обеспечением пространственного развития для комфортного и безопасного проживания (Стратегия Нижегородской области — 2035¹⁴) и т.п. В «старых» стратегиях таких случаев 21 (27%), в «новых» — 11 (22%).

¹⁰ См., например: п. 2.1.2 Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2025 года: распоряжение Правительства Чеченской Республики от 20 июня 2020 года (с изменениями на 9 ноября 2015 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550135877> (дата обращения: 03.10.2019); раздел «Цели и задачи социально-экономического развития Мурманской области, приоритеты государственной политики» Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года: постановление Правительства Мурманской области от 25 декабря 2013 года (с изменениями на 10 июля 2017 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465602093> (дата обращения: 02.10.2019) и другие.

¹¹ См., например: п. 4 Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 года: указ Губернатора Омской области от 24 июня 2013 года № 93 (в ред. указов от 24.09.2015 № 167, от 30.11.2017 № 197, от 07.05.2018 № 53) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467304053> (дата обращения: 16.10.2019); п. 2.4 Стратегии социально-экономического развития Самарской области до 2030 года: постановление Правительства Самарской области от 12 июля 2017 года № 441 (с изменениями на 17 сентября 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/450278243> (дата обращения: 02.10.2019).

¹² П. 2.2 Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года: закон Чувашской Республики от 4 июня 2007 года № 8 (утр. силу) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473612492> (дата обращения: 07.10.2019).

¹³ П. 4.1 Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года: указ Губернатора Владимирской области от 2 июня 2009 года № 10 (с изм. и доп., по сост. на 21 сентября 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/965014297> (дата обращения: 05.10.2019).

¹⁴ П. 2.2 Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года: постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465587311> (дата обращения: 01.10.2019).

В стратегических документах федерального уровня, которые в принципе должны служить в определенной степени методическими образцами, также не просматривается единство в подходах к количеству генеральных целей. Если, например, в Национальных проектах, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г., каждый национальный проект рассматривать как отдельный документ стратегического планирования, то ни один из предложенных проектов какой-либо единой цели не содержит, а включает комплекс главных целей — 9 целей в национальном проекте «Здравоохранение», 4 цели в национальном проекте «Демография» и т.д.¹⁵ В то же время в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года сформулирована единая цель — обеспечение «устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации», качественными характеристиками которой обозначены: сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны¹⁶.

Генеральные цели в региональных стратегиях формулируются самым различным образом.

Часть из них напрямую представляют образ будущего региона. Например, в Стратегии Республики Адыгея — 2030: «Регион гармоничного устойчивого развития с высоким уровнем качества жизни населения...»¹⁷, в Стратегии Республики Калмыкия — 2030: «Гармоничный регион с духовно, социально и материально обеспеченным растущим населением, динамично и устойчиво развивающейся экономикой на основе умной индустриализации традиционных сфер деятельности и

¹⁵ См.: Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. Материалы по состоянию на 7 февраля 2019 года // Официальный Электронный ресурс Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 19.10.2019).

¹⁶ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 19.09.2019).

¹⁷ П. 2.2 Стратегии социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года: постановление Кабинета министров Республики Адыгея от 26 декабря 2018 года № 286 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550299565> (дата обращения: 05.10.2019).

сбалансированным пространством»¹⁸. Иногда в генеральной цели обозначается геополитический фактор: «Геополитически значимый лидер Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации...» (п. 2.1 Стратегии Республики Саха (Якутия) — 2030 (проект)¹⁹), «Реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе...» (Стратегия Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.²⁰).

В формулировках генеральных стратегических целей ряда субъектов Российской Федерации присутствует тема лидерства региона: Ставропольский край планирует к 2035 году достижение лидерских позиций в стране по качеству жизни населения (раздел III проекта Стратегии Ставропольского края — 2035²¹), Тамбовская область — достижение лидерства в удовлетворенности населения качеством жизни и окружающей среды (раздел 2 Стратегии Тамбовской области — 2035²²), Краснодарский край позиционируется как «лидер Южного полюса роста России» (п. 2.2 Стратегии Краснодарского края — 2030²³).

К видимым в желаемом будущем свойствам регионов в формулировках генеральных целей относят также конкурентоспособность региона (п. 1.4 Стратегии

¹⁸ П. 2.2.1 Стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкия на период до 2030 года (проект) // Официальный интернет-сайт Министерства экономического развития российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/66c9c710-442a-453f-8d81-dae2f9d42fa0/9119rk.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=66c9c710-442a-453f-8d81-dae2f9d42fa0> (дата обращения: 14.10.2019).

¹⁹ О проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года: постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 26 декабря 2016 года № 455 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444958940> (дата обращения: 13.10.2019).

²⁰ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 года № 2094-р // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902195483> (дата обращения: 15.10.2019).

²¹ Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года // Официальный интернет-сайт Министерства экономического развития российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/c7b54500-9a3e-4c09-bf02-d5d2b24fedbb/CK_2019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=c7b54500-9a3e-4c09-bf02-d5d2b24fedbb (дата обращения: 13.10.2019).

²² Стратегия социально-экономического развития Тамбовской области до 2035 года: закон Тамбовской области от 4 июня 2018 года № 246-3 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550113760> (дата обращения: 04.10.2019).

²³ Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года: закон Краснодарского края от 21 декабря 2018 года № 3930-КЗ (с изм. на 5 мая 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 03.10.2019).

Республики Башкортостан — 2030²⁴, п. 3.2 Стратегии Республики Дагестан — 2025²⁵ и другие).

Имеет место в ряде случаев представление будущего состояния региона как полюса определенных позитивных изменений. Например, «превращение Хабаровского края в центральный полюс роста Дальнего Востока, лидирующий в области взаимообусловленного роста человеческого капитала, инновационной экономики, пространственной организации и международной кооперации» (п. 2.1 Стратегии Хабаровского края — 2030²⁶).

В качестве характеристик используются также термины «центр», «магнит»: «Центр Русского Севера, привлекающий и объединяющий людей для всестороннего развития, реализации передовых идей и комфортного проживания» (Стратегия Архангельской области — 2035 (Раздел IV)²⁷), «...магнит для талантов и предпринимателей» (п. 2.2 Стратегии Краснодарского края — 2030).

Встречаются и абстрактно-позитивные формулировки видения будущего региона. Например, Республика Ингушетия в Стратегии до 2020 г. и на период до 2030 г. видится как «зодчий мира и добрососедства, созидатель уюта и комфортных условий жизнедеятельности, творец собственного благополучия»²⁸.

Более чем в половине «старых» стратегий и в около одной трети «новых» стратегий в определениях генеральной цели социально-экономического развития звучит тема повышения качества жизни населения или (в различных вариациях)

²⁴ Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года: постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 года № 624 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550329714> (дата обращения: 01.10.2019).

²⁵ Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года: закон Республики Дагестан от 15 июля 2011 года № 38 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412309398> (дата обращения: 11.10.2019).

²⁶ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края до 2030 года: постановление Правительства Хабаровского края от 13 июня 2018 года № 215-пр // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465353006> (дата обращения: 01.10.2019).

²⁷ Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года: закон Архангельской области от 18 февраля 2019 года № 57-5-ОЗ // Официальный интернет-сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/49109151-6955-4749-b347-213db5c33eb6/stratega.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=49109151-6955-4749-b347-213db5c33eb6> (дата обращения: 02.10.2019).

²⁸ П. 2.2.2.1 Стратегии социально-экономического развития Республики Ингушетия на 2009–2020 годы и на период до 2030 года: постановление Правительства Республики Ингушетия от 16 февраля 2009 года № 49 (в ред. постановления от 17 августа 2016 года № 154) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446174234> (дата обращения: 15.10.2019).

повышения благосостояния (уровня жизни, уровня благосостояния), улучшения качества жизни, достижения современных стандартов жизни и т.п. В формулировках также, как правило, определяется основание, обеспечивающее представленные в цели позитивные процессы: например, «на основе развития эффективной инновационной экономики»²⁹, на основе «устойчивого сбалансированного развития экономики, формирования потенциала будущего развития и активного участия республики в системе международных и межрегиональных обменов»³⁰ и т.п.

Обозначение повышения качества жизни населения как приоритета деятельности органов власти и управления согласуется с положениями ст. 7 Конституции Российской Федерации³¹, в соответствии с которой Российская Федерация провозглашена социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Тем не менее имеет, как представляется, право на жизнь мнение о том, что, несмотря на наличие в региональной политике социальных, экономических, экологических и иных, безусловно, взаимосвязанных между собой приоритетов, «в центре этих приоритетов находится экономическое направление, обуславливающее успешность развития прочих направлений» [Кислицына 2017, 92]. Очевидно, исходя из таких представлений, в некоторых стратегиях в определении генеральной цели на первый план выдвигают не повышение качества жизни населения, а развитие экономики (экономический рост, повышение экономического потенциала и т.п.). В «старых» стратегиях такая генеральная цель установлена в 9 случаях из 77, в «новых» стратегиях подобных случаев всего 2: в Стратегии Еврейской АО — 2030: «создание эффективной экономической системы, отвечающей современным условиям, интегрированной в сеть межрегиональных и международных отношений и являющейся

²⁹ П. 3.2 Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия до 2035 года: закон Республики Бурятия от 18 марта 2019 года № 360-VI // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553221182> (дата обращения: 11.10.2019).

³⁰ Раздел 4 Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года: распоряжение Правительства Республики Карелия от 10 апреля 2007 года № 129-р-П // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/919323898> (дата обращения: 10.10.2019).

³¹ Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.10.2019).

базисом для роста благосостояния и качества жизни населения области»³²; и в Стратегии Курганской области — 2030: «создание эффективной экономики, способствующей развитию человеческого капитала»³³.

Генеральная цель стратегии может также фокусироваться на более конкретных направлениях, например: «Реализация политики народосбережения путем сохранения демографического потенциала и развития человеческого капитала...»³⁴ или «реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе, ... а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития» в упоминавшейся выше Стратегии Дальнего Востока и Байкальского региона — 2025 (Раздел I).

Таким образом, нельзя в полной мере согласиться с высказанным в научном сообществе мнением о том, что главной целью региональных стратегий «как правило, становится повышение качества жизни путем экономического роста» [Рисин 2016, 56].

Тенденцией, постепенно проявляющейся в «новых» стратегиях, становится отказ от формулирования единой цели или 2–3 генеральных целей и постановка в стратегии социально-экономического развития целого комплекса целей, объединяемых понятиями «главные цели» или «приоритеты». Если до принятия Федерального закона такой подход применен всего в четырех стратегиях, то после принятия закона таких стратегий 7, при том, что еще далеко не все регионы обновили свои стратегии.

Ряд примеров из зарубежной практики регионального стратегического планирования свидетельствует о том, что и там применяются аналогичные подходы. Так, например, в Стратегии социально-экономического развития австралийского штата Южная Австралия при общей направленности на устойчивое развитие и благосостояние для всех жителей штата, которая может быть определена как миссия штата, на плановый период установлен комплекс целей, распределенных по 7 направлениям: создание креативного города, доступное место для проживания, каждый

³² Раздел 3 Стратегии социально-экономического развития Еврейской автономной области: постановление Правительства Еврейской автономной области от 15 ноября 2018 года № 419-пп // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550248947> (дата обращения: 17.10.2019).

³³ Глава 4 Стратегии социально-экономического развития Курганской области до 2030 года (проект) // Официальный интернет-сайт Министерства экономического развития российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/94511322-2b8b-4ce9-91c1-6e9504570a5c/kurgansko.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=94511322-2b8b-4ce9-91c1-6e9504570a5c> (дата обращения: 15.10.2019).

³⁴ Раздел 3 Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года: постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 года № 920 (с изм. на 13 июня 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444743929> (дата обращения: 15.10.2019).

шанс для каждого ребенка, рост экономики, здоровье и безопасность, реальная реализация достижений горнодобывающего бума для всех премиальных продуктов питания и вина, достижение премиум качества окружающей среды³⁵. В Стратегии развития города Абилин штата Техас (США) сформулированы миссия и 4 генеральные цели: экономический рост, эффективное планирование, ресурсосбережение, координация деятельности участников реализации стратегического плана³⁶.

Как было показано выше, цель, согласно законодательному определению, должна характеризоваться количественными и (или) качественными показателями. Однако в формулировках генеральных целей это требование соблюдается крайне редко.

Из числа «старых» стратегий моменты, более или менее близкие к понятию количественных или качественных показателей, присутствуют в генеральных целях в 11 случаях из 77. В «новых» стратегиях — всего в 5 случаях из 51, а конкретные количественные показатели в формулировке генеральной цели имеются только в одной стратегии — Стратегии Амурской области — 2025 (п. 3.1):

- «устойчивый рост численности постоянного населения до 799,7 тыс. человек к 2025 году;
- рост реальных денежных доходов населения в 3–4 раза;
- достижение среднероссийского уровня обеспеченности населения области жильем, объектами социальной инфраструктуры;
- рост ВРП со средними ежегодными темпами 13% и увеличением его объема к 2025 году в 3 раза;
- доведение к 2025 году ежегодного объема инвестиций в основной капитал до 131,2 млрд рублей»³⁷.

В остальных стратегиях показатели в генеральных целях если и используются, то носят рейтинговый характер, например: «обеспечение... роста показателей социального развития... до уровня выше средних значений по Российской Федерации, достижение показателей экономического развития региона не ниже среднероссийского

³⁵ City of Prospect. Strategic Plan to 2020 // City of Prospect [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prospectstrategicplan.com.au/wp-content/uploads/2016/12/Strategic-Plan-to-2020.pdf> (дата обращения: 03.11.1019).

³⁶ Economic development. Strategic Plan // Official site of the state of Abilene, Texas [Электронный ресурс]. URL: <https://www.downtownabi.com/wp-content/uploads/2018/08/Economic-Development-Strategic-Plan-TIF.pdf> (дата обращения: 04.11.1019).

³⁷ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года: постановление Правительства Амурской области от 13 июля 2012 года № 380 (с изменениями на 8 ноября 2017 года). С. 52 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/961723123> (дата обращения: 11.10.1019).

уровня»³⁸, «по объему валового регионального продукта и индексу развития человеческого потенциала... войти в двадцатку лидеров среди субъектов Российской Федерации» (п. 3.2 упомянутой выше Стратегии Республики Дагестан — 2025).

Общероссийский (или среднероссийский) уровень — наиболее распространенная база сравнения, но встречаются целевые ориентиры как более низкого уровня (например, «повышение качества жизни населения... до уровня *не ниже среднего по Центральному федеральному округу*»³⁹), так и более высокого уровня: «...повышение качества жизни населения республики до уровня *наиболее развитых стран*»⁴⁰. Правда, последняя стратегия уже не действует.

Независимо от того, имеется ли в генеральной цели количественный или качественный параметр, необходимо отметить, что, как правило, в виде предметных областей, в пределах которых ставятся генеральные цели, используются категории достаточно абстрактные или недостаточно определенные: «качество жизни населения», «подлинное благополучие граждан», «благоприятные условия для развития и совершенствования человека», «уровень социально-экономического развития», «уровень жизни населения» и т.п. Значительно реже фигурируют такие более конкретные социальные или экономические категории, как «рост объема валового регионального продукта», «рост индекса развития человеческого потенциала». Указанная особенность характерна как для «старых», так и для «новых» стратегий.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что и в тех случаях, когда генеральными целями объявляются социальные достижения, и в случаях, когда — экономические, при отсутствии в формулировках количественных или качественных показателей мы, очевидно, имеем дело не с целями, а с миссиями. В теории стратегического менеджмента «миссия» определяется как стратегическая (генеральная) цель, «выражающая смысл существования, общепризнанное предназначение

³⁸ П. 1.3 Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области до 2025 года: постановление Правительства Сахалинской области от 28 марта 2011 года № 99 (с изм. на 5 марта 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/424087324> (дата обращения: 10.10.2019).

³⁹ П. 2.5 Стратегии социально-экономического развития Ивановской области на период до 2020 года: постановление правительства Ивановской области от 4 июня 2015 года № 240-п (по состоянию на 28 июня 2017 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428593969> (дата обращения: 18.10.2010).

⁴⁰ Раздел 2 Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года: постановление правительства Республики Башкортостан от 30 сентября 2009 года № 370 (утратило силу) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/935117825> (дата обращения: 08.10.2019).

организации» [Максименко, Павлова 2010, 209]. Имея в целом целеполагающий характер, миссия, как правило, не привязана к конкретному временному периоду и выражает либо видение ситуации на длительную, превышающую горизонт стратегического планирования перспективу, либо некое постоянно действующее правило, закон, с которым должны сверяться как стратегические и тактические планы, так и вся оперативная деятельность организации (в данном случае региона).

На проблему смешения понятий «миссия» и «стратегическая цель» в региональных стратегиях уже обращалось внимание в научных исследованиях. При этом отмечено, что чаще всего формулировки генеральных целей повторяют «основное содержание формулировок миссии, не развивая их и не конкретизируя» [Лапыгин 2014, 61; Лапыгин и др. 2017, 39].

Как правило, в стратегиях после формулирования генеральной цели социально-экономического развития утверждается положение о том, что поставленная цель раскрывается через систему стратегических приоритетов (или иногда через систему целей второго уровня). Под приоритетами развития субъекта Российской Федерации понимаются «направления социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, признанные наиболее важными, для достижения которых планируется сосредоточить усилия органов государственной власти субъекта Российской Федерации...» (п. 2 Методических указаний). Но на деле к числу приоритетов относят подавляющее большинство (или даже практически все) направлений социально-экономического развития. Наиболее показательна в этом свете Стратегия Республики Башкортостан — 2030, фрагмент из которой полагаем целесообразным привести полностью:

«Стратегическими приоритетами Республики Башкортостан являются:

- человеческий капитал, включая направления: «Демографическое развитие. Семья, материнство, отцовство и детство», «Охрана здоровья и человеческий капитал, включая направления «Демографическое развитие. Семья, материнство, отцовство и детство», «Охрана здоровья и медицинская помощь», «Образование», «Культура и искусство», «Физическая культура и спорт», «Трудовые отношения», «Социальная защита», «Жилище», «Экологическое благополучие», «Национальная политика»;

- реальный сектор экономики, включая направления «Промышленность», «Агропромышленный комплекс», «Малое и среднее предпринимательство», «Туризм», «Инвестиции и деловой климат», «Инновации», «Негосударственные финансы», «Природопользование», «Внешиэкономическая деятельность и экспорт»;
- сбалансированное развитие территорий, включая направления «Агломерация», «Моногорода», «Муниципальные образования со сдержанным уровнем социально-экономического развития», «Снижение дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований», «Инфраструктурное развитие»;
- совершенствование государственного управления, включая направления «Повышение эффективности государственного управления и открытости деятельности органов власти», «Государственная собственность», «Обеспечение устойчивости бюджетной системы»⁴¹.

Затем каждое направление раскрывается через комплекс задач и сопровождается набором соответствующих целевых индикаторов.

Как можно видеть из представленного фрагмента, трудно найти такое направление регионального управления, которое не было бы выделено в качестве приоритетного. Такое положение, как представляется, девальвирует само понятие «приоритетов социально-экономического развития». Очевидно, что все (или почти все) возможные направления социально-экономического развития не могут быть признаны наиболее важными, иначе теряется смысл разработки стратегии как *выбора* целей, направлений и приоритетов.

В стратегиях, в которых в качестве генеральной цели ставится целый комплекс целей вместо одной–трех, мы зачастую видим ту же картину: приоритетными признаются практически все направления социально-экономической политики или подавляющее большинство. Так, в Стратегии Приморского края — 2030 в качестве главных определены 35 целей, сгруппированных по следующим направлениям: а) развитие социальной сферы; б) экономическое развитие; в) развитие научно-инновационной сферы; г) развитие рационального природопользования и обеспечение

⁴¹ П. 1.4 Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года: постановление Правительства Республики Башкортостан № 624 от 20 декабря 2018 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/upload/iblock/cda/document.pdf> (дата обращения: 03.11.2019).

экологической безопасности; д) развитие межрегиональных и внешнеэкономических связей; е) пространственное развитие. В числе целей, объединяемых в этих группах направлений, присутствуют рост доходов населения, развитие систем здравоохранения, образования, социальной защиты, культурной сферы, молодежной политики, обеспечение безопасности жизнедеятельности и охраны окружающей среды, совершенствование государственного управления, развитие малого предпринимательства и т.д. Своеобразие можно отметить лишь в блоке целей экономического развития, и связано оно с отраслевой спецификой экономики региона.

И даже когда генеральная цель стратегии формулируется как единственная и конкретная, при последующей декомпозиции в приоритетные направления включаются все или очень многие направления социального развития. Определенная вариативность имеет место только в приоритетах экономического развития.

Смысл стратегии, ее отличительный признак заключаются прежде всего в *выборе* целей и приоритетов (это следует из основополагающих определений планирования, стратегического планирования и целеполагания, данных в Федеральном законе). Но, очевидно, концепция стратегического планирования в ее полном понимании вряд ли может быть применена к процессам управления социальной сферой, так как выбор приоритетов среди отраслей этой сферы трудно представим, о чем свидетельствует и рассмотренная выше практика разработки стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Выводы

Нечеткость положений нормативных актов, регулирующих процессы стратегического планирования, приводят к тому, что на практике имеет место крайняя неоднородность в подходах к формулированию стратегических целей как по количественным, так и по качественным признакам. При этом в значительном числе случаев в региональных стратегиях под генеральной целью понимается миссия региона. Во избежание в дальнейшем подобного положения необходимо как минимум уточнить понятие стратегической цели, данное в Федеральном законе, добавив признак достижимости цели в течение периода действия стратегии. Дополнительно предлагается хотя бы в рекомендательном порядке ввести понятие миссии региона как генеральной цели развития, рассчитанной на дальнюю перспективу или имеющей характер постоянного правила, общего закона для всей социально-экономической деятельности в регионе; введение данного понятия необходимо в связи с тем, что в настоящее время генеральные цели, формулирование которых широко практикуется, не

соответствуют в полной мере требованиям, предъявляемым к стратегическим целям. Такая законодательная проработка позволит, на наш взгляд, более четко определять стратегические цели развития региона.

В новом поколении региональных стратегий прослеживается тенденция отказа от постановки единой генеральной цели и перехода к модели «миссия + комплекс главных стратегических целей по приоритетным направлениям».

Требования и рекомендации нормативных актов касательно использования при определении стратегических целей и приоритетов SWOT-анализа и PEST-анализа не подкреплены методическим обеспечением, в связи с чем указанные аналитические процедуры выполняются формально и прямого существенного влияния на выбор целей и ориентиров, как правило, не оказывают. Полагаем, что в Методические указания в качестве практических рекомендаций могут быть включены наработанные наукой практики в данном аспекте.

Целесообразно рекомендовать изменение формулировки целевого сценария в п. 2 Методических указаний, которая подразумевает некорректное словосочетание «достижение установленных приоритетов». Полагаем, в определении целевого сценария следует оставить только достижение целей развития.

Список литературы:

- Бухвальд Е.М.* Стратегическое планирование в России: «отложить нельзя реализовать» // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 2(12). С. 4–13.
- Ванчикова Е.Н., Осодоева О.А., Попова О.А.* Процесс стратегического целеполагания социально-экономического развития региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 5(89). С. 47–54
- Дзобелова В.Б., Олесаева А.В.* Социально-экономическая стратегия развития регионов Юга Российской Федерации // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки: Материалы XXI Международной научно-практической конференции (24 октября 2013 г.): Сборник научных трудов. М.: Издательство «Перо», 2013. С. 169–173.
- Добролюбова Е.И., Клочкова Е.Н., Южаков В. Н.* Государственные программы в регионах: анализ практики и рекомендации. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Евстафьева Ю.В.* Проблемы развертывания государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 48–66.

- Заусаев В.К.* Генеральная цель «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.»: концепция или декларация? // ЭКО. 2011. № 6. С. 178–184.
- Зонова А.В., Кислицына В.В.* Методика проведения SWOT-анализа в процессе стратегического планирования развития субъекта Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2005. № 4(19). С. 27–33.
- Кислицына В.В.* Разработка приоритетных направлений развития регионов: теоретический и прикладной аспекты: монография. Киров: Научное изд-во ВятГУ, 2017.
- Куклин А.А., Коробков И.В.* Выбор эффективной траектории социально-экономического развития региона // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 4. С. 1145–1155.
- Лапыгин Д.Ю.* Стратегические цели развития региона: проблема системности // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31(358). С. 56–66.
- Лапыгин Ю.Н., Лапыгин Д.Ю., Балахина А.А., Тулинова Д.В.* Стратегическое планирование в регионе: монография. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017.
- Ленчук Е.Б., Филатов В.И.* Стратегическое планирование — путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 35–47. DOI: [10.15838/esc.2018.4.58.2](https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.2).
- Максименко А.А., Павлова О.В.* Миссия и стратегия как центральные понятия аксиологического и стратегического менеджмента // Бизнес в законе. 2010. № 1. С. 209–211.
- Махотаева М.Ю.* Целеполагание в управлении региональными социально-экономическими системами. Псков: Псковский государственный политехнический университет, 2006.
- Рисин И.Е.* Стратегическое планирование регионального развития: современная практика, направления совершенствования: монография. М.: РУСАЙНС, 2016.
- Руденко Д.Ю.* Глобальная цель стратегии социально-экономического развития региона // Академический вестник. 2009. № 4(10). С. 15–20.
- Селюков М.В., Скачков Р.А.* О теории и практике стратегического управления социально-экономическим развитием региона // Фундаментальные исследования. 2012. № 6-2. С. 516–519.

Шпакова Р.Н. Стратегии социально-экономического развития регионов: проблемы разработки и нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2018. № 4 С. 41–49.

Tsybatov V., Mikhailovsky L. Formation of a Basic Target Plan as a Foundation of Goal-Setting in Strategic Planning for Regional Socio-Economic Development // Mediterranean Journal of Social Sciences. November 2015. Vol. 6. № 6 S3. P. 478–486.
DOI: [10.5901/mjss.2015.v6n6s3p478](https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s3p478).

Дата поступления: 19.10.2019

Shpakova R.N.

General Targets for Strategic Development Russian Federation Regions

Raisa N. Shpakova — PhD, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations at the Russian Ministry of Foreign Affairs (MGIMO), Moscow, Russian Federation.
E-mail: aglaonema2012@gmail.com

Abstract

It is not possible to ensure sustainable economic growth, to reduce dimensional economic and social inequality, to improve social welfare without reasonable distribution of the existing resources, selection of targets, long-term mechanisms and instruments of social and economic regulation, in other words — without strategic planning.

Absence of exact target-setting, relevant evaluation of strategic priorities of development and their recourses allocation hinders the process of the country's transition to the innovative development model, and brings into question solving problems of coordination between the state, business and society.

The object of this paper was to generalize the approaches adopted in regional strategies in setting the main (general) goals of socio-economic development, and identify the problems arising in this process. The provisions of the strategies related to the definition of general strategic goals were checked for compliance with regulatory requirements and recommendations, existing foreign experience. The objectives of the study were also to identify the impact of the entry into force of the Federal Law 'On strategic planning' on the processes of strategic goal-setting in regional strategies.

The paper proves that due to nebulosity of the statutory enactments provisions that regulate the targeting procedures, there is considerable discontinuity in practical approaches to strategic targeting as well as general ideas with qualitative and quantitative features. In some cases, the definition of general target in regional strategies mixes up with the one of mission. At the same time, there is a today's trend to refuse completely the general targets.

The recommendations offered by the regulatory body on how to identify the strategic targets are much outlined and are applied in practice formally, and this discourages the performance improvement in the strategic targeting.

The paper provides a list of proposals for the optimization of the federal law provisions and procedural regulations in the field of strategic planning.

Keywords

Socio-economic development, strategy, region, strategic planning, regional management, strategic target, general strategic target, strategic priority.

DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10030

References:

- Buchwald E.M. (2016) Strategic Planning in Russia: “To Postrone It is Impossible to Implement”. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii*. No. 2(12). P. 4–13.
- Dobrolyubova E.I., Klochkova E.N., Yuzhakov V.N. (2016) *Gosudarstvennye programmy v regionah: analiz praktiki i rekomendacii* [State programs in the regions: analysis of practice and recommendations]. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS.
- Dzobelova V.B., Olesaeva A.V. (2013) Social'no-ekonomicheskaya strategiya razvitiya regionov Yuga Rossijskoj Federacii [Socio-economic development strategy of the regions of the South of the Russian Federation]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki: sbornik statey XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (24 oktyabrya 2013 g.): Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow: Izdatel'stvo «Pero». P. 169–173.
- Kislitsyna V.V. (2017) *Razrabotka prioritetnykh napravlenij razvitiya regionov: teoreticheskij i prikladnoj aspekty* [Development of priority areas of regional development: theoretical and applied aspects]. Kirov: Nauchnoe izd-vo VyatGU.
- Kuklin A.A., Korobkov I.V. (2018) Selection of an Effective Trajectory of Regional Socio-Economic Development. *Ekonomika regiona*. Vol. 14. No. 4. P. 1145–1155.
- Lapygin D.Yu. (2014) The Strategic Objectives of the Region Development: The Problem of Consistency. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 31(358). P. 56–66.
- Lapygin Yu.N., Lapygin D.Yu., Balahina A.A., Tulinova D.V. (2017) *Strategicheskoe planirovanie v regione* [Strategic planning in the region]. Vladimir: Vladimirskij filial RANHiGS.
- Lenchuk E.B., Filatov V.I. (2018) Strategic Planning — the Way toward Sustainable Development of the Russian Economy. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 11. No. 4. P. 35–47. DOI: [10.15838/esc.2018.4.58.2](https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.2).
- Mahotaeva M.Yu. (2006) *Celepolaganie v upravlenii regional'nymi social'no-ekonomicheskimi sistemami* [Goal setting in the management of regional socio-economic systems]. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj politekhnicheskij universitet.
- Maximenko A.A., Pavlova O.V. (2010) Mission and Strategy as a Central Notions of Axiological and Strategy Management. *Biznes v zakone*. No. 1. P. 209–211.
- Risin I.E. (2016) *Strategicheskoe planirovanie regional'nogo razvitiya: sovremennaya praktika, napravleniya sovershenstvovaniya* [Strategic planning of regional development: modern practice, directions of improvement]. Moscow: RUSAJNS.

- Rudenko D.Yu. (2009) Global'naya cel' strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [The global objective of the strategy of socio-economic development of the region]. *Akademicheskij vestnik*. No. 4(10). P. 15–20.
- Selyukov M.V., Skachkov R.A. (2012) About the Theory and Practice of Strategic Management of Socio-Economic Development of the Region. *Fundamental'nye issledovaniya*. No. 6–2. P. 516–519.
- Shpakova R.N. (2018) Strategies of Social and Economic Development of Regions: Problems of Development and Legal Regulation. *Aktual'nye problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii*. No. 4. P. 41–49.
- Tsybatov V., Mikhailovsky L. (2015) Formation of a Basic Target Plan as a Foundation of Goal-Setting in Strategic Planning for Regional Socio-Economic Development. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6. No. 6 S3. P. 478–486. DOI: [10.5901/mjss.2015.v6n6s3p478](https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n6s3p478).
- Vanchikova E.N., Osodoeva O.A., Popova O.A. (2014) Strategic Goal Setting Process of Socio–Economic Development of the Region. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. No. 5(89). P. 47–54.
- Yevstafyeva Yu.V. (2019) Challenges of State Strategic Planning System Implementation in the Russian Federation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. No. 75. P. 48–66.
- Zausaev V.K. (2011) General'naya cel' «Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona do 2025 g.»: koncepciya ili deklaraciya? [The general goal of the Strategy of socio-economic development of the Far East and the Baikal region until 2025: concept or declaration?]. *EKO*. No. 6. P. 178–184.
- Zonova A.V., Kislicyna V.V. (2005) Metodika provedeniya SWOT-analiza v processe strategicheskogo planirovaniya razvitiya sub"ekta Federacii [Methodology of SWOT-analysis in the process of strategic planning of the development of the subject of the Federation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 4(19). P. 27–33.

Received: 19.10.2019